ВАДИМ АРЧЕР

ПЕРЕКРЕСТОК БОГОВ

Алтарь Василиска

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жители подземного государства Лур в отчаянии: магический Оранжевый шар, столетиями обогревавший своими волшебными лучами подземные плантации, внезапно начал остывать. Людям грозит голодная смерть. Мудрец Пантур убежден, что помощь нужно искать наверху: именно там живут мудрые и всесильные маги, способные восстановить энергию волшебного шара. Но в верхнем мире идет ожесточенная война. Злобный и властолюбивый маг Каморра, подчинив себе племена диких уттаков, хочет установить над землями Келады свою власть. Король Норрен пытается противостоять безжалостному авантюристу. Маги Келады, сохранившие верность королю, используют всю свою мощь, чтобы остановить нашествие дикарей-людоедов...

- Вадим Арчер
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV
  - XVI
  - XVII
  - XVIII
  - XIX
  - XX
  - XXI

Вадим Арчер

Алтарь Василиска

I

Тысячелетняя история Лура являлась историей правления женщин.

Ограниченность пространства и средств к существованию требовала женских качеств – порядка и умения рационально распоряжаться хозяйством подземного города. Одна владычица сменяла другую, передавая управление своей дочери, а в случае бездетности назначая преемницей другую женщину. Муж владычицы обычно не имел никакой власти, называясь попросту отцом ее детей. Гораздо большей властью обладал советник, которого владычица выбирала среди талантливых и энергичных жителей Лура.

Правящая владычица, Хэтоб, была красивой женщиной средних лет.

Серый пух на ее голове был густым и пышным, крупные ярко-желтые глаза – блестящими и подвижными. Два года назад она получила власть по наследству от своей матери, великой Вароб. Хэтоб легко и естественно приняла дела и обязанности владычицы Лура, к которым готовилась в течение всей жизни. И мать, и лучшие ученые города передавали знания и опыт девочке, а потом девушке Хэтайе, чтобы она была готова к дню, знаменательному в ее жизни и в истории всего города, дню, когда она наденет корону владычицы и получит право называться Хэтоб – формой имени, выражающей высшее положение среди монтарвов.

Сегодняшний день в лице Данура, советника, принес владычице дурные новости. Данур пришел с докладом вскоре после завтрака и сообщил:

– Этой ночью Оранжевый шар опять не согревал ваших плантаций.

Хэтоб, принимавшая советника сидя в кресле, встала и прошлась по комнате. Ее желто-розовое, редкого оттенка платье заискрилось под мерцающим светом декоративных растений, в избытке украшавших покои владычицы.

– Велик ли вред? – спросила она советника. – Как долго это тянулось?

– Недолго. Куда меньше, чем в прошлый раз. Все посевы уцелели, кроме… – Советник запнулся.

– Плантаций масличных семян. – Владычица догадалась, о чем не смел сказать ее советник. – Они не могут плодоносить без тепла Оранжевого шара. И это уже в который раз! В городе с весны нет масла, оттого что семена не вызревают.

– Да, урожая опять не будет. Все бутоны завяли и к вечеру опадут.

Если ничего не случится, новые бутоны появятся через месяц. Могло бы быть и хуже, как весной.

Владычица кивнула.

– Наше подземное солнце остыло тогда на несколько дней. Все посевы пришлось пересадить, – вспомнила она убытки, понесенные плантациями с весны. – Месяц назад Оранжевый шар остыл на полдня. Пропали не только масличные посевы, но и плантации высокоурожайных бобов. – Она грозно глянула на советника. – Такого не было триста лет, с тех пор как трое сверху принесли Оранжевый шар в дар великой Мороб. Я же приказала выяснить причины! И не говори мне о гневе высших сил – это лишь повод оправдать собственное неумение.

– Владычица… – склонился перед ней советник. – Вы требуете от меня слишком много…

– Я требую то, что нужно. И не столько мне, хотя это мои плантации, сколько всему Луру. Вспомни о людях, которые доверили нам свое благополучие.

– Я спрашивал об Оранжевом шаре всех наших ученых, великая, – начал оправдываться Данур. – Я не пропустил никого и из тех, кто с рождения в вашей общине, и из тех, кому оказали честь жить в ней за заслуги перед Луром.

Одни могут рассчитать направление нового подземного туннеля так, что он придет в нужную точку, не задев по пути остальные постройки, и провести водостоки так, что у каждого в городе будет вода, но ничего не будет затоплено. Другие знают, как ухаживать за растениями, чтобы добиться наивысшей урожайности или получить удивительные оттенки светящихся волокон, третьи знают все о свойствах горных пород и кристаллов, могут создавать шедевры геометрии, украшающие наши залы и переходы, да и ваши покои тоже. – Он указал на полушария сложной огранки, из которых свисали плети светящихся растений. – Но никто не знает о свойствах Оранжевого шара. Триста лет наше подземное солнце было неизменным, а как изучать то, что не меняется?

– Это ты так считаешь?

– Так ответил Пантур. Кто поставит под сомнение слова Пантура?

Того, чего не знает он, не знает никто.

Владычица задумалась.

– Я хочу видеть Пантура, – сказала она советнику. – Он склонен увлекаться исследованиями и забывать о насущных делах. Может быть, он не понимает, насколько мои плантации

важны для Лура.

– Этого не может быть, великая, – ответил Данур. – В Луре не найти человека, который не понимал бы значения ваших плантаций. Все триста лет, с тех пор как они заложены вокруг Оранжевого шара, в городе нет недостатка в одежде и питании.

– Я хочу слышать собственное мнение Пантура, – повторила владычица. – Приведи его ко мне.

Советник поклонился и ушел за Пантуром. Хэтоб села в кресло дожидаться его возвращения, но вскоре встала и подошла к растениям, украшавшим и освещавшим ее комнату. Она внимательно осмотрела их все, особенно кудрявый кустик, светящийся желто-розовым в тон ее платью, который был ее любимцем. Все было хорошо, растения были политы и пышно разрастались. Черная зеленоглазая кошка соскочила с лежанки и потерлась о ноги хозяйки, но была раздраженно отстранена прочь.

У входной двери постучали. В ответ на приглашение в комнату вошел Данур, а с ним – седой, высохший от времени старик. Это был Пантур, которого дожидалась владычица. Он выделялся среди монтарвов высоким ростом и худобой и держался прямо, несмотря на возраст. Войдя, Пантур приветствовал владычицу поклоном.

– Вы меня звали, великая? – спросил он с оттенком утверждения. – Чем могу служить вам?

– Разве Данур не рассказал тебе о том, что случилось на плантациях? Разве ты не знаешь, что с весны мы теряем урожаи самых ценных наших культур оттого, что Оранжевый шар перестает обогревать их?

– Что я могу сделать, владычица? – пожал плечами Пантур. – Растения привыкли к теплу Оранжевого шара. Они дают урожаи выше, чем на других плантациях, но не могут и нескольких дней обходиться без его тепла.

– Нужно, чтобы шар не прекращал обогревать плантации, – нахмурилась Хэтоб. – Разве это непонятно?

– Понятно-то понятно, – спокойно ответил ученый. – Но ведь шару не прикажешь.

Владычица подошла поближе к Пантуру и заглянула ему в лицо.

– Пантур, – сказала она ласково. – Неужели есть на свете такое, перед чем бессильны все твои знания?

Хэтоб верно нащупала ловушку, в которую можно было поймать старого ученого. По беспокойным движениям рук Пантура она догадалась, что он задет за живое, что ей и требовалось. Теперь делом его чести будет решить поставленную

задачу. Но ученый не спешил заверять владычицу, что найдет решение проблемы.

– Великая… – осторожно сказал он. – Этот шар создали люди сверху. Значит, и причины его странного поведения нужно искать наверху. Наших знаний недостаточно, чтобы управлять им.

– Ты опять за свое, Пантур, – вновь нахмурилась владычица. – Эта твоя идея о сотрудничестве с теми, кто живет наверху… Ты же знаешь, что наши предки ушли под землю, спасаясь от их дикости и кровожадности.

– С тех пор прошли тысячелетия, великая. Все могло измениться.

– Нам нельзя раскрывать себя, – упрямо сказала Хэтоб. – Если они задумают дурное, мы окажемся беззащитны. В отличие от них нам некуда спасаться бегством.

– Мы можем постоять за себя, – возразил Пантур. – Стоит нам засыпать несколько ведущих на поверхность ходов, и до нас никогда не доберутся.

Там, наверху, живут не только уттаки, но и другие люди, не похожие на дикарей.

Мы слишком мало о них знаем.

– Я не хотела бы знать о них слишком много. Это может оказаться опасным.

– А я хотел бы. Наши последние наблюдения говорят о том, что там появился развитый народ. Их жилища и одежда…

– Я должна заботиться не о своем любопытстве, – оборвала его Хэтоб. – На мне лежит ответственность за весь город. Это вы, ученые, так далеки от жизни, что обо всем готовы забыть ради нового факта!

– И все же, владычица, мы нужны в вашем хозяйстве, – чуть заметно улыбнулся Пантур. – Будем смотреть правде в глаза – городу угрожает голод. Вы послали за мной, потому что верите, что я могу предотвратить беду. Почему же вы считаете, что я интересуюсь людьми сверху из пустого любопытства?

Стук у входа прервал их разговор. Появился слуга владычицы и доложил, что к ней пришел глава Пятой общины.

– С важным делом, великая, – добавил слуга. Он мог бы не говорить этих слов. Только чрезвычайное событие могло заставить главу общины прийти к владычице Лура без приглашения. Хэтоб кивнула в знак согласия:

– Пусть войдет.

Глава Пятой общины отодвинул тяжелое тканое покрывало, служившее дверью, вошел в комнату владычицы и низко склонился перед ней.

– Простите, великая, – почтительно сказал он. – Дело требует

вашего внимания.

– Что случилось, Масур? – взглянула на него владычица. – Докладывай.

– Двое из нашей общины, как обычно, совершали утренний обход вентиляционных шахт. В одной из них они нашли человека сверху. Поэтому я решился побеспокоить вас.

Хэтоб искоса глянула на Пантура.

– Где сейчас этот человек? – спросила она главу общины.

– У нас. Его охраняют.

– Ты исполнителен, Масур. Хорошо, что ты не замедлил с докладом.

Проводи его сюда и передай Дануру для казни.

– Но, великая… – начал Масур. Владычица удивленно уставилась на своего подданного, намеревающегося возражать ей.

– В чем дело?

– Это особенный человек. Он знает наш язык, – все смелее говорил глава общины. – Его предки были и нашими предками. Он может рассказать все, что делается наверху. Может, не нужно торопиться с его казнью, великая?

– Ты уверен, что это не уттак? – засомневалась Хэтоб. – С уттаками не разговаривают, хоть они и знают кое-какие наши слова.

– Клянусь своей жизнью, он – человек. Хэтоб молчала, размышляя.

Масур позволил себе дерзость, оспаривая ее приказ, да и законы Лура требовали немедленной казни пленника. Но доводы Пантура все еще звучали в ее сознании, а этот человек сверху, так кстати попавший в шахту, знал язык монтарвов. Случай, безусловно, требовал особого подхода.

– Хорошо, – наконец сказала она. – Мы отложим казнь. Ты слышал, Данур?

Советник наклонил голову в знак согласия. Владычица перевела взгляд на Пантура.

– Ты возьмешь к себе этого человека и узнаешь у него все, что можно, – сказала она ученому. – Мы успеем казнить его, когда он не будет нужен.

Я надеюсь, что он не сбежит от тебя.

Пожелание владычицы было равносильно приказу, и наказание за оплошность могло быть суровым. Пантур понимающе поклонился.

– Ты доволен, Пантур? – спросила владычица. – Я и сама вижу, что доволен. Я жду, что ты устранишь причину гибели урожая, и надеюсь, что человек сверху поможет тебе отыскать ее.

Затем она обратилась к главе общины:

– Ты прав, интересы Лура требуют, чтобы этот пленник остался в живых, – подтвердила она. – Передай его Пантуру.

***

Шемма крепко спал, когда его потрясли за плечо. С трудом разлепив глаза, он увидел знакомого ему главу общины.

– Вставай, парень, – говорил тот. – Тебе повезло, владычица отложила твою казнь. Идем со мной.

– Что значит – «отложила»?! – заволновался Шемма, с которого сразу слетел сон. – Меня все еще хотят казнить? Я же ни в чем не виноват, это все уттаки…

– Сейчас я отведу тебя к человеку, у которого ты будешь жить, – объяснил ему глава общины, – а остальное зависит от тебя. Пока ты ему нужен, тебя не казнят. Так сказала владычица.

Шемма тяжко вздохнул и последовал за ним. Они вышли в овальный зал и направились к широкому туннелю.

– Смотри и запоминай, – сказал глава общины, – это тебе пригодится. У нашего города четкая планировка. Всеми новыми застройками распоряжается владычица, а вернее, ее архитектор. Иначе нельзя – любая неточность может привести к обвалу или затоплению части города. Все основные туннели делятся на кольцевые и радиальные. У каждого есть название, но главное – это номера, под которыми они нанесены на плане города. По номерам ты всегда найдешь нужный путь.

– А как я узнаю номер туннеля? – спросил Шемма, ловя каждое слово своего провожатого. Мысль о побеге, конечно, была первоочередной в голове табунщика.

– Все написано на стенах, видишь? – Глава общины указал на горизонтальные полоски регулярно чередующихся знаков, которые Шемма принимал за узоры. – Человек, который займется тобой, – выдающийся ученый. Попроси его, и он выучит тебя нашим буквам и цифрам.

– А он согласится?

– Пантур – хороший человек. Вот Данур, советник владычицы, тот недобрый. Старайся не попадаться ему на глаза.

Шемма дал себе слово никогда не попадаться на глаза Дануру. Глава общины продолжал пояснения:

– Сейчас мы вышли из Пятого радиального туннеля, который ведет в нашу, Пятую общину. А это – Второй кольцевой туннель. Нам нужно пройти по нему до Первого радиального туннеля,

который ведет в общину владычицы.

Шемма усиленно кивал.

– А что вон там? – спросил он, указывая в один из боковых туннелей.

– Это Третий радиальный. В том направлении он ведет к центру. Там у нас не живут, а гуляют, отдыхают, меняются вещами. В центре есть просторные залы, а в них сады изумительной красоты. Одно из наших любимых искусств – создание травяных картин.

– Что это такое? – не понял Шемма.

– Травяную картину начинают создавать с сосуда, стоячего или подвесного. Сосуд – это половина картины. Его вырезают из камня, украшают огранкой, наполняют землей, затем подбирают растения так, чтобы было красиво, и высаживают в эту землю. Потом картину растят и формируют, пока не добьются желаемого вида. У нас часто устраивают выставки травяных картин.

– А это тоже картины? – Шемма указал на растения в боковых желобах туннеля.

– Нет, они здесь посажены для освещения. Такие посадки освещают всю центральную часть города. В удаленных туннелях их нет, потому что им нужен постоянный уход, который там трудно обеспечить. Но наша одежда дает достаточно света, чтобы ходить везде.

– Почему ваша одежда светится? – спросил неугомонный табунщик. – Это краска?

– Нет. Некоторые сорта волокнистых растений дают светящиеся волокна, которые сохраняют свечение и после того, как растение засохнет.

Подбирая сорта, можно получить разнообразные оттенки. Самые распространенные цвета – серо-голубые. Одежду такого цвета носят многие жители.

– А редкие?

– Желтые и розовые. Одежду из таких волокон выдают за заслуги перед городом.

– У вас ничего не покупают и не продают?

– В этом нет надобности. То, что нужно для жизни, мы вместе производим и вместе используем. Необходимое мы даем каждому.

– Значит, ваша владычица не богаче любого жителя города? – удивился Шемма.

– Я сказал – необходимое, а владычице принадлежат лучшие плантации Лура, урожай с которых она распределяет, как считает нужным, – напомнил глава общины. – Это ее привилегия. Когда появится новая владычица, кто бы она ни была, она возглавит

Первую общину и весь город, а также получит в личное пользование эти плантации.

– Понятно, – сказал Шемма. – Богатство у вас зависит от положения среди других людей.

– Не совсем так, – поправил его монтарв. – Это касается только владычицы. Меня, например, избрали старшим, поэтому я могу распоряжаться имуществом и людьми своей общины. Это не удовольствие, а труд. Если я устану и откажусь от своего положения, община выберет другого. Он возьмет на себя управление хозяйством, а у меня останется только то, что принадлежит лично мне.

У нас не так ценится богатство, как почет и уважение жителей города.

– Там, наверху, все по-другому, – заметил Шемма, – Там что мое, то мое.

– Здесь не выжить в одиночку. Здесь живут общинами, и в каждой свое хозяйство и свой очаг. Чем богаче община, тем лучше живут все ее люди. Но если где-то дела пошли неладно, там помогает владычица, а если нужно, то и другие общины. Есть и городские работы – постройка туннелей, плантаций, поддержание чистоты в туннелях и шахтах. Каждая община обязана посылать людей на эти работы. Общегородскими делами распоряжается владычица. Она же решает и споры между общинами.

– А если людям не понравится, как ими распоряжаются? – спросил практичный Шемма. – Они могут выбрать другого?

– Люди могут заменить главу общины, но не владычицу. Ее правление является пожизненным и наследственным.

– А советника? – Шемма вспомнил опасного Данура.

– Он помогает владычице. Выбирать и отстранять его – ее право.

За разговором Шемма не заметил, как они оказались в просторном овальном зале, превосходившем по размерам зал Пятой общины. Здесь было светло от обилия растений, которые живописно размещались в каменных вазах, покрытых тончайшей геометрической резьбой, плоских, шаровидных, овальных, стоящих на полу и на подставках, подвешенных на цепочках вдоль украшенных барельефами стен. Кое-где на вьющихся плетях мерцали крупные цветы с полупрозрачными, радужно переливающимися лепестками. Шемма сразу понял, что перед ним – те самые травяные картины, о которых рассказывал его провожатый. Вдоль стен тянулись каменные диваны удобной формы, пол, покрытый толстым тканым ковром светлых оттенков, придавал залу уют и мягкость.

– Мы пришли, – услышал над ухом Шемма, заглядевшийся на

окружающее его великолепие. – Это центральный зал первой общины. Нам сюда.

Глава общины повел Шемму по одному из коридоров, ответвляющихся от овального зала. С обеих сторон коридора встречались короткие проходы, в глубине которых виднелись занавески, служившие здесь дверьми. Свернув в такой проход, провожатый Шеммы вынул из стенной ниши камень, похожий на пест от небольшой ступки, и постучал им в стену.

Входная занавеска отодвинулась. Из глубины вышел монтарв, ростом и сложением походивший на Шемму. Но сходство было лишь поверхностным – вместо рыхлой упитанной плоти табунщика, не успевшего в скитаниях растерять накопленный жирок, в теле Пантура чувствовалась крепость гранита, в недрах которого он родился, вырос и прожил долгую жизнь. Да и волосы лурского ученого были не белокурыми, а седыми от времени, будто бы запорошенными древней пылью.

Серо-желтые кошачьи глаза с вниманием остановились на человеке сверху.

– Спасибо, Масур, – сказал он главе общины.

Тот ушел. Шемма и Пантур остались вдвоем, молча разглядывая друг друга.

– Это ты знаешь наш язык? – нарушил молчание Пантур.

– Да, – сказал оробевший Шемма.

– Хорошо. Заходи сюда.

Табунщик прошел за дверную занавеску. Внутри не было роскоши центрального зала, к которой подсознательно готовился Шемма. Стол, диван, сиденья, пара лежанок и книги, книги, книги…

– Ты будешь жить здесь, – услышал он голос Пантура.

II

Альмарен шел вдоль ручья на север. Длинные ноги легко переносили его через камни, поваленные деревья и кучи засохших ветвей, намытые весенними потоками. Поначалу он ощущал присутствие Магистра, оставшегося сзади, на лесной поляне у ручья, но постепенно в его подсознание стало внедряться чувство растущего одиночества, одиночества вдали от жилья, среди деревьев, камней и кустарников, среди шорохов, звуков и запахов бескрайнего лесного массива на севере Келады.

В лощине, по которой тек ручей, было влажно и прохладно. Зной засушливого лета не достигал ее дна. Лесной воздух, душистый и свежий, обострял восприятие окружающего мира и в то же время смягчал тревожную настороженность Альмарена, присущую любому живому существу в чужом месте. Альмарен чутко прислушивался к лесным звукам и голосам, но они не казались опасными. Попутный уклон лощины затягивал его и заставлял спешить вперед, возбуждая безотчетное стремление скорее достигнуть ровного места.

Вслед за ощущением одиночества к Альмарену приходило понимание того, что успех дела, жизненно важного для исхода войны, теперь зависит от него, и только от него. До сих пор он во всем полагался на своего старшего друга, с которым не расставался со дня выезда из Тира и решения которого были естественными и неоспоримыми для молодого мага. Теперь на Альмарене лежала и необходимость самостоятельно принимать решения, и ответственность за эти решения. Он озабоченно хмурился, подбирая и пряча свою обычную, чуть рассеянную улыбку, и пытался угадать, как развиваются события там, впереди.

В месте слияния ручья и Руны Альмарен перебрался через неглубокий поток и пошел вниз по вздыбившейся камнями седловине тем же путем, которым сутки назад прошли Лила и Витри. Вечер застал его посреди темно-зеленых, бесконечно тянущихся вдоль реки зарослей болотного лопуха. Краешком сознания, занятого серьезными заботами, Альмарен отметил и улыбнулся тому, как, тесня друг дружку, тянутся к свету эти сочные и пахучие порождения сырости. К вечеру запах листьев сгустился и стал дурманящим, поэтому молодой маг поднялся повыше по склону, где воздух был не так тяжел, и устроился там на ночевку.

Сон не пришел сразу – непривычное чувство одиночества удерживало Альмарена в напряжении и заставляло вслушиваться

в ночь. В его сознании медленно потекли мысли-воспоминания о сегодняшнем, бесконечно длинном дне, а затем, уже в полусне, они устремились вперед, к тем двоим, кого ему предстояло догнать.

Как маг, он в первую очередь думал о черной жрице. Женщины-магини были большой редкостью на Келаде. Суарен говорил, что способности к магии встречаются у женщин не реже, чем у мужчин, но на деле все эти женщины предпочитали жить обычной жизнью – иметь семью, очаг, хозяйство, растить детей.

Оранжевые жрицы – а ими становились красивые девушки из бедных семей, – как правило, выходили замуж, лишь только им удавалось скопить на приданое, и забывали о магии. Женщина, которая сделала бы магию своим основным занятием, пока еще не встречалась Альмарену, поэтому существование черной жрицы удивляло его, как любое необычное явление, и приковывало его внимание к этой странности.

По пути к Бетлинку Альмарен пробовал обсудить с Магистром волнующую его тему, но каждый раз наталкивался на упорное молчание друга, равнодушного ко всем женщинам, в том числе и к жрицам. Сейчас, в полудреме, воображение молодого мага вырвалось на свободу, и он пытался представить со слов Вальборна, как она выглядит, кто она такая, что она такое, эта женщина в одежде крестьянского мальчика, о способностях которой с таким восхищением отзывался Цивинга. И кто с ней – этот белокурый подросток, ее спутник? Здесь крылась тайна, интригующая Альмарена. Эти двое сумели узнать о Красном камне на острове Керн и о посланце Каморры, отправились в погоню – храбрые ребята! И вновь Альмарен вспоминал, что один из них – женщина. Было далеко за полночь, когда он наконец заснул на склоне оврага, в маленьком углублении у корней корявого дерева, так и не разрешив загадки.

С первыми лучами солнца Альмарен продолжил путь. Утром он сразу увидел то, чего не замечал в вечерних сумерках, – полоску примятых листьев болотного лопуха, тянущуюся вдоль подножия склона. Пойдя по следу, он вскоре нашел в вязкой почве отпечаток крестьянского башмака, точно такой же, как и у ручья на поляне, где остался Магистр. Находка окрылила Альмарена. Он был на верном пути и надеялся через день-другой догнать двоих путников, а возможно, и самого посланца.

К полудню заросли болотного лопуха пошли на убыль. Окрестности все больше напоминали Альмарену Оккадские скалы неподалеку от Зеленого алтаря. В детстве, когда Альмарен обучался магии в Оккаде, он часто бывал там со своим другом Риссарном, несмотря на запреты старших магов. Зачинщиком

этих походов был не он, непоседливый мальчишка, а его спокойный и уравновешенный приятель.

Отец Риссарна был ремесленником из Келанги. Будучи искусным резчиком по дереву, он держал небольшую мастерскую, где вместе с несколькими помощниками изготавливал резную мебель для зажиточных горожан. Риссарна, как и Альмарена, отдали учиться в Оккаду, когда выяснилось, что он способен быть магом. Мальчики почти одновременно появились на Зеленом алтаре и быстро сдружились.

Они не были схожи, а скорее дополняли друг друга. Риссарн казался медлительным по сравнению с Альмареном и оттого выглядел старше, хотя оба были одногодками. Он с детства привык к ремеслу резчика, поэтому с первых дней жизни на Зеленом алтаре увлекся искусством изготовления эфилемовых изделий. Альмарен, забывая любимые книги, мог подолгу смотреть, как работает его друг. Тот брал приглянувшийся эфилемовый обломок, бережно ощупывал и разглядывал его, угадывая, какая вещь скрыта в бесформенном куске, затем подвязывал волосы узкой кожаной лентой, выкладывал на стол резцы всевозможных размеров и принимался за работу. Было что-то красивое, завораживающее в его точных, неторопливых движениях, в том, как он меняет резцы, открывая глаза или нанося завитки шерсти очередной фантастической зверушке.

Риссарн никогда не бывал доволен кусками эфилема, доставшимися ему от старших. Он без труда уговаривал Альмарена нарушить общеизвестные запреты и пойти с ним в скалы за эфилемом. Они тайком убегали с Зеленого алтаря: Альмарен – налегке, Риссарн – с котомочкой для камней. Путь до месторождений эфилема был неблизок, поэтому поход нередко затягивался на целый день. Риссарн подолгу выбирал камни, вертел их и рассматривал.

Далеко не каждый кусок эфилема удостаивался чести быть опущенным в котомочку. Альмарен успевал слазить на все окрестные вершины и посмотреть оттуда на Оккаду, на Зеленый алтарь, на своего друга, неподвижно склоненного над очередным камнем и лишь изредка отбрасывающего назад длинные белокурые волосы, а тот все выбирал нужные куски, так же тщательно, как делал любое дело.

Друзьям редко удавалось вернуться незамеченными – они пропускали обед, да и куски эфилема были свидетельством их провинности. Суарен вызывал их к себе, журил и требовал обещания, что этого больше не повторится. Они давали обещание, но вскоре у Риссарна кончался эфилем, и все повторялось.

Теперь Альмарен понимал, что учитель закрывал глаза на их

эфилемовые вылазки, ограничиваясь формальным внушением. Совсем не безобидно кончался другой вид запрещенных вылазок – когда Альмарен зазывал Риссарна пойти искупаться в Тионе. Альмарен любил плавать. Завидев реку, он пускался бежать вниз по прибрежному лугу, далеко отрываясь от бегущего сзади Риссарна, который пользовался ногами для бега куда менее уверенно, чем резцами для изготовления поделок. Эти прогулки чаще оставались нераскрытыми, но, если Суарен узнавал о них, последствия в виде добавочных хозяйственных работ не заставляли себя ждать.

«Здесь должен быть эфилем», – думал Альмарен, оглядывая каменистые склоны оврага. Сочетания пород были теми же, какие он видел в горах, сопровождая Риссарна. Молодой маг стал внимательнее смотреть под ноги и действительно заметил среди обычной гальки обкатанные водой эфилемовые камни.

Он поднял и взял с собой несколько особенно понравившихся эфилемовых галек, полупрозрачных и светло-золотистых, как свежий луговой мед.

Летняя жара не утомляла здесь, во влажных северных лесах, поэтому Альмарен, почти не уставая, шел от темноты до темноты. Утром и вечером он съедал по куску дорожной лепешки, чтобы не выдавать себя светом костра.

Впрочем, и днем он разводил огонь лишь для приготовления травяного чая, потому что поварские таланты Альмарена на этом и начинались, и заканчивались. Он выбирал укромные места для ночевок и засыпал прямо на камнях, без одеяла, которого не взял в расчете на жаркую погоду.

Чувства Альмарена обострились, он выучился угадывать и различать по голосам мелких и крупных зверей и птиц. Иногда он просыпался по ночам от присутствия поблизости крупного зверя, явственно ощущая его в темноте – скрытое напряжение мускулистого тела хищника, его неслышные шаги и осторожный поворот головы. Но зверь уходил, не смея в летнее сытое время напасть на незнакомую добычу, и Альмарен вновь откидывался на землю и выпускал из руки меч. В такие мгновения он вспоминал Тревинера, который во сне мог чувствовать приближение постороннего, и больше не удивлялся необычной способности охотника.

Тревинер предупреждал Альмарена, что в среднем течении Руны живут уттаки, поэтому молодой маг с каждым днем все внимательнее всматривался и вслушивался в лес. Прошла неделя пути, когда он, поднявшись с ночевки, заметил впереди, в расширении оврага, просвет поляны. Осторожно выглянув из-за кустов, Альмарен увидел на поляне конические шалаши из

звериных шкур и снующих между ними уттаков. Он понял, что ночевал в опасной близости от дикарей, и порадовался, что не набрел на их поселение вчера, когда искал место для ночлега. Скрывшись в лесу, он обошел поляну по противоположному склону оврага и отправился дальше, не замеченный уттаками.

***

Лила и Витри еще до зари оставили свой неудобный ночлег. Они долго пробирались к оврагу, укрываясь в тени скал, чтобы не привлечь внимания проголодавшихся за ночь василисков. На поросшем лесом склоне они вздохнули свободнее, потому что огромные крылатые ящеры охотились только на открытых местах. Оставалась вторая забота – не наскочить на уттаков, спастись от преследования которых можно было лишь на скалах, в логове у ящеров. Со всеми предосторожностями Лила и Витри спустились к реке. Там они попили воды и умылись, съели по дорожной лепешке и пошли вниз по течению, торопясь покинуть опасные места.

Задержка в пути, пусть и небольшая, тревожила магиню. Лила прибавила шаг, и Витри с удивлением обнаружил, что вновь едва успевает за своей спутницей. Дневной привал был короче обычного – чтобы не тратить времени на приготовление горячей пищи, они перекусили дорожными лепешками и почерствелым, съежившимся сыром, сполоснули в рунской воде уставшие ноги и продолжили погоню за посланцем Каморры.

Река текла в сплошном каменном русле, пенясь у береговых выступов и свалившихся в воду валунов. Западный берег становился выше и круче, зато восточный хирел и отступал, вырождаясь в плавно поднимающуюся каменную насыпь, поросшую тощим кустарником. Вдали за ней виднелся лес – там проходил восточный край Оккадского нагорья. Из-за нехватки плодородной почвы растительность иссякла – измельчали кусты, пропали прибрежные травы и водоросли. Древесное разнообразие сменилось изредка встречавшимися странными деревьями. Корявые и бесформенные, они, как чудовищные пауки, припадали толстыми, узловатыми стволами к питавшим их камням, выставив к солнцу ветви, будто изломанные ураганом или обвалом.

– Что это за дерево? – спросил Витри магиню, когда они проходили мимо одного такого страшилища.

– Это уссухак – ползучий дуб, – ответила Лила, сорвав с дерева лист и показав лоанцу. Лист, действительно, по форме походил на дубовый, хоть и был вдвое мельче. – Он растет в скалах, среди ветров, на бедной почве, где не могут расти другие деревья.

– Здесь нет других деревьев? – забеспокоился лоанец. – А там, на берегу, там так же? Из этого дерева не получится хороший плот.

– Не получится, – подтвердила магиня. – Если тебе удастся срубить уссухак и не сломать топор, плот все равно потонет в воде.

Витри отломил прутик дерева и опустил в воду. Прутик подержался на плаву, но затем медленно, будто нехотя, пошел на дно.

Они пробирались вдоль западного берега реки, то по голому гранитному берегу, то через образованные камнепадами завалы и мелкие ручьи, стекавшие с нагорья в Руну. На следующий день они дошли до слияния Руны с Нижней Рункой, ее восточным притоком. Руна, вдвое увеличив ток воды, перестала быть безобидной мелководной речушкой, которую можно было в любом месте перейти вброд. К океану стремилась бурная речка с быстрым, сбивающим с ног течением, с крутыми и скользкими каменными берегами, случайно свалиться в которую было бы опасно. Теперь Лила и Витри, преодолевая препятствия, старались держаться подальше от мутно-зеленоватой бурлящей воды.

Встреча с посланцем Каморры оказалась для них неожиданной, так как они думали, что отстают от него на сутки. Когда они поравнялись со скалой, одиноко торчащей на восточном берегу реки, темное пятно в тени скалы зашевелилось и оказалось человеком в уттакской одежде, но с черными, достигающими плеч волосами. Для Боваррана эта встреча была еще большей неожиданностью, чем для Лилы и Витри. Какие-то мгновения полууттак и люди разглядывали друг друга, затем Бовaрран, догадавшийся, что перед ним те двое, о которых говорили охотники, снял с плеча лук. Лила рванула Витри вниз и бросилась рядом с ним на камни. Стрела просвистела над ними, ударилась о скалу и отскочила к воде. Почти вслед за ней просвистела вторая стрела. Витри вскрикнул.

Бовaрран издал злорадный вопль. Лила, затащив лоанца за валуны, выглянула в щель между камнями и увидела полууттака у самого края воды, с луком наготове. Он боялся лезть в бурную воду Руны и теперь ждал, когда кто-нибудь из них неосторожно высунется из-за камней. Следующая стрела ударила в камень

рядом с лицом магини, после чего Лила больше не решалась подглядывать.

– Витри! – шепнула она. – Что случилось?

– Стрела, – сдавленно ответил тот. – Попала в плечо.

– Терпи. Когда он уйдет, я вылечу тебя. Однако Боварран не торопился уходить. Он видел, что люди укрывались за камнями, но не мог достать их стрелой. Лишь расстреляв впустую еще пяток стрел, он оставил попытки убить этих двоих и пошел дальше. Лила проводила взглядом черную фигуру, удаляющуюся по противоположному берегу.

– Показывай, что у тебя, – обернулась она к лоанцу.

Витри сел и повернулся к ней левым плечом. Стрела рассекла одежду и мышцы на его плечевом суставе. Лила резким движением выдернула ее. Витри вскрикнул и зажал рану рукой.

– Снимай мешок. – Магиня помогла ему сбросить лямки с плеч. – Нам нужно уйти с этого места. Здесь, на берегу, мы как в ловушке.

– Куда? – Витри взглянул вверх, на отвесный склон.

– Правильно, туда. – Лила взвалила на себя мешок Витри. – Потерпи еще, пока мы не найдем место, где нас не видно с берега.

Они вскарабкались вверх по склону. Наверху, на скалах, Лила усадила лоанца поудобнее, оголила ему плечо и занялась раной. Витри, в полуобморочном состоянии от боли и испуга, привалился к мешкам, думая о том, как бесславно закончился поход за Красным камнем.

– Догнали, называется… – пробормотала магиня как бы в ответ его мыслям. Она потрясла пустые фляжки, но промывать рану было нечем. Ни ей, ни ее спутнику не пришло в голову тащить на себе воду, идя вдоль воды. Недовольно вздохнув, она протянула пальцы над раной.

Витри увидел, как на руке магини засветился перстень, и одновременно почувствовал тепло, почти жжение, идущее с ее пальцев. Очень скоро рана перестала болеть, а затем начала закрываться на глазах у лоанца. Когда на ране образовалась твердая корка, Лила опустила руки и сказала:

– Пока достаточно. Я долечу ее сегодня вечером… или нет… завтра, на дневном привале…

Ее голос звучал глухо, она не скрывала изнеможения. Вдали от алтаря, с одним перстнем, на лечение раны уходило немало сил. Магиня прислонилась к мешку рядом с Витри, закрыла глаза и затихла, но вскоре подняла голову.

– Ты можешь идти, Витри? – спросила она.

– Я попробую.

Остаток дня сохранился в памяти лоанца как провал,

заполненный зноем и сушью. Лишь под вечер, когда они нашли воду и смогли наконец напиться, он почувствовал облегчение. Магиня совершенно выбилась из сил – ей пришлось тащить на себе оба мешка. Она еле дошла до воды, чтобы ополоснуть покрытое потом и пылью лицо, и тут же опустилась на землю отдыхать.

Лила и Витри шли по скалам еще двое суток, пока не заметили впереди голубую дымку океана. Лила указала на нее лоанцу и улыбнулась, и тут он осознал, как давно не видел улыбки своей спутницы, – Завтра, еще до полудня, мы будем на берегу, – радостно сказала она.

– У него лук и секира, – невпопад ответил Витри. – А мы безоружны.

– Раз мы не можем сражаться, нам нужно опередить его, – сказала магиня, ускоряя шаг. – И нам, и ему предстоит переправа, а уттаки не умеют плавать. Еще не все потеряно, Витри!

На следующий день, преодолев очередной подъем, они замерли на месте, пораженные открывшимся видом на океан. На лоанца нахлынули мысли о том, как мала Келада, через которую он то шел, то ехал верхом долгих полтора месяца, как отчетливо видно здесь, на краю земли, что она – всего лишь часть огромного, необъятного мира.

Скальный массив Оккадского нагорья круто обрывался к океану, оканчиваясь в воде узкой полоской пляжа. На океане стоял мертвый штиль, в зеленоватой воде отражалось знойное солнце. За проливом виднелся гористый, лесистый остров Керн. В дальнем конце острова, почти растворяясь у горизонта, маячил голубоватый конус вулкана, с вершины которого столбом поднимался дым.

Справившись с первым впечатлением. Лила вспомнила о посланце Каморры. 0на пристально оглядела сверху и берег, и океанскую гладь, но нигде не было ни души. Путники начали спускаться по крутому, подмытому волнами обрыву, не думая ни о чем, кроме выскальзывающих из-под ног камней. Когда они оказались внизу, магиня сбросила мешок и обувь, побежала к океану и опустила руки в прозрачную зеленоватую воду.

– Океан, Витри! Соленая вода! – Она пробовала на язык капли и радовалась, как ребенок. – Вот здорово!

Восторженное настроение не лишило лоанца практичности. Он вдыхал полной грудью влажный, пахнущий океаном воздух, но не забывал, что ему, рыбаку, нужно обеспечить переправу на Керн. Витри и представить себе не мог, что пролив между Келадой и островом окажется таким широким. Лоанское озеро, бывшее пределом его понятий о ширине водной глади, казалось

мелкой лужей, жалким болотцем по сравнению с Кернским проливом. Витри прикинул размер плота, нужного для переправы, вынул топор, но так и остался стоять с ним в руке. Деревьев не было.

– Лила! – позвал он плещущуюся в океане магиню. – Здесь нет деревьев!

Лила вылезла из воды на берег и подошла к лоанцу.

– Вон деревья, – указала она в расщелину, где торчали два тощих ствола, укрытые выступом скалы от северных ветров.

– Какие же это деревья! – с досадой сказал Витри, – Их и на половину плота не хватит.

Магиня посмотрела вдоль берега. Его западный край был гол и пуст, но в восточном направлении, там, где кончались скалы Оккадского нагорья, край леса доходил почти до самой воды.

– Туда! – встрепенулась она, но тут же осеклась. – Ты умеешь плавать, Витри?

– Немножко.

– И я – немножко. Там же устье Руны! Нам через него не перебраться.

Лила и Витри все-таки дошли до устья реки, с ревом врывающейся в океан, и убедились, что в этом направлении путь закрыт. Теперь было ясно, что несколько дней назад они пошли не тем берегом. Река, спасшая их от посланца Каморры, стала неодолимым препятствием.

– Там есть два дерева, – сказала опечаленная Лила. – Руби их, а я пойду по берегу и поищу Другие.

Рана уже не мешала Витри держать топор. Она полностью зажила после того, как магиня еще дважды лечила ее на привалах. Он срубил и очистил от сучьев оба дерева, связал их в плот, а Лила все не появлялась. Лоанец присел дожидаться ее и вдруг увидел лодку, отчалившую с восточного края берега.

Человек в лодке греб неумело, но размашисто.

– Витри! – услышал он голос Лилы, которую не заметил, увлекшись наблюдением. – Я прошла далеко по берегу. Там ничего нет, но у меня появилась мысль…

– Посмотри туда, – перебил ее Витри. – Это ведь он, посланец Каморры! Он нашел лодку – неужели на берегу живут люди?!

Действительно, Боварран нашел лодку, но не у людей, а в прибрежном племени уттаков. Племя встретило его враждебно, но «дабба-нунф» и здесь подействовало безотказно. Он взял лучшую лодку и поплыл на остров, а ограбленные дикари не посмели даже высунуться из леса, куда они сбежали от страшного посетителя. С лодки Боварран заметил две фигурки на берегу океана и уверился, что они преследуют его. Конечно, полууттак

не боялся этих людей, показавшихся ему слабыми и безоружными, но что-то похожее на беспокойство поселилось у него внутри.

– Опять мы отстали! – с досадой сказала Лила, не отрывая взгляда от полууттака. – Ты сделал плот, Витри?

Лоанец указал на собственное творение.

– Плот не выдержит и одного человека, – сказал он. – Нужно еще хотя бы два бревна.

– Их нет. Но я сейчас попробую другое… – В голосе Лилы прозвучало необычное оживление. Она встала на широкий камень у самой воды и запела.

Это была старинная, протяжная песня, сохранившаяся еще со времен первого правителя. Легкий и чистый голос женщины взлетел и разлился над океаном, рассказывая о бездонных глубинах… о кораблях скорлупками качающихся на волнах… о бесконечных расстояниях, о тяжелых зимних штормах, о гигантских волнах, одиноко бредущих по океану… о глубинном звере-дорфироне – спасителе моряков… о могучем и добром дорфироне, который приходит на помощь, когда нет надежды… Лила обращалась к дорфирону, просила его, уговаривала, повторяя и повторяя зовущий, взволнованный напев.

Зеркальная поверхность воды зашевелилась и разошлась кругами. Из глубины показался мокрый и блестящий панцирь водяного гиганта, затем клиновидная, покрытая щитками голова. Дорфирон остановился у самого берега, наполовину высунувшись из воды. Длинное тело водяного броненосца было прикрыто тремя округлыми роговыми пластинами, заходящими друг за друга, горизонтальный лопатовидный хвост загребал воду, удерживая зверя на плаву.

– Вот и лодка. – Лила кивнула Витри, чтобы он следовал за ней, и взобралась на мокрую спину дорфирона. Лоанец не задумываясь вскарабкался позади магини и обхватил ее за пояс. Последние несколько дней перевернули его представления об опасности.

Витри почувствовал, как напряжена его спутница, и понял, что она силой магии удерживает зверя в подчинении. Она развернула дорфирона и направила к острову, похлопывая его ладонями то справа, то слева. Дорфирон мощно плыл, загребая лапами-ластами против течения, остров Керн приближался, и вскоре жесткая морда водяного броненосца уткнулась в песчаный берег. Лила отпустила зверя и села выливать воду из башмаков.

– Получилось, – подняла она к лоанцу осунувшееся, но довольное лицо. – Мы обогнали его.

Витри не сразу понял, что она говорит о посланце Каморры, –

слишком заняты были его мысли диковинным зверем. Он посмотрел туда, куда указывала магиня. Человека в лодке сносило к восточному краю острова, он с трудом выгребал против течения.

– Невероятно, – сказал Витри, имея в виду дорфирона. – Как ты это сделала? Это песня-заклинание, да?

– Сама не знаю, – ответила Лила. – Шантор говорил мне, что любое слово может стать заклинанием, если сумеешь вжиться в него. Эта песня – мне всегда казалось, что в меня входит частица океана, когда я пою ее. А сейчас… я почувствовала себя океаном… это по мне, как морщины по лицу, проходили гигантские волны, это на моей поверхности качались корабли. Я отыскала в себе дорфирона – он был близко и щипал подводную траву. Они, оказывается, едят траву, Витри!

У Витри отлегло от сердца. Дорфирон был не опаснее Буцека.

– А затем я стала дорфироном и поплыла наверх, к нам. Труднее всего оказалось действовать за себя, но не выпускать дорфирона из повиновения.

– Значит, теперь ты в любое время можешь вызвать дорфирона? – восхитился Витри.

– Не уверена. Такая магия забирает много сил, к тому же нужно особое внутреннее состояние. Я не так велика, чтобы в любое время вмещать в себя океан.

Последние слова Лилы не убавили восхищения у лоанца. Украдкой он придирчиво рассмотрел магиню пытаясь увидеть в ней хоть какие-то признаки ее удивительной способности. Но сколько Витри ни глядел на нее, он видел все ту же маленькую, уставшую женщину, похожую на деревенского подростка в своих промокших до колен крестьянских штанах и с растрепавшимися от ветра короткими волосами. Эти маги ничем не отличались от обычных людей… и все-таки отличались.

***

Альмарен миновал уттакскую стоянку и пошел западным берегом, чтобы держаться подальше от дикарей. Его беспокоило, что уже несколько дней ему не встречалось никаких человеческих следов. Жрица и ее спутник могли попасться уттакам – несмотря на магию, она была всего-навсего женщиной, да и сопровождавший ее мальчик вряд ли был хорошим воином. Полусонный от жары, Альмарен шел вдоль подножия обрыва по

голому каменистому берегу Руны. Вдруг уттакская стрела, лежащая на пути, мгновенно согнала с него всю дрему.

Ни охотников, ни жертв нигде не было. Вокруг валялось еще несколько стрел. За камнями он увидел капли крови, они непостижимо ярко выделялись на однообразно-сером фоне. Альмарен понял почему, когда провел пальцами по каплям – кровь была свежей, не успевшей засохнуть. Совсем недавно эта стрела попала… в кого?! Он заторопился вперед, будто там маячил ответ на поставленную загадку, но вскоре обрыв отвесной стеной вплотную подступил к реке. Следовать дальше этим путем было невозможно.

Альмарен растерялся, не понимая, куда исчез тот, чью кровь он видел на камнях. С места, где стоял маг, было два пути – либо назад, либо в Руну. Второй путь казался немыслимым, поэтому Альмарен пошел назад. Когда он вернулся к стрелам, то увидел, что редкие капли крови ведут вверх, на обрыв.

Выругав себя за глупость, он полез следом, но и там никого не встретил.

Еще двое суток, до самого океана, Альмарен шел в одиночестве. В жаркий полдень, поднимаясь на затяжной подъем, он услышал песню, доносящуюся с берега. Голос женщины, легкий и чистый, струился, как горный родник по Оккадским скалам, взлетал и замирал, восторгался и тосковал, и умолял, умолял его о чем-то прекрасном. Альмарен замер на полушаге, боясь пропустить каждый звук, слетающий с губ невидимой певицы. Когда песня смолкла, он, забыв о жаре и усталости, бегом преодолел последний подъем, с которого открывалась бесконечная голубизна океана.

Нет, Альмарен остановился наверху не для того, чтобы полюбоваться видом на океан. Задыхаясь от бега и волнения, он искал глазами тех, за кем гнался от самого Бетлинка, – черную жрицу и ее спутника. Он увидел их посреди пролива на спине огромного бочкообразного существа. А чуть дальше, к востоку, – лодку и в ней человека, изо всех сил выгребающего против течения.

Сломя голову Альмарен спустился вниз с обрыва, хотя было ясно, что он опоздал. На берегу лежал крохотный плот, аккуратно сработанный, но не способный поднять и одного человека. Решение мгновенно сложилось в голове молодого мага. Он разделся, уложил на плот меч и вещи, закрепил их веревками, спустил плот на воду и, толкая его перед собой, поплыл через пролив.

Из-за сильного течения он едва не проскочил остров. Плот снесло далеко к востоку-еще немного и он угодил бы в открытый

океан. Когда вконец обессилевший маг вытащил свое суденышко на песок на берегу давно никого не было. Превозмогая усталость, он оделся и пошел вглубь острова Керн, по направлению к вулкану.

III

Вернувшись на поляну у ручья, Ромбар увидел, что ночная тьма сменилась сизыми предрассветными сумерками. Он незаметно для себя пробыл в замке целую ночь. «Вернулся с пустыми руками, переполошил весь замок, и кто знает, вышел ли бы оттуда живым, если бы не Вайк… – мысленно подытожил он ночные события. – А я-то его брать с собой не хотел, да Норрен уговорил, к счастью».

Ромбар поискал клыкана взглядом, чтобы поощрить его. Пес сидел у двери подземного хода и зализывал раны. Встревоженный Ромбар осмотрел пса. Обе раны – и на боку, и на лопатке – были нанесены уттакской секирой, и обе были неопасны.

– Хорошая собачка… – приласкал он клыкана, – прочная… Вояка ты мой храбрый…

Пес оскалился в собачьей улыбке, до корней обнажившей белые клыки.

– Нам надо уходить отсюда. Сдюжишь? – Ромбар заговорил с псом, как с человеком, почему-то чувствуя уверенность, что тот понимает его. Клыкан поднялся, всем видом выразив готовность отправиться в путь.

Кони, вся четверка, паслись у ручья. Ромбар заседлал и завьючил своего Тулана, затем Наля. Чуть подумав, он взнуздал и остальных коней.

«Лучше уж вернуть таких красавцев хозяину, чем бросать их на произвол судьбы… Теперь я как тимайский торговец лошадьми, едущий на ярмарку в Цитион», – позабавился он собственным видом, вскакивая в седло и посылая Тулана вперед.

К следующему полудню Ромбар добрался до Оранжевого алтаря. На подходе его остановил патруль, выставленный на лесной дороге Вальборном, но, узнав друга правителя Бетлинка, так лихо расправлявшегося с уттаками в бою за алтарь, воины дружно приветствовали его и пропустили дальше.

В поселке он оставил коней на попечение воинов и отыскал Вальборна. Правитель Бетлинка, увидев Ромбара, с радостной улыбкой пошел навстречу.

– Это вы. Магистр?! Вернулись?! Надеюсь, ваша поездка была успешной?

Ромбар медлил с ответом. Он не привык рассказывать о своих неудачах. Взгляд Вальборна остановился на израненной шкуре клыкана.

– У вас была стычка, – понял он и спросил с тревогой в голосе:

– Альмарен?!

– Нет-нет, с ним все в порядке, – поспешил ответить Ромбар. – То есть… когда мы расставались, он был жив и цел.

– Разве вы расстались?

– Вот об этом я и хочу поговорить с вами, Вальборн. Он отправился на Керн за Красным камнем.

– Один?

– Я обещал Норрену вернуться, когда его армия подойдет к Босхану, а это случится самое позднее через две недели. Я там действительно нужен, иначе я не послал бы парня одного. Вальборн понимающе кивнул.

– Поверьте мне, Вальборн, от того, удастся ли Альмарену получить Красный камень, может зависеть исход всей войны. Поэтому я прошу вас – помогите ему!

– Конечно, помогу, в любом случае, зависит от этого что-то или не зависит, – просто сказал Вальборн. – Что я должен делать?

– Через месяц он пойдет обратно. Нужно помочь ему добраться до Босхана.

– Я понял. Не сомневайтесь, Магистр, мы встретим его и проводим до Босхана. Я пошлю Тревинера, это как раз для него.

– Вот и прекрасно, – с облегчением сказал Ромбар. – Теперь я уеду отсюда со спокойной душой.

– Разве вы уезжаете прямо сейчас, Магистр? Давайте хотя бы отобедаем вместе… – Вальборн выглянул в дверь и потребовал обед на двоих. – Да вы и не все мне рассказали, не так ли?

– Самое главное я уже сказал. Что вас еще интересует?

– Черная жрица. Вы ее догнали? Я чувствую себя виноватым, что не прислушался к ней.

– Нет. До Бетлинка мы их не видели. Они опередили нас.

– Но это невозможно! – Вальборн встревожился. – Значит, они либо наскочили на уттаков и погибли, либо спрятались в лесу, приняв вас за врагов.

– Оказалось, есть и третья возможность, – усмехнулся Ромбар. – Они стянули у вас двух великолепных коней и преспокойно доскакали до замка верхом.

Я привел коней назад. Пожалуй, это единственное, что мне удалось в поездке.

– Мне никто не говорил о пропаже коней, – недоуменно сказал Вальборн. – Впрочем, могли и не доложить. Кони – забота воинов, я не обязан следить за ними.

Внесли обед, и Вальборн пригласил своего собеседника за стол.

– Присаживайтесь. Так какая у вас там была стычка?

– Я был в замке, – нехотя ответил Ромбар. Ему показалось

невежливым совсем не отвечать на вопрос Вальборна. – Дело в том, что Каморра присвоил мою вещь. Мне не удалось вернуть ее, но я присвоил кое-что из его вещей.

Вальборн внимательно посмотрел на Ромбара;

– Что это за вещь, за которой потребовалось ехать в Бетлинк?

– Она не имеет отношения к нашим совместным делам, – покривил душой Ромбар. – Зато я узнал там одно важное заклинание – «дабба-нунф».

Вальборн так и зашелся хохотом.

– Я достаточно близко знаю уттаков, – сказал он, отсмеявшись, – и кое-что из их языка – тоже. Если бы мне пришло в голову, что это важное заклинание может заинтересовать вас, я давно научил бы вас ему.

– Сначала выслушайте меня, Вальборн, а там посмотрим, захотите ли вы смеяться. – Ромбар рассказал то, что узнал в своей вылазке о белых дисках.

– Если бы у нас были такие диски, мы подчинили бы себе уттаков, – заметил Вальборн, дослушав рассказ.

– Имея такие диски, мы сами оказались бы в подчинении у Каморры, – напомнил Ромбар. – Их ни в коем случае нельзя держать при себе, запомните это.

Вальборн рассеянно кивнул. Ромбар отодвинул пустую тарелку и встал.

– Мне пора ехать, – сказал он. – Идемте, я верну вам коней.

– Вы ошиблись. Магистр, это не наши кони, – покачал головой правитель Бетлинка, когда они спустились во двор к коновязи. – Таких коней нет ни у кого в моем войске, включая меня самого. Мой жеребец той же породы, но уступает этим.

– Тогда оставьте их у себя, пока не отыщется хозяин. У меня и с Налем будет достаточно хлопот. – Ромбар отвязал Тулана и Наля, готовясь выехать. – Да, вы уже отправили жрецов храма Мороб в Келангу? – вспомнил он заботивший его вопрос.

– Жрицы уехали два дня назад с обозом, – ответил Вальборн, – а жрецы остались здесь.

– Отправьте их отсюда немедленно. Приказной тон Ромбара очень не понравился Вальборну.

– Вы по-прежнему считаете. Магистр, что мое войско не в состоянии защитить алтарь? – спросил он с холодком в голосе.

– С тех пор не случилось ничего, что могло бы изменить мое мнение, – ответил тот. – И я по-прежнему советую вам отступить без боя, если сюда вновь придут уттаки.

– Простите, Магистр! – резко сказал Вальборн. – Но ваш совет – это совет… – он запнулся, – совет человека, слишком уж осторожного!

Глаза Ромбара сузились и стали жесткими.

– Не вынуждайте меня напоминать вам, что только… – Выдержав паузу, он с нажимом договорил:

– Люди, слишком уж беспечные, учатся на своих ошибках, пренебрегая чужим опытом. Счастливо оставаться!

Он вскочил в седло и галопом выехал со двора.

***

Скампада провел ночь в скалах, на поляне, указанной Цивингой. Он просыпался от малейшего звука, но тревога каждый раз оказывалась ложной – то резкий крик ночной птицы, то фырканье пасшегося поблизости коня. Чуть свет Скампада собрался и поехал лесом южнее деревни, чтобы попасть на дорогу, ведущую в Келангу. Он видел бой на деревенских улицах и узнал форму воинов Берсерена, но не испытал ни малейшего желания задержаться, чтобы выяснить подробности. Сыну первого министра было вполне достаточно того, чего он уже натерпелся в этой поездке.

К концу дня Скампада догнал беженцев, бредущих с детьми и узлами в глубь острова, подальше от опасности. Какое-то время он обгонял усталые, запыленные группы людей, затем вновь поехал в одиночестве. На третий день пути он увидел за деревьями упирающуюся в небо верхушку смотровой башни Келанги.

Здесь еще не знали о нападении на Оранжевый алтарь. Группа стражников, поставленная у Тионского моста, не обратила на проезжего путника никакого внимания. По случаю полуденной жары стражники забрались в жидкую тень прибрежных кустов и с увлечением играли там в фишку. Скампада свернул к ним, чтобы сообщить об уттакском налете, а затем въехал в город.

Он прожил в Келанге последние пять лет, с тех пор как обстоятельства вынудили его покинуть Босхан. Сын первого министра обосновался в торговом доме Келанги, единственном на острове. Этот дом был построен на налоги с горожан и считался городской собственностью. Его длинное мрачноватое здание располагалось рядом с главным городским рынком. В доме имелись гостиничные комнаты для приезжих купцов, комнаты для деловых переговоров, а также ресторан и трактир. Скампада, человек весьма компанейский, целые дни просиживал в комнатах для переговоров, высматривая возможность поболтать

с тем или другим посетителем.

Из умело нацеленных бесед и обрывков чужих разговоров сын первого министра составлял полную картину текущего положения на рынке. Он обобщал полученную информацию, делал выводы и благодаря этому мог предсказывать, как пойдет торговля тем или иным товаром, советовать, где, когда и что выгоднее продавать в этом сезоне. Многие купцы прекрасно знали Скампаду и нередко пользовались его советами, чтобы улучшить торговлю.

Скампада не давал полезных советов бесплатно. Если купец был новичком и не догадывался, как себя вести, сын первого министра со скучающим видом ронял: «Ну, такие вопросы на голодный желудок не обсуждаются». Тогда купец вел Скампаду в ресторан и за хорошим обедом начинал разговор о своем деле. Когда же требовался особо ценный совет, Скампада качал головой и говорил, что этот вопрос требует тонкого подхода. Собеседник догадывался и выкладывал на стол золотые монеты, одну за другой, пока сын первого министра не находил подход достаточно тонким и не брал монеты со стола. Серебра Скампада не брал никогда – он ведь был консультантом, а не каким-нибудь вульгарным осведомителем.

Несмотря на то что Скампада всегда имел заработок, его доходы были не так велики, чтобы спокойно глядеть в будущее, да и постоянное проживание в гостинице обходилось недешево. Поэтому, когда Шиманга отыскал Скампаду в торговом доме и предложил ему работу, тот взялся за нее в надежде поправить свои денежные дела.

Оказавшись в Цитионе, Скампада увидел возможность устроиться куда лучше, чем ему удавалось до сих пор. О Берсерене он и вспоминать не хотел, зато поморщился, вспомнив бывшего правителя Босхана, грубую скотину, мужа красавицы и умницы Дессы. Там, в Босхане, сын первого министра впервые до конца прочувствовал, что значит – не иметь ни законного имени, ни собственной крыши над головой. Жизнь в торговом доме, обеспечивавшая ему и хлеб, и известность среди келадских торговцев, все же напоминала жизнь бездомной дворняжки, всегда готовой схватить брошенный кусок.

Правитель Цитиона, человек образованный и порядочный, показался Скампаде приятным исключением в этом испорченном мире. Скампада задумался, чем он может пригодиться во дворце Норрена, и нашел, что место придворного летописца, смотрителя дворцовой библиотеки – именно то, что нужно и Норрену, и ему самому. Сын первого министра при каждой возможности заводил с Норреном разговоры о том, что библиотека содержится

беспорядочно и небрежно, что без надлежащего ухода могут пропасть ценные рукописи, и добился полного понимания со стороны правителя. Если бы не этот, так некстати подвернувшийся сын Паландара… Но, может быть, и к лучшему, что так вышло. Задача рано или поздно потребовала бы решения.

На пути в Келангу Скампада думал о Ромбаре не менее напряженно, чем влюбленный о любимой женщине. Несомненно, подслушанные в Бетлинке сведения заинтересовали бы сына Паландара, но как преподнести их, не взвалив на себя новой вины? Рассказать о Синем камне в жезле Мальдека не представлялось возможным, хотя это было наиболее важным для Ромбара. Черная жрица… само собой, но чутье Скампады говорило, что этого мало. Этим еще можно было искупить прежнюю вину и избежать преследования со стороны Ромбара, но для проживания у Норрена нужны заслуги. Нужно доказать свою ценность.

Мысли Скампады остановились на Госсаре, человеке знатного рода, вхожем во дворец Берсерена почти как в собственный и, как оказалось, ради удовлетворения своего честолюбия способном сдать Келаду уттакам. «Не может быть, чтобы этот предатель ничем себя не выдал, – подумалось Скампаде. – Значит, нужно только найти факты, чтобы получить доказательства его вины».

Въезжая в город, сын первого министра уже твердо знал, на что именно он будет обращать внимание, выслушивая городские сплетни.

Скампада вновь поселился на прежнем месте в торговом доме. Прием, оказанный ему по возвращении, приятно удивил его. Управляющий самолично проводил его в одну из лучших комнат и назвал весьма невысокую цену за жилье.

– Эта торговая братия с весны замучила меня, – пожаловался он. – Подавай им господина Скампаду, а где я возьму? Комнатка как раз по вашему вкусу, живите на здоровье.

В день приезда Скампада никуда не пошел. Он потребовал воды, утюг и занялся приведением в порядок себя и своих вещей. В гостиницах он сам гладил свою одежду, и не столько из экономии, сколько потому, что не доверял такое деликатное дело небрежным гостиничным служанкам. Весь остаток дня он чистил и разглаживал, укладывал и развешивал помятые в дороге вещи и, только закончив все хозяйственные дела, улегся в свежую постель, усталый, но довольный.

Наутро Скампада, в идеально отглаженном сером костюме, в идеально начищенных сапогах из хорошей мягкой кожи, появился в комнате для деловых переговоров. Он направился на свое обычное место у окна, но сесть ему не удалось – купцы узнали

Скампаду и сразу же обступили его. Сын первого министра едва успевал отвечать на сыпавшиеся отовсюду приветствия. В этот день он не узнал ничего по интересующему его делу – торговцам было не до городских сплетен, они стремились не чесать языки попусту, а получить деловой совет. На Скампаду обрушился град предложений пообедать или даже заняться обсуждением тонких вопросов, но сын первого министра, с весны отошедший от торговых дел, сослался на дорожную усталость и уговорил своих клиентов подождать денек-другой. Лишь торговцам провизией и военным обмундированием он сразу же дал совет везти товары в Босхан.

В последующие дни Скампада убедился, что многие купцы недооценивают грозящую опасность, хотя и знают о последних военных событиях. Он сделал для них все что мог, посоветовав отправиться торговать в южные районы Келады. Толпа в торговом доме поредела – слова господина Скампады кое-что значили среди купцов, и у него появилась возможность заняться сбором городских новостей. Он отсортировал полученные сведения и нашел среди них одно заслуживающее внимания – из тюрьмы правителя Келанги, той самой, откуда невозможно убежать, недели две назад сбежали двое шпионов Каморры, которых так и не поймали.

Он постарался узнать все о подробностях поимки и побега шпионов, но выяснил лишь то, что их опознал некий приезжий по имени Мальдек, в то время проживавший у Берсерена. Скампада попытался разыскать Мальдека, чтобы взглянуть на него и, если получится, вызвать на приятельскую беседу, но оказалось, что того уже несколько дней нет в городе. Сопоставив сроки, сын первого министра установил, что доносчик исчез на другой день после побега шпионов. Это выглядело естественным – он, конечно, опасался мести.

Если во всем, что касалось поимки шпионов, Скампада получил полную ясность, то их побег был скрыт не менее полным мраком. Несомненно, это было делом Госсара – кто еще мог с легкостью проникнуть во дворцовую тюрьму и не вызвать подозрений? – но тот не оставил никаких следов. Сын первого министра сидел у окна в полупустой комнате для разговоров и размышлял, с какой еще стороны подобраться к твердому орешку, как вдруг его мысли оборвал прозвучавший над ухом голос:

– Господин Скампада?

Он вздрогнул от неожиданности и поднял голову. У стола стояли двое прилично одетых мужчин среднего возраста. Скампада, обычно с первого взгляда определявший общественное положение своих собеседников, почувствовал затруднение. Для

придворных эти люди были простоваты, для слуг – держались слишком уж свободно.

– Я к вашим услугам, господа, – ответил он.

– Нам назвали вас как человека осведомленного, – начал один из них.

– Мне лестно это слышать, – сдержанно ответил Скампада.

– Нам нужна ваша помощь. Разумеется, не бескорыстная.

– В настоящее время я отошел от дел. – Интонация Скампады давала понять, что разговор окончен. Ввязываться в сомнительные дела было слишком рискованно для его намерений.

– Мы обращаемся к вам от лица человека, который имеет большие возможности для выражения, своей благодарности, – многозначительно произнес его собеседник.

Скампада умело скрыл мгновенно вспыхнувший интерес. Неужели это был тот самый зверь, поимкой которого он так безуспешно занимался?

– Кто этот человек? – с невинным видом спросил он.

– Госсар из рода Лотварна, – произнес мужчина, отыскивая на лице Скампады впечатление, произведенное этим именем. Тот не стал его разочаровывать и изобразил почтительное изумление.

– У такого человека не может быть пустяковых дел, – уважительно отозвался он.

– Вот-вот. Он ловит одного негодяя, но того и след простыл. Если бы вы указали местонахождение этого негодяя, благодарность его светлости была бы… немалой. Вы понимаете?

– Я могу сам определить вид и размеры этой благодарности?

– Ваше пожелание будет учтено.

– Хорошо. – Скампада дал понять, что удовлетворен названными условиями. – Но я действительно лишь недавно вернулся в Келангу. Поэтому я, возможно, не сразу отвечу на ваш вопрос. Мне может понадобиться некоторое время и некоторые подробности. От вас.

– Спрашивайте.

– Имя негодяя, конечно. Я должен знать, кого искать.

– Мальдек.

– Давно вы его ищете?

– Три дня назад мы получили приказ. Мы обшарили всю Келангу, но негодяй как сквозь землю провалился.

Скампада мгновенно понял, что три дня назад у Госсара побывал Кеменер.

– Кто вам посоветовал обратиться ко мне? – спросил он.

– Управляющий торгового дома. Он сказал нам, что у вас обширные знакомства.

– Только в определенных кругах. – Скампада ловко превратил облегченный вздох во вздох сожаления. – Надеюсь, вы не подумали, что я знаюсь с негодяями?

– Ну что вы! Торговый дом – людное место, а вы постоянно бываете здесь. Вы могли встретить здесь этого Мальдека.

– Увы, я не видел его. – Скампада мог бы добавить к этому, что Мальдек исчез раньше, чем он появился в городе, но в данном случае излишняя осведомленность была бы только во вред. – Я должен узнать, где прячется ваш Мальдек, и сообщить вам? Я вас правильно понял?

– Абсолютно. Если мы поймаем Мальдека в указанном вами месте, благодарность его светлости – ваша.

– Где я могу найти вас?

Собеседники назвали дом и удалились, а Скампада задумался.

Полученных сведений хватало, чтобы выставить Госсара как человека, гоняющегося за доносчиком на шпионов Каморры. В уме Скампады сам собой складывался разговор на эту тему с сыном Паландара… или даже с Норреном. Пожалуй, можно было бы уже сегодня отправляться в Цитион, и человек менее осторожный так бы и поступил, но Скампада не собирался поспешным отъездом навлекать на себя подозрения людей Госсара. Несколько дней следовало провести как обычно, за столиком у окна, принимая приглашения пообедать и отвечая на тонкие вопросы, поэтому он остался на месте, ограничившись коротким взглядом в окно на удаляющуюся пару.

***

Ромбар ехал в Келангу с твердым намерением отыскать там Скампаду. Несмотря на всю свою ненависть к этому человеку, он отдавал должное его наблюдательности и рассчитывал вытянуть из него сведения, касающиеся Кеменера. Скампада вполне мог заметить, что шпион везет что-то ценное, или узнать, куда и зачем тот направлялся. Ромбар намеревался заставить Скампаду говорить, а если потребуется, и припугнуть бывшего придворного хитреца.

В Келанге он обратил внимание на то, как много воинов встречается и на улицах, и в трактирах, куда он заглядывал в поисках Скампады. Видимо, Берсерен все-таки собрал и вооружил ополчение для защиты города. В таком случае можно было

надеяться, что не вся тяжесть удара придется на южные армии.

Объехав полгорода, он наконец догадался заглянуть в торговый дом и был поражен тем, как здесь хорошо знают господина Скампаду и как уважительно о нем отзываются. Ромбару сразу же назвали и комнату, и место, где можно найти господина Скампаду. Он отдал коней слугам и пошел в комнату для деловых переговоров.

Быстрый взгляд Скампады мгновенно зацепил высокую, мощную фигуру человека в запыленной одежде, с мечом Грифона у пояса. В следующее мгновение Скампада узнал его – сын Паландара собственной персоной явился в торговый дом, и, конечно, не для торговли. Легкий холодок шевельнулся в его груди, а вошедший, выпрямившись, уже смотрел на него в упор.

Ромбар решительным шагом подошел к месту, где сидел Скампада, и уселся напротив. Сын первого министра исподлобья рассматривал человека, которого надеялся переиграть, переломить его давнюю ненависть, а тот молча сверлил своего недруга жестким, прямым взглядом.

– Ваша светлость? – начал Скампада. – Чему обязан таким вниманием?

Ромбар не мог и не хотел унизиться до просьбы, поэтому не знал, как начать разговор.

– Тебе прекрасно известно, что у меня есть причины расправиться с тобой, – с угрозой в голосе сказал он. – Ты заслуживаешь смерти, но я, так и быть, не трону тебя, если ты ответишь на мои вопросы.

– Как у вас все просто, ваша светлость, – пожал плечом Скампада. – Убью… не убью… Я, кажется, говорил вам, что я не трус. Надеюсь, что и вы – не убийца.

Он увидел, что его противник смешался. Простая и ясная логика меча во взгляде Ромбара, не получившего ожидаемого ответа, сменилась растерянностью.

– Впрочем, если хотите, можете взять мою жизнь. Я не знаю, почему вы решили, что я за нее цепляюсь, – продолжил сын первого министра. – Только что вы будете с ней делать? Это не такая уж большая ценность.

– Мне нужна не твоя жизнь, – сдал позиции Ромбар. – Как мне известно, ты много разъезжал и много видел в последнее время.

– Допустим. – Скампада, чуть откинув голову, зорко глянул на собеседника из-под опущенных ресниц. – Но, раз мы с вами решили, что моя жизнь не ценна ни вам, ни мне, она не будет предметом нашего торга. Если вы не хотите взять ее просто так, оставим эту тему. Отбросьте предубеждения, ваша светлость, и, возможно, окажется, что у нас с вами гораздо больше причин для

сотрудничества, чем для вражды.

Ромбар молчал. Рассматривая тонкое, холеное лицо Скампады, он пытался совместить его слова со сложившимся в мозгу образом старого врага.

Совмещение не получалось, и это наводило на мысль, что прежний, ненавистный образ был не совсем верен.

– В таком случае – чего ты хочешь? – сказал наконец он.

– Это зависит от того, чего хотите вы. Может оказаться, что некоторые наши желания совпадают.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Ромбар.

– Эту войну. Человек с моими привычками и воспитанием не может любить ни босханского выскочку, ни уттаков.

Ромбар будто бы впервые увидел своего собеседника. Только личная неприязнь до сих пор закрывала для него очевидное – конечно же этот придворный хлыщ должен питать отвращение и к тому, и к другим.

– Прекрасно, Скампада, – с облегчением сказал он. – Значит, ты добровольно расскажешь мне то, чего я хотел добиться силой.

– Разумеется. – Скампада перевел взгляд с рук собеседника на его лицо. – В будущем, ваша светлость, советую вам не ломиться в дверь, не убедившись, действительно ли она закрыта.

– Ну ладно. – Ромбар смущенно хмыкнул. – Я знаю, что ты выехал из Цитиона с человеком по имени Кеменер.

– Это был случайный попутчик, ваша светлость.

– Не заметил ли ты за ним чего-нибудь подозрительного?

– Я не знаю, что вы считаете подозрительным. Может быть, вы поставите вопрос более точно?

– Не было ли у него какой-нибудь вещи, которой он дорожил?

Скампада задумался – конечно, он ничего не видел. Кеменер был предельно осторожен, но не пойдет же сын Паландара доискиваться у него правды.

– Вы имеете в виду жезл Аспида? – спросил он.

– Значит, ты видел жезл! – оживился Ромбар. Слова Мальдека подтверждались – Кеменер украл его жезл и доставил Каморре. Теперь было ясно, что в потайном шкафу лежал жезл Мальдека. – А еще что-нибудь было?

– Ничего. Только жезл. Странно, что Кеменер так дорожил им, – договорил Скампада. Жезл он еще мог видеть, но камень внутри – увы! Намекать дальше было опасно.

Ромбар разочарованно вздохнул:

– Как долго вы ехали вместе? Где вы расстались?

– Я заработал денег в Цитионе и поехал на Оранжевый алтарь. Мне давно хотелось побывать на празднике Саламандры. До алтаря мы доехали вместе, а там расстались.

– Куда он поехал дальше?

– Я устроился в гостиницу и прожил там несколько дней, но не встречал его, – чуть помешкав, ответил Скампада.

– Подожди! – вдруг догадался Ромбар. – Ты говоришь, что был на празднике Саламандры?!

– Да. Я понимаю, что вы имеете в виду. Я тогда чудом остался жив.

– Каким чудом?

– Мне помогли жрецы. – Скампада рассказал всю историю, и Ромбар понял, что перед ним тот самый спаситель Освена, о котором говорил Цивинга.

– Да, ты не лжешь, – согласился он.

– Я либо говорю правду, либо молчу, – напомнил Скампада. – Вы спрашивали меня о подозрительном, ваша светлость, – тогда вас, возможно, заинтересует, что неделю назад Кеменер проезжал через Келангу?

– Откуда ты знаешь? – вскинулся Ромбар.

– Посидите здесь денька два, – Скампада обвел глазами комнату, – и вы будете знать все, что делается в городе. Вы слышали о двух шпионах, которые убежали из дворцовой тюрьмы недели три назад?

– Слышал, – хмыкнул Ромбар. – Меня тогда чуть не отправили в тюрьму вместо них.

– На них донес некий Мальдек, – продолжил Скампада, отметив, как насторожился при звуке этого имени Ромбар. – Он сбежал из города, когда шпионы оказались на свободе. Неделю назад Кеменер заезжал к Госсару из рода Лотварна, а три дня спустя ко мне подошли двое людей и от имени Госсара предложили мне оказать им помощь в поимке Мальдека. Что вы на это скажете, ваша светлость?

– Ты хочешь сказать, что Госсар – пособник Каморры?! – повысил голос Ромбар. – Это невозможно. Он высокого рода, он никогда не забудется до такой степени!

– Как вы думаете, почему у меня хорошие отношения с фактами? – ответил вопросом Скампада. – Я никогда не насилую их, а принимаю такими, как есть. Запомните, я сказал больше, чем вы услышали.

– Клевета на человека, такого, как Госсар, – это не пустячная оговорка, – нахмурился Ромбар. – Я еще мог бы заставить себя поверить тебе, но кто поверит мне? Как я повторю это Норрену?

– Я готов повторить свои слова перед Норреном, – твердо сказал Скампада.

Ромбар оценивающе посмотрел на него.

– Пожалуй, я предоставлю тебе эту возможность, – сказал

он. – Ты поедешь со мной и повторишь Норрену все, о чем рассказал мне. У тебя есть возражения?

– Я счастлив быть полезным его величеству. – Скампада действительно был счастлив. Первая часть его плана удалась блестяще.

– Мы выезжаем сейчас же. И кстати… – Он увидел понимающую усмешку на лице сына Паландара. – Десса из Босхана просила меня передать тебе, что всегда будет рада тебя видеть. Я, со своей стороны, рад исполнить ее просьбу.

В лице Скампады, к разочарованию Ромбара, не дрогнул ни один мускул.

– Вы так любезны, ваша светлость. – Голос сына первого министра остался все тем же, светски-холодноватым. – Я просто обязан ответить вам той же любезностью. Вы слышали о черной жрице храма Мороб?

Ромбар поднял голову:

– Откуда ты знаешь о ней? Жрецы хранят ее существование в тайне.

– Почему это удивляет вас? Я живу тем, что знаю больше других. – Скампада рассеянно отвернулся в окно. – Может, вам будет интересно узнать, что это и есть ваша подружка?

Раздался грохот упавшего стула. Повернувшись, Скампада увидел перед собой лицо вскочившего Ромбара, его требовательный взгляд.

– Что ты сказал?! Повтори, что ты сказал?!

– Это она.

– Ты уверен?

– Я узнал ее.

– Скампада… – начал Ромбар и тут же осекся. Сын первого министра вспомнил, как он видел Лилу в последний раз – спиной к статуе, отбивающейся от наступавших уттаков.

– Она прекрасно владеет кинжалом… – пробормотал он. – Я не видел ее мертвой, ваша светлость… Ромбар оборвал его на полуслове.

– Собирайся, едем! – скомандовал он. Келанга давно осталась позади, исчезли городские окраины, знаменитый Тионский тракт потихоньку пылил под копытами коней. Ромбар ехал молча, с бесстрастным, ничего не выражающим лицом. Проницательность Скампады беспокойно заерзала, пытаясь угадать, о чем думает сын Паландара, и неуверенно отступила.

IV

Вальборн ходил по комнате. Неприятный осадок, оставшийся внутри после разговора с Магистром, не давал ему покоя. Конечно, не следовало так резко говорить с человеком старшего возраста и, по всей видимости, знатного рода, с человеком, вызывавшим у него безотчетное уважение. Но отступать?!

Вальборн жаждал расплатиться с Каморрой за потерю замка, да и легкая победа на Оранжевом алтаре придавала ему смелости. Он вышел из дома и в который раз окинул взглядом местность, мысленно расставляя войска для обороны храма, затем кликнул воина и велел ему отыскать Лаункара.

– Мне нужен твой совет, – сказал он военачальнику, когда тот явился на приглашение. – Магистр перед отъездом предложил мне отступить без боя. Что ты на это скажешь?

– Он кажется мне человеком, сведущим в военном деле, – сдержанно ответил Лаункар. – Вы помните, как он сказал – если наше присутствие на алтаре задержит наступление войск Каморры, то наша задача может считаться выполненной, а вступать в заведомо безнадежную битву нам совершенно незачем.

– Но почему, но почему я должен отступать?! – вырвалось у Вальборна. – Принимать на себя новый позор?!

– Тревинер вернулся вчера из разведки, – напомнил военачальник. – Весь уттакский лагерь в верховьях Иммы – а это десятки тысяч дикарей – снялся с прежней стоянки и двигается в нашу сторону. Если они нападут все сразу, от нас и костей не останется – вы же знаете их привычки.

– А что предлагаешь ты, Лаункар?

– Если Каморра разобьет нас здесь, мы только облегчим ему дальнейшую задачу. Оранжевый алтарь важен, но не важнее Келанги, поэтому будет лучше, если мы примем участие в обороне Келанги вместе с остальными войсками.

Одну большую армию труднее разбить, чем две малых.

Рассудком Вальборн понимал, что должен принять решение, столь неприятное для себя, но все его чувства сопротивлялись этому.

– Ты считаешь, что может пасть и Келанга? – спросил он военачальника.

– Южные войска не успевают дойти до нее – Берсерен тянул с гонцами до последнего, думая, что справится с Каморрой один. Если Келанга будет взята, Зеленый алтарь тоже останется незащищенным. Я недавно оттуда и знаю это.

– Как это неприятно, Лаункар. – Вальборн досадливо тряхнул

головой. – Как я покажусь в Келанге?

– Я должен напомнить вам, что наша ошибка подставит под удар не только нас.

– Хорошо, – решился Вальборн. – Усильте разведку. Мы отступим, но лишь тогда, когда будет ясно, что нападения не избежать.

– Не жалейте о своем решении, ваша светлость! – Во взгляде Лаункара мелькнуло что-то вроде улыбки. – Славен правитель отважный, но мудрый славен вдвое.

Правитель Бетлинка криво улыбнулся в ответ, прожевывая собственную мудрость, как горькую траву от глистов.

Неделю или две все было спокойно. Разведка, выезжавшая каждое утро, докладывала, что движение уттаков прекратилось. Огромная армия дикарей остановилась в полудне пути от алтаря и, казалось, чего-то выжидала. Напряжение в лагере схлынуло, люди все чаще перекидывались шуточками по поводу застрявших в лесу дикарей, как вдруг однажды выехавшие утром разведчики сразу же вернулись назад. Вся многотысячная уттакская толпа на исходе ночи снялась с места и теперь подходила к алтарю, едва не застав врасплох войско Вальборна.

Каморра окружил алтарь и наложил на него перекрывающее силу заклинание, затем выпустил в бой уттаков, но оказалось, что и храм, и поселок пусты. Дикари кинулись шарить по домам и сараям, растаскивая уцелевшее от предыдущего налета имущество. Когда их удалось унять, пускаться в погоню было уже бессмысленно. Маг проглотил досаду, вспомнив, что уж в Келанге-то этот щенок от него не уйдет. И не один он.

Войско Вальборна тем временем спешило назад в Келангу.

Зеленовато-серой толпой шагали пешие воины, поскрипывали на ухабах телеги с войсковым добром, последними ехали конники из Бетлинка, готовые прикрыть остальных в случае погони. Вальборн подозвал к себе скачущего поблизости охотника:

– Тревинер!

– Да, мой правитель! – развернул свою кобылу охотник.

– Есть важное дело.

– Я весь внимание, – оскалился в улыбке Тревинер.

– Ты еще не забыл, что наш молодой приятель Альмарен ушел на Керн?

– Припоминаю.

– Когда, по-твоему, он должен вернуться? Тревинер задумался, вскинув взгляд куда-то к верхушкам деревьев:

– Он не привычен к лесу, мой правитель. Но, если парень еще жив, примерно в эти дни он дошел до вулкана. Недели две – и он будет у Бетлинка.

– Магистр просил встретить его. В лесу полно уттаков.

– О чем речь, мой правитель! Я знаю окрестности замка, как свой походный мешок, – жизнерадостно ответил охотник. – Кстати, о мешке… надо бы наполнить его – я могу там долгонько прооколачиваться.

– Иди в обоз и возьми все, что нужно. И перестань скалиться – это тебе не увеселительная прогулка.

– Лучше меня этого не понимает никто! – еще шире улыбнулся Тревинер и направил свою Чиану к обозу.

***

По прибытии в Келангу Вальборн разместил войско на большой поляне к западу от города и отправился во дворец. Он знал, что в любом случае не угодит своему дядюшке, и заранее настроился быть терпеливым и сдержанным.

Вальборн чувствовал свою правоту – он не погубил отряд в заведомо проигрышной схватке, а привел в город, где, конечно, понадобятся люди для обороны крепостной стены, – и надеялся, что Берсерен не так глуп, чтобы, прокричавшись, не понять очевидного.

Он подождал, пока стражники разведут узорчатые чугунные створки ворот, оставил коня и пошел вглубь дворцового парка. Посыпанная битым камнем дорожка привела его к двухэтажному зданию, длинной лентой вытянувшемуся посреди невысоких парковых посадок. Вальборн прошел вдоль веранды первого этажа дворца к широкой и низкой лестнице парадного входа. Оказавшись внутри, он сразу же ощутил суету и напряжение, создаваемые многочисленными слугами, снующими по коридору. Из-за двери обеденной комнаты Берсерена раздался гулкий металлический стук упавшего блюда, а вслед за звуком оттуда выскочила перепуганная служанка с серебряным подносом в руке. Берсерен обедал.

– Ваша светлость?

Вальборн обернулся на голос и увидел приближавшегося бочком слугу.

– Не ходите туда. Его величество не в духе.

– Что, зол?

– Ох и лют! – Слуга болезненно съежился, покосившись на дверь. – Гонец был с юга. Прямо перед обедом.

– Плохие новости?

– Откуда нам знать, ваша светлость! Его величество гневается, хоть из дворца беги.

Дверь обеденной комнаты резко распахнулась, и слуга незаметно растворился в глубине коридора. Старикашка, как его звали втихую и слуги, и придворные, изволил оставить обеденную комнату. Берсерену было немногим за пятьдесят, но его щуплая, засохшая фигура, сморщенное, как вяленая груша, лицо, а главное, мелочный и въедливый старческий нрав создавали ощущение, что правитель оставался неизменным по меньшей мере последние сорок лет.

Берсерен, определенно, был не в настроении. Он нервно теребил пряжку на своем тесном, черном с золотом камзоле, будто силясь оторвать ее.

Острые, горящие нескрываемым раздражением глазки правителя впились в Вальборна.

– Племянничек явился! – Берсерен, скорчив брезгливую гримасу, окинул Вальборна презрительно-оценивающим взглядом, словно кобылу с пороком, выставленную на продажу. – И что это мы здесь делаем, а? Чего мы еще не выпросили у доброго дяди?

Кровь бросилась Вальборну в лицо, но он сдержался.

– Позвольте мне выразить вам почтение, ваше величество, – сказал он обычную приветственную фразу.

– Конечно-конечно… – с ядом произнес Берсерен. – Еще бы тебе не выражать мне почтение! Кем бы ты был, если бы не я, после того, как тебя выкинули из Бетлинка? Что там у тебя – повозки, еда, оружие?

– Ваше величество…

– Ничего ты не получишь. – Берсерен яростно глянул куда-то в сторону и пробормотал сквозь зубы:

– Они предали меня, никто из них и не думает идти под Келангу…

– Плохие новости с юга? – догадался Вальборн, на мгновение забыв обиду.

– Плохие?! – взвился Берсерен. – Ужасные отвратительные новости!!! Эта дура Десса, этот мужлан Донкар – они все у Норрена вот здесь, в кулаке. – Он шагнул вперед и помахал сухим, костлявым кулаком под носом Вальборна. – Ставят укрепления под Босханом, видите ли! Не успевают сюда, видите ли.

– Я слышал, что вы слишком поздно попросили поддержки, – вспомнил Вальборн брошенную Лаункаром фразу.

– Сплетни! Месяца им было мало, подумайте, Вальборн подумал.

Конечно, месяца было мало. – Берсерен неистощимо бушевал:

– Я справлюсь один с этим босханцем! Я покажу им, что все они – трусы и ничтожества. Вон и Госсар говорит, что у нас сильная армия, что уттаки – это так, возня одна. – Он перевел дух, шагнул вплотную к Вальборну и испепелил его бешеным взглядом Аунизу вверх. – А ты, племянничек, справляйся сам. Я дал тебе все, что мог, остальное – для города. Моя казна – не бездонная бочка.

– Я ничего не прошу, – воспользовавшись паузой, сказал Вальборн. – Я увел войско с Оранжевого алтаря и готов вместе с вами защищать Келангу.

Берсерен молча воззрился на племянника. Вальборну никогда и не думалось, что молчание может быть таким напряженным, таким насыщенно-ядовитым.

– Как это понимать, милый племянник? – обрел дар речи Берсерен. – Ты целую неделю клянчил у меня войско, чтобы защитить храм… ты уверял меня, что чуть ли не вся война зависит от этого, а теперь? Ушел?

– Триста воинов не могут противостоять десяти тысячам уттаков. Я сохранил и людей, и снаряжение.

– Сохранил?! – Голос Берсерена прорезался в полную силу. – Может, нам с тобой и остальную армию сохранить, уйти из Келанги? Ты оставил алтарь без боя, трус?!

– Ваше величество! – повысил голос Вальборн. – Сюда идут десять тысяч уттаков. Очень скоро я докажу вам, что вы ошибаетесь!

– Вы совершенно правы, ваше величество, – раздался рядом властный мужской голос. Оба спорщика вздрогнули и повернулись на звук.

– Простите, ваше величество, я шел мимо и услышал ваш спор, – продолжал Госсар, не удостаивая Вальборна взглядом. – Я не мог не вмешаться, услышав, как этот молодой человек разговаривает с вами. Прискорбно, но вынужден признать вашу правоту.

– Ты тоже так считаешь, Госсар! – принял поддержку Берсерен. – Мне стыдно говорить с тобой об этом, но из моего племянника не вышел ни правитель, ни воин.

– Вы не имеете права так говорить, не узнав всех обстоятельств! – разгорячился Вальборн. – Я готов дать слово чести, что иначе было нельзя. Когда силы были равны, мои воины захватили алтарь почти без потерь!

– Слово чести, слово чести… – с отеческой снисходительностью сказал Госсар. – А дела? Вы сдали замок Каморре и потеряли при этом две трети гарнизона. Вы неизвестно

зачем прогулялись с чужим войском на алтарь, затем приняли пятьсот уттаков за десять тысяч и прибежали обратно. Где это вы видели сразу столько уттаков?

– Верно, – выдохнул Берсерен. – Мальчишка струсил.

– Ваш дядя слишком добр к вам, – продолжил Госсар. – Меня всегда удивляла его доброта. Я бы вам и стадом овец не доверил командовать.

– Дядюшка! – выкрикнул ошеломленный Вальборн. – Как вы ему это позволяете?!

– Молчи, щенок! – огрызнулся Берсерен. – Госсар прав, не то сейчас время, чтобы доверять войска трусам. Завтра же ты передашь ему командование войском.

– Я?! – задохнулся Вальборн. – Ему?!

– Да, ты, – подтвердил Берсерен. – Да, ему. Ты свободен, Госсар.

Завтра примешь у него руководство.

Вальборн бросил ненавидящий взгляд на Госсара и вдруг почувствовал ледяной озноб. Тот смотрел на него с издевательски-разумной, торжествующей усмешечкой, как на побежденного врага. Через долю мгновения, показавшуюся Вальборну вечностью, Госсар отвернулся и ушел.

– Что вы наделали, дядюшка! – выкрикнул Вальборн, повернувшись к Берсерену. – Вы не можете не понимать, что это ложь, клевета!

– Я тебе не дядюшка! – крикнул в ответ Берсерен. – Я для всех, и для тебя тоже – ваше величество! Судьба наказала меня слюнтяем-братом, а теперь тобой! Я-то старался, пристраивал его, чтобы он не сидел у меня на шее, замок для него выманил у этого хвастуна Паландара – и для чего? Чтобы ты этот замок спустил при первой же возможности?! Иди куда хочешь, хоть к Госсару коней чистить, а мне на глаза больше не показывайся! Я устал от этого срама!

– Вы лжете, ваше величество! – возмутился Вальборн. – Замок был выигран в честном споре.

– В честном? – ехидно спросил Берсерен. – Паландар трижды не попал в шапку с двенадцати шагов. Говорили, ему помешал ветер. Да нужен ураган, чтобы на таком расстоянии сдуть с пути стрелу, пущенную его рукой!

– И как же все было? – сдавленным голосом спросил Вальборн.

– Ураганом была моя жена Варда, магиня ордена Аспида. Настоящий аспид, светлая ей память, и выгоду сквозь землю чуяла. Вы оба ее должники – и твой отец, и ты.

Вальборн ответил не сразу.

– Я подумаю над тем, чей я должник, – сказал он, глядя в лицо Берсерену. – Прощайте, ваше величество.

Вскочив в седло, Вальборн дрожащими от гнева руками натянул уздечку и погнал коня галопом по улицам Келанги. В лагере он отыскал своего военачальника.

– Лаункар! – скомандовал он. – Объявляй сбор, мы выходим немедленно. В Оккаду!

Вальборн ехал, не видя перед собой дороги. Его гнев, вызванный не столько незаслуженными оскорблениями, сколько полной глухотой Берсерена в таком важном военном вопросе, постепенно сменялся внутренней тревогой.

Издевательски-разумная усмешечка Госсара, плясавшая в голове, вызывала предчувствие, требующее немедленного осмысления. Невнимание к данным разведки, небрежное преуменьшение грозящей опасности, раздор накануне сражения – все это, вместе взятое, настораживало и казалось тревожным предупреждением. Поведение, естественное для вздорного и самонадеянного Берсерена, было невероятным для Госсара, его лучшего военачальника, человека умного и проницательного. Вальборн пока не мог додуматься до слова «предательство», поставившего бы все на свои места, но ощущение чего-то темного, зыбкого, грозящего неотвратимой бедой давило на его сознание.

Перебирая все возможности, Вальборн неожиданно понял, что в случае боя на Оранжевом алтаре исход разговора с Берсереном был бы тем же, если не считать погубленного войска. Настроение правителя Келанги было подготовлено так, чтобы любое Действие его племянника расценивалось как неудача. И вновь Вальборн вспомнил усмешечку Госсара, и вновь он почувствовал, что первый гневный порыв увести войско в Оккаду был правилен.

Он искоса глянул на своего военачальника. Тот, конечно, считает, что они выполняют приказ Берсерена, и, пожалуй, не следует разубеждать его.

Продуктовый обоз, встреченный на пути в Келангу, позволит продержаться первое время, а там события не заставят себя ждать. Движение всей огромной уттакской армии, несомненно, имело целью не Оранжевый алтарь.

Вслед за Лаункаром Вальборн вспомнил Магистра. С этим человеком он мог бы поделиться грызущими рассудок вопросами, но Магистра не было рядом.

Впервые в жизни, сам того не зная, правитель Бетлинка поднялся на вершину ответственности, где не с кем разделить взятую на себя ношу. Он с тяжелым сердцем окинул взглядом своих людей – возглавлявшего отряд Лаункара, конных и пеших воинов, ничего не подозревающих о дворцовых интригах,

неторопливые, тяжело груженные повозки, жрецов с Оранжевого алтаря, едущих здесь же, в отряде.

«Нелегко быть правителем», – всерьез подумал он и вдруг вспомнил, что Бетлинк был мошеннически отнят у законного владельца. Вальборн хорошо знал историю, стоившую замка прежнему хозяину и закончившуюся его самоубийством, но считал, что одно лишь легкомыслие довело Паландара до печального конца. Слова, вырвавшиеся у Берсерена в приступе раздражения, раскрыли ему подлинную причину чужого несчастья. По слухам, у Паландара оставался сын, но Вальборн не был в этом уверен. В его семье никогда не обсуждали неудобную тему. Он вспомнил, что Лаункар давно служил в Бетлинке, и шевельнул поводьями, направляя коня вперед.

– Лаункар! – окликнул он, поравнявшись с военачальником. – Ты, кажется, давно в Бетлинке? Тот медлил, подсчитывая прожитые годы.

– Весной было тридцать восемь лет, как я поступил туда на службу, – выдал он точный ответ.

– Значит, ты служил у Паландара?

– Служил.

– Скажи, что это был за человек?

– Человек как человек, – скупо ответил Лаункар. – Вспыльчивый, увлекающийся, но это ваша фамильная черта.

– Наша?

– Рода Кельварна.

– А как он владел оружием?

– Превосходно. С мечом он выходил один на четверых, а стрельбе из лука он мог бы и самого Тревинера поучить.

– У него были дети?

– Сын.

– Расскажи мне о сыне, – попросил Вальборн.

– Ему было пятнадцать лет, когда он оставил Бетлинк. Мне говорили, что он служил у Берсерена, но десять лет назад они поссорились, и он уехал.

– Куда?!

Лаункар молча пожал плечами.

– Я хочу отыскать его, Лаункар. Ты поможешь мне? Военачальник пристально взглянул на Вальборна:

– Зачем он вам?

– Поговорить с ним, помочь ему, если он нуждается. Разве мы с ним не родня, разве у нас не одна кровь – первого правителя?!

– Вряд ли Ромбар нуждается в вас, ваша светлость.

Вальборн заглянул в непроницаемое лицо своего военачальника. Тот явно не намеревался помогать ему в поисках.

– Берсерен проговорился кое о чем, поэтому я должен отыскать сына Паландара, – намекнул он. Заметив, что Лаункар колеблется, он добавил:

– Это вопрос чести.

– Вы знаете его, – медленно выговорил Лаункар. – Он сейчас – магистр ордена Грифона.

Конь завертелся под Вальборном – тот от неожиданности резко натянул поводья.

– Но вы вели себя так, будто вы незнакомы! – воскликнул Вальборн, опомнившись от изумления.

– Я не узнал его сразу. Последний раз я видел его подростком, на похоронах отца.

– Может, ты ошибся?

– Нет, – твердо ответил Лаункар. – Я узнал Ромбара в бою с уттаками, когда увидел, как он действует мечом. Когда-то я учил его владеть оружием. Внешность изменилась, но рука – все та же.

– И ты это скрыл… – укоризненно заметил Вальборн.

– Я подумал… если бы Ромбар хотел, чтобы вы знали, кто он, то рассказал бы вам это сам.

Вальборн надолго замолчал. Уклончивость Лаункара, явная поддержка, оказанная им сыну Паландара, говорили о многом. Видимо, в честности злополучного спора не сомневался только тот, кто не хотел в ней сомневаться. До сих пор Вальборн считал себя незапятнанным, живущим в согласии с понятиями о чести, но теперь он чувствовал, что поступок Берсерена, обманом получившего Бетлинк, и отца, не постыдившегося принять замок, грязным пятном лег на его жизнь.

***

Пять дней добирался отряд Вальборна до Оккады. Большой Тионский тракт выродился в проселочную дорогу, плавно огибающую холмы и лощины прибрежного рельефа. Древесные массивы и рощи сменились островками невысокого леса, обросшими, по опушке непролазным кустарником, южный ветер свободно гулял между ними, волнуя и раскачивая высокую луговую траву, неся на север знойное дыхание Сехана. На четвертый день впереди замаячили сизые вершины Оккадского нагорья, а еще через сутки отряд вошел в Оккадскую долину, с трех сторон укрытую скалами от ветров.

Вальборна,впервые оказавшегося в Оккаде, поразила не

правдоподобная, игрушечная красота местного селения. Дома здесь не вытягивались в улицы, а рассыпались по склонам, окруженные садами, пристройками, подсобными помещениями, и каждая мелочь, от фасада до столба изгороди, казалась тщательно продуманной и уместной. Дорога вилась между домами отпущенной на свободу змеей, соединяя живописно разбросанные постройки.

Лаункар указал Вальборну на пологий куполообразный холм, щедро усыпанный различного вида постройками. Высокий забор, творение местных резчиков по дереву, окружал верхнюю часть холма, включая двухэтажное, крытое серой чешуйчатой черепицей здание.

– Зеленый алтарь.

Вальборн оставил отряд на подходе к селению, позвал с собой Лаункара, жрецов и поехал к Зеленому алтарю, провожаемый взглядами местных жителей, второй раз за лето видевших войска у себя в Долине. Въехав в ворота, он подозвал одного из попавшихся на глаза людей и спросил:

– Как мне найти магистра ордена Феникса?

– Я провожу вас, – ответил тот. Когда приезжие спешились, он повел их на второй этаж крытого черепицей здания и оставил в гостиной, попросив подождать. Вскоре в гостиную вошел Суарен.

Вальборн сразу узнал магистра, хотя первый и последний раз видел его несколько лет назад, на празднике великой Саламандры. Высокий рост и высокий с залысинами лоб Суарена, его плавная, экономная манера двигаться откладывались в памяти так же однозначно, как и чуть отрешенный, идущий сквозь собеседника взгляд. Сейчас его лоб, казалось, стал еще выше – магистр лысел, так и не удосужившись поседеть.

– Рад приветствовать вас здесь, в Оккаде, – произнес Суарен.

– Я – Вальборн, – представился Вальборн после ответного приветствия.

– Я узнал вас, – подтвердил магистр, сопровождая слова мягким кивком. – Чем могу помочь вам?

– Я пришел защищать Оккаду. Где удобнее поставить отряд?

– Значит, Оккада нуждается в защите, – полуутвердительно сказал Суарен. – В северо-восточном углу долины есть удобный спуск к Тиону. Лаункар знает, они в прошлый раз стояли там же.

Вальборн взглянул на военачальника. Тот понял, попрощался и вышел размещать войско.

– Оранжевый алтарь у Каморры, – задумчиво произнес Суарен. – Не так ли, Освен?

– Шантора нет, – ответил Освен. – Сюда доходили известия?

– Две недели назад. Был гонец из Келанги. Тогда не было и

речи о войске. События развиваются, да? – Вальборн кивнул.

– Сколько у вас людей?

– Триста человек.

– Триста… – задумался вслух Суарен. – Это немалое подспорье в обороне Келанги. Если Берсерен прислал их сюда, значит, он не надеется удержать город… Дела действительно так плохи?

– Мне хотелось бы поговорить с вами с глазу на глаз, магистр. – Вальборн с облегчением почувствовал, что Суарен, с его способностью видеть суть за мелочами, сумеет помочь разобраться в странностях, произошедших в Келанге.

– Давайте пройдем ко мне в комнату, – предложил Суарен.

Комната Суарена оказалась угловой в левом крыле здания. Из просторных окон открывался вид на всю долину. Магистр усадил Вальборна в глубокое кресло, сам сел рядом во второе.

– Я слушаю вас, – сказал он.

Вальборн рассказал ему все, начиная с боя в Бетлинке до выезда из Келанги, не забыв и про усмешку Госсара. Он умолчал лишь о том, кем оказался магистр ордена Грифона. Суарен слушал внимательно, глядя перед собой чуть отстраненным взглядом, иногда кивая в знак подтверждения. Когда Вальборн замолчал, Суарен не сразу зашевелился, углубившись в мысли.

– Вся наша надежда – на южные армии, – поднял он взгляд на правителя Бетлинка. – А Госсар… Я не хочу недоказанных домыслов…

Он поднялся и вышел в коридор. Вальборн услышал его просьбу позвать кого-то, затем магистр вернулся в свое кресло. Какое-то время прошло в молчании. Молчать с Суареном было, пожалуй, еще приятнее, чем разговаривать, поэтому Вальборн был даже слегка раздосадован, когда в дверь постучали.

– Входи, Риссарн, – отозвался на стук Суарен. Вошедший в комнату молодой человек по сложению вполне мог бы оказаться местным кузнецом. Узкий кожаный ободок охватывал его голову, удерживая волосы цвета льняной пряжи, в его руке был небольшой, но тяжелый круглый предмет, завернутый в мягкую тряпку.

– Ты можешь по имени человека что-нибудь узнать о нем? – спросил Суарен.

– Можно попробовать. Но это всего лишь первые опыты, учитель. Я не уверен в результате.

– Пробуй.

Риссарн развернул тряпку и вынул оттуда идеально круглый хрустальный шар размером с большое яблоко. Он выложил на стол кружок, сплетенный из полосок кожи, и осторожно поместил

на него шар, Сев перед шаром, он положил руки на стол по его сторонам, ладонями к шару.

– Я готов, – сказал он.

– Госсар из рода Лотварна, – назвал имя Суарен. Вальборн наблюдал, как молодой человек пристально вглядывается в шар, наклонив набок голову и расслабив мускулы лица, как хрусталь чуть поблескивает сквозь его подрагивающие пальцы. Риссарн долго смотрел в шар, затем откинулся на спинку стула, переводя дух.

– Ничего не вижу, – с сожалением объявил он. – Настрой, самочувствие – все это так влияет… бывает, что и несколько дней – ничего, а потом вдруг будто дверь в голове открывается… может, Кера попробует, она чувствительней.

Что-то неуловимое, будто бы тень тени, мелькнуло на лице магистра.

– Зови Керу, – сказал он после долгой паузы. Риссарн ушел и вскоре вернулся с очень юной, но вполне сформировавшейся девушкой. Ее темно-карие, с отливающими голубизной белками глаза смело уставились на гостя. Вальборн, ощутив некоторое неудобство, подумал, что ей не помешало бы немного девичьей робости.

– Кера, – начал Суарен, – Риссарн утверждает, что ты умеешь глядеть в шар.

– Я пробовала, – сверкнула она белыми зубами. – Я просила Риссарна, и он давал мне посмотреть.

– Нашего гостя интересует человек по имени Госсар. Погляди в шар и расскажи про Госсара все, что увидишь.

Глаза девушки забегали по Вальборну, будто бы прощупывая его с головы до ног.

– Чтобы мне было легче, я должна держать его за руку, – кивнула она на Вальборна. – Пусть он вспоминает Госсара, мысленно представляет его внешность.

Суарен согласно кивнул. Кера села у шара, Вальборн встал рядом и протянул ей руку. Он с невольным изумлением глянул на руку Керы, стиснувшую его пальцы, – крепость пожатия показалась ему неожиданной для такой юной, стройной девушки. Кера еще раз скользнула взглядом по Вальборну, затем поднесла вторую руку к шару, как бы закрывая его от солнца, и начала вглядываться в бесконечную, темно-прозрачную глубину. Ее глаза прищурились, затем раскрылись, кровь прилила к лицу; придавая смуглой коже густо-розовый оттенок.

– Вижу, – сказала она. – Он человек властный, В годах, черные с сединой волосы… густые брови, постоянно нахмурены… одет в черное…

Суарен вопросительно взглянул на Вальборна. Тот кивнул. Девушка продолжала:

– …С ним другой – маленький, старый… противный. Одет в черное с золотом… этот улыбается ему, но внутри – ненавидит.

Вальборн узнал Берсерена. В словах Керы не было ничего нового – Берсерена не любил никто.

– Что это?! – В голосе девушки прозвучало удивление. – Он – не маг, но держит при себе магию… особенную какую-то… на груди, белое, с резьбой… Белый диск.

Вальборн вздрогнул. Суарен встал и подошел к столу. Кера, будто очнувшись, оторвалась от шара.

– Ты видела диск? – спросил Суарен. – На Госсаре?

Кера кивнула.

– Что это, магистр? – спросила она. – Это какая-то новая магия?

– Вроде того. Спасибо, Кера, можешь идти. – Девушка медлила, надеясь услышать что-то еще, но все молчали, ожидая ее ухода. Когда она вышла, Суарен взглянул на Вальборна:

– Вы понимаете, что это значит?

– Госсар – предатель. Он служит Каморре.

– Я понял это из вашего рассказа, – подтвердил Суарен. – Это видно и без магии, из его поступков, поэтому я поверил Кере. Она не всегда бывает правдивой.

– Теперь мне все стало ясно, – проговорил Вальборн. – Нужно предупредить дядюшку, иначе городу грозит беда.

– Здесь мы опоздали. – Суарен задумался. – Да и бессмысленно посылать гонца на гибель – Берсерен не поверит нам. Но мы можем послать предупреждение Норрену, хотя вряд ли опередим события.

– Да, – обрадовался Вальборн. – И сообщим ему, что здесь войско в триста человек, чтобы он мог планировать действия. Пишите письмо, я снаряжу гонца.

– Я предпочел бы послать человека, в котором уверен. – Суарен повернулся к молодому человеку, остававшемуся в комнате:

– Риссарн!

– Да, учитель.

– Поедешь в Босхан, отыщешь Норрена и передашь ему мое письмо. Иди соберись в дорогу, а затем приходи сюда.

– Но как я поеду, учитель? У меня нет коня.

– Я дам коня, – вмешался в разговор Вальборн. – У меня есть два подходящих.

Когда они вышли, магистр сел писать письмо. Закончив, он запечатал лист перстнем с головой феникса и вышел на алтарную

площадь, где Вальборн вручал молодому человеку поводья одного из приведенных Ромбаром коней. Взяв письмо, Риссарн махнул обоим на прощанье и поскакал на юг.

V

Пошла вторая неделя с тех пор, как Шемма поселился у Пантура.

Табунщик понемногу привыкал к подземной жизни. В первый же день Пантур сменил прежнюю одежду Шеммы на обычную одежду монтарвов – балахон до коленей, просторные штаны и плетеные сандалии с деревянной подошвой. По ее голубовато-серому свечению Шемма понял, что его здесь держат не за важную персону. Теперь табунщика вполне можно было принять за монтарва, высокого и худого, как Пантур, хотя вблизи становилось заметным различие его белокурой кудрявой головы и серых, пушистых, как одуванчики, голов монтарвов.

Поначалу все они казались Шемме на одно лицо, но вскоре он пригляделся и стал различать мужчин и женщин, стариков и молодых, даже красивых и некрасивых. Общей для местных жителей была спокойная, неторопливая манера держаться и говорить. Дверные занавески не были преградой для звуков, но табунщику ни разу не довелось услышать ни криков, ни шума ссоры, ни громкой речи. Видимо, длительная жизнь в ограниченном пространстве наложила отпечаток на поведение подземных жителей.

Особенно Шемму удивляло необыкновенно точное чувство времени, присущее обитателям подземного города. Когда наступало предзакатное время, называемое здесь утром, весь город поднимался, как по неслышному сигналу, и принимался за ежедневные дела. Другой чертой, не столько удивившей, сколько восхитившей Шемму, было беспримерное трудолюбие монтарвов. Каждый знал и помнил свое дело, и каждый принимался за это дело без понукания, выполняя его так же естественно и неторопливо, как двигался и дышал.

Огромное внимание здесь уделяли поддержанию чистоты в городе.

Каждое утро начиналось с протирания как жилых помещений, так и коридоров. В городские туннели выходили группы от каждой общины, чистили их до блеска и ухаживали за светящимися растениями и мхами. Когда Шемма спросил об этом Пантура, тот ответил, что каменная пыль вызывает массовые болезни.

– Пока мы не понимали этого, в Луре постоянно возникали эпидемии грудной гнили, – пояснил он. – Мы усовершенствовали вентиляцию и следим за чистотой, поэтому в настоящее время болезни редки.

Действительно, воздух Лура был чистым и сухим, здесь легко дышалось, несмотря на то что город располагался глубоко под землей. Монтарвы выдалбливали свои жилища в массивах из цельного гранита, куда более безопасных, чем крошащиеся, потрескавшиеся участки горных пород. Население города увеличивалось медленно, и так же медленно, изо дня в день, местные каменотесы долбили в граните новые комнаты и коридоры. Застройки проводились по плану, созданному учеными Первой общины, отклонение от которого не допускалось, потому что малейшая неточность могла привести к обвалу или затоплению части города.

Зрение монтарвов не выносило открытого огня, но они использовали огонь для хозяйственных и ремесленных нужд. В каждой общине имелась печь, называемая очагом. Печь горела круглые сутки, потому что разжигание огня было трудным, доступным далеко не каждому искусством. У очага располагались комнаты Для мытья и стирки, а также кухня, где готовилась еда Для всей общины. Трижды в день жители общины, Повинуясь неслышному сигналу времени, приходили кухню, где в больших котлах стояла горячая пища.

Кухня монтарвов оказалась просторным помещением с широкой плитой, где стояли вместительные котлы, со столами для разделки продуктов и полками для посуды. Вдоль боковой стены проходил желоб с проточной водой, струйкой падавшей в него из отверстия в стене и уходившей в отверстие на противоположном конце.

Плита была каменной с чугунным верхом, без единой щели, в которую мог бы просочиться отблеск огня. У ее стенок грелись несколько обычных здесь черных и темно-серых кошек.

Шемма удивился, не найдя у плиты привычной дверки, но Пантур объяснил ему, что сама топка не здесь, а внизу. После еды ученый провел Шемму вниз по лестнице и показал комнату, где находилась топка. Часть комнаты занимало хранилище для черного блестящего камня, который Пантур назвал горючим камнем. В дальнюю стену была встроена чугунная дверь топки, у которой, опираясь на лопаты, стояли двое работников в наглухо прилегающих к лицам очках с рубиновыми стеклами. Шемма узнал от Пантура, что, кроме очагов, в трех общинах есть еще и кузницы, и понял, откуда в подземном городе столько металлической утвари.

Пантур почти не оставлял Шемму в одиночестве. С первых же дней он засыпал табунщика вопросами о жизни наверху. Первым, что заинтересовало Пан-тура, была жизнь лоанцев и их история. По истории Шемма не дал толкового ответа: «Ну что сказать –

жили и жили, так всегда и жили…» – зато он с увлечением пускался в воспоминания о своих сельчанах, их привычках и занятиях.

– Вон Тумма, кузнец, – здоровый парень, как я… – Шемма сгибал руки в локтях и с удовольствием озирал свою грудь и плечи. – Как неженатый был, так целый день мог в кузне простоять, а вечером еще и на танцах первый! И теперь здоровяк… Жена у него в год по ребенку приносит. А Денри, мельник?

Богатый мужик, все у него в доме есть, четырех коней держит… А дочка-то у него какая, дочка! – Табунщик замолкал и вздыхал от избытка чувств.

– Конь – это животное? – поинтересовался Пантур, когда Шемма упомянул незнакомое слово.

Пораженный табунщик вмиг позабыл о мельниковой дочке. По простоте душевной ему и в голову не приходило, что подземные жители знать не знают ни о каких конях.

– Конь?! Конь – это… – воскликнул он и задохнулся, не находя слов. – Это… сказка это, и только, чего там говорить! Ну вот что ты без коня?! Идешь по земле и идешь, как дурак. А на коне… сидишь высоко, все видишь… а трава-то внизу – летит! А деревья-то мимо – плывут! А он-то, конь-то – послушный-то какой, умница-то какой! Эх, был у меня Буцек, вот это был конь… Я ведь табунщиком был, коней пас. – Шемма шумно вздохнул. – Выведешь их на луг, лошадок-то, и под кустик… лежишь, солнце греет, травка шелестит, а воздух-то какой, и небо синее…

– Как он выглядит, этот конь? – деликатно спросил Пантур.

Шемма поскучнел. Где им было, этим подземным, понять его чувства!

– Голова у него… четыре ноги… – начал он описывать коня. – Большой такой… а на спину ему садишься. Вот такой он конь, – глубокомысленно завершил описание табунщик.

Красноречие Шеммы не иссякло, пока он не вспомнил чуть ли не всех обитателей лоанского села. Табунщик скучал по дому, по привычной обстановке и любимому делу. Пантур задавал ему множество вопросов о быте и хозяйстве, ответы на которые казались Шемме очевидными, таких, как изготовление хлеба или использование мяса и шерсти животных. Хвалебное слово табунщика окорокам и колбасам было не менее прочувствованным, чем описание коня.

– А уттаки вас не беспокоят? – спросил Пантур, заметивший, что в многословных описаниях Шеммы нет и упоминания об уттаках.

– Чего им нас беспокоить? – изумился табунщик. – Они – вон

где, а мы – вон где. Мы в селе и не видали никогда этих уттаков.

Теперь настала очередь Пантура удивляться.

– Разве ты не убегал от уттаков, когда свалился к нам? – спросил он.

– Было дело, – сразу опечалился Шемма. – Так село-то мое – вон где, а я – вон где! Я ведь уехал из села по просьбе колдуна.

Слово за слово Пантур вытянул из Шеммы подлинное представление о наземном населении Келады. Уттаки, оказывается, давным-давно не господствовали на острове, вытесненные на север пришельцами с моря. Помимо этого ученый понял, что в настоящее время наверху творится что-то неладное, сорвавшее деревенского парня с места на приключения и опасности.

Рассказы Шеммы изобиловали эмоциями и рассуждениями в той же мере, в какой страдали отсутствием ясности и последовательности, поэтому Пантур приложил немало усилий, чтобы воссоздать полную картину путешествия табунщика.

Получив представление о той или иной подробности жизни наверху, ученый заглядывал на полку, где лежала стопка бумаги собственного изготовления, брал лист, разводил водой подсохшие чернила, пододвигал поближе вазу с золотисто-светящимся плющевидным растением, присаживался за стол и аккуратно записывал услышанное.

Шемма скучал рядом – ходил по комнате, зевал, садился и вновь вставал, разглядывая через плечо Пантура ложащиеся на бумагу крючочки и закорючки. По его просьбе Пантур показал ему, как выглядят и как объединяются в числа монтарвские цифры. Табунщик на время позабыл скуку, представляя в уме, как могут выглядеть надписи «Третий кольцевой», «Шестой радиальный», а Пантур записывал и записывал, и на серую монтарвскую бумагу ложились незнакомые прежде слова – «Цитион», «Босхан», «Келанга»… «магия».

Слово «магия», постоянно встречавшееся в рассказах Шеммы, неизменно повергало лурского ученого в недоумение. Он вновь и вновь задавал вопросы о магии, но получал лишь невразумительные ответы, дополняемые жестикуляцией и пожиманием плечами. Наконец терпение Шеммы иссякло раньше терпения Пантура. Табунщик вытащил магические поделки, купленные на Оранжевом алтаре, и заявил:

– Вот! Это – магия.

Пантур, щурясь, рассматривал светлячок Саламандры, огниво и бусы.

– Без магии это просто камни и больше ничего, – сказал табунщик. – Внутрь камня кладут магию, – объяснил он в меру

своего понимания. – Это делают на алтарях, а пользуются везде.

Пантур медленно кивнул.

– У вас в селе испортился такой алтарь? – начал понимать он.

– Он самый! – Шемма обрадовался, что его наконец поняли. – Наш алтарь вызывал дожди, а теперь не может. Вот мы и поехали… – И он вновь начал рассказывать уже известную Пантуру историю.

– А почему вы поехали именно сюда? – перебил ученый Шемму.

– На здешнем алтаре есть сильные маги, – ответил тот. – Вдруг они помогут!

– Разве и здесь есть алтарь? – спросил Пантур.

– Храм богини Мороб – это же и есть Оранжевый алтарь! – пояснил Шемма очевидный для себя факт.

Все встало на места в голове Пантура. По прежним рассказам Шеммы он счел здание над Оранжевым шаром храмом, который люди сверху неизвестно почему воздвигли в честь владычицы Мороб, правившей Луром около трехсот лет назад, а это здание оказалось алтарем, выполняющим магию.

– А этот Оранжевый алтарь не испортился? – спросил он Шемму.

– Кто его знает… – ответил табунщик. – Я так и не поговорил с ихним главным – уттаки помешали.

Пантур в задумчивости вертел палочку для письма.

– Тебе никто не говорил, почему испортился ваш алтарь?

– Это все главарь уттакский, Каморра, – убежденно сказал Шемма. – Равенор так считает, а он – маг, каких поищешь. И Тифен так считает.

– Каморра тоже уттак? – взглянул на него Пантур.

– Нет. Он – маг, из здешних. Конечно, не Равенор, но сильный маг.

Все так говорят.

В этот день Пантур больше не задавал табунщику вопросов. Он осмысливал факт существования неизвестной в Луре силы, широко используемой людьми сверху и называемой магией. Шемма давно спал, раскинувшись на жесткой лежанке и похрапывая во сне, а кошачьи глаза Пантура все глядели в потолок, не замечая знакомых гранитных узоров. Старый ученый думал, что хорошо бы побывать в храме Мороб, поговорить о таинственном явлении – магии – и узнать от сведущих людей, что это такое. Думал он и о тревожных событиях, разоривших храм, и о напасти с севера, грозящей жителям удивительных городов, описанных Шеммой.

Судьба табунщика, лоанского посланца, тревожила Пантура.

Ведь лучшее, чего мог ожидать Шемма, – навсегда остаться в Луре, и даже на это нужно было уговорить владычицу и, еще хуже, ее советника. А где-то там, в Лоанской долине, такие же крестьяне, как Шемма, дожидались помощи от своего гонца.

Пантур сочувствовал Шемме – угораздило же этого парня свалиться в шахту! – но не знал, как ему помочь, не нарушив законов Лура.

Следующий день начался, как всегда, с мытья коридоров и завтрака, но вскоре Шемма заметил, что привычный распорядок дня монтарвов нарушился.

Казалось, никто не пошел работать – коридоры Лура и центральный зал общины заполнились гуляющими без дела монтарвами. Табунщик, привыкший к тому, что жизнь Лура текла так же размеренно, как вращалось водяное колесо на мельнице Денри, не замедлил узнать у Пантура, что произошло в городе.

– Кошки ушли к пруду, – объяснил ученый. – Праздник новолуния начался.

– К пруду? – изумился Шемма. – Что им там делать?

– В каждой общине есть пруд, где разводят рыбу, – начал рассказывать Пантур. – Три дня новолуния – это наш праздник. В эти дни у нас никто не работает, кроме тех, кто поддерживает огонь в очагах и готовит еду.

Праздник начинается рыбной ловлей и всеобщим пиром, затем – еще два дня отдыха и веселья.

– Можно будет поесть рыбки?! – обрадовался вечно голодный от растительной пищи табунщик.

– Да, раз в месяц здесь все едят рыбу. Чаще нельзя, иначе количество рыбы в пруду не восстановится. Тебе интересно посмотреть, как ее ловят?

Шемма охотно согласился. Когда они с Пантуром пришли к пруду, там еще не было никого, кроме кошек. Зато кошек было невероятно много – черные и серые, с гибкими хвостами, с блестящими зелеными глазами, они лежали на берегу, крутились у пруда, заглядывали в спокойную черную воду.

– Здесь все кошки Лура? – спросил Шемма.

– Кошки нашей общины, – ответил Пантур, нагибаясь и гладя вертевшихся у ног животных. – Мы их называем лунными, потому что они безошибочно чуют день новолуния.

– Как их много! – покачал головой табунщик. – Каждому жителю хватит по кошке.

– Нет, их меньше, примерно одна кошка на шесть жителей. Они нужны и полезны, потому что уничтожают всеедов. На плантациях и в заброшенных коридорах полно всеедов.

– Эти всееды – они и людей едят? – спросил обеспокоенный

Шемма.

Про себя он подумал, как было бы ужасно, убегая тайком из Лура, наткнуться в темном коридоре на всееда.

– Они опасны, когда их много, – ответил Пантур. – Это небольшие зверьки, слепые, с длинными голыми хвостами. Едят все, что можно съесть.

Поняв, что всеед выглядит наподобие слепой подземной крысы, Шемма успокоился. Пантур подвел его к краю пруда и указал на воду. В темной глубине мелькали сотни, тысячи голубых огоньков, передвигающихся группами по три штуки.

– А вот и наши трехглазки, – сказал ученый. – Их так называют за три огонька на голове.

Шемма пощупал воду, ожидая пещерного холода, но она оказалась теплой.

– В холодной воде трехглазки плохо растут, поэтому мы ее греем, – заметил Пантур. – Струи, наполняющие пруд, протекают вдоль стенок очага.

В коридоре показалась группа монтарвов, несших котлы и сеть. Здесь были только мужчины, одни из них разделись догола и пошли с сетью в воду, другие с котлами дожидались улова на берегу. Рыбаки обходили пруд и вытаскивали на берег сеть, полную трехглазок, одни помощники выбирали улов, бросая крупную рыбу в котлы, а мелкую – назад в воду, другие отгоняли обезумевших от жадности кошек. Шемма забыл, что перед ним монтарвы, он видел просто людей, весело выполняющих работу, бывшую и ритуалом, и развлечением.

Рыбу понесли к разделочным столам на берегу пруда. Здесь ей рубили головы, которые заботливо складывали в отдельный котел, внутренности вынимали и бросали кошкам, чтобы досталось каждой. Когда разделка рыбы закончилась, котлы унесли в кухню, а на освободившиеся столы хлынула кошачья толпа, подлизывающая, подчищающая остатки. Вскоре и берег, и столы засверкали чистотой, а кошки разбрелись по общине до следующего новолуния.

Пантур и Шемма вернулись в комнату. Вскоре по коридорам распространился густой и аппетитный запах готовящейся в кухне рыбы. Шемма, едва поддерживая разговор, нетерпеливо принюхивался к заполняющему коридоры запаху.

Наконец Пантур поднялся и позвал с собой табунщика.

В кухне разливали похлебку из рыбы. Монтарвы забирали дымящиеся миски и отправлялись в обеденный зал, туда же пошли Пантур и Шемма. Там за столами сидели празднично одетые жители общины. На женщинах и даже на некоторых мужчинах поблескивали украшения из драгоценных камней.

Шемма начал было хлебать горячую жидкость, но Пантур остановил его. Только тогда табунщик заметил, что все сидят не притрагиваясь к пище.

Когда община расселась за столами, в зал вошла владычица Хэтоб в сверкающем драгоценностями платье, сопровождаемая советником. Она встала на возвышение и четким голосом произнесла нечто среднее между молитвой и торжественной речью, пожелав общине здоровья и достатка, затем села за свой стол и первой попробовала похлебку. Вслед за ней принялись за еду и вся община, и вконец истекший слюною Шемма.

Когда первое было съедено, из кухни появились женщины с противнями и положили каждому на блюдо по большой печеной трехглазке. Шемма никогда еще не ел такой сочной, жирной и нежной рыбки. Он мгновенно умял свою порцию и огляделся по сторонам, но добавки не предвиделось. Монтарвы пировали, как и жили, экономно и без излишеств.

В конце дня Пантур повел Шемму в центр города. Вскоре они пришли в великолепный лабиринт из лестниц, колонн и залов, цветущий гранитным кружевом узоров и каскадами разноцветных вьющихся растений. Повсюду гуляли монтарвы, слышались негромкая речь и смех, звучала музыка, создаваемая флейтами, свистульками и губными гармошками.

Шемма вспомнил поляну за родным селом, где по вечерам бывали танцы, и понурился, чувствуя себя одиноким среди чужой радости. Пантур привел его в зал, куда с утра принесли из общин лучшие травяные картины. В зале было тесно от монтарвов, сюда пришла и сама владычица со слугой и служанкой.

Беззаботное, праздничное настроение жителей Лура, веселящихся у себя дома, нагнало тоску на табунщика, скучавшего по своему селу и односельчанам.

Праздник новолуния тянулся еще два дня. Пантур, соблюдая традиции, почти не задавал Шемме вопросов и не записывал его рассказов, а водил табунщика на прогулки в центр и в соседние общины. Лур не зря назывался великим – за эти дни Шемма не увидел и половины города. Ему стало ясно, что еще немало дней потребуется, чтобы разобраться в разветвленной, многоярусной структуре Лура.

Шемма вспомнил о плане города, где, конечно, должны быть пути на поверхность, и предпринял попытку разузнать о нем у Пантура.

– Здесь столько всего из дерева! – начал он. – Неужели деревья растут под землей?

– Нет. Мы приносим их сверху, – ответил Пантур. – Эти выходы охраняются, – добавил он, заметив просиявшую

физиономию табунщика.

Шемма поспешно сменил тему разговора.

– А там, в храме, все еще уттаки? – спросил он.

– Уттаки давно ушли, – сказал Пантур. – Сейчас там стоит войско, которое, наверное, их и выгнало.

Шемма обрадовался. Он не забывал оставшегося в храме Витри, а сообщение позволяло надеяться, что его товарищ спасся.

– Поглядеть бы и мне… – попросил он. – У меня там товарищ…

– Завтра, как проснемся, я покажу тебе поселок, – пообещал Пантур.

На следующий день он повел Шемму на смотровую площадку. Табунщик поначалу запоминал цифры на стенах туннелей, но вскоре безнадежно сбился.

Травяное освещение исчезло, гладкие, отделанные резьбой коридоры сменились грубо обработанными проходами. Потянуло свежим воздухом, путь вильнул в последний раз, и они оказались на смотровой площадке Л ура.

Шемма с жадностью смотрел на простор, которого не видел больше двух недель. Солнце давно село, лишь светлая полоска неба у горизонта указывала, что здесь поздний вечер. Табунщик шагнул вперед, но Пантур удержал его – в нескольких шагах перед ними была пропасть. По сторонам, снизу и сверху простиралась отвесная стена, на срез которой наискось выходил коридор, замаскированный под расщелину. Шемма понял, почему Пантур так легко согласился на его просьбу, – бежать отсюда было невозможно.

Ученый тем временем всматривался туда, где виднелось село и храм, – густые сумерки не были препятствием для зорких кошачьих глаз Пантура. Поляна пестрела кострами, горящими у конических шалашей, огромное множество не людей – уттаков заполняло и село, и поляну, и территорию храма.

– Шемма! – воскликнул Пантур. – Здесь опять уттаки!

– Где? Не вижу… – встрепенулся табунщик. – Вижу… костры, шалаши… – докончил он упавшим голосом.

– Не нравится мне это, – пробормотал ученый. – Как их много!

Похоже, погибло и село, и храм. Рядом шумно вздохнул Шемма.

– Витри-то, Витри-то… – запричитал он. – Неужто не догадался уйти? Ох, никто тут в живых не остался…

Когда они вернулись в Первую общину, личный слуга владычицы, дожидавшийся в центральном зале, поспешил навстречу Пантуру.

– Владычица ждет вас, – сказал он ученому.

Владычица дожидалась Пантура у себя в покоях, здесь же был Данур.

Увидев ученого, она нетерпеливо шагнула навстречу.

– Где ты ходишь, Пантур? – повысила она голос, – Ты заставил меня ждать.

– Простите, великая, я не знал, что понадоблюсь вам, – склонил голову Пантур. – Я был на западной смотровой площадке. Наверху происходят важные события…

– Важные события! – перебила его Хэтоб. – Что может быть важнее того, что мои плантации гибнут! Данур сообщил, что этой ночью Оранжевый шар снова остыл.

– Я ничего не слышал об этом.

– Я немедленно послала за тобой, но тебя не было. Ты узнал, в чем причина порчи шара?

– Но, великая…

– Какие еще «но»! – вспылила владычица. – Еще в середине прошлого месяца я поручила тебе разобраться в этом. Я пощадила человека сверху и отдала его тебе для помощи. Объясни же нам, в чем причина нашего несчастья?!

– Я лишь на пути к истине, – начал объяснения Пантур. – Там, наверху, люди используют силу, называемую магией. Я начинаю думать, что ту же самую силу излучает наш шар, только мы называем ее по-другому – теплом шара.

– Значит, люди сверху испортили наш шар! – Хэтоб мгновенно ухватилась за слова Пантура. – Этот поселок наверху, прямо над шаром, становится опасным!

– Подождите! – Пантур предупреждающе поднял руку. – Нам нужна настоящая причина, а не выдуманная. Поселок двести лет стоял здесь, и вреда от него не было. Теперь там одни развалины – уттаки разорили его.

– Вчера там не было уттаков, – вмешался в разговор Данур.- Мне бы доложили.

– Я только что оттуда и видел это собственными глазами. Видимо, они напали на поселок, когда мы спали.

– В прошлый раз, когда шар остыл, уттаки тоже были в поселке, – неожиданно вспомнила владычица. – Это все из-за них! Мы нападем на них, когда они спят, и уничтожим всех!

Опрометчивое решение Хэтоб яснее всего прочего говорило о ее волнении. Советник, в отличие от нее, сохранил хладнокровие и понимал всю опасность такой вылазки.

– Не нужно торопиться, – сказал он. – Может быть, пока мы здесь спорим, к шару уже вернулась сила… как ты сказал, Пантур? Магии?

Тот не ответил, поглощенный внезапно возникшей мыслью. Практичный ум владычицы ухватил закономерность слишком поверхностную, чтобы прийти в голову ученому, но эта закономерность заслуживала внимания. Магия была значимой силой наверху, и, конечно, нападающим было важно устранить ее.

– Пантур!

Ученый вздрогнул и поднял голову.

– Как они используют магию там, наверху? – Советник смотрел на него в упор, дожидаясь ответа.

– Как угодно, – ответил Пантур. – Жаль, что этот парень сверху – не маг, от него не добьешься подробностей.

– Маг?

– Человек, который умеет работать с магией, – пояснил ученый. – Такой человек больше бы рассказал нам о ней… и, возможно, сумел бы разобраться, что произошло с нашим шаром. Этот парень, Шемма, как раз приехал к магам по такому же делу, как наше. У них в селе испортился источник магии.

– Значит, такое происходит не только у нас, – отметила Хэтоб. – Он не говорил почему?

– Вероятно, это связано с войной, которая началась у них с месяц назад, – сказал ученый. – Вы верно заметили, великая, те, кто стоит за уттаками, могли испортить местную магию, а заодно и наш шар.

– До сих пор Оранжевый шар восстанавливался сам, – заметил Данур.

– Война началась месяц назад, а неприятности с шаром у нас с весны.

– Что вы предлагаете? – Владычица посмотрела на обоих.

– Шар должен скоро восстановиться, – сказал советник. – А наш мудрец пусть продолжает выяснять, что нужно, чтобы этого не случалось впредь. – Он с усмешкой взглянул на Пантура.

– А я считаю, что мы не обойдемся без помощи магов, – ответил ученый. – Мы слишком мало знаем о силе, которую излучает шар.

– Как ты представляешь себе эту помощь? – спросила у него владычица.

– Мы можем поручить Шемме отыскать магов и попросить их помочь нам.

И Хэтоб, и Данур уставились на него как на безумца.

– Но тогда он должен покинуть Лур и выйти наверх, – сухо сказала владычица. – Наши законы не позволяют этого.

– Законы нужны, пока они полезны, – напомнил Пантур. – Вы это знаете, великая.

– Нам нельзя выдавать своего присутствия людям сверху. Тем

более, когда там – война! – заволновалась Хэтоб.

– Это невозможно, Пантур, – отрезал советник. – Вместо того чтобы выполнять поручение владычицы, ты спешишь заявить о своем бессилии, даешь заведомо неприемлемые советы!

– Этого не будет, – подтвердила владычица. – Пантур, поторопись отыскать причину своими силами. Проси все, что нужно, и ты это получишь, но не проси отпустить наверх нашего пленника. – Она жестом показала, что разговор закончен.

Вернувшись к себе, Пантур застал Шемму спящим – табунщик обычным способом заполнял выдавшийся досуг. Ученый посмотрел на него, затем взял из шкафа очки с рубиновыми стеклами, такие же, какие использовались в комнатах-топках, и вышел наружу.

К Оранжевому шару, располагавшемуся вдали от центра Лура, вели два туннеля – с верхнего и среднего ярусов города. Пантур пошел коротким путем через верхний ярус. По пути он расспросил о шаре попавшихся навстречу рабочих с плантаций владычицы. Оказалось, что шар остыл этой ночью и все еще не восстановился. Ученый долго шел прямым, без ответвлений туннелем, пока не вышел в просторный подземный зал, необработанные своды которого, казалось, имели естественное происхождение.

Яркий свет ослепил его. В дальнем конце зала, ни на что не опираясь, невысоко над землей висел Оранжевый шар, окруженный кольцеобразным прудом. Пантур надел рубиновые очки и подошел поближе. В пруду жили сотни саламандр – черно-рыжих тварей, похожих на ящериц, но с влажной лягушачьей кожей, с золотистыми выпуклыми глазами на плоских головах. Сейчас саламандры лежали неподвижно, уткнувшись головами в берег, корм остался несъеденным. Не было и знакомого щекочущего, пронзающего ощущения, усиливающегося по мере приближения к шару, того самого, которое называли теплом шара.

Плантации располагались вокруг Оранжевого шара и имели по два выхода, как и все хозяйственные помещения Лура. Туннелями, ведущими к шару, никто не пользовался, так как его свет был слишком ярок для глаз подземных жителей. Пантур свернул на масличные плантации, чувствительные к ослаблению излучения шара. Кусты, ровными рядами высаженные в плодородную землю, принесенную с поверхности, выглядели свежими и здоровыми, но бутоны потеряли упругость и поникли.

Пантур уже знал, что разные культуры по-разному отвечают на отсутствие излучения. Некоторые, такие, как грибы и древесные плодовые растения, останавливались в росте и

развитии, другие увядали и вскоре засыхали.

Он обошел плантации одну за другой. Пока не было явных признаков упадка, но все же чувствовалось, что растения поблекли и обессилели. Лишь лунные кошки, которых здесь было немало, все так же бодро выбегали навстречу ученому и с громким мурлыканьем терлись о его ноги.

«Возможно, Данур прав… – думал Пантур. – Скорее всего, к концу дня шар восстановится. Но сколько можно оставаться беспомощными перед непонятным явлением? А если шар остыл не на сутки, а на двое, трое суток? Вновь пропадет впустую долгий, кропотливый труд на плантациях, вновь на кухне будут бояться положить лишнюю ложку еды в протянутую миску… Нужно изучать Оранжевый шар, и если есть те, кто знает больше…»

Закончив осмотр плантаций, ученый пошел обратно в Лур через туннель среднего яруса. Теперь он выбрал длинную дорогу, чтобы в пути обдумать, как лучше выполнить принятое решение – через Шемму встретиться с живущими наверху магами.

VI

– Еще немного, Витри! – Лила натянула на ноги мокрые башмаки и ободряюще улыбнулась лоанцу. – Показывай, где Красный камень!

Витри прислушался к внутреннему ощущению, усилившемуся здесь, рядом с Красным камнем, и указал на маячившую вдали точку. Лила встала вплотную к лоанцу и вгляделась по направлению его вытянутой руки. Палец Витри указывал на вулкан, чуть левее вершины, туда, где в нижней части конусообразного склона виднелось что-то вроде вмятины.

Она вновь пошла впереди, непостижимым чутьем придерживаясь указанного лоанцем направления. Теперь магиня по-настоящему спешила, и Витри был озабочен только тем, чтобы выдерживать взятый ею темп. Они шли без привалов, лишь дважды остановившись, чтобы глотнуть воды из ручья.

Конус вулкана приближался, заполняя собой все большую часть неба.

К вечеру стало видно, что столб Дыма над вулканом пульсирует, то исчезая, то с грохотом вырываясь из направленного в небо жерла.

Вместе с дымом взлетали каменные обломки, тут же падавшие вниз и скатывавшиеся по склонам горы, вслед им угрожающе вспыхивали красные языки огня. В эти мгновения Витри казалось, что земля дрожит у него под ногами. Когда стемнело так, что он едва мог различать спину Лилы в двух шагах впереди, магиня остановилась.

– Заночуем здесь, – сказала она, спуская мешок с плеч. Витри достал пару дорожных лепешек и подал ей одну. От усталости ему не хотелось есть, но он все-таки прожевал свой кусок, помня о том, что нужно подкрепить силы. Очередной взрыв вулкана осветил осунувшееся лицо магини.

– Земля дрожит, – усталым голосом сказала она. – Это дыхание вулкана.

– Когда мы шли, она тоже дрожала, – подтвердил Витри, – но я думал, что мне показалось.

– В старых книгах написано, что дыхание вулкана несет смерть, – равнодушно заметила магиня. – Придется нам проверить, можно ли доверять старым книгам.

– Угу, – с тем же безразличием отозвался Витри. Сейчас смерть казалась ему теплым одеялом, под которым нет ни изнуряющего пути, ни василисков, ни уттаков со стрелами, и никуда не нужно спешить. Он опустил голову на мягкую землю и

в следующее мгновение забылся сном, глубоким, как смерть.

Сон Лилы, напротив, был поверхностным и беспокойным. Дрожь земли отзывалась в ней безотчетной тревогой, создающей стремление немедленно покинуть опасное место. Лила вновь и вновь усилием воли подавляла тревогу, вспыхивавшую в ней после каждого подземного толчка, как язык огня в жерле вулкана. На исходе ночи магине удалось задремать, но раздавшийся над ухом крик Витри заставил ее вздрогнуть и вскочить.

– Что случилось.? – спросила она спросонок, озираясь вокруг.

Витри сидел в напряженной позе, глядя на Лилу широко раскрытыми глазами.

– Скорее, скорее… – забормотал он магине, словно оставаясь во сне. – Мы можем опоздать.

Лоанец вскочил и схватился за мешок. Лила машинально сделала то же самое.

– Он зовет меня, – пояснил Витри. – Еще чуть-чуть, и будет поздно.

– Кто?!

– Оригрен. Скорее!

Они побежали к вулкану, Витри – первым, Лила – за ним. Путь пошел на подъем, куски леса чередовались с обширными проплешинами, поросшими диким кустарником, – следами давних пожаров. Громада вулкана закрывала полнеба. В утреннем сумраке было видно, что по ее склону стекает огненный ручей, направляясь в котловину у подножия, туда, куда спешил Витри.

С первыми лучами солнца они выбежали на край котловины у подножия вулкана. В ее стенах виднелось несколько ярусов заброшенных пещер, к которым вели давно осыпавшиеся каменные ступени. В центре котловины, на выпуклом холме, возвышался огромный каменный идол, названный Витри Дуавом, во лбу которого горел единственный пурпурно-красный глаз. Ручей лавы, достигнув котловины, падал на ее дно с противоположной стены и двумя стоками огибал холм с идолом.

– Жди здесь, Витри! – Лила скатилась по склону и пробежала на холм между двумя готовыми сомкнуться потоками лавы. Жар черно-красного вязкого месива наполнял котловину дрожащим, струящимся воздухом, размывающим очертания идола и бегущей к нему маленькой женщины. Она остановилась у ног Дуава и вскинула голову вверх, туда, где на высоте в три человеческих роста сиял Оригрен, Средний Брат.

Витри безотрывно смотрел, как его спутница подтаскивает камни к ногам идола, как затем, взобравшись на них, подтягивается вверх на скрещенные на груди руки идола, а с них – на широкое каменное плечо. Усевшись верхом на плече Дуава,

она потянулась к глазнице и вытащила оттуда Красный камень.

Спрятав камень за пазухой, Лила соскользнула с идола и побежала назад по склону, но остановилась на полдороги. Потоки лавы, огибающие холм, сомкнулись и закрыли ей путь назад. Магиня оказалась на острове посреди озера лавы, уровень которого постепенно поднимался, питаемый вытекающим из жерла потоком.

– Витри! – окликнула она лоанца. – Мне не выйти отсюда!

Витри корил себя, что, заглядевшись, не заметил опасности и не предупредил магиню. Он спустился вниз, но из-за жара не смог подойти к самому краю лавы.

– Иди вон туда! – услышал он голос Лилы. – Там узкое место, я переброшу тебе камень.

Витри побежал вдоль края лавы налево, куда указывала его спутница.

Она шла вслед за Витри по внутреннему краю огненного кольца, пока они оба не оказались у узкого места.

– Лови камень! – Подойдя как можно ближе к огненной границе, она достала Красный камень и приготовилась перебросить его через лаву. – Ты должен успеть на берег океана раньше посланца Каморры – там его лодка, ты уплывешь на ней. А когда вернешься в Келангу, передай камень в верные руки.

– А как же ты?! – закричал Витри.

– Сам видишь, как… – Она повела вокруг взглядом. – Лови!

Камень красной искрой сверкнул в воздухе, перелетел через лаву и приземлился прямо в руки лоанцу. Как только Витри коснулся камня, мгновенный укол пронзил его с головы до пят, и заклятие Каморры потеряло силу. В ладонях лоанца лежал дивной красоты кристалл, в котором, если верить легендам, заключалась душа Оригрена, Среднего Брата, разбудившего его этой ночью.

***

Витри поднял глаза на Лилу, глядящую на него сквозь зыблющийся воздух.

– Сохрани его, Витри, – повторила она. – И поторопись назад.

– Я не оставлю тебя! – чуть не плача крикнул он. Она ничего не успела ответить. С южного края котловины раздался яростный вопль, похожий на рычание. Лила и Витри увидели на краю обрыва знакомого им полууттака, в бешенстве потрясавшего

секирой. Посланец Каморры сорвал с плеча лук и выстрелил в магиню, но промахнулся. Стрела упала в лаву и мгновенно вспыхнула, превратившись в узкую полоску белого пепла. Лила, еще не смирившаяся с неизбежной гибелью, побежала за спину идола, прячась от стрел.

***

– Беги, Витри! – закричала она.

Боварран уставился на лоанца, стоявшего неподвижно в нескольких шагах от лавового потока. Почувствовав на себе взгляд врага, Витри опомнился и полез вверх по склону. Полууттак, не надеясь на стрелы, кинулся ему наперерез по верхнему краю обрыва, но Витри успел выбраться из котловины и скрыться в лесу.

Лоанец помчался через лес, прочь от вулкана, через кусты, камни, поваленные деревья. Выбившись из сил, он остановился и прислушался. Треск ломаемых сучьев убедил его в том, что полууттак все еще гонится за ним. Витри собрался с силами и вновь побежал, петляя по лесу, чтобы скрыть след, но каждый раз, останавливаясь, слышал позади погоню. Внезапно он догадался, почему полууттак не сбивается со следа, – Красный камень благодаря заклинанию Каморры был верным указателем для его посланца.

Витри понял всю безнадежность бегства, но не сдался. Можно было бы выбросить камень и спастись, но мысль о магине, погибающей в лавовом кольце ради этого камня, добавила лоанцу сил, и он что есть духу помчался прямо на юг.

Преодолевая широкую прогалину, полностью состоявшую из цепких кустарников и горелых пней, он оглянулся и увидел бегущего за ним полууттака. Витри в отчаянии закричал и бросился налево, в лес, чтобы укрыться среди деревьев.

У опушки ему показалось, что из леса раздался ответный крик.

Повернувшись на голос, он споткнулся на полном бегу и, падая, ударился головой о пень.

***

Витри пришел в себя от ощущения холода на лбу. Приоткрыв глаза, он увидел склонившееся к нему лицо молодого человека, придерживавшего рукой свешивающиеся вперед длинные волосы. В его другой руке была фляжка, из которой он тонкой струйкой лил воду на лоб лоанцу. В серых глазах молодого человека светились доброта, сострадание и что-то еще, заставившее Витри сказать:

– Вы – маг?

Альмарен от неожиданности опустил фляжку.

– А я-то боялся, что ты сильно расшибся, – дружелюбно сказал он. – Теперь вижу, что мозги у тебя уцелели. Как ты догадался?

Витри и сам не знал как. В склонившемся над ним человеке он бессознательно ощутил внутреннее сходство с двоими магами, которых он уже знал, – Лилой и Равенором.

– Вы, маги, смотрите как-то по-другому, не так, как обычные люди, – попробовал он объяснить.

– Разве? – удивился Альмарен. – Впервые слышу. А в чем разница?

– Вы, каждый по-своему… – замялся Витри, – будто бы, помимо обычной жизни, видите еще какую-то неизвестную остальным глубину… или вечность, что ли… – Он замолк, не зная, какими словами выразить это ощущение.

– Мы, маги, глядим в вечность? – словно пробуя слова на вкус, повторил Альмарен. – Как красиво!

Витри приподнялся на локте. Память о погоне постепенно возвращалась к нему.

– А где полууттак? – с тревогой спросил он. – Вон там. – Альмарен кивнул куда-то вбок. – Кстати, ты мне напомнил об одном деле. – Он поднялся с колен и пошел к убитому Боваррану. Вытащив белый диск с груди посланца Каморры, он легким щелчком рассыпал амулет в крошки. Витри тем временем сел и ощупал свой лоб, где вырастала огромная шишка. Он окончательно пришел в себя и вдруг вспомнил – Лила!

– Послушайте! – закричал он магу, вскакивая. – Идемте скорее к идолу! Может, она еще жива! Мы должны спасти ее!

Альмарен поспешно вернулся к Витри.

– Где она? – спросил он.

– Там. – Витри потащил Альмарена за собой. – Она у идола и не может выбраться. Мы ведь придумаем что-нибудь? Вместе, да?

– Конечно, придумаем, – успокаивал его Альмарен, а Витри все бежал вперед, будто бы не истратил последние силы, спасаясь от Боваррана. Вскоре он вывел мага на край котловины и застыл

на месте.

На дне котловины дышало жаром лавовое озеро, доходящее идолу до колен. Дуав равнодушно возвышался над ним, сложив каменные руки на груди и озирая окрестности единственной пустой глазницей. Силы разом оставили Витри, он упал на землю лицом вниз и горько зарыдал, во второй раз оплакивая гибель близкого человека. Ему казалось невозможным, невероятным, что его спутницы больше нет, что из мира исчезли ее упорство и воля, ее терпение и чуткость, ее удивительное умение вмещать в себя, океанскую стихию и видеть Келаду с высоты полета сеханского кондора. Альмарен, потрясенный взрывом отчаяния лоанского парнишки, опустился рядом с ним на колени.

– Ладно, не горюй, – попытался он найти слова утешения. – Время такое, что делать… Посланец Каморры мертв, а мы с тобой живы… В войне без жертв не бывает…

– Ты не знал ее… – прорыдал безутешный Витри. – Она была такая… такая… как этот проклятый камень, из-за которого… Но она была живая, понимаешь, живая!

Альмарен замолчал, дожидаясь, пока парнишка успокоится. Наконец тот оторвал от земли опухшее лицо, а затем сел, опустошенно глядя перед собой.

– Камень у меня, – сказал он Альмарену.

– Я знаю, – подтвердил маг. – Я чувствую его здесь. – Он указал на грудь лоанцу.

– Она просила передать его в верные руки, – сказал Витри.

– Передай его мне, – предложил Альмарен. – Ты достаточно из-за него натерпелся.

Витри взглянул на молодого мага, на его руки – подвижные кисти, узкие, но сильные ладони, крепкие, длинные пальцы. Видимо, эти руки показались лоанцу верными, потому что он полез за пазуху, вынул сверкающий кристалл и вложил в ладонь Альмарену.

– Вот он какой, Оригрен, – залюбовался камнем маг. – Знаешь, я видел такой же, только синий. Лилигрен.

– Ее звали Лила, – сказал Витри.

– А тебя? – спросил Альмарен. – Ори?

– Витри.

– А меня – Альмарен. Вот и познакомились. Пора нам, Витри, в обратный путь.

Лоанец послушно кивнул и поднялся на ноги. Они пошли прочь от вулкана, туда, где за горизонтом оставалась Келада. Альмарен приноравливался к шагу обессиленного Витри, чувствуя внутри пустоту оттого, что никогда уже не увидит женщины с удивительным голосом, маленькой и хрупкой, но все-

таки опередившей посланца Каморры на пути за Красным камнем. Витри с каждым шагом шел все медленнее, хотя и не жаловался. Достигнутая цель освободила всю его усталость, накопившуюся за долгие дни пути.

– Привал, парень, – сжалился над ним Альмарен. – Без отдыха ты далеко не уйдешь.

Они сели под деревом, глотнули воды из фляжки Альмарена, вынули еду.

– У меня одни дорожные лепешки, – извиняющимся тоном сказал маг.

– У меня тоже.

– Ничего не поделаешь, дорога. – Альмарен протянул кусок лепешки лоанцу. – Эта с медом. – Витри взял кусок.

– Ты ведь из Лоана, да? – продолжил разговор маг. – Ты всех своих односельчан знаешь?

– Да.

– Скажи, кто те двое, которые были в Цитионе по поручению колдуна?

– Это я.

– А другой?

Витри не ответил. Альмарен, увидев его лицо, не стал уточнять вопрос.

– Я знаю, из-за чего ваш алтарь потерял силу, – сказал он.

Витри поднял голову. Альмарен рассказал ему все, что знал о роли камней Трех Братьев в управлении магией и о перемещениях Синего камня.

– Сила вернулась к вашему алтарю через три дня после того, как вы ушли из села, – заметил он в конце рассказа. – Жаль, что ты зря преодолел такой дальний путь.

Витри ответил не сразу. Он вспомнил долгую дорогу в Келангу, тюрьму и побег, нападение уттаков, опасный, изнурительный путь на Керн. Было о чем рассказать, но слова не шли наружу.

– Не зря, – только и сказал он, а затем повторил, уже тверже:

– Не зря.

Альмарен и Витри пересекали обширную лесную поляну, бывшее пожарище, когда их остановил окрик:

– Эй!

Оба замерли как вкопанные и обернулись на голос, неожиданный на этом безлюдном острове. Сзади и справа от опушки отделилась человеческая фигурка и направилась к ним.

– Эй, Витри! – позвала она лоанца. Витри узнал ее. Лила, которую он считал погибшей, пробиралась к нему через покрытую пнями и колючкой поляну.

Он остолбенел от радости и облегчения, не догадавшись даже побежать навстречу.

Альмарен с любопытством уставился на черную жрицу, с самого Оранжевого алтаря занимавшую его воображение. Она спешила к ним, легко перескакивая через пни и разводя руками дикий малинник, но за несколько шагов остановилась.

Такой и увидел ее впервые Альмарен – исхудавшую и обветренную, в драной крестьянской одежде, с хлопьями вулканического пепла на плечах и коротких, встрепанных волосах. Но на дне ее синих глаз тлел неукротимый огонек еще живой, еще готовой принять борьбу пантеры. Она замерла в нескольких шагах, рассматривая чужака, ее испытующий взгляд встретился со взглядом молодого мага, стараясь проникнуть в самую глубину его сознания, ухватить его суть и смысл.

Внутри Альмарена что-то дрогнуло и оборвалось, проваливаясь в свободном падении навстречу ее глазам. Когда он справился с головокружением, взгляд магини, успокоенной итогом исследования, был уже обыкновенным и приветливым. Альмарену показалось, что когда-то он хорошо знал и это лицо, и эту улыбку, но забыл в бесконечно долгой разлуке.

– Я вижу, ты друг, – сказала она. – Камень здесь?

– Здесь. – Он положил руку на левую половину груди.

– А посланец Каморры?

– Я убил его.

Она медленно кивнула, затем взглянула на лоб Витри, на красовавшуюся там огромную шишку.

– Откуда это у тебя?

– Упал, когда убегал. – Витри обрадованно рассматривал ее. – Я думал, что ты погибла. Всю котловину залило огнем.

– Смерти не везет со мной, – отшутилась магиня. – Знать бы, для чего. Глоток воды у вас найдется?

Альмарен подал ей свою фляжку.

– Как же ты спаслась? – спросил Витри. – Неужели магия?

– Никакой магии. – Ресницы Лилы взлетели вверх, как крылья бабочки, в глазах заискрился смех. – Обыкновенный подземный ход в задней части идола, которым, наверное, пользовались местные жрецы. А то досталась бы я Дуаву на жаркое… Впрочем, и под землей были свои неприятности – ход кое-где обвалился от ветхости, поэтому я не сразу выбралась наверх. Когда я вылезла, я сначала разыскивала тебя, а потом пошла к лодке. Туда пришел бы или ты, или посланец Каморры. Но остров оказался более людным, чем я думала. – Она кинула на Альмарена быстрый взгляд и спросила:

– Ты как сюда попал?

– Это долгая история, – ответил Альмарен. – Мой друг, магистр ордена Грифона, и я два месяца назад выехали из Тира в погоне за похитителями Синего камня…

– Он допустил, чтобы Синий камень украли?! – гневно воскликнула Лила.

– Наверное, сейчас Синий камень уже у него, – поспешил сказать Альмарен. – Не думай о нем плохо, это замечательный человек. Он остался у Бетлинка, чтобы выкрасть Синий камень у Каморры, а я отправился сюда. Вальборн рассказал о вас и о посланце, поэтому я спешил.

– Ты успел очень вовремя, – вставил слово воспрявший духом Витри.

– Полууттак почти догнал меня.

– Когда я выбежал на поляну, он был в нескольких шагах от тебя, – сказал ему Альмарен. – Я даже подумал, что он подстрелил тебя из лука. Мы схватились в бою, и я оказался удачливей.

– Да, удача пока с нами, – подтвердила Лила. – Не будем же ее разочаровывать и поспешим на берег.

Альмарен пропустил вперед Лилу и Витри, замкнув маленькую группу.

Он убил врага и спас друга, поэтому чувствовал себя взрослым мужчиной, воином, защитником своих слабых и безоружных спутников. Меч у пояса, до встречи с посланцем Каморры бывший только цепляющейся за кусты помехой, больше не раздражал его.

К вечеру лес расступился. Перед путниками открылся Кернский пролив, а за ним – берег Келады, круто обрывающийся в океан. Лодка нашлась на берегу невдалеке от кромки воды. Полууттак бросил ее на виду, в спешке или по небрежности не позаботившись спрятать. Это была узкая долбленка с двухлопастным веслом на дне.

– Выдержит ли она всех нас? – засомневался Витри, окинув ее взглядом знатока. Лила потрогала лодку ногой.

– Выдержит. Груза у нас почти нет, да и мы с тобой – не тяжесть.

– Здесь сильное течение, – сказал Альмарен, – а лодку уже снесло к востоку. Когда мы поплывем обратно, ее снесет еще дальше. Нужно перетащить ее вдоль берега на запад и только после этого переправляться.

– Верно, – одобрил Витри. – А я сделаю рулевое весло.

Втроем они спустили лодку в воду. Лила и Альмарен, разувшись и закатав штаны, потащили ее вдоль берега, а Витри с топором пошел в лес выбирать дерево для весла. Отбуксировав

лодку подальше к западу, они подыскали место для ночлега.

– Как хорошо – ничего не опасаться, никуда не спешить… – радовалась Лила, помешивая кашу с салом. Вскоре она объявила, что ужин готов, и разложила кашу по мискам. После нескольких дней на одних дорожных лепешках горячая, разваристая каша с салом казалась невероятно вкусной.

– Каким простым, оказывается, бывает счастье, – заметил Альмарен, вычищая миску. – Костер, и миска каши, и никаких посланцев. – Он устроился полулежа у огня, но не загляделся, как прежде, на язычки пламени. Внимание молодого мага привлекли полузнакомые лица его новых спутников.

Витри, поначалу показавшийся ему мальчиком, был, по-видимому, старше, чем выглядел. Невзирая на расшибленную голову, лоанец весь вечер трудился над веслом, умелыми, точными движениями обтесывая обрубок дерева.

Альмарен вспомнил, что лоанцы выглядят моложавее, чем другие жители Келады.

– Витри! – позвал он. – Сколько тебе лет?

– Двадцать.

– Это у вас много или мало? – поинтересовался Альмарен.

Витри перестал тесать весло:

– У меня свой дом. Мы с отцом построили его весной.

– Ты собираешься жениться? – догадался маг.

– Я? – За время путешествия на Керн Витри впервые вспомнил, что оставил родное село из-за Лайи, которая была его невестой. Он сроднился с дорогой, с ее тягостями и опасностями, с мельканием новых мест и новых людей, в него понемногу вселилось убеждение, что он отправился в путь, чтобы посмотреть большой мир и пожить его жизнью. – Я собирался жениться. Но вот – ушел.

– Ничего, она дождется, – подбодрил его Альмарен. – Вернешься в село великим героем, – шутливо добавил он.

– А он и есть герой, – отозвалась через костер Лила. – Представь себе, Альмарен, он отрезал язык василиску!

– Как?! – подскочил на месте маг. – Расскажите! Оба его спутника наконец разговорились. Альмарен восхищенно слушал, стыдясь чувства превосходства, сложившегося было у него по отношению к ним. И тихий, серьезный Витри, и маленькая магиня оказались вовсе не такими беспомощными, как ему показалось вначале.

– Давай, Витри, уберем твою шишку, – предложила Лила, когда они закончили рассказывать. – Укладывайся поудобнее.

Витри откинулся на мешок, магиня присела рядом, разминая и встряхивая руки. Альмарен вскочил и подсел к ней – его всегда

интересовало, как работают черные жрецы храма Саламандры.

– Покажи, как ты это делаешь! – потребовал он. Лила улыбнулась нетерпеливому любопытству Альмарена. Он невольно засмотрелся на эту улыбку, берущую начало в глубине глаз магини – и каких глаз! – и постепенно освещавшую все ее лицо, вызывавшую у него уже знакомое чувство падения с высоты.

– Смотри мне на руки, – сказала она, протянув пальцы над лбом Витри. – Перстень Саламандры, если он есть, добавляет магическую силу. – Она шевельнула средним пальцем с надетым на него перстнем. – С каждого пальца ты можешь послать один луч. Внимания должно хватать на все десять.

Пока Альмарен все знал, но энергично кивнул, изображая предельное внимание.

– Для каждой болезни есть свой набор и своя интенсивность лучей, – продолжала она. – Мы, черные жрецы, разучиваем основные сочетания.

– Но ведь был первый, кто нашел эти сочетания! – горячо сказал Альмарен.

Магиня шевельнула ресницами в знак согласия:

– Хороший целитель отличается от посредственного тем, что всегда чувствует ответ на свое воздействие. Этот ответ подсказывает, что и как делать дальше. Настоящий целитель должен быть чутким – так говорил Шантор.

– А ты?! Цивинга говорил, что, как ты, у вас не лечит никто. Как ты вылечила Вальборна?

– В легких случаях, как этот… – магиня указала на лоб Витри, – мы все лечим одинаково. Когда случай тяжелый, как с Вальборном, у нас у каждого свой подход. Я, например, использую лучи с пальцев для того, чтобы найти контакт с болезнью, увидеть ее изнутри. Когда я мысленно сливаюсь с болезнью, то напрягаю все силы, чтобы бороться с ней.

– Как с собственной?

– Примерно так. Нашему алтарю подчиняются две силы – жизни и огня.

Я могу разделять их и использовать в разных сочетаниях. Это нельзя заучить, это нужно чувствовать.

– Ты в первую очередь используешь силу жизни? – уточнил Альмарен.

– Нет. Силу огня.

– Странно, – удивился маг. – Я считал, что в исцелении главное – это сила жизни.

– Шантор говорил мне, что способности к магии – врожденные, но умение использовать их зависит от умения желать. Сила, направляемая в желание, – это сила огня. – Лила

пристально взглянула на Альмарена. – Кто твой учитель?

– Суарен. Я – маг Феникса.

– Разве он не говорил тебе этого?

– Нет.

– Зеленому алтарю не подчиняется сила огня. Наверное, поэтому Суарен не придает ей такого значения, как Шантор. – Магиня загляделась куда-то вдаль особым, отрешенным взглядом, напомнившим Альмарену слова Витри о вечности. – Я много думала о силах, которыми владею. Жизнь и огонь. Огонь и жизнь. Огонь жизни.

– Главное для жизни – вода, – вспомнил Альмарен слова своего учителя. – Без воды нет жизни.

– Я думала и о том, почему лечат на Оранжевом алтаре, а не на Зеленом, хотя им обоим подчиняется сила жизни, – ответила ему Лила. – Да, ты прав – сила воды дает жизнь, но только сила огня может вернуть жизнь другому.

– Так говорил Шантор?

– Так говорю я! – с жаром произнесла она. – Я знаю эту силу! Она нужна не больному, а мне, чтобы преодолеть его болезнь. Смотри!

Она устремила вспыхнувший синим огнем взгляд на свои руки, тотчас же отозвавшиеся оранжевой вспышкой. Альмарен завороженно смотрел на ее пальцы, чуть шевелящиеся, будто вдохновенно играющие на невидимом инструменте. Ушиб Витри уменьшался, таял под их излучением.

– Дай! Дай, я попробую! – Альмарен протянул руки и, столкнувшись с руками магини, засмеялся коротким, звенящим смехом.

– Какой ты быстрый! Попробуй. – Она посторонилась и поправила его руки в нужную позицию.

– А перстень? – попросил он.

Альмарен надел перстень Саламандры на мизинец, чуть помедлил, привыкая к новому амулету, а затем продолжил лечение, начатое Лилой. Шишка на лбу Витри исчезала, хотя и не так быстро, как под руками магини.

– Неплохо для новичка. – Лила осторожно отодвинулась от задремавшего лоанца.

Она свернулась клубочком у костра и закрыла глаза. Альмарен улегся на спину, устремив взгляд в ночное небо. В его сознании плыли то по-уттакски торчащие вперед ноздри на свирепо искаженной физиономии посланца Каморры, то белое лицо лежащего на поляне Витри, то мелькающие в воде тонкие щиколотки магини, придерживающей нос буксируемой долбленки. Видения менялись, перемешивались и растворялись в

новом чувстве, заполнившем Альмарена, – беспричинной, окрыляющей радости.

VII

Войско Норрена уже стояло у Босхана. С Большого Тионского тракта был виден военный лагерь, разместившийся на противоположном берегу, – ряды серых походных палаток, сшитых из грубой льняной ткани, кострища, воины в форме с бело-голубыми нашивками, табун, пасущийся на прибрежном лугу.

***

У просторного шатра с гербом Цитиона, принадлежащего правителю, на тонком флагштоке реял флаг с тем же гербом.

Чуть поодаль, под самым городом, виднелось еще одно скопление палаток, над которым развевался сине-желтый флаг Босхана, – там стояли войска Дессы. Ромбар поискал взглядом герб Кертенка – желтый ключ на фоне красных крепостных ворот, – но войско Донкара, должно быть, еще не подошло к городу.

Проехав по Тионскому мосту, Ромбар со Скампадой свернули вдоль берега реки к лагерю Норрена. У лагеря их остановил сторожевой отряд из пяти человек.

Начальник отряда сделал знак своим воинам, они обнажили мечи и окружили приезжих.

– Вы задержаны, – сказал он. – Следуйте с нами.

– Спокойно, Вайк. – Ромбар удержал оскалившегося клыкана. – Почему нас встречают как врагов, даже не спросив, кто мы такие? – поинтересовался он.

– Я – магистр ордена Грифона, а этот человек – со мной.

– Мне все равно, кто вы. Я обязан задерживать всех чужих, околачивающихся у лагеря.

– В Цитионе я помогал Норрену в формировании войск и разработке плана обороны, а затем уехал по своим делам, – терпеливо сказал Ромбар. – Мы договорились, что я вернусь к нему, когда его войска подойдут к Босхану, и вот – я здесь. Норрен ждет меня, я должен немедленно встретиться с ним. У моего спутника есть сообщение, которое заинтересует правителя.

– Кто вы такой, объясняйте там, куда мы вас отведем. Я не вправе решать, что с вами делать, – ответил начальник отряда. – А пока следуйте за мной.

Их повели по лагерю, но не к шатру Норрена, как ожидал Ромбар.

Войдя в одну из палаток, начальник сторожевого отряда появился оттуда вместе с коренастым, приземистым человеком лет сорока, в котором Ромбар узнал Шегрена, одного из военачальников Норрена. Тот тоже узнал приезжего, его хмурое лицо прояснилось.

– А, это вы, Магистр… я помню вас по Цитиону. – Он перевел взгляд на охрану:

– Спасибо, вы свободны.

Начальник отряда увел своих людей, а Ромбар обратился к Шегрену:

– Раз этому недоразумению пришел конец, могу я немедленно повидаться с правителем?

– Это невозможно. – Мрачное выражение вернулось на широкое лицо Шегрена. – Правитель тяжело ранен.

– Как?! – вздрогнул Ромбар. – Когда это случилось?!

– Вчера, когда правитель осматривал укрепления. Он ехал вдоль северной линии, там везде жуткий кустарник. Оттуда в него и выстрелили из лука.

Врагов ловили, но не поймали.

– Рана опасная?

– Да, – огорченно подтвердил Шегрен. – Вечером у него начался сильный жар. Личный лекарь правителя, маг Саламандры, всю ночь не отходил от него. Я недавно был там – Норрен в бреду и никого не узнает.

– А что говорит лекарь?

– Надеется на лучшее. Но мне показалось, что он сам себе не верит.

– Это удар не только по нам, знавшим Норрена… – сказал потрясенный Ромбар. – Весь план обороны лишился своего стратега. Враг точно рассчитал, куда бить…

– Норрен ждал вас со дня на день. Он говорил, что намерен поручить вам конников.

– Да. У нас была договоренность.

– Завтра я представлю вас отряду. У вас есть своя палатка?

– Нет.

– Идемте в обоз, вы ее получите. – Шегрен кинул взгляд на Скампаду. – Ваш друг поселится с вами?

– Кто?! Ах да… – Ромбар повернулся к сыну первого министра. – Я полагаю, Скампада, у тебя нет возражений.

– Для меня большая честь делить с вами жилье, ваша светлость, – светски учтиво ответил тот.

– Замечательно, – холодно сказал Ромбар, оглядывая

Скампаду с головы до ног. – И впредь, пока мы здесь, носи воинскую форму.

– У меня нет воинской формы, ваша светлость. – В голосе Скампады прозвучало вежливое сожаление.

– Вас не обременит обеспечить его формой? – спросил Ромбар у военачальника.

– Нисколько. – Шегрен повел их в обоз, распорядился выдать палатку и одежду, затем указал место для палатки.

– Располагайтесь, Магистр, – сказал он, уходя. – Вы запомнили, где я живу? Приходите ко мне ужинать.

Обозная палатка оказалась просторной, рассчитанной на четверых воинов. Ромбар уже смирился с тем, что ему придется ставить ее без участия Скампады, но тот, вопреки ожиданиям, оказался неплохим помощником. Оставив бережно свернутый плащ на дорожном мешке, Скампада ловко и аккуратно оттягивал и выравнивал льняную ткань, пока Ромбар загонял колышки в землю. Вскоре палатка уже была поставлена, ровная, как игрушечка, чем-то схожая со стоявшим рядом Скампадой, на котором не растрепался ни один волосок.

Сын первого министра дождался, пока Ромбар первым внесет и разместит багаж, затем потащил внутрь свои мешки. Когда он закончил разбирать и раскладывать их содержимое, заглянувшему внутрь Ромбару представился порядок, какой встретишь не у каждой женщины. Широкая не по размеру воинская форма, в которую переоделся Скампада, мало что оставила от его щегольской подтянутости, чем вызвала одобрительное хмыканье Ромбара.

Собравшись к Шегрену, Ромбар нехотя позвал и Скампаду. Он предпочел бы, чтобы тот не слышал разговоров за ужином, но оставлять своего спутника голодным было неловко.

– Скампада! – предупредил он. – Я не хочу говорить Шегрену, что при тебе лучше не обсуждать военные дела. Но ты поклянись мне…

– Ваша светлость! – перебил его Скампада. – Мои интересы – на вашей стороне, а это сильнее любой клятвы. Я кровно заинтересован в поражении Каморры с его дикарской шайкой, и моя осведомленность будет только на пользу делу.

Шегрен, желая поскорее ввести нового полководца в дела, рассказал за ужином о численности, вооружении и размещении войск, о событиях прошедшего месяца, о дальнейших планах и ожиданиях… Ромбар то и дело поглядывал на Скампаду. Тот с безразличным видом кушал поставленное перед ним угощение, но Ромбар не сомневался, что хитрец слышит и запоминает каждое произнесенное слово.

– Держать язык за зубами – в твоих интересах, Скампада, – напомнил он, возвращаясь в палатку.

– Не менее, чем в ваших, – согласился тот.

Рано утром их разбудил голос, раздавшийся у входа в палатку:

– Здесь живет магистр ордена Грифона?

– Да, – откликнулся Ромбар.

– Правитель ждет вас.

Ромбар поспешно оделся. Увидев, что Скампада надевает форму, он спросил:

– А ты куда собрался?

– С вами. Разве я не для этого сюда приехал?

– Только тебя там сейчас и не хватало… а впрочем, ладно. – Ромбар подумал, что Скампаду лучше не оставлять без присмотра. – Идем.

Слуга правителя проводил их до шатра и впустил внутрь. Норрен лежал на широкой и низкой кровати посреди шатра. Рядом стоял стол, заставленный склянками с отварами и питьем, заваленный полосами белого полотна, служившего перевязочным материалом. Круглый толстяк средних лет – придворный лекарь, – склонившись над столом, размешивал содержимое склянки. Клыкан, в течение долгого пути неотступно следовавший за Ромбаром, кинулся к Норрену и лизнул его руку, неподвижно лежавшую поверх одеяла, а затем улегся на своем обычном месте у изголовья кровати правителя.

Ромбар остановился у кровати, с состраданием глядя на осунувшееся, воспаленное лицо Норрена.

– Присаживайся, брат, – чуть слышно сказал тот. – Я рад, что ты здесь.

Ромбар присел на край кровати.

– Как твои дела? – спросил его Норрен.

– Так себе, – ответил Ромбар, вспомнив неудачное посещение Бетлинка.

– Мои тоже, – слабо усмехнулся Норрен. – Я говорил тебе, что магия – не твое призвание. Ты готов принять командование войском?

– Да. Шегрен обещал сегодня представить меня конникам.

– Теперь от тебя потребуется не только это. Пока я нездоров, ты заменишь меня в армии. Шегрен подготовит и зачитает мой указ. – Норрен помолчал, собираясь с силами. – В указе будет объявлено, что ты – мой двоюродный брат. Это необходимо, чтобы не возникало разговоров, почему ты, а не другой. Сейчас, как никогда, в армии нужна дисциплина и единое руководство… И не спорь со мной… – добавил он, заметив выражение лица

Ромбара. – У меня слишком мало сил, чтобы тебя уговаривать.

Норрен устало закрыл глаза. В шатре установилось молчание. Вскоре вошел Шегрен со свитком бумаги в руках.

– Ваше величество, – позвал он, подойдя к кровати. – Указ, как вы просили, готов. Чье имя я должен вписать?

– Пиши… – приоткрыл глаза Норрен. – Ромбар, сын Паландара, двоюродный брат правителя Цитиона… это он. – Правитель указал взглядом на Ромбара. – А сейчас оставьте меня. Объявляйте указ и действуйте.

Выходя, Ромбар окликнул Вайка. Тот вежливо шевельнул гладким, как палка, хвостом, но не двинулся с места.

– А где же псы правителя? – спросил Ромбар у Шегрена, только сейчас заметив, что рядом с Норреном нет обычной темно-серой пары клыканов.

– Их увели в собачье войско, когда он был без сознания. Они не подпускали лекаря к раненому.

Ромбар и Шегрен вышли из шатра. Забытый всеми Скампада выбрался следом.

– Что говорит лекарь? – немедленно спросил Ромбар.

– Сейчас я позову его. – Шегрен вернулся в шатер и вызвал лекаря.

– Как здоровье правителя? – спросил у него Ромбар. – Говорите все как есть.

Толстяк нервно потер круглую и розовую лысину – продолжение круглого и розового лица.

– Со вчерашнего вечера у меня появилась надежда. – Его тонкий голос чуть вздрагивал. – На стреле был трупный яд, как это водится у уттаков, поэтому началось общее воспаление. Правитель крепок здоровьем, но еще два-три дня я не могу быть уверен в благополучном исходе.

– Разве стрела была уттакская? – высунулся с вопросом Скампада.

– Откуда мне знать? – недоуменно сказал лекарь. – Мне было не до стрелы, уважаемый.

– Скампада, замолчи, – приказал Ромбар и вновь заговорил с лекарем:

– Когда правитель сможет вновь приступить к своим обязанностям?

– Недели через три, не раньше… при благополучном исходе.

– Надеюсь, вы делаете все, чтобы вылечить его? Толстяк торопливо закивал в ответ.

– Дважды в день докладывайте мне о здоровье правителя. Если что – зовите немедленно.

Ромбар ушел с Шегреном. Оставшись один, Скампада

огляделся. Шатер правителя стоял в центре лагеря, здесь же были палатки для слуг. Около наспех сооруженной печки хлопотали повара, поблизости расхаживало не менее десятка стражников. Скампада понаблюдал за слугами, затем пошел туда, куда от кухни вела свежепротоптанная тропинка. Тропинка выводила на край лагеря и заканчивалась мусорной ямой.

Он с брезгливой гримасой поковырялся прутом в мусоре и вскоре увидел то, ради чего занимался делом, унизительным для достоинства сына первого министра. Под кухонными отходами лежали окровавленные тряпки, а в них – стрела, вынутая лекарем из раны правителя. И бронзовый, остро заточенный наконечник с зазубринами вдоль боковых граней, и способ крепления оперения, и шишечка для захвата пальцами – все указывало на то, что стрелу изготовили в одной из оружейных мастерских Келанги.

Вернувшись к шатру, Скампада покрутился среди слуг и стражников, слово за слово напросился на завтрак, а заодно выспросил подробности покушения.

По лагерю тем временем читали указ. Имя Ромбара, сына Паландара, двоюродного брата Норрена, переходило с языка на язык, воодушевляя войска, встревоженные ранением правителя.

После завтрака Скампада отправился взглянуть на место покушения.

Форма пехотинцев Цитиона, примелькавшаяся в лагере, позволяла ему ходить где угодно, не привлекая ничьего внимания. Он прошел вдоль северных укреплений и внимательно осмотрел окрестности, пытаясь угадать действия злоумышленников.

Заросли кустарника, откуда вылетела стрела, были окружены открытым пространством, по которому и собаке не убежать незамеченной.

При тщательном поиске враги, несомненно, были бы найдены. Скампада задавал себе вопрос, один-единственный – как бы действовал он сам, чтобы незаметно засесть в кустарнике и так же незаметно выбраться оттуда. Необходимая догадка внезапно всплыла у него в голове – ну конечно же форма войск Цитиона! В нем росло убеждение, что догадка верна. Заходящий в кусты воин ни у кого не вызовет подозрений, а после выстрела при достаточной ловкости можно смешаться с бросившимися на поиски стражниками. Но это означало, что враги здесь, в лагере.

Мысли Скампады вспугнутыми стрижами запорхали вокруг зловещего вывода. В считанные мгновения он сделал важное умозаключение – нового покушения не будет, пока неизвестно, выздоровеет ли правитель. Значит, ближайшие два-три дня враги будут выжидать. Второе умозаключение появилось почти

одновременно с первым – они, конечно, прячутся среди лучников. Скампада вспомнил вчерашние слова Шегрена о том, что в армии есть три отряда лучников по сто человек, размещенные в северной части лагеря. Он неторопливо побрел туда по лагерю, изучая попадавшихся на глаза воинов.

Пешие воины были преимущественно из ополченцев. Скампада безошибочно распознавал неуклюжую походку бывших крестьян, разбитные манеры сыновей городских лавочников и ремесленников. По потникам и седлам, разложенным у следующей группы палаток, он понял, что оказался в отряде конников. Конь, меч, шлем и кольчуга, обязательные для конника, были по карману далеко не каждому, поэтому отряд формировали из людей высшего и среднего сословия.

За палатками конников размещались лучники. Как сказал Шегрен, лишь полсотни лучников прежде входило в постоянную армию правителя, а остальных набрали в течение последних трех месяцев из жителей Цитиона, умеющих стрелять из лука. Наметанный глаз Скампады различал гордую выправку лучников правителя, веселые, обветренные физиономии бывших охотников, юные лица недавних мальчишек, зачисленных в лучники за верный глаз и твердую руку.

Сын первого министра со скучающим видом прогуливался от палатки к палатке, присматриваясь к обитателям. Вдруг мимо прошли двое, чьи спины напомнили Скампаде Келангу, торговый дом и окно, в которое он провожал взглядом людей Госсара. Здесь была та же неопределенность происхождения, те же крепкие затылки, те же мощные ляжки, самоуверенно попирающие землю, те же виляющие нагловатые зады.

Скампада прикрыл зоркую настороженность сонным, вялым выражением лица и как бы невзначай последовал за ними. Запомнив палатку, где скрылись подозрительные личности, он оглядел окрестности и нашел удобную для наблюдения позицию. Поблизости, около палаток пеших войск, рос крохотный островок кустарника, прекрасное местечко для собравшегося подремать бездельника-воина.

Скампада улегся в тень под кусты и прикинулся спящим, бдительно следя за палаткой из-под надвинутой на лицо шляпы.

После объявления указа Ромбар объехал окрестности лагеря, чтобы ознакомиться с расположением отрядов и посмотреть, как продвигается строительство укреплений. Предполагалось, что уттаки переправятся через Тион выше Босхана и подойдут с севера по восточному берегу реки, поэтому по северному краю лагеря копали ров и возводили укрытия для лучников. Убедившись, что через несколько дней копка рва будет закончена,

Ромбар отправил к Дессе гонца с письмом, в котором предлагал договориться о встрече для обсуждения военных планов. Остаток дня он потратил на изучение докладов полководцев.

Вечером он заглянул в шатер Норрена узнать о его здоровье, затем приказал подать ужин. Подчиняясь ритму переполненного событиями дня, Ромбар торопливо проглотил еду, хотя спешить было незачем, и пошел к Шегрену, чтобы обсудить планы на завтрашний день. Звук копыт приближающегося отряда заставил его остановиться и прислушаться.

По лагерю ехал отряд из десятка конников, сопровождаемый встретившей его охраной. На форме приезжих выделялись сине-желтые цвета Босхана, впереди ехали двое в серебристо-блестящих шлемах и кольчугах.

Догадавшись, что это посланники Дессы, Ромбар вернулся к шатру правителя, куда направлялся отряд. Всадники в кольчугах спешились, один из них снял шлем и откинул назад волну густых ярко-рыжих волос, рассыпавшихся по плечам. Десса, правительница Босхана, самолично явилась на переговоры.

Ромбар почтительно приветствовал Дессу и ее спутника, в котором узнал Нувелана, первого министра правительницы.

– Рада вас видеть, Магистр! – с сияющей улыбкой сказала Десса. – Как здоровье правителя?

– Я только что был у него. К сожалению, улучшения пока нет.

На подвижном лице Дессы отразилось сочувствие.

– Мне сообщили, что рана тяжелая. Есть надежда, что все обойдется?

– Надежда есть, но уверенности пока нет, – ответил Ромбар. – Норрен еще не скоро встанет с постели.

– Я получила письмо от его наместника.

– Там было предложение договориться о встрече.

– Вы это знаете? – оживилась Десса. – Я решила сразу приехать.

Договариваться через гонцов – это так долго! Нувелан заставил меня надеть вот это, – она указала на шлем и кольчугу, – хотя здесь так близко, что от моего шатра виден флаг над вашим лагерем.

– Он прав, ваше величество. Враги могут не остановиться на том, что уже сделали.

Десса передала шлем одному из сопровождающих и вновь обратилась к Ромбару:

– Я приехала для встречи с наместником. Где он?

– Перед вами.

– О! – Взгляд Дессы с живым любопытством устремился на Ромбара. – Как это приятно, ваша светлость!

Ромбар проводил Дессу с советником под навес, где стояли стол и кресла, купленные для правителя в Босхане. Усадив гостей, он начал разговор с события, произошедшего при нем в босханском дворце.

– Как дела с вашим бывшим казначеем? – поинтересовался он у Дессы.

– Вам удалось что-нибудь у него выяснить?

– Кавента признался во всем – и в этой краже, и в предыдущей, – ответила она. – Деньги возвращены и пущены на содержание войск. О его поступке объявлено в городе, а сам он-в темнице.

– Он рассказал, кто уговорил его примкнуть к Каморре?

– Какой-то Шиманга, маг. Я объявила его розыск, но безуспешно.

– Не ищите его, он мертв. Значит, у вас было достаточно средств на армию?

– Да, – кивнула Десса. – Куплено всего с запасом – и обмундирования, и оружия. В южную часть острова посланы обозы за провизией.

Войска и жители строят вторую линию укреплений – на подступах к Босхану. На днях я получила еще одно письмо от Берсерена – он требует, чтобы мои войска выступили к Келанге.

– Норрен знал об этом письме?

– Да, и посоветовал остаться здесь. Он не такой человек, чтобы не прислушиваться к его советам. Вы ведь вернулись из Келанги, Магистр? Что там, нового? И что известно о численности врага?

– Берсерен готовится к обороне, но его силы недостаточны, – ответил Ромбар, вспомнив виденное проездом в Келанге. – Сюда придет армия уттаков, втрое или вчетверо превышающая нашу. Это зависит от потерь, которые Каморра понесет в Келанге.

– Скоро здесь будет войско Донкара, – напомнила Десса. – Вчера из Кертенка приехал гонец с известием, что оно выступило.

– Я знаю, – подтвердил Ромбар. – Сюда было доставлено такое же письмо. Я учел и войско Донкара, когда говорил о соотношении сил.

Он достал карту окрестностей города и разложил на столе.

– Я считаю, что нужно поставить добавочные укрепления вот здесь, у моста, на случай, если часть уттаков придет по западному берегу… – он указал точку на карте, – и в местах, удобных для переправы. Вы можете сказать, где здесь такие места?

– Нувелан! – позвала Десса.

Все трое склонились над картой, обсуждая планировку береговых укреплений.

– Значит, договорились, – сказала наконец Десса. – Вы строите укрепления здесь, я посылаю людей сюда, а здесь встанут войска Донкара.

Нувелан, когда вернемся, сделаете отметки на нашей карте, Мы обсудили все.

Маги… ваша светлость?

– Да.

– Тогда – до встречи! Извещайте меня, как пойдут дела.

Десса и Нувелан, сопровождаемые Ромбаром, пошли к своему отряду.

Вдруг правительница свернула на встречу проходившему поблизости человеку, одетому в форму пеших войск.

– Скампада! – радостно воскликнула она. – Это ты?!

Сын первого министра сделал движение, выдавшее стремление спрятаться, но понял, что встречи не избежать, и остановился. Десса стремительным шагом подлетела к нему.

– Ты здесь?!

– Счастлив приветствовать вас, ваше величество, – вежливо произнес Скампада, пытаясь принять светскую осанку в своей широкой не по размеру воинской форме.

– Как я рада тебя видеть! Как ты здесь оказался?

– Я не мог оставаться в стороне от военных событий и поэтому принял предложение его светлости приехать сюда.

– Я никогда не сомневалась, что ты поступишь так, Скампада! – воскликнула просиявшая Десса. – Он передал тебе мои слова?

– Наилучшим образом, – мягко сказал Скампада. – Я был тронут тем, что вы помните меня, ваше величество.

– Конечно, помню! Я не забываю друзей. За пять лет ты не нашел дня, чтобы заехать в гости… – с укоризной сказала Десса.

– Ваш уважаемый супруг не одобрял моего присутствия здесь, – напомнил Скампада.

– Прошло пять лет, как его загрыз грифон! Разве ты не слышал?

– Слышал, – нехотя подтвердил Скампада. – Вынужден напомнить вам, ваше величество, что приближенные правителя обычно разделяют его одобрение и неодобрение.

– Чепуха! – энергично воскликнула Десса и добавила, уже тише:

– Теперь я – правительница, и я вправе принимать у себя прежних друзей. Я буду рада видеть тебя в своем лагере, Скампада.

Скампада стрельнул взглядом поверх Дессы, на нахмурившееся лицо Ромбара.

– Сейчас время военное… – сказал он извиняющимся тоном. – Я не могу располагать собой, как мне хочется. Дела требуют, чтобы я безотлучно находился при его светлости.

– Понимаю… – сочувственно кивнула Десса, по-видимому не сомневавшаяся, что его светлость и шага не ступит без совета Скампады.

– Ваше величество! – позвал подошедший сзади Нувелан. – Скоро совсем стемнеет, возвращаться будет опасно. Нам пора ехать.

– Да-да, едем, – отозвалась Десса, не сводя глаз со Скампады. – Мы ведь еще увидимся, Скампада?

– Если позволят дела, ваше величество, – подтвердил тот.

Десса пошла с Нувеланом к отряду. Провожавший их Ромбар услышал, как министр вполголоса выговаривает своей правительнице:

– Опять этот хлыщ, из-за которого вы чуть не вошли в немилость к супругу, ваше величество… Вам не следует оказывать ему такое внимание…

– Нувелан, замолчи! – отрезала она.

Поздно вечером, когда Ромбар вернулся от Шегрена, Скампада уже был в палатке.

– Скампада! – позвал его Ромбар.

– Ваша светлость?! – откликнулся тот.

– Мне, да и Нувелану тоже, показалось, что правительница Босхана в разговоре с тобой вела себя неосторожно. Поэтому я хочу напомнить тебе, что уважение к правителю – основа боевого духа войск. Продолжать?

– Забавно, что это вы учите меня беречь доброе имя женщины. – В раздраженном голосе Скампады слышался прямой намек на прошлое. – Я высоко чту и уважаю ее величество, поэтому никогда не допущу ничего, что повредило бы ей. Вы думаете, за пять лет я не мог бы выбрать время для поездки в Босхан?

Несмотря на язвительный тон собеседника, Ромбар почувствовал себя не оскорбленным, а пристыженным.

– Ладно, – пробормотал он после некоторой заминки. – Извини, Скампада…

Скампада не ответил. Он не ожидал за сыном Паландара способности извиняться и теперь молча переваривал это открытие.

– Да, она неосторожна, – внезапно сказал он. – Она умница, но нередко бывает так горяча и непосредственна… очаровательно непосредственна…

Она забывает, что у нее есть сын-вылитый отец, который

через четыре года будет правителем Босхана. Если я хочу ей добра, я должен быть вдвойне осторожен. К тому же, ваша светлость, хоть я и бездетен, это не значит, что я не способен любить своих детей. Я не хочу им такой же судьбы, как моя.

– Ладно, чего там… – вновь пробормотал Ромбар. – Мир, Скампада?

– Я не ссорился с вами, ваша светлость. Засыпая, Ромбар подумал, что в этом хитреце, пожалуй, есть кое-что заслуживающее уважения. Он был далек от того, чтобы полностью доверять Скампаде, но в последующие дни, погрузившись в военные дела, отказался от прежнего намерения установить надзор за ненадежным соседом по палатке.

Сын первого министра также не бездельничал. Он выслеживал людей, показавшихся ему подозрительными. Эти двое держались особняком, не вступая в приятельские отношения с другими воинами отряда, и, судя по одежде и манере говорить, были из Келанги. Пристроившись поболтать к лучникам во время обязательной в отряде тренировочной стрельбы, Скампада украдкой рассмотрел стрелы, которыми пользовались подозреваемые. Стрелы были точно такими же, как та, которую он отыскал в мусорной яме.

Спустя три дня в лагере объявили, что жизнь правителя вне опасности. После полудня, когда Скампада лежал на своем наблюдательном пункте, у палаток лучников появился человек в форме пехотинца. За прошедшие дни Скампада запомнил наперечет всех посторонних, захаживавших к лучникам, но этого человека он видел впервые. Приподнявшись и сдвинув лежащую на лице шляпу, он вгляделся и узнал пришедшего. Это был Кеменер.

Сердце Скампады бешено застучало. Он имел представление о наблюдательности своего прежнего попутчика, поэтому поспешно лег в траву и опустил шляпу на лицо, изображая спящего. В оставленную Щелочку он увидел, как Кеменер остановился у знакомой палатки. Видимо, у входа состоялся какой-то разговор, потому что дверь приоткрылась и Кеменер залез внутрь. Скампада мигом вскочил и подкрался к палатке. Когда он оказался у ее задней стенки и прислушался, разговор был уже в разгаре.

– Вы не заработали награду, парни, – послышался неторопливый, глуховатый голос Кеменера. – Хозяин будет недоволен такими горе-лучниками.

– Прицел был точный, – возразил другой голос. – Кто ж знал, что он вдруг наклонится?

– Дело нужно закончить. – В голосе Кеменера слышалась

нелюбовь к небрежной работе.

– Жизнь дороже денег, – с раздраженным упрямством отозвался голос.

– Там сейчас каждый второй – охрана.

– Хозяин бывает и очень строгим, – напомнил Кеменер.

– Там верная смерть, – упорствовал голос. – Сделай сам, раз такой умный.

В палатке установилась тишина. Скампада напряженно вслушивался, но изнутри не доносилось ни звука, ни шороха.

– Ладно, оставим это, – неожиданно сказал Кеменер. – Он, надеюсь, не встанет раньше, чем нужно, но там появился еще один.

– Кто это? – спросил голос.

– Ты болван, что ли? – вмешался третий. – Ясно кто.

– Вот и хорошо, раз ясно, – тихо, невыразительно сказал Кеменер. – Уберите его, и на том сочтемся.

– Сделаем, – чуть помешкав, согласился третий голос. – Днем вокруг него люди, но спит он без охраны.

Чутье шепнуло Скампаде, что пора уходить, и он поспешил прочь от палатки. Меньше всего ему сейчас хотелось бы попасться на глаза Кеменеру. Он отыскал Ромбара, чтобы при возможности перекинуться с ним парой слов, но тот упорно не замечал навязчивого присутствия Скампады. Только ночью в палатке они оказались с глазу на глаз.

– Ваша светлость? – обратился Скампада к укладывавшемуся спать Ромбару.

– Что?

– Рана его величества – это повод не только для скорби, но и для размышления. Размышление указывает, что враг где-то поблизости. Такому человеку, как вы, небезопасно ночевать без охраны.

– Ты боишься спать без охраны, Скампада? – В голосе Ромбара прозвучала усмешка. – Не ты ли мне говорил, что ты не трус?

– Я не трус, – невозмутимо сказал Скампада. – Но я осторожен. Ваша жизнь сейчас нужна друзьям и союзникам. Именно поэтому она может понадобиться и врагам.

– Постоянная охрана – это привилегия правителя. Если я потребую ее для себя, в войсках подумают, что я или чванлив, или труслив.

– Возьмите хотя бы того клыкана… Ромбара задело упоминание о Вайке, отвернувшемся от него после долгих совместных странствий.

– Запомни на будущее, Скампада, моя безопасность – это не

твоя забота! – Он раздраженно повернулся спиной к своему соседу и вскоре заснул.

Скампада уставился бессонным взглядом в непроглядную тьму палатки.

Он догадывался, что люди Госсара не будут тянуть с порученным делом, и сожалел, что понадеялся на благоразумие Ромбара. Не будучи трусом, он все же считал, что глупо погибать за компанию с кем-то, и начал подумывать, не выбраться ли из палатки в местечко поспокойнее, но затем понял, что будет первым на подозрении, если преступление совершится. С досадливым вздохом Скампада вынул из ножен свой тонкий и легкий, сделанный на заказ меч и положил рядом с собой, острием к выходу. Сын первого министра не был ни сильным, ни искусным бойцом, поэтому без большого удовольствия ожидал наступления событий.

Сначала до его ушей доносились голоса и звуки, но постепенно лагерь стих. Было за полночь, когда Скампада скорее почувствовал, чем услышал, что к палатке приближаются осторожные шаги. У входа раздался легкий шорох и звук перерезаемой веревки, потянуло свежим воздухом. В образовавшейся щели блеснуло лезвие меча, мелькнул кусок звездного неба, тут же закрытый темным силуэтом. Человек у входа разрезал донизу веревки, скрепляющие дверные створки, и бесшумно шагнул внутрь.

Скампада нащупал рукоять меча и, вскочив на колени, наугад нанес колющий удар в грудь вошедшему. Короткий, захлебнувшийся вскрик показал, что удар попал в цель. Колени врага подогнулись, он свалился вперед, на Скампаду.

Тот отшвырнул его на Ромбара, выдернул меч и выскочил из палатки.

Второй враг был здесь. Увидев, что перед ним не сообщник, он кинулся с мечом на Скампаду. Сын первого министра с трудом сдерживал натиск куда более сильного воина, чем он сам, и, наверное, был бы убит, если бы не подоспел Ромбар. Оттеснив Скампаду, тот мгновенным движением выбил оружие у врага и приставил свой меч к его груди, принуждая сдаться.

– Свяжите этого парня покрепче, – приказал он, передавая задержанного подъехавшему на шум сторожевому отряду. – И разведите костер – я хочу посмотреть, кого мы поймали.

Когда оставшегося в палатке человека вытащили наружу, тот уже не дышал. Стражники ушли, забрав злоумышленников, с ними пошел и Ромбар. Скампада выкинул из палатки окровавленные одеяла и улегся спать.

Он проспал допоздна и едва не опоздал на завтрак. Здесь его

и нашел Ромбар, по-видимому не ложившийся спать после происшествия.

– Мне кажется, что ты кое-что знаешь об этом, Скампада, – сказал он, изучающе оглядывая сына первого министра.

– Я всего лишь выразил свои опасения, ваша светлость, – ответил тот. – Пленный знает об этом больше.

– Он ничего не говорит, как мы его ни допрашивали.

– Это означает, что своего хозяина он боится больше, чем вас.

Ромбар хмыкнул:

– Ты знаешь, кто его хозяин?

– Один из наших врагов.

– Я не верю, что твои опасения ни на что не опирались, – сказал Ромбар, поняв, что Скампада не собирается уточнять ответ. – Вчера вечером тебе следовало объясниться менее расплывчато. Если бы ты привел доказательства, я бы прислушался.

– В жизни нет ничего вечного и даже ничего постоянного, – кротко взглянул на него Скампада. – Я не раз видел, как лучшие друзья становились врагами и, наоборот, заклятые враги – друзьями, поэтому предпочитаю не разглашать источники своей осведомленности. Когда я о чем-то предупреждаю, то никогда не говорю пустых слов, ваша светлость. Если мне не верят, это не моя забота.

– Мне нужно знать, кто и зачем это сделал.

– Проще всего ответить – зачем. Покушались на Норрена, а потом на вас. Кому-то нужно ослабить руководство обороной. Найдите, кому это нужно, и вы найдете, кто это сделал.

– Каморра?

– Каморра может распоряжаться уттаками и десятком магов. Для воина он – не авторитет. В Келанге я называл вам другое имя.

Догадка мелькнула во взгляде Ромбара, но осталась невысказанной.

– У тебя есть еще какие-нибудь предупреждения? – спросил он. – Без разглашения источников.

– Ничего конкретного, если вы имеете в виду возможность следующего покушения, – ответил Скампада. – Если я что-то узнаю, я сообщу.

– А если не только это? – поинтересовался Ромбар, догадавшись, что тот намекает на другие дела. – Что еще тебя беспокоит, Скампада?

– Давно у вас этот жезл Аспида, который валяется в палатке рядом с запасными башмаками? Вы ведь – маг ордена Грифона.

– Недели три… – машинально ответил Ромбар и тут же насторожился:

– А в чем дело?

– Я не маг, но мне кажется, что амулеты следует беречь, а не разбрасывать как попало. Что вы собираетесь с ним делать?

– Подарить своему другу, магу.

– Прекрасное намерение, – одобрил Скампада. – Постарайтесь, чтобы подарок попал по назначению. Возможно, он ценнее, чем вы думаете.

Позже, в палатке, Ромбар озадаченно рассмотрел жезл Аспида. Не найдя в амулете ничего особенного, он все же завернул его в чистую рубашку и засунул поглубже в дорожный мешок.

VIII

Рано утром Лила разбудила своих спутников. Все трое наскоро позавтракали и спустили долбленку на воду. Альмарен залез в нее первым и взял в руки двухлопастное весло, вслед за ним влезла магиня. Витри оттолкнулся от берега, вскочил на корму и погрузил в воду рулевое весло, разворачивая долбленку к западному краю устья Руны.

Лила сидела с котелком на коленях на случай, если лодку захлестнет водой. Но поверхность океана была гладкой, как стекло, и маленькая женщина оказалась не у дел. Пользуясь короткой передышкой, она оставила будничные мысли и вслушивалась в равномерный, скользящий ход лодки по водной глади, в затягивающий холод океанских глубин, отделенный от ее ног тонкой деревянной преградой. Взгляд магини рассеянно переходил с океанской воды на медленно приближающийся берег, повторял его очертания и так же рассеянно, отрешенно устремлялся вверх, в бескрайнее, прозрачно-синее небо.

Альмарен видел, как меняется выражение ее глаз, приобретая глубину и спокойствие небесной и водной бесконечности, сквозь которую стремилась крохотная игла долбленки. Внезапно он тоже почувствовал мощь, скрытую в спокойствии воды и неба, и ощутил величие стихий яснее, чем при виде бури или урагана. И в прозрачной небесной выси, и в непроницаемо-темной водной глубине дремала всемирная сила холода, одна из двух, подвластных Зеленому алтарю.

Путники давно ступили на твердую землю и поднялись вверх на скалы Оккадского нагорья, вокруг простирался однообразный каменистый пейзаж с изредка встречающимися по склонам ползучими дубами, а Альмарена не отпускало чувство слияния с одной из мировых тайн, постижения сути одной из трех великих сил. На вечернем привале, когда каша была съедена, а котелки вымыты и прибраны, он решился поделиться впечатлением с магиней.

– Послушай, Лила, – сказал он. – Там, на лодке, мне показалось, что мы во власти силы холода, как песчинки в воде или пылинки в небе. Я никогда не задумывался над тем, какая она, а она тиха и грандиозна, как ничто на свете.

– Да, – откликнулась магиня. – Я так и чувствую ее здесь, у океана. Но она мне ближе, когда она другая – легкая, подвижная и стремительная, как мысль. Это ее второе лицо – лицо неба. Я недавно впервые увидела океан и не скоро увижу его вновь, а небо всегда со мной. – Она устремила взгляд на розовато-

сиреневый закат.

– Вольное небо равнины… – полушепотом пробормотал Альмарен. Он никак не мог вспомнить, откуда в его памяти взялись эти слова.

– И ты так чувствуешь! – обрадовалась Лила. – Оно всегда одно, и всегда – разное. Посмотри, как безотрадны были бы эти скалы – голые, безжизненные, днем обжигающие, ночью ледяные, – если бы не легкое дыхание неба.

Так и в жизни, несмотря на всю ее жесткость, стоит вытянуть руку – и вот оно, высокое и прекрасное. Но оно прозрачно, неосязаемо, как воздух, нужно уметь его увидеть…

– Откуда ты все это знаешь? – заволновался Альмарен. – Тебе рассказал Шантор?

– При чем тут Шантор… Слушай, и мир сам заговорит с тобой. Когда тебе не с кем разговаривать, нет собеседника лучше, чем вот это все… – Она развела руками, показывая вокруг.

Альмарен замолчал, осмысливая ее слова. Она провела рукой по голове, приглаживая и пропуская сквозь пальцы свои короткие темные волосы, и надолго остановила взгляд на угасающем костре. Под отсветами колеблющегося пламени выражение ее лица менялось, как у статуи великой Саламандры, от детски-доверчивого до печально-умудренного. Альмарен никак не мог убедить себя, что перед ним такая же женщина, как его мать и сестренки, как те девушки, которых он видел на Зеленом алтаре. Он был высоким и красивым юношей, поэтому рано почувствовал острое внимание ровесниц – их быстрые взгляды и перешептывания, мгновенное охорашивание волос, выжидательное, требующее, намекающее поведение – и инстинктивно сторонился его, как любого навязчивого давления. Эта женщина, казалось, вообще не заботилась о том, чтобы нравиться, она держалась естественно и просто, и разговаривать с ней было легко, а главное, так увлекательно.

– Лила! – позвал он магиню.

Она вздрогнула и, оторвавшись от созерцания кора, выжидательно посмотрела на Альмарена.

– Ты так хорошо понимаешь силу холода, а ведь ты обучалась на Оранжевом алтаре. Там нет этой силы.

– Нет? – Насмешливое изумление в голосе магини окатило Альмарена жаром смущения. – Как ее может где-то не быть? Разве ты сегодня не чувствовал, как ею пропитаны и вода, и воздух? А где их нет?

– Я не так выразился, – попытался оправдаться Альмарен. – Я хотел сказать, что Оранжевому алтарю не подчиняется сила холода.

– Оранжевый алтарь концентрирует две силы, но это не значит, что я должна невежественно закрывать глаза на третью. В мире есть все три силы, они взаимодействуют, перекликаются и перекрываются. Деление на алтари – это деление искусственное, оно для помощи тем, кто не может освоить все три энергии, чьи способности к магии невелики и не могут развиваться всесторонне. Вспомни, ведь триста лет назад на острове не было алтарей, но маги все равно рождались и работали с энергиями.

– Я тоже всегда интересовался силой огня, хоть и учился у магов Феникса, – поспешно сказал Альмарен. – Три года я изучал ее на Красном алтаре, но почему-то думал о ней обособленно, без связи с остальными двумя.

– Не переживай об этом, – сказала Лила, заметив смущение молодого мага. – Труднее всего увидеть очевидное. Из наших только Авенар учитывал взаимосвязь всех сил. Я помню, он говорил мне, что Трое Братьев не сумели бы разделить силы, если бы не знали об их единстве.

– Ты была дружна с Авенаром?

– Мы понимали друг друга. Он был выдающимся магом и кое в чем превосходил самого Шантора. Он умер до несправедливого рано – впрочем, жизнь, не обязана быть справедливой, – опечаленно глянула она.

– От чего он умер? – решился спросить маг.

– От напряжения, когда лечил больного. А знаешь, у Витри есть магический кинжал, сделанный Авенаром.

– Где?! – загорелся любопытством Альмарен. – Витри, покажи!

Лоанец снял с шеи серебряную цепочку с прицепленным к ней кинжалом и протянул Альмарену. Тот вынул кинжал из ножен, провел пальцами по серо-розовой рукоятке, по белому лезвию.

– Как им пользуются? – спросил он Лилу.

– Сожми рукоять, посылай энергию в руку. Когда она соединится с силой амулета, он ответит.

Альмарен сжал рукоять. На белом лезвии проступили непонятные синеватые знаки.

– Что здесь написано? – спросил он. – На каком языке?

– Это тайные иероглифы ордена Саламандры. Здесь написано – «с любовью».

– «С любовью»?! – недоуменно повторил он, переводя взгляд со знаков на магиню. Она пожала плечами в ответ на его невысказанный вопрос. Знаки напомнили Альмарену про книгу, которую он носил с собой.

– Знаешь, у меня есть книга на неизвестном языке, – сказал

он магине. – Посмотри, вдруг это ваши иероглифы?

– Давай посмотрим, – согласилась Лила. Он достал книгу и подбросил дров в костер, чтобы добавить света. Магиня отстегнула старинные пряжки и начала перелистывать страницы, затем рассмотрела листок с изображением трехцветного круга.

– Это не наш язык, но понятно, что книга – о магии. Списки заклинаний, наверное, – подвела она итог.

Альмарен присел рядом и рассказал ей о беседе у Равенора.

– Видишь этот рисунок? – указал он. – Равенор говорит, что камни нужно соединить так.

– И что тогда произойдет?

– Не знаю. Когда мы разыщем Магистра, можно будет попробовать соединить наш камень с Синим. Лила вновь открыла первую страницу.

– Смотри-ка сюда, – сказала она.

Альмарен взглянул туда, куда указывал ее палец. Там было не начало первой главы, а короткое, в полстраницы, предисловие. В конце текста, одно под другим, стояли три похожих слова.

– Тебе не кажется, что это подписи Трех Братьев? – спросила его Лила. – И количество букв, и сходные буквы – все совпадает. Это не чужой язык, а тайнопись.

Через два дня голые скалы кончились. На склонах все чаще встречалась древесная поросль, грунт, нанесенный с верховьев и осевший в извилинах береговой кромки, прорастал темно-зеленой щеткой исселя. Пищу приходилось экономить, но это не портило настроения троих путников, с каждым шагом приближавшихся к местам, заселенным людьми.

Молодой маг сдружился со своими новыми знакомыми. Он оценил по достоинству ответственность Витри и его умение справляться с любым хозяйственным делом, неутомимую энергию Лилы, которая ложилась спать последней и поднималась по утрам раньше всех. Альмарен, как и его спутники, добросовестно брал на себя часть хозяйственных забот, но Лила и Витри, однажды попробовав его стряпню, ограничили его кухонные обязанности заготовкой дров и разведением костра.

Он быстро потерял интерес к общению с Витри, но с магиней, казалось, мог разговаривать до бесконечности. По вечерам он отыскивал повод завязать с ней беседу, начинавшуюся обычно с расспросов о магии ордена Саламандры и продолжавшуюся чем угодно. С Лилой можно было говорить обо всем, не боясь быть непонятым, поэтому Альмарен неожиданно для себя сделался разговорчивым, словно торопился высказать все, о чем был вынужден молчать прежде. Он то размышлял вслух о свойствах магических сил и способах их подчинения, то перескакивал с

серьезных тем на пустяки, когда-то зацепившие его сознание, на воспоминания о прошлом и дорожные впечатления. Витри сидел молча и ловил каждое слово, сказанное магами, открывая для себя диковинный мир, проникнутый властвующими в нем невидимыми силами.

На послеобеденном отдыхе Альмарен и Лила занимались расшифровкой книги. В первую очередь они взялись за листок с текстами о камнях Трех Братьев.

Пока Лила увлеченно сравнивала и сопоставляла значки, разгадывая слово за словом, Альмарен вслушивался в звук ее голоса и незаметно для себя переводил взгляд с закорючек текста на руки маги-ми, на ее лицо, склоненное над книгой, полубессознательно отмечая чуткую тонкость пальцев под царапинами и загаром, совершенную линию овала лица, идущую от уха к подбородку. Он забывал вникать в смысл слов своей собеседницы и, лишь когда ее голос становился требовательным, спохватывался и выслушивал укоризненный упрек:

– Ну, о чем ты думаешь, Альмарен! Я в третий раз спрашиваю тебя одно и то же!

Он с извиняющейся улыбкой отвечал:

– Да ни о чем… – И это было правдой. Выговаривая себе за рассеянность, Альмарен с удвоенным вниманием обращался к значкам. Из прочитанного выяснилось, что при соединении камней меняется их способность привлекать силу алтарей. Синий и Красный камни на Белом алтаре, будучи порознь, могли привлекать туда энергию Синего и Красного алтаря, а соединенные вместе – подключали дополнительно и энергию Фиолетового алтаря. Кроме этого, в листке не оказалось ничего, что Альмарен не услышал бы от Равенора, гениально проникнувшего в суть системы управления магией алтарей.

– Значит, этот камень привлечет силу Красного алтаря на другой? – сказала как-то Лила, рассматривая Красный камень.

– Если другому алтарю подчиняется сила огня, – уточнил Альмарен.

– Мощность магии возрастет вдвое?

– По слухам, больше чем вдвое. Я сам не пробовал, но маги Фиолетового алтаря говорили, что его сила выросла в несколько раз.

– А Синий алтарь при этом полностью обессилел. Так, Витри? – повернулась она к лоанцу.

– Колдун говорил, что там, где чашка воды, теперь капля, – вспомнил Витри.

– Неудивительно, что Каморра ищет камни. – Лила взглянула на Альмарена. – Синий камень, говоришь, у твоего друга?

– Я надеюсь, что это так.

– Где твой друг сейчас?

– Наверное, в Босхане, в армии Норрена.

– Я думала над тем, что ты рассказывал о белых дисках, Альмарен.

Их магию можно разрушить только с Белого алтаря, потому что остальным алтарям не подчиняется хотя бы одна из сил.

– Я не знаю заклинания, которое лишило бы силы сразу все амулеты алтаря, – заметил Альмарен.

– Я тоже, – подтвердила Лила, – но у нас есть книга, а в ней есть глава о заклинаниях Белого алтаря. Если там найдется нужное заклинание, достаточно применить его на Белом алтаре – и власть Каморры над уттаками исчезнет.

Взгляд Альмарена вспыхнул воодушевлением. Идея была проста до очевидности и в случае успеха решала все.

– Нам нужно пробраться на Белый алтарь?! – воскликнул он.

– Да, но сначала нам нужно прочитать седьмую главу этой книги и отыскать подходящее заклинание.

– А если его там нет?

– Тогда его нужно разработать, – сказала Лила.

– Как ты собираешься его разрабатывать? – недоверчиво спросил ее Альмарен.

– Шантор говорил, что любое слово может стать заклинанием.

Основное правило ты знаешь – заклинание должно точно и полно описывать явление, для которого оно применяется. Второе правило – магическая сила должна быть достаточной для выполнения заклинания. Возможно, для уничтожения всей магии Каморры будет мало мощности Белого алтаря, поэтому там нам понадобятся оба камня – Красный и Синий.

– Значит, нам нужно разыскать Магистра и взять у него Синий камень?

– Да. – Лила вернула ему Красный камень. – А затем, с обоими камнями, мы проберемся на Белый алтарь. Вряд ли Каморра оставил там сильную охрану. Мы пойдем туда вдоль скал Ционского нагорья, так безопаснее. Уттаки не любят скал.

– И я с вами! – встрепенулся Витри. – Я все умею, я не буду обузой.

– Я знаю, Витри. – Лила дружески улыбнулась лоанцу. – С тобой я пойду куда угодно.

С этого дня Витри больше не чувствовал себя игрушкой судьбы, бросавшей его по Келаде. Он сделал собственный выбор.

Каждый истекший день приближал их к Бетлинку.

Они обошли уттакскую стоянку по верхней кромке скал,

затем вновь спустились со склона и отправились дальше берегом Руны. Чтение книги требовало длительных дневных привалов, поэтому они двигались медленнее, чем на Керн.

Впрочем, Альмарен не торопил конец пути. В его крови – крови прирожденного мага – развилось сродство с силой огня, вызывавшее безотчетное притяжение энергии Красного алтаря, заставлявшее накаляться перстень Грифона на левой руке.

Альмарен снял перстень, чтобы тот не жег руку, но избыток огненной силы по-прежнему захлестывал его, обостряя чувства, делая сон коротким и легким, а мысли – стремительными и волнующими.

Вначале магу казалось, что эта перемена вызвана Красным камнем, лежащим в нагрудном кармане у сердца, но мало-помалу до его сознания дошла истинная причина. Эта причина, имевшая синие глаза и короткие темные волосы, танцующей походкой пробиралась впереди него по прибрежным камням, с увлечением расшифровывала магические тексты и, похоже, беспокоилась только о том, как бы скорее и вернее уничтожить магию Каморры.

Наконец наступил день, когда они вышли в окрестности Бетлинка.

Вдруг легкий шорох в густом подлеске заставил их насторожиться. Альмарен шагнул. вперед с мечом наготове, но тут же опустил Оружие, узнав выехавшего навстречу всадника.

– Тревинер! – с облегчением воскликнул он. – Как ты здесь оказался? Неужели Вальборн вернулся в Бетлинк? Вот здорово!

– Альмарен, приятель, ты цел и невредим! – оскалился в улыбке охотник. – И эти двое с тобой – замечательно! – Он соскочил со своей Чйаны и подошел ближе, с интересом рассматривая лоанца и магиню. – Все, как говорил Вальборн – мальчик и девочка! Значит, вы и есть те самые храбрецы, которые погнались за посланцем Каморры?

– Вроде того, – ответил ему Витри.

– Я третий день сомневаюсь, выберетесь ли вы оттуда. По моим подсчетам, вы должны были появиться здесь дня четыре назад.

– Задержались, – ответил Альмарен. – Разве ты нас ждал?

– Еще как ждал! Я кручусь здесь вторую неделю ради удовольствия встретить тебя, парень! Ты мне скажи, сделали вы то, ради чего пошли на Керн?

– Сделали. – Альмарен прикоснулся к нагрудному карману. – Камень здесь.

– Твой друг Магистр будет рад это услышать. Это он просил проводить вас через леса на юг. – Охотник повернулся к своей кобыле и хлопнул по дорожным мешкам. – Когда я выезжал, мне

почему-то подумалось, что у вас будет туговато с припасами. Я не ошибся?

– Ты попал в самую точку. Туговато – это мягко сказано.

– Да… – Тревинер окинул их оценивающим взглядом. – Вас, пожалуй, и уттаки жрать не станут. Ничего, вы у меня через неделю вот такие физиономии наедите… – Он надул щеки, весело поблескивая глазами.

– Значит, Вальборн не вернул замок? – спросил маг. – Он не в Бетлинке?

– Какое там в Бетлинке! – воскликнул Тревинер, перестав улыбаться.

– Мой правитель давно в Келанге. А уттаки, парень, давно на Оранжевом алтаре.

Такие вот дела. Я боялся, что мы разминемся и вы пойдете на алтарь, прямо в лапы Каморре, поэтому сидел здесь безвылазно. – Он махнул рукой на заросли.

– Мы и направлялись на алтарь, – сказал Альмарен.

– Туда сейчас нельзя.

– Тогда проводи нас прямо в Келангу. Мы должны как можно быстрее отыскать Магистра.

– Понимаю, – блеснул глазами охотник. – Но Магистр сейчас в Босхане, а кратчайший путь в Босхан лежит не через Келангу. Нам нужно пройти через лес на юг, мимо Оранжевого алтаря. Дня через четыре нам встретится дорога на Келангу – ее нужно пересечь, а затем идти вдоль подножия Ционского нагорья до самого Босхана, не переправляясь через Тион.

– Сколько времени займет дорога? – вмешалась в разговор Лила.

– Пешком – недели три, не меньше, – ответил ей Тревинер. – Пока мы не окажемся у Тионских скал, есть риск нарваться на уттаков – вся армия Каморры подошла к Оранжевому алтарю, а сейчас, наверное, выступила дальше, на Келангу.

Кладите-ка мешки на Чиану-и вперед.

Мешки укрепили на седле, и вся группа отправилась в путь вдоль ручья. Охотник шел первым, плавно и бесшумно обтекая ветви и камни. Альмарен убедился в справедливости любимого выражения охотника – Тревинер двигался по лесу тише падающего листа. Кобыла, прошедшая хорошую выучку, осторожно ступала след в след за своим хозяином, несмотря на брошенную уздечку. Лила и Витри шли вслед за кобылой, Альмарен, как и прежде, замыкал группу.

Обогнув Бетлинк, ручей вильнул вправо. Охотник, руководствуясь одному ему известными приметами, вел своих подопечных напрямик через густую однообразную зелень.

Пробираясь мимо лесной полянки, он внезапно поднял руку в предостерегающем жесте. Кобыла замерла на месте, остальные, недоумевая, тоже.

Тревинер снял с плеча лук и, почти не целясь, выпустил стрелу, а затем тихо и без спешки пошел в направлении выстрела. Альмарен встал рядом с Лилой и Витри, пытаясь разглядеть, куда и зачем ушел охотник. Тот возвращался назад, неся за уши крупного зайца.

– А вот и наш обед. – Тревинер похлопал зайца по спине. – Осень скоро – ишь, какой тяжелый! Славная будет похлебочка… – Достав из кармана! кусок веревки, он привязал добычу к седлу. – Теперь можно и местечко для привала подыскивать.

Лес пошел под уклон, травяной покров сделался густым и сочным.

Тревинер повернул чуть правее, в Низину, и вскоре вышел к лесному ручью. Вдвоем с Альмареном он снял с кобылы груз, расседлал ее и пустил пастись. Отпустив Чиану, охотник посмотрел на Альмарена и Витри:

– А вы, парни, – живо, костер! Посмотрю я, чему вы научились в пути.

Альмарен и Витри переглянулись и пошли за дровами. Лила взяла зайца, собираясь готовить обед.

– Уйди, женщина! – сказал ей Тревинер с величественно-шутовской интонацией. – И навеки оставь надежду приготовить зайца лучше, чем я.

Принеси-ка лучше воды.

Он вынул охотничий нож и ловко разделал зайца, кидая куски мяса в котелок с водой. Витри тем временем наломал хвороста для костра, а Альмарен, сконцентрировав в ладони бродящую в нем огненную силу, махнул рукой на уложенные пирамидкой ветви. Сухая растопка полыхнула факелом.

– О-о-о… – уважительно протянул наблюдавший за ними Тревинер.

Повесив котелок над огнем, он прошелся вдоль ручья и вернулся к костру с пучком трав.

– Вот эти – в похлебку, а эти – в чай… Впрочем, все равно перепутаете. Сам положу.

Охотник не хвастал – похлебка получилась душистой и вкусной. После обеда Лила и Альмарен, как обычно, взялись за книгу. До конца седьмой главы оставалось несколько страниц, но подходящего заклинания пока не попадалось.

– Что это? – заглянул им за плечо Тревинер, и Лила объяснила ему, что они ищут в этой книге. – Значит, мы из Босхана пойдем на Белый алтарь? – воодушевился он. –

Замечательная будет прогулка!

– Разве ты собираешься идти с нами? – спросил его Альмарен.

– Отпускать вас одних – это провалить все дело, – снисходительно глянул на них охотник. – Если вы не попадетесь уттакам, то непременно умрете с голода, хотя вокруг полно еды. Мне будет спокойнее, если с вами будет такой парень, как я. Вот ты, Альмарен, умеешь стрелять из лука? Или ты за зайцами будешь с мечом гоняться?

– Я, между прочим, маг ордена Феникса. – Альмарен, задетый интонацией Тревинера, оторвался от книги и встал. – Правда, я три года не держал в руках лук, но, думаю, не разучился натягивать тетиву. Где твой лук?

Охотник кивком указал на приставленный к дереву лук Феникса.

Альмарен взял лук в боевую позицию, уже чувствуя, что погорячился. После трехлетнего перерыва только чудо могло помочь ему положить стрелу в цель.

– Видишь тот сучок? – не вставая с земли, показал ему Тревинер. – Это несложно, парень.

Альмарен согласился про себя, что охотник мог дать цель и посложнее. Он долго прицеливался и, выпуская стрелу, неловко дернул тетиву.

Мгновенно поняв, что выстрел не удался, он мысленно ухватил стрелу и отчаянным усилием направил ее в цель. Стрела ударила в основание сучка и, задрожав, осталась торчать в стволе.

Тревинер с нескрываемым любопытством посмотрел на мага.

– Впервые вижу, чтобы стрела поворачивала в воздухе, – хмыкнул он.

– Но в цель ты попал, признаю…

Альмарен вернулся на место, пряча взгляд в землю. Магия помогла ему привести стрелу в цель, но ощущение промаха осталось. Тревинер, скучавший в ожидании конца привала, обратился к лоанцу:

– А ты, Витри, такой же стрелок?

– Я никогда не держал в руках лука, – признался тот.

– А мечом ты владеешь? Нет? – Охотник покачал головой. – Зря.

Настоящий мужчина должен владеть оружием.

– Я рыбак, а не воин, – объяснил ему Витри. – У нас в селе никто не сражается на мечах.

– Но из лука-то нужно уметь стрелять. Это охотничье оружие, а не военное. Давай, я поучу тебя, пока наши маги возятся со своими заклинаниями.

– Давай, – обрадовался Витри.

Охотник вскочил, взял лук и подал лоанцу.

– Лук берется вот так… локоть сюда… – Тревинер повернул руку Витри. – Пальцы не здесь, а то стрелой зацепишь. Держи на уровне глаз, цельсь, а другой рукой натягивай… И главное, не дергай, а отпускай легонько, будто красавицу в щечку – чмок!

Стрела вылетела и вонзилась в дерево.

– Понял?! – спросил лоанца Тревинер. – Сбегай за стрелой и еще раз – сам.

Витри принес стрелу и вновь наложил ее на лук, стараясь следовать указаниям Тревинера. После нескольких неудачных попыток стрела стукнулась в дерево и упала к его корням.

– Уже успехи, – похвалил лоанца Тревинер. Витри, ободренный похвалой охотника, усердно обстреливал дерево, все чаще попадая в ствол.

– А у тебя верный глаз, парень, – заметил Тревинер. – Рука слабовата, поэтому стрела не входит в дерево, но ничего, привыкнешь. Работай каждый день, и из тебя выйдет лучник.

– Мне можно брать этот лук для учебы? – спросил просиявший Витри.

– Конечно, – кивнул Тревинер. – А будем в Босхане – я сам выберу тебе лук. Если у тебя есть дар быть лучником, он не должен пропадать. Не каждый рождается с таким даром.

IX

– Шемма! – Пантур потряс за плечо табунщика. – Шемма, проснись!

Шемма замычал, отбиваясь, затем открыл глаза и сел на лежанке.

– Пантур… – узнал он ученого. – Какой мне сон приснился…

Возвращаюсь я в Лоан, а мне – все село навстречу! Слезаю я с Буцека, а колдун и говорит…

– Ты хочешь попасть домой, Шемма? – спросил его Пантур. И голос, и выражение лица ученого ясно указывали, что вопрос не пустой.

– Еще бы! – мгновенно встрепенулся табунщик. – А что, владычица разрешила?!

– Я надеюсь убедить ее, но за это от тебя потребуется услуга…

– Пантур! – умоляюще воскликнул Шемма. – Если меня отпустят, я все для тебя сделаю! Я ведь табунщик, понимаешь? Что мне здесь делать, сам подумай!

– Да-да, – кивнул Пантур. – Я это понимаю, но ни владычице, ни Дануру до этого и дела нет. Ради тебя они тебя не отпустят. Но ты можешь оказать услугу, не мне, а всему городу. Очень важную услугу.

– А это опасно? – встревожился Шемма.

– Для тебя – нет. Ты уйдешь наверх под честное слово и выполнишь мое поручение. Если ты обманешь нас, неприятности будут у меня, – Какие?

– Казнят, наверное, но не в этом дело. Городу угрожает голод, и я вижу только одну возможность предотвратить беду – попросить помощи у ваших магов.

– Я должен их найти? – догадался табунщик.

– Да, – подтвердил ученый. – Приведи их на встречу со мной.

Ничто не могло вернее вызвать сочувствие Шеммы, чем упоминание о голоде.

– Приведу, – пообещал он. – А вы нас не задержите?

– Это бессмысленно. Вы можете предупредить других людей, и мы наживем себе врагов, если вы не вернетесь.

– А если маги спросят, зачем их зовут? Что сказать?

– Я все тебе объясню и назначу место встречи, – заверил табунщика Пантур. – Если они откажутся помочь, вернись и сообщи об этом, чтобы мы не ждали напрасно. Договорились?

– Договорились, – согласился Шемма.

– Тогда вставай и иди за мной.

Шемма спустил ноги с лежанки, нащупал башмаки и обулся. Пантур повел его к Оранжевому шару, выбирая малолюдные коридоры. Хотя ученому не запретили показывать шар человеку сверху, он догадывался, что Данур будет недоволен, узнав об этом.

– Я покажу тебе наше подземное солнце, – сказал он Шемме в пути.

– Солнце? – не поверил ушам табунщик. – Под землей?!

– Это светящийся шар, похожий на закатное солнце. Кроме света, он дает излучение, которое мы называем теплом, а вы, как я понял, магией. В этом году, начиная с весны, с ним происходит нечто странное.

Пантур замедлил шаг перед развилкой, затем свернул налево.

– Сюда. Так вот, Шемма, в последнее время нередки случаи, когда шар по несколько дней не излучает тепла. Это губительно для плантаций владычицы, расположенных вблизи от него.

– Почему? – удивился Шемма.

– Посевы питаются его излучением, – ответил Пантур. – Сейчас ты увидишь шар и плантации. Там я все объясню подробнее, а ты запоминай, чтобы потом пересказать магам.

– Все запомню, – пообещал табунщик. – Разве такое забудешь!

У поворота Пантур остановился, чтобы надеть рубиновые очки. Затем он ввел табунщика в просторную пещеру. Шемма, насмотревшийся подземных чудес, не слишком удивился при виде полупрозрачного, мерцающего оранжевым светом шара, но, подойдя поближе, воскликнул:

– Под ним же нет опоры!

– Он висит в воздухе, – подтвердил Пантур. – Не спрашивай почему, я тоже не знаю. Сейчас он не излучает магию, иначе ты почувствовал бы что-то вроде жара.

– А это саламандры? – Шемма указал на плоские черно-рыжие головы скользких тварей, уткнувшихся носами в берег.

– Да. Они заснули. Когда к шару вернется способность излучать тепло, они оживут.

– В храме Мороб они считаются священными, – заметил Шемма.

– У нас тоже. Мы бережем их. Трое сверху сказали, что по саламандрам можно судить о состоянии шара. В нашей истории не было упоминаний о спячке саламандр – до недавней весны. Идем, я покажу тебе плантации.

Пантур и Шемма вышли боковым коридором на плантацию масличных семян. За короткое время, прошедшее с утра, бутоны на растениях съежились и поникли.

– Видишь? – указал Пантур. – У них все есть – и вода, и земля, но они вянут. Они привыкли использовать магию.

– Ясно, – сказал Шемма. – Разве у вас так мало плантаций, что пропади одна – и сразу голод?

– Здесь не одна плантация, – объяснил ему ученый. – Все пространство вокруг шара занято под посевы, а это немалая доля в питании Лура.

Урожай у нас гибнет редко, поэтому пища производится с небольшим запасом на случай, если на отдельных участках недород, но сейчас потери слишком велики.

Положение можно выправить, лишь восстановив шар.

– Ты думаешь, Пантур, что наши маги это сделают?

– Я надеюсь, что сделают. Те трое, которые создали шар, видимо, тоже были магами.

– Кто эти трое? – полюбопытствовал Шемма.

– Это долгая история…

Они вновь углубились в коридоры Лура. Пантур поначалу шел молча, затем заговорил.

– Наш Лур – не единственный подземный город, – начал он рассказ. – Триста лет назад ни архитектура, ни резные украшения туннелей и залов Лура не могли сравниться с великолепием Фаура, подобного кристаллу горного хрусталя в струе водопада. Скольких поэтов вдохновляли его спиральные лестницы, кружевные арки, лабиринты коридоров, порождающих поющее эхо! Я читал старинные стихи о Фауре, они прекрасны.

– Здесь есть еще один подземный город?

– Был. Его население вдвое превышало число жителей Лура. Лур и Фаур связывала сеть туннелей, по которым за неделю можно было добраться из города в город.

– За неделю? – переспросил Шемма. – Это далеко.

– Не близко. Но люди все равно ходили этими путями – для обмена товарами, в гости, на праздники. Вести о событиях в одном городе быстро доходили до другого.

– Наверное, просторнее было жить-то, – заметил практичный табунщик.

– Сейчас трудно об этом судить. Нам с тобой важны события трехсотлетней давности. Пишут, что в те времена в Фауре появились трое людей сверху, знавших наш язык. Владычица Фаура, Сихроб, благосклонно отнеслась к ним. Эти трое остались в городе как гости, чтобы изучать нашу культуру, а в благодарность за добрый прием создали Белый шар и подарили владычице.

Пантур замолчал, вдумываясь в собственные слова.

– В летописях сказано – Белый, а не Оранжевый. Это не

описка, я встречал это слово несколько раз, – отметил он. – У нас в те годы правила владычица Мороб. Она узнала о Белом шаре и направила к этим людям гонцов с приглашением погостить в Луре.

– И эти трое явились сюда?

– Да. Мороб хорошо встретила их, позволила бывать в мастерских, читать законы и летописи. Оказалось, что все трое – братья, хоть и не похожи друг на друга. Они были высокими, на две головы выше любого из наших. Старшего, светловолосого, звали Гелигреном. Остальные двое слушались его, как отца. Средний, рыжекудрый весельчак, звался Оригреном.

Он был всеобщим любимцем, душой любой компании. Младший, Лилигрен, был темноволос и молчалив. Братья недолго прожили в Луре. Познакомившись с жизнью города, они вернулись в Фаур, а на прощание создали для нас Оранжевый шар.

– Тот, который я сейчас видел?

– Он самый. Это был дорогой подарок. Триста лет, пока он питал наши плантации, город жил в достатке и благополучии. Мы отвыкли от бедствий, поэтому нынешнее несчастье вдвойне тяжело нам.

Они свернули во Второй кольцевой туннель и вскоре пришли в общину.

Шемма ждал продолжения разговора, но Пантур не добавил ни слова к сказанному.

Подставив к стене небольшую деревянную лесенку, ученый начал рыться в стопке бумаг, лежавших на одной из верхних полок.

– А еще что, Пантур? – спросил Шемма.

– Я все сказал, – ответил сверху ученый. – Теперь ты знаешь достаточно, чтобы объяснить магам, чего мы от них хотим.

– А Фаур, трое братьев? – не успокаивался табунщик. – Что с ними случилось дальше? Где город?

– Любопытный ты парень, – с добродушной усмешкой отозвался Пантур.

– Ну, слушай… Он спустился вниз и сел на лежанку.

– Как я уже сказал, братья вернулись в Фаур, – продолжил он рассказ. – Вскоре в Лур пришло известие – в Фауре страшное наводнение.

– Это из-за Белого шара? – заволновался Шемма.

– Нет. У нас в Луре постоянно ведутся строительные работы – ведь городу нужны новые жилища, плантации, туннели. Каменотесы Фаура, конечно, занимались тем же. Сейчас неизвестно, то ли ошибка была допущена учеными, то ли

строители отклонились от плана, то ли повлияли какие-то непредвиденные обстоятельства. Один из вновь прорытых туннелей был проложен поблизости от огромного подземного озера, и наступил день, когда порода не выдержала. Воды озера хлынули в Фаур.

– Ужас-то какой… – прошептал Шемма.

– Да, катастрофа была ужасной. Вода мгновенно затопила нижние ярусы города, многие люди погибли, не успев покинуть собственных жилищ, многие оказались погребены заживо, отрезанные водой от верхних ярусов. Потоки воды устремились по соединительным туннелям, угрожая Луру, и владычица Мороб отдала приказ засыпать эти туннели, чтобы наш город не разделил участь Фаура.

– И с тех пор вы ничего не знаете о Фауре?

– Несколько новолуний спустя Мороб приказала отрыть верхний туннель, чтобы проникнуть по нему в Фаур. Это удалось не сразу. Часть туннелей была завалена, часть размыта и затоплена водой, появились пещеры естественного происхождения, промытые потоками воды. Понадобилось немало поисков и раскопок, пока посланная владычицей группа добралась до Фаура.

Отвлекшись от рассказа, ученый взглянул на полку, где только что рылся в бумагах.

– Там, на полке, лежат планы соединительных туннелей, сделанные этой группой, – сказал он. – Наши люди вернулись с зарисовками туннелей и с докладом о положении дел в Фауре. Вся нижняя половина города осталась под водой, в живых сохранилась лишь десятая часть его обитателей.

– Так мало! – сочувственно вздохнул табунщик.

– По рассказам, после наводнения выжила четверть населения, но затем от сырости в городе вспыхнула эпидемия грудной гнили. Умерла и Сихроб, и ее молоденькая дочь1. Город остался без владычицы. Ее советник передал в Лур просьбу приютить оставшихся жителей Фаура. Мороб дала согласие, и вскоре Фаур опустел.

– А что там сейчас? – заинтересовался Шемма. – Там так и не жили с тех пор?

– Для нас нет ничего опаснее сырого воздуха, поэтому дальнейшая жизнь в Фауре оказалась невозможной. Когда его жители перебрались в Лур, соединительные туннели были вновь засыпаны, чтобы сырость и гниль не проникли к нам.

– А трое братьев? – напомнил табунщик.

– Все трое погибли, пытаясь остановить катастрофу, – ответил ученый. – Если бы не их вмешательство, Фаур могло бы

полностью залить водой.

Оставшиеся в живых похоронили их с почестями. Я читал, что в одном из залов Фаура остались их гробницы.

– Погибли, – жалостно выдохнул Шемма, страдая от того, что такие люди оказались не всесильными и не бессмертными.

– Память об их судьбе поддерживает меня в намерении наладить дружбу между нами и людьми сверху, – поделился Пантур с табунщиком давними мыслями, вызывавшими неприязнь владычицы. – Ведь были среди вас и те, кто не пожалел жизни ради спасения нашего народа.

– Маги – они отзывчивые, – припомнил Шемма свой небольшой опыт общения с магами. – Как речь пойдет о магии, сразу берутся помочь. Что наш колдун – старик безотказный, что Равенор – богач-богачом, а принял нас, выслушал…

– Это хорошо, – одобрил Пантур. – Ты понял, что им рассказать?

– Все понял. А теперь – пора и в путь?

– Нет, Шемма. Сначала я добьюсь согласия владычицы. Без него переговоры с магами бесполезны.

– А долго ждать?

– Недолго, если шар не восстановится. Владычица любит свой народ, а Лур отчаянно нуждается в урожае с ее плантаций. Конечно, ей будет трудно пересилить себя и дать начало смене традиций, но я верю, что ради города она пойдет и на это.

Предположение Данура не оправдалось – шар не восстановился ни к вечеру, ни в следующие дни. Пантур, постоянно посещавший плантации, видел, как они хиреют с каждым днем. Следовало опасаться уже не потери очередного урожая, а полной гибели всех растений. Хэтоб почти ежедневно требовала к себе ученого.

Шемма с нетерпением ожидал Пантура, каждый раз надеясь, что тот вернется с заветным разрешением, но ученый возвращался мрачным и не отвечал на расспросы табунщика. Страже было приказано наблюдать за поселком наверху и немедленно докладывать о любых замеченных событиях. И владычица, и Пантур по-прежнему предполагали, что исчезновение тепла шара связано с присутствием в поселке уттаков.

Догадка Хэтоб была верна – Каморра перед нападением перекрыл силу Оранжевого алтаря, чтобы жрецы храма не разогнали уттаков молниями. Заняв храм и поселок, маг решил вернуть алтарь в первоначальное состояние, но его попытка снять собственную магию оказалась неудачной. Он не упорствовал, оставив эту заботу до окончания войны, а сосредоточился на

сборе и подготовке уттакских войск для дальнейшего нападения. Через несколько дней, когда у Оранжевого алтаря собрались основные силы с верховьев Иммы, он поднял их и повел на Келангу.

Рано утром стража доложила владычице, что уттаки покинули поселок.

Вызвав Пантура, Хэтоб послала его проверить, не восстановился ли Оранжевый шар, но там ничего не изменилось.

– Ох, Пантур, что же делать? – с отчаянием в голосе сказала она. – Даже если шар восстановится, я боюсь отдавать приказ вновь засевать плантации, потому что запас семян кончается. Еще одна такая беда – и мы потеряем наши высокоурожайные сорта.

– Нужно посеять там обычные семена, – посоветовал ученый. – Даже небольшая прибыль в пище необходима Луру. А что касается шара – я не раз говорил вам…

– Знаю! – перебила его Хэтоб. – Даже если бы я уступила тебе, Пантур, я не получила бы согласия моего советника. Данур против этого, а я не могу поступать не по закону без его согласия.

– Разве вы забыли, великая, что в этом случае вы имеете право собрать совет глав общин? – напомнил ей Пантур. – Если на вашей стороне окажется большинство членов совета, ваше решение будет принято.

– Но тогда, согласно закону, Данур не может оставаться моим советником, поскольку он принял ошибочное решение, – напомнила владычица. – Я попробую уговорить его, а если не получится, тогда… там посмотрим. Иди, Пантур.

Прошло два дня. Владычица не вызывала к себе Пантура, а прийти к ней первым он не мог. На третий день, вскоре после завтрака, у двери раздался стук.

– Войдите! – откликнулся Пантур. Дверная занавеска откинулась, но в комнату шагнул не слуга владычицы, как ожидали оба. Это был Данур. На лице советника явственно проступали раздражение и злость – чувства, редкие для монтарва. Он скользнул взглядом по табунщику и сказал:

– Выйдем, Пантур.

Оба вышли в коридор. Данур повел ученого в пустовавший обеденный зал.

– Я знаю, это твое влияние, Пантур, – начал он. – Владычица потеряла благоразумие, она требует от меня согласия на встречу с людьми сверху.

– Она не потеряла, а проявила благоразумие, – возразил ученый. – Она – женщина редкого ума и воли, раз решилась для спасения города отменить тысячелетние запреты.

– У нее нет такого права! – повысил голос Данур. – Любой

закон может быть отменен либо с согласия советника, либо на совете глав общин. А моего согласия на эту безумную затею она никогда не получит!

– Твое мнение – еще не мнение совета глав общин, – спокойно ответил Пантур. – Она собирает совет, я не ошибся?

– Этим вечером. – В голосе советника слышалась сдержанная ярость.

– Одумайся, Пантур, останови ее! Чужаки сверху залезут в нашу жизнь, будут расхаживать по нашим залам и коридорам – даже и мысль об этом противна каждому в Луре!

– Тогда чего же ты боишься, Данур? – внимательно взглянул на него ученый. – Если это так, то совет не поддержит ее решение. Может, ты сам догадываешься, что не получишь одобрения большинства?

– Люди глупеют, когда речь заходит о миске еды. Пообещай ее – и они согласятся на все, что угодно.

– Обеспечь им миску еды, сделай их умными. Если ты этого не можешь, какое у тебя право требовать от них разделять твои предубеждения? Или ты боишься, что люди поддержат владычицу, а ты навеки перестанешь быть ее советником?

Данур вздрогнул. Ученый понял, что попал в цель.

– Вечером выяснится, кто из нас прав, – сказал он советнику.

Когда ученый вернулся, Шемма встретил его словами:

– Приходил слуга владычицы. Вечером в обеденном зале соберется совет.

– Она хочет, чтобы я присутствовал на совете? – спросил Пантур.

– Мы оба! – выпалил табунщик.

После ужина Пантур и Шемма остались в обеденном зале. Женщины с кухни протерли опустевшие столы, а затем и пол. Вскоре в зале стали появляться главы общин, чем-то похожие друг на друга – пожилые, уверенные, неторопливые.

Узнав среди них Масура, Шемма радостно приветствовал его. Табунщик не забыл угощение и заступничество главы Пятой общины.

Когда здесь собралось десятка полтора монтарвов, появился Данур.

Он прошел к сиденью, одиноко стоящему у правого края небольшой площадки в конце обеденного зала, и уселся там. На нем была одежда, переливающаяся красно-розовым, голову покрывала серебряная корона советника, отделанная драгоценностями.

– Чего это он вырядился? – шепнул Шемма Пантуру.

– Так полагается на совете, – ответил тот. – На нем парадная

одежда советника. Видишь – главы общин тоже в своей лучшей одежде…

В это время в зал вошла Хэтоб. В соответствии с традициями она была облачена в торжественный наряд. В пушистых волосах владычицы поблескивала золотом корона, надетая впервые со дня торжественной коронации. Ее украшал один-единственный драгоценный камень, наполнявший комнату золотым сиянием.

Ажурная оправа позволяла видеть плоские боковые стороны камня, делавшие его похожим на треть яблока, третья сторона, обращенная вперед, закруглялась, переливаясь тысячами граней.

Табунщик восхищенно вытаращился на невиданное украшение.

– Что это за штука? – подтолкнул он Пантура, кивая на камень.

– Это символ власти правительницы, – шепнул в ответ ученый. – Им владела Сихроб, а после постигшей Фаур катастрофы его передали владычице Лура.

С тех пор он украшает лурскую корону.

Владычица прошла по залу, туда, где на левой стороне площадки было установлено точно такое же сиденье, как под советником. Остановившись у сиденья, она повернулась к залу и заговорила:

– Над Луром нависла беда, поэтому я собрала вас здесь. – Она коротко изложила последние события. – От этого человека, – Хэтоб указала на Шемму, – мы узнали, что наверху идет война. И причину порчи Оранжевого шара, и помощь следует искать именно там. Наверху есть люди, которые, как и мы, используют тепло нашего шара, но там есть и такие, которым он мешает. Я намереваюсь отпустить наверх этого человека с условием, чтобы он отыскал там тех, кто может помочь нам. Мой советник не поддерживает меня, поэтому я хочу, чтобы окончательное решение приняли люди, которые разделяют со мной ответственность за благополучие Лура. Кто хочет высказаться, говорите.

Хэтоб села, дожидаясь высказываний собравшихся. С места поднялся Данур.

– Вы хорошо знаете наши законы, – начал он. – Не думаете ли вы, что их устанавливали люди глупые и недальновидные? Запрет на общение с людьми сверху появился не на пустом месте. Они неуловимы на своих просторах, а нам некуда уходить, если они нападут на нас. Подумайте об этом!

– Но почему он считает, что мы обязательно нападем на вас? – спросил Шемма у Пантура. – Неужели я похож на грабителя?

– Этот закон появился потому, что наши предки знали только уттаков, – ответил тот. – Я не позволю Дануру играть на наших старых предрассудках. Ученый встал и вышел на площадку. – Не пугай нас, Данур, – сказал он. – Среди нас есть человек сверху, каждый может поговорить с ним. Ни он, ни его односельчане вовсе не кровожадны. Они, как и мы, хотят спокойной и мирной жизни. А нам всем нужно помнить, что Оранжевый шар – творение людей сверху. Нам нужна дружба с ними. У них может найтись многое, что улучшит нашу жизнь и облегчит наш труд.

– Там, наверху, сейчас война, – выступил советник. – Мы мирно живем под землей, где так мало места, а они не могут поделить своих обширных пространств. Разве это не указывает, что они опасны? Открываться им – это идти навстречу собственной гибели.

– Да, там есть человек, который повел уттаков на своих же ближних.

– Ученый, как и советник, обращался к залу. – Но вы не думайте, что эта война нас не касается. Если он победит, уттаки вновь заполонят остров, и наступит день, когда они выследят и нас. Это еще один довод в пользу союза с, людьми сверху. Те, кто помогает друг другу, становятся сильнее.

Зал зашумел, обсуждая необычную проблему.

– Дайте мне высказаться, – поднялся Масур. – Я разговаривал с человеком сверху. Он хороший, добрый парень. Он угощал нас хлебом – мы ничего не пробовали вкуснее, а он утверждает, что это самая обычная пища. Если мы могли бы обменивать свои изделия на хлеб, мы не боялись бы недорода на плантациях.

– Нарушать закон – дурной пример для жителей Лура, – выступил его сосед, глава Двенадцатой общины. – Если можно нарушить один закон, значит, можно нарушить и другой. Когда люди перестанут уважать законы, порядок и достаток сменятся грязью и нищетой. На щепотку выгоды добавится пригоршня убытков.

– Наши люди трудолюбивы и прилежны, – возразил ему глава Восьмой общины. – Не нужно думать о них хуже, чем они заслуживают. Они тяжело работают, чтобы быть сытыми и одетыми, и только, а теперь у них не будет даже этого. Вы говорите, что случится беда, а она уже случилась. Недоедают взрослые, а пройдет еще два новолуния – будут голодать и дети. Вот о чем нужно помнить в первую очередь.

Владычица не останавливала расшумевшееся собрание. Лишь заметив, что разговоры свелись к повторениям, она поднялась с места. Все замолчали.

– Я выслушала вас, – сказала она. – Мои намерения не

изменились.

Сейчас я прошу вас подумать и выразить свое решение. Пусть те, кто согласен с Дануром, перейдут на правую сторону зала, а те, кто поддерживает меня, – налево.

После некоторого замешательства главы общин разошлись на две группы. Шемма и Пантур, не будучи членами совета, остались сидеть на своих местах.

– Пантур, посчитай, сколько людей в каждой группе, – попросила его владычица.

– На каждой стороне по семь человек, великая, – ответил ученый. – Мнения разошлись поровну.

– Как же теперь? – тихо спросил его Шемма.

– Владычица является главой Первой общины, – так же тихо ответил Пантур, – поэтому предпочтение отдается ей.

Хэтоб подошла к краю площадки.

– Мое решение принято советом, – объявила она. – Половина из вас поддержали меня. Я не считаю, что это мало, – это очень много. Я понимаю, как трудно даются такие решения, и благодарю вас всех, на чьей бы стороне вы ни были. Подумайте, кого бы вы хотели видеть моим новым советником.

С завтрашнего дня я готова выслушать ваши пожелания.

Она вышла из зала. Остальные разошлись не сразу, все еще обсуждая решенный вопрос.

Пантур увел Шемму домой. Там он отыскал прежнюю одежду Шеммы, принес откуда-то вместительный мешок и немного еды, затем пошарил на полках и взял с них несколько золотых и серебряных поделок.

– Возьми и это. – Он высыпал их в руки Шемме. – Обменяешь где-нибудь на еду. У нас легче найти лишнюю драгоценность, чем лишнюю миску бобов.

Наутро они оба побывали у владычицы и получили разрешения.

Вернувшись в комнату, Шемма скинул светящийся балахон, чтобы надеть свою родную куртку, брошенную вчера на сиденье.

– Пантур, где моя одежда? – спросил он ученого, не найдя ни куртки, ни штанов.

– Здесь… Разве тут ничего нет? Они обыскали комнату, но одежда так и не нашлась.

– Украли! – догадался Шемма. – Это Данур!

Ученый покачал головой:

– Не обязательно. Половина людей была против того, чтобы ты возвращался наверх. Я немедленно доложу владычице.

Весь день прошел в бесполезных поисках одежды. Пантур предположил, что скорее всего ее сожгли в печи. Шемма наконец

сказал ему, что уйдет прямо так, в балахоне, а затем разыщет в брошенном поселке какие-нибудь обноски.

***

На следующий день ученый повел Шемму наверх. Путь по коридорам показался табунщику бесконечно долгим.

– Куда мы идем? – встревожился он. – Я думал, до поселка ближе.

– Там приметное место, ты легко запомнишь и найдешь его, – пояснил Пантур. – Кроме того, этот выход можно и засыпать, если потребуется. Он далеко от Лура и не из самых важных.

Стража у выхода расступилась и пропустила их. Привыкшему к темноте Шемме поздний закат показался необычно ярким, поэтому он не удивился, когда Пантур надел рубиновые очки.

– Видишь три скалы? – Ученый указал на три сцепившихся вместе пика. – По ним ты издали найдешь это место. В том направлении, на закат, поблизости течет большая река. Ты придешь на эту поляну, если пойдешь от изгиба реки на эти скалы. На ней ты найдешь вон тот камень.

Шемма увидел на поляне плоский, закругляющийся с боков валун, на котором мог разместиться небольшой домик.

– Когда вернешься, ляжешь спать на этом камне. Стража будет наблюдать за ним и немедленно позовет меня, когда ты появишься. Ясно?

– Ясно.

– Ваш храм в том направлении. За полдня ты дойдешь до него.

– Далеко-то как! – ахнул табунщик.

– Так нужно. Когда мне ждать тебя обратно? Шемма задумался.

– Если в Келангу идти, то к новолунию буду. – Увидев огорченное лицо Пантура, он добавил:

– Может, в храм кто из магов вернулся… Тогда дня через два придем.

– Хорошо бы… – Взгляд ученого прояснился. – Ну, иди, Шемма, да не подведи меня.

– Разобьюсь, а приведу магов, – пообещал Шемма и зашагал в направлении, указанном Пантуром.

***

После скандала во дворце Госсар послал человека узнать, где стоит войско Вальборна, чтобы явиться туда для приема командования. Когда выяснилось, что войско ушло в Оккаду, он отправился к правителю Келанги.

– Ваш племянник не подчинился ни мне, ни вам, – заявил он Берсерену. – Нужно немедленно вернуть его и наказать.

– Как ты это представляешь, Госсар? – скривился Берсерен.

– Отправьте за ним войско и схватите его. Пусть его приведут в цепях, как преступника!

– Не будь глупцом, Госсар, – одернул его Берсерен. – Там триста человек. Значит, и я должен послать в погоню отряд не меньше. Я не могу вывести из города такое войско, когда уттаки на подходе.

– Вы поверили этому трусу, что сюда идут уттаки?

– Я хорошо знаю своего племянника. Труслив он или не труслив, он никогда не расстанется с идиотской привычкой быть честным. Пусть там не десять тысяч дикарей, как ему показалось; но они идут сюда, и идут с войной. Сейчас не время заниматься воспитанием глупых мальчишек.

– Я бы на вашем месте…

– Ты не на моем месте! Изволь выполнять мои приказания! – свирепо глянул на него Берсерен. – Усиль охрану у моста и выставь людей на смотровую башню. Когда появятся уттаки, немедленно доложишь мне и известишь все войска, чтобы были наготове. А моего племянника оставь мне! Ты слишком любишь соваться в мои семейные дела!

Госсар промолчал. Берсерен подступил к нему вплотную:

– Ты что, не слышишь моих приказов? Вон!!! Я не нуждаюсь в твоих дурацких советах!

«Орать на главу рода Лотварна, как на какую-нибудь кухарку! – думал Госсар, в ярости вышагивая по дворцовым коврам, не замечая испуганных взглядов попадавшихся навстречу слуг. – Нет, я никому не уступлю удовольствия выпустить тебе кишки!»

Лишь у дворцовых ворот к нему вернулось хладнокровие. Он вскочил на коня и нехотя отправился выполнять приказы Берсерена. Потакая вздорному нраву старикашки, Госсар заставил его наделать немало ошибок, но на этот раз Берсерен проявил неожиданное благоразумие, да и донесения засланных в армию Норрена шпионов показывали, что там идет основательная подготовка к обороне.

Надежды на внезапное нападение, на легкую победу таяли.

Он ехал по людным улицам, предоставляя встречным прохожим самим заботиться о том, чтобы не попасть под копыта его коня. Госсару было безразлично, чем может обернуться ближайшее будущее для этой торговки рыбой, жаждущей выручить лишний медяк, для этого мальчишки, от безделья скачущего по камням мостовой так, чтобы не наступать на щели, да и для любого жителя Келанги, не подозревающего об истинном положении дел. Горожане волновали его не больше, чем муравьи на мостовой, – ничтожества, существующие лишь затем, чтобы быть перемолотыми в мельнице событий, раскрученной его честолюбием. Пока его беспокоило одно – как сохранить побольше уттаков для сражения с армией Норрена.

Госсар помнил босханского мага еще с тех пор, когда тот жил при дворце Берсерена. Тогда они не перекинулись и словом – глава рода Лотварна не снисходил до того, чтобы замечать выскочку из низов, пусть даже и пользующегося особым расположением правителя. Поэтому он был в недоумении, когда прошлой весной Каморра явился к нему и начал разговор с утверждения, что такие люди, как они оба, заслуживают лучшей доли.

Госсар в глубине души был согласен с той частью утверждения, которая касалась его собственного положения. Подчиняться Берсерену, любившему унижать людей независимо от их родовитости, всегда оскорбляло его гордость.

Ничего не обещая, он все же выслушал Каморру до конца, но ничем не выдал интереса к словам босханца, пока не убедился, что тот располагает достаточными возможностями для подкрепления своих претензий.

– Я маг, а вы воин… – рассуждал Каморра, добавляя «ваша светлость» без малейшего почтения, просто как обращение. – Это хороший союз.

Кусков хватит обоим – вам Цитион, мне Келанга и прочие. Остров давно нуждается в сильной власти. Если вы поддержите Берсерена, я все равно своего добьюсь. Мне будет труднее, но я добьюсь. Но я предпочитаю иметь вас союзником, а не врагом – это и вам выгоднее. Можете не спешить с ответом, подумайте.

Госсар взял время на размышление и тщательно обдумал предложение мага. Его смешила уверенность Каморры в том, что захвата келадских городов достаточно для того, чтобы стать признанным правителем всего острова. Лучший военачальник правителя Келанги был знаком с властью не понаслышке и знал, что ее гораздо труднее удержать, чем получить. Он не сомневался, что в Келанге с радостью встретят любого, кто

избавит людей от самодурства Берсерена. В Босхане пока не было настоящей власти – ведь не признавать же правительницей рыжую Дессу со своим мальчишкой. Мать Донкара, по сплетням, не была женщиной строгих правил, поэтому и при дворе, и в народе упорно ходили слухи, что нынешний правитель Кертенка не имеет ничего общего с младшей ветвью рода Кельварна. Трое сыновей Донкара, краснолицые и горластые, как и их отец, не пользовались уважением келадской знати. Лишь Норрен, законный обладатель власти в Цитионе, мог оказаться препятствием.

Положение, безусловно, было подходящим для установления на острове единой власти. Это встревожило Госсара, не видевшего, чем Каморра, с его гадкой привычкой прочищать нос пальцем во время разговора, мог оказаться лучше Берсерена. Но, поразмыслив, он пришел к выводу, что сын босханского оружейника не удержится на месте правителя острова, требующем не только умения наводить корчи на уттаков. А если позаботиться о том, чтобы Каморра на этом месте и не появлялся… конечно, острову нужна сильная власть, нужен правитель энергичный и принадлежащий к высокому роду, внушающий не только страх, но и уважение.

Госсар принял предложение Каморры. Сообщив о своем согласии через Шимангу, помощника Каморры, он получил белый диск, который носил не снимая, хоть и не представлял, для чего этот диск может понадобиться в Келанге.

В течение года Каморра не давал о себе знать. Госсар начал подумывать, не посмеялся ли над ним маг, но в конце зимы к нему пришел человек, назвавшийся Кеменером, и от имени Каморры потребовал сведений о придворной жизни Келанги. Шпион оказался весьма неглуп. Он расспросил о военных силах келадских городов, затем посоветовал Госсару поссорить Берсерена с правителями, и в первую очередь с племянником. Госсар дал ему несколько важных советов по формированию армии и взятию укрепленных сооружений, а про себя отметил, что такой человек был бы незаменим и у него на службе.

Хотя Госсар, влияя на правителя Келанги, оставил без поддержки защитников северных земель острова, Каморра не оценил его трудов и, взбешенный огромными потерями у Бетлинка, прислал со шпионом раздраженное письмо. Госсар ничем не выразил возмущения – потери Каморры были и его потерями. Однако он подробно рассказал Кеменеру о своих усилиях по ослаблению защиты острова, не для оправданий, а для того, чтобы перетянуть шпиона к себе. Вслух ничего не было предложено, но маленькие, цепкие глаза Кеменера с полным

пониманием встретились со взглядом главы рода Лотварна. Умный слуга нуждался в умном хозяине.

Госсар познакомил Кеменера с донесениями из Босхана и Цитиона, а затем намекнул, что Норрен является главной помехой на пути… употребив вместо прямолинейного «к захвату власти» обтекаемое «к изменению текущего положения».

Кеменер понял намек, но уточнил для подстраховки:

– Вы хотите сказать, что такие помехи следует устранять?

– Именно, – подчеркнул Госсар.

– Непростая задача. Опасная. – Шпион не набивал цену, он просто сообщил свое мнение о порученном деле.

– Вы справитесь с ней, Кеменер. Вот деньги. – Госсар протянул шпиону кошелек с золотом.

Шла третья неделя с тех пор, как Кеменер уехал, но известий с юга пока не было. В случае неудачи шпиона следовало ожидать ожесточенного сопротивления под Босханом. Поглощенный этими мыслями, Госсар объехал войска защитников Келанги, передавая распоряжения Берсерена, поставил добавочную стражу на башне и у моста. Вернувшись к себе, он вызвал своих людей и отдал им приказы, соответствующие его собственным планам.

Через три дня со смотровой башни Келанги были замечены первые уттаки. Они шли по северной дороге беспорядочными толпами по две-пять сотен, отличавшимися друг от друга одеждой и вооружением. Толпы одна за другой подходили к северному берегу Тиона и, не выходя из леса, растекались по береговой границе в обе стороны от моста. Берсерен, получив сообщение о появлении врага, сам отправился на смотровую башню. Он с Госсаром ехал в сопровождении отряда стражников по охваченным паникой улицам Келанги.

Жители города, каждый по-своему, пытались спасти себя и свое добро. Одни укрепляли ставни и приколачивали к дверям добавочные засовы, другие выносили вещи и грузили на повозки, стоящие в ожидании у подъездов. К городским воротам потянулись вереницы подвод, переполненных домашней утварью, с сидящими поверх тюков с одеждой женщинами и детьми, навстречу им двигался поток беженцев из пригородных поселений, считавших городские стены надежным укрытием.

Поднявшись на смотровую башню, Берсерен долго изучал северный берег Тиона и скапливающиеся на нем вражеские силы. Весь прибрежный лес уже кишел уттаками, а дикари все подходили и подходили.

– А Вальборн-то не ошибся, здесь не меньше десяти тысяч… – Берсерен гневно уставился на Госсара. – Ты говорил, не бывает столько уттаков сразу? Вот, смотри!!! – Он сделал резкое

движение по направлению к уттакам и чуть не вывалился за ограждение. – Мой лучший военачальник – глупая баба!!! Вон отсюда, ты отстранен от командования! Я сам буду руководить обороной!

Госсар спустился с башни, рванул коня в галоп и исчез среди улиц Келанги, а Берсерен потребовал к себе военачальников и указал им расстановку войск для обороны. Было общеизвестно, что уттаки не умеют плавать, поэтому основные силы поставили у моста, чтобы как можно дольше не подпускать дикарей к городу. Когда все распоряжения были сделаны, правитель вспомнил про Госсара и, вылив поток брани на голову бывшего любимца, отдал заключительный приказ:

– В темницу его, раззяву!

Стражники отправились за Госсаром. Узнав, что хозяин с утра не появлялся дома, они остались ждать его возвращения, но тот и не собирался возвращаться домой. Он долго петлял по Келанге, пока не подъехал к каменному двухэтажному дому, располагавшемуся на удаленной от центра города улице. Там он спешился и постучал в дверь условным стуком.

– Ваша светлость! – ошалел от удивления слуга, открывший дверь.

– Заткнись! – Госсар поспешно шагнул внутрь. – Уведи коня во двор, чтобы не видели. Хозяин здесь?

Хозяин, кряжистый человек средних лет, уже спускался к нему по внутренней лестнице. Он был не из людей Каморры, а из семьи, издавна и мечом, и трудом служившей роду Лотварна. – Ваша светлость, вы! – Его квадратная челюсть возбужденно двигалась на каждом слове. – Честь-то какая…

Госсар отмахнулся от фанатичного восторга человека, которым с юных лет привык распоряжаться как своей рукой.

– Сейчас не время болтать, время действовать. У тебя все готово?

– Готово, – понимающе кивнул хозяин. – И подводы ваши, и кони, и груз – все здесь. Лодочники ждут приказа.

– Этой ночью, в условленном месте, – приказал Госсар. – Подводы отправляй прямо сейчас. И оккадская, и босханская дороги переполнены беженцами, вы проедете незаметно. И позаботься о семье – оставаться в городе опасно.

Хозяин, растроганный заботливостью своего владыки, подобострастно поклонился.

– Наше войско завтра к вечеру должно собраться на купеческой улице, ты знаешь где, – продолжил Госсар.

Хозяин вновь поклонился.

– Я останусь здесь до вечера, а там мы оба выедем к реке.

Отправь ко мне домой слугу, пусть позовет сюда моих людей. – Госсар назвал имена.

Хозяин проводил его в гостиную, кликнул слуг, чтобы позаботились о важном госте, а сам пошел выполнять порученное. Вскоре несколько подвод, просевших от тяжелого груза, укрытого мешковиной, выехали с улицы, направляясь к оккадским воротам.

Ближе к вечеру в дверь постучали. Хозяин узнал людей Госсара и проводил их наверх.

– Вы заставили меня ждать, – сухо сказал Госсар, оглядев собравшихся.

– Ваша светлость, в доме стража, – сказал один из прибывших. – Ждут вас и никого не выпускают, чтобы вас не предупредили.

– Что им нужно у меня в доме?

– Боюсь, что вы попали в немилость к правителю.

– Вот как? Что ж, это на него похоже. Как вы выбрались из дома?

– Уследили подходящий миг и приставили лестницу к стене заднего дворика. И вот мы перед вами.

– Хорошо. – Госсар остановил внимание на одном из них. – Ты вернешься назад и позаботишься о доме. Вещи получше снеси в подвал и укрой на случай, если ворвутся уттаки, но постарайся предотвратить эта любыми средствами. Белый диск на тебе?

– Да.

– Если дикари будут ломиться в дом, пользуйся диском без стеснения. Завтра в это же время, если стражники еще останутся в доме, скажешь им, что после полудня меня видели в гостинице у южного рынка. Задвиньте все засовы и ночью будьте настороже. Иди.

Слуга ушел. Госсар подозвал остальных поближе и вполголоса заговорил с ними. Все сосредоточенно слушали.

– …Сигнал подадите светлячками с берега реки, – закончил он. – Трое ворот – три огня. Увидите ответный огонь – пойдете на купеческую улицу.

Когда все ушли, Госсар потребовал к себе хозяина.

– Нам пора, – сказал он, когда тот появился в гостиной. – Пусть седлают коней.

На закате солнца двое всадников галопом миновали городские ворота, от которых начиналась дорога в Оккаду. Не успели они скрыться за холмом, как решетка ворот опустилась, лязгнули бронзовые створки, загремели задвигаемые засовы. По приказу правителя город закрылся на ночь.

Перевалив через холм, Госсар и его спутник свернули в лес и поехали напрямик к берегу Тиона. Чуть выше по течению, на

небольшой поляне, теснились знакомые подводы, у берега застыли пять лодок. Люди и кони затаились в лесу, ожидая сигнала.

– Лодки нагружены, ваша светлость, – встретил Госсара старший. – Потребуется сплавать трижды, чтобы перевезти все.

– Сплаваете трижды, – бросил на ходу Госсар. – Ты не забыл про свет? – обратился он к своему спутнику.

Тот подал ему светлячок Василиска из белого эфилема. Госсар взял шарик в ладонь, направил луч света на дальний берег Тиона и начал подавать сигналы, ритмично перекрывая луч другой ладонью. С противоположного берега в ответ замигал белый огонек.

– Все в порядке, – сказал Госсар. – Поплыли. Лодки отчалили и устремились через Тион к белому огоньку. Высадившись на другом берегу, Госсар подошел к человеку, подававшему ответные сигналы. Свет растущей луны позволял различить сухие, острые черты лица Каморры, явившегося на встречу.

– Это ты, Госсар… Груз здесь? – без лишних церемоний спросил маг.

– Все, как обещано, и топоры, и веревки, – ответил тот.

– Мне понравился твой план. Надеюсь, он удастся. Если потери будут такими же, как в Бетлинке, нам не с кем будет идти дальше.

– Эти дикари могут провалить любой план. Малейший шум – и все откроется раньше времени.

– Я знаю, как сделать их тихими и послушными. Твоя задача – обеспечить им путь в город. Госсар поморщился. Хоть маг и обращался к нему по-свойски, такое равенство не казалось лестным главе рода Лотварна.

– Послушайте меня внимательно, Каморра, – с подчеркнутой вежливостью сказал он магу. – У моста будет стоять большое войско. Когда увидите сигнал, переправляйтесь выше и ниже моста и держитесь от него подальше.

Часть уттаков пойдет в городские ворота, часть должна напасть на войско у моста, чтобы расчистить путь остальным. Если они не будут действовать тихо и одновременно, я не могу обещать, что план удастся.

– Уттаки все сделают так, как захочу я! – Каморра похлопал себя по груди, где под курткой висел белый диск. – От моей магии они становятся послушными, как овцы. Я подавляю волю этих дикарей, они становятся моим продолжением. Моя сила, моя воля вытесняет их собственные коротенькие мысли.

Госсар не перебивал мага, надеясь, что тот выболтает лишнее, но Каморра оборвал речь так же резко, как и начал.

– Завтрашней ночью я жду сигнала, – напомнил маг. – А ты, Госсар, своими силами захвати дворец и не пускай туда уттаков – я не хочу, чтобы они испоганили мое будущее жилье. Ты бы только видел, что они натворили в Бетлинке!

– Сигнал будет подан после полуночи, – сдержанно сказал Госсар. – Мне пора возвращаться.

– Езжай! – разрешил Каморра. – До встречи в Келанге!

Госсар сел в лодку и переправился назад, где его встретил помощник. Они переночевали в опустевших подводах, завернувшись в мешковину.

Утром помощник поехал в Келангу, чтобы выяснить обстановку и обеспечить безопасное возвращение Госсара. Около полудня он вернулся к подводам.

– Вас ищут, ваша светлость, – было его первыми словами. – Стража у ворот извещена и схватит вас, если вы там появитесь. Я дал знать кое-кому из наших, они будут ждать вас у оккадских ворот.

– Вооруженный отряд будет маячить перед воротами?

– Нет, они поодиночке выедут из города и соберутся за холмом.

Госсар вскочил на коня и вместе с помощником поехал на место сбора.

– Вы поведете меня в город как пленника, – распорядился он, приехав туда. – Страже у ворот скажете, что схватили меня и направляетесь к Берсерену.

Он сложил руки за спиной и потребовал замотать их ремешком. Один из воинов взял повод его коня, и вскоре они благополучно миновали оккадские ворота. Госсар без помех добрался до дома помощника и остался там ждать событий наступающей ночи.

Поздно вечером, когда темнота позволила не бояться быть узнанным, он выехал на купеческую улицу, где жил один из его приверженцев, богатый торговец. Просторный внутренний двор купеческого дома был заполнен пешими и конными воинами, примкнувшими к главе рода Лотварна. Госсар приветствовал их и объявил, чтобы все были готовы к выступлению.

После полуночи в доме торговца один за другим появились вчерашние посетители Госсара. Обменявшись с ними парой фраз, он скомандовал воинам следовать за ним и повел войско ко дворцу Берсерена.

Стук копыт двигающегося по улице отряда был единственным, что нарушало ночную тишину. Это было хорошим признаком – ведь последний из пришедших сказал, что своими глазами видел, как с противоположного берега Тиона отделились

сотни плотов, заполненных корявыми темно-серыми тенями, гребущими ритмично и бесшумно, как в кошмарном сне наяву. Лишь в конце пути, на дворцовой площади, Госсар услышал отдаленный шум битвы и крики тревоги, раздающиеся со сторожевой башни. Он не таясь подвел отряд к главным воротам дворцовой ограды и потребовал стучать в них как можно громче.

– Где начальник стражи?! – напустился он на появившегося за воротами воина. Тот, увидев перед собой одного из первых людей города, испуганно дернулся и замер в почтительной позе.

– Что ты стоишь, как болван?! – грозно нахмурился Госсар. – Начальника стражи сюда, и немедленно!

Начальник дворцовой стражи, подошедший на шум, был встречен Госсаром еще неласковее.

– Где вы шляетесь?! – крикнул на него Госсар. – Город в опасности, а вы спите?! Я думал, что мне до утра не разбудить вас!

– Ваша светлость… – запинаясь, пробормотал тот. – Но ведь вас же… Берсерен приказал…

– Он передумал, – резко сказал Госсар. – Вы слышите тревогу?

Уттаки напали на город. Мой отряд будет защищать дворец, а вы с людьми немедленно отправляйтесь к мосту.

Противоречивые приказы не были редкостью во дворце, поэтому начальник стражи принял требование первого военачальника как должное. Он собрал свой отряд и увел по направлению к тионским воротам. Госсар, удостоверившись, что вся наружная охрана заменена его людьми, застучал в парадную дверь дворцового здания. Правитель Келанги не держал внутренней охраны – он не доверял вооруженным людям, предпочитая им прочные засовы на Дверях и оконных ставнях. Когда в дверном окошечке показалась сонная и встревоженная физиономия привратника, Госсар обратился к нему в привычно-приказном тоне:

– Уттаки в городе. Я должен немедленно сообщить об этом его величеству.

Первый военачальник Берсерена имел во дворце сильное влияние, которого не могли затенить слухи о немилости правителя. Привратник впустил Госсара и повел по коридорам, слабо освещенным светлячками Феникса на фигурных бронзовых подставках.

– Пошел вон, – отослал его Госсар, когда они остановились у двери в спальню правителя. Слуга поспешно удалился, а Госсар постучал, не слишком громко, но настойчиво. Вскоре из-за двери раздался привычно-раздраженный, хриплый со сна голос

Берсерена:

– Кто смеет будить меня?!

– Уттаки в городе, ваше величество, – ответил, Госсар, изменяя голос, чтобы не быть узнанным.

Послышался звук отодвигаемого засова, и в раскрывшейся двери показался Берсерен в ночном халате. Приглядевшись, правитель узнал разбудившего его человека.

– Госсар?

Тот, с мечом в руке, оттеснил Берсерена в спальню и задвинул за собой засов.

– Что это значит, Госсар? – Взгляд Берсерена заметался между лицом военачальника и его обнаженным мечом. – Что ты здесь делаешь?

Госсар молча разглядывал старикашку, казавшегося еще мельче и противнее в ночном халате и шлепанцах. Сейчас, зная исход встречи, он не чувствовал ни давней ненависти к своему правителю, ни жажды мести. Одно лишь холодное любопытство заставляло его медлить с ударом.

– Ты солгал, что уттаки в городе, чтобы пробраться ко мне и захватить меня?! – Ярость Берсерена выглядела несовместимой с его халатом и шлепанцами.

– Нет, не захватить. Убить, – спокойно, почти буднично ответил Госсар. – Я не солгал, уттаки в городе. Это я впустил их. Род Кельварна измельчал, Берсерен. Ему нечего делать у власти, есть более достойные.

– Это ты, что ли?! – ощерился Берсерен. – Скажи это Норрену, я посмотрю, что он тебе ответит! Ты годишься только на то, чтобы грозить мечом безоружному! Дай мне сразиться с тобой в честном бою, и посмотрим, чья возьмет!

– Не дам. Я пришел не сражаться, а уничтожить тебя, как обнаглевшего уттака. А про Норрена ты поздновато вспомнил, Берсерен. И его, и твоя судьба решена. Ты сейчас умрешь, но, может быть, ты уже пережил его.

Госсар приподнял меч, направляя острие в грудь Берсерену.

Правитель попятился, отступая, пока его не остановила спинка кровати. В это мгновение Госсар нанес ему резкий удар в грудь. Берсерен свалился на кровать, короткая агония стерла негодующее изумление, не покидавшее его лицо с самого начала разговора. Госсар вытер меч о халат правителя Келанги и вышел из спальни.

Уттаки, руководимые Каморрой, с утра разобрали топоры и веревки.

Затем они углубились в лес и в течение всего дня рубили и вязали там плоты.

Вечером Каморра с помощниками притаился в чаще у моста, ожидая сигнала Госсара.

Заметив три белых огня, сообщавшие, что городские ворота открыты, маг выехал на своем вороном на край леса и послал через диск приказы спящим дикарям. Кончик его жезла поворачивался то вправо, то влево, выбирая получателей очередного приказа, и вспыхивал, закрепляя нужные действия в уттакских головах.

Под действием неслышного приказа отряды уттаков поднимались один за другим, как завороженные. Они единой массой подходили к берегу, спускали в реку плоты и, забыв обычный страх перед водой, загребали шестами. Слаженности их действий позавидовал бы и Маветан, долгими трудами добивавшийся ее от дворцовых танцовщиц.

Каморра не мог видеть, как его дикари переправляются через Тион, но следил за их перемещениями через диск. Когда обе группы оказались на другом берегу, он разделил каждую на части, посылая одних. в городские ворота, других – на войска Берсерена, стоявшие лагерем у моста. Потоки уттаков потянулись и к босханским, и к тионским, и к оккадским воротам, и в тыл береговой защите города.

Тревога поднялась, когда первые уттаки уже достигли ворот. Дикари хлынули на улицы Келанги, сминая беспорядочно выбегающие навстречу войска. Они вдруг разом обрели голоса и завопили, завизжали, заулюлюкали, ошеломляя застигнутых врасплох горожан. Бой за мост был бурным и недолгим. Когда защита была снесена, через мост потекла основная масса уттаков, накрывая Келангу опустошающей, сеющей смерть волной. Город наполнился стуком секир, воплями, стонами и криками ужаса, треском разрушаемых дверей и окон. В каждом переулке текла кровь и валялись убитые, горели костры, сложенные из дорогой мебели, на которых оголодавшие уттаки жарили еще теплое мясо.

К утру бой закончился. Восход осветил разоренный город, казавшийся одним огромным, растерзанным трупом. Дикари занялись грабежом, оставшиеся в живых люди тайком выбирались за городские ворота, спасаясь бегством. Каморра со своей свитой победителем проехал по улицам Келанги к дворцовым воротам и потребовал открыть их. Стражники отправились к Госсару, оставив завоевателя на площади.

– Какого аспида, Госсар! – зарычал Каморра, когда тот подошел и ворота наконец открыли. – Из-за тебя я торчу перед воротами собственного дворца, как нищий!

– Ночь была трудной, я только что прилег отдохнуть, – пояснил Госсар. – Я пришел сразу же, как мне доложили о вас.

– Тебе нужно было предупредить стражников, чтобы встретили меня как должно, а не выставляли на смех перед моими людьми, – проворчал маг.

– Верность моих людей и без того подверглась испытанию при виде этой резни, – сухо ответил Госсар. – Неужели нельзя было придержать своих уттаков?

– Ты дерзок, Госсар, – нахмурился Каморра. – Здесь нет твоих людей, здесь есть только мои люди. Советую тебе помнить, кто ты и кто я.

– Я ни на миг не забываю этого.

– Ладно. – Маг истолковал ответ главы рода Лотварна в свою пользу.

– И впредь не учи меня, как распоряжаться уттаками.

– Если вы собираетесь править в городе, вам следовало пощадить его жителей. Ведь не хотите же вы быть правителем без подданных?

– Когда уттаки заняты грабежом, их тупые головы делаются недоступными для моей магии, – признался маг. – Что делать, дикари есть дикари.

Госсар принял к сведению, что, оказывается, и Каморра не имеет полной власти над уттаками, но вслух ничего не сказал. Опыт придворной жизни точно указывал ему, в каких случаях лучше промолчать.

– Где Берсерен? – спросил его Каморра.

– Он мертв.

– Как мертв?! – вскипел маг. – Он должен был стать моим пленником.

Старикашка дешево отделался, и это по твоему недосмотру, Госсар!

– Я не знал, что он нужен вам живым.

– Лжешь! Я говорил тебе это!

– Ночью у меня было немало дел поважнее. Обратите внимание, здесь уцелел каждый кустик, каждая скамейка. – Госсар обвел рукой вокруг. – Где сейчас в Келанге найдется еще одно такое место?! Думаете, нам было легко всю ночь сдерживать уттаков?

Маг по-хозяйски оглядел дворцовый парк.

– Вижу. – В голосе Каморры прозвучало торжество. – Я доволен тобой, Госсар.

XI

Путь по Иммарунскому лесу был спокойным пожалуй, даже приятным.

Тревинер безошибочно выбирал направление и отыскивал ручьи для привалов, издали замечал дичь или съедобную травку, заботясь о своих менее привычных к лесу спутниках с естественным добродушием хлебосольного хозяина, принимающего у себя гостей. Витри использовал каждый удобный случай, чтобы поучиться у охотника искусству стрельбы из лука, и через два дня усиленной практики количество попаданий у него сравнялось с количеством промахов.

– Завтра выберем цель на десять шагов дальше, чем сегодня, – сказал Тревинер, довольный успехами ученика. – Конечно, ствол дуба не дикая утка, но у тебя все впереди, парень! И я когда-то мазал по козлиной шкуре, которую нам с Вальборном вывешивал на заборе Лаункар. Зато теперь… Витри, помни, что мастерство в своем деле – это свобода! Я и сыт, и одет, и никто мне не указ. До чего ж люблю такую жизнь!

– Разве ты не на службе у правителя Бетлинка? – спросил Витри. – Я думал, это он приказывает, что ты должен делать.

– Может, кому-то и кажется, что он распоряжается мной, – весело прищурился охотник, – но мой правитель никогда не прикажет мне того, что я не захочу выполнить. Я сам себе хозяин, Витри, и надеюсь, что всю жизнь проживу именно так.

– Всю жизнь? – удивился Витри. – Здесь, в лесу?

– Здесь же замечательно! – Тревинер слегка взмахнул кистью руки, как бы охватывая и солнечную поляну, и вздрагивающие под слабым ветром верхушки деревьев, и кусочек голубого неба. – Когда я в лесу, мне нечего больше желать.

Мой лук, Чиана и я – отличная компания!

Витри проникся бесшабашным настроением Тревинера.

– А как же жена, детки? – спросил он, втайне надеясь, что охотник рассеет и эти затруднения.

– Слово-то какое – жена… – приоткрыл глаз охотник. – Когда я выхожу из леса и вижу красавицу – для меня это праздник. А жена? Тесная вонючая изба и она в ней – день и ночь, в любом виде, в любом настроении, с нечесаной головой, с немытой мордой. Что и говорить, праздничек! Поглядел я в свое время и на родителей, и на соседей… Детки визжат, дерутся, то у них понос, то сопли. Конечно, не все так думают, но не все и живут, как я. Их право.

– Ну а как же… – В памяти Витри возникло круглое личико

Лайи, капризное и хорошенькое, ее вздернутый носик и светлые кудряшки. – Бывает же, что двое полюбят друг друга и поженятся, чтобы никогда не разлучаться…

– Наверное, бывает, – согласился Тревинер. – Но я не из тех чудаков, для которых свет сходится клином на одной паре глазок. Мир большой, красавиц в нем много. Всегда найдутся и те, которые окажут благосклонность бродяге-охотнику.

– Да, но… – Витри сделал жест руками, будто бы противопоставляя их друг другу. – А если, допустим, тебе хотелось бы благосклонности какой-нибудь красавицы, а она тебя не замечает. Замечает другого, а не тебя.

Тогда что?

– Пожелаю ей счастья и посмотрю, нет ли у нее хорошенькой подружки или соседки, – подмигнул ему охотник. – Я в таких делах не жадничаю. Вон наш приятель Альмарен – боится, как бы я не приударил за этой маленькой колючкой, с которой он сам не сводит глаз. Объяснил бы я ему, да эти чудаки такие обидчивые! Да и девчонка не в моем вкусе. Красавица должна быть большой, пышной мягкой, и пусть сколько угодно притворяется умной, лишь бы не была. – Взгляд Тревинера вдруг сделался грустным и сочувствующим. – Я и подхожу-то к ней только посмотреть, правильно ли она птичку щиплет к ужину, а он на меня аспидом глядит. Чудак!

«И я был таким же чудаком», – подумал Витри, вспомнив, как боялся, что его невеста выйдет замуж за Шемму. Тревинер тихим свистом подозвал кобылу, пасшуюся здесь же, и они с Витри вернулись на дневную стоянку, где маги изучали книгу.

Вечером Витри подсел поближе к охотнику, догадываясь, что неистощимый оптимизм Тревинера вплотную связан с его жизненными взглядами. Куча вопросов вертелась на языке у лоанца, он с нетерпением дожидался, пока охотник управится с миской обжигающей каши. Когда ужин был съеден, Витри спросил охотника:

– Послушай, Тревинер, а ты помнишь своих родных, близких? Ты скучаешь по ним?

– Помнить – помню, – отозвался тот, наблюдая, как магиня укладывает миски и кружки в котелок из-под каши, чтобы идти их мыть на ручей. – Но скучать? Мы – разные люди, у нас разные интересы. Я ушел из дома мальчишкой и никогда не жалел об этом. Если я по кому-то и скучаю, то по Вальборну, и уверен, что и мой правитель меня не забывает. – Тревинер пошевелил палкой головешки костра. – Но еще больше я скучаю по Бетлинку. Мне некуда вернуться, я не могу въехать в его ворота, взбежать по лестнице… Проклятые уттаки!

Охотник замолчал. Витри, не зная, что сказать, чувственно вздохнул.

– Чайку бы еще выпить, – вспомнил Тревинер. – Кто сегодня солил кашу? Альмарен, я видел, это ты крутился у котла!

– Когда я мешал ее, она была совершенно несоленой, – откликнулся из-за костра Альмарен.

– Рубил бы лучше дрова вместо того, чтобы мешать варить кашу, – посоветовал ему охотник. – Запить твою стряпню и ведра воды не хватит.

Он снял с перекладины котелок с остатками чая, поискал кружку, но, вспомнив, что посуду унесли мыть, поднес черный край котелка ко рту.

– Ой! Тьфу! – Котелок выпал из рук охотника и покатился по земле.

– Жжется-то как! – Тревинер зафыркал, обдувая обожженную губу. – Ладно, там и было-то на донышке. – Схожу-ка я за водичкой… – Он отыскал на земле котелок и пошел к ручью.

– Я схожу, – заступил ему дорогу Альмарен. Пожав плечами, Тревинер отдал ему котелок и вернулся на свое место.

– Ну что я тебе говорил, парень! – сказал он Витри, когда маг скрылся за кустами. – Чудак! Витри рассеянно кивнул.

– Ты живешь такой жизнью, Тревинер, и ты счастлив? – спросил он в продолжение своим мыслям.

– Разве по мне этого не видно? – бодро ответил тот. – Только ты, Витри, не думай, что такое счастье подходит каждому – я ведь вижу, куда ты клонишь. Не примеряй на себя мою жизнь. Не может быть счастлив тот, кто взял себе чужую судьбу. Пробуй, ищи, и, если повезет, ты отыщешь и свою долю.

Витри задумался.

– У нас в селе никто не ищет свою долю, – сказал он наконец. – Просто живут, и все.

– Если бы каждый знал, что ее нужно искать, мир был бы полон счастливых людей, – ответил охотник. – Большинство живет, оглядываясь на других, перенимая себе чужое, мучая себя и своих близких.

– Ты ушел из дома, когда понял это?

– Ну конечно нет. Я был строптивым, скверным мальчишкой, мне не нравилась моя жизнь, и я сбежал. Я понял это позже, когда стал взрослым.

Витри вновь замолчал, размышляя над словами Тревинера.

– Что-то долго его нет, – вспомнил он об Альмарене, ушедшем за водой. – Я сбегаю узнаю, что случилось.

– Сиди! – Пальцы охотника неожиданно жестко легли на плечо Витри.

– Что нам с тобой эта кружечка чаю? Успеем мы ее выпить.

Когда Альмарен наконец появился из-за кустов, котелка с ним не было. Тревинер вгляделся в лицо мага и наклонился к Витри, морщась, будто от зубной боли.

– Не повезло парню на этой прогулке, – шепнул он лоанцу. – Молодой еще, бестолковый, ничего не умеет. Ну, зачем он так подставляется? Объяснил бы я ему, как надо, да он все равно слушать не станет.

Альмарен, не глядя вокруг, прошел мимо костра. Оба собеседника молча следили, как он переступил через разбросанные вещи и уселся поодаль, прислонившись к дереву.

– А как надо, Тревинер? – тем же шепотом спросил Витри.

– Что бы ты, парень, ни чувствовал, никогда не подавай вида, что ты от нее зависишь, что готов принять любые условия. Как бы дело ни обстояло, оно от этого только ухудшится. Понимаешь?

Витри вспомнилось, как Лайя называла его тюфяком, как говорила, что выйдет замуж только за героя.

– Представь себе, Тревинер, еще как понимаю…

Эта бессонная ночь показалась Альмарену бесконечной. Он снова и снова вспоминал подробности разговора у ручья, сотни раз возвращаясь к каждому слову. Какая усталость была в ее глазах, каким печальным был ее голос: «Не говори мне ничего, Альмарен. Какая глупая жизнь, сколько потерь, а теперь еще и это… Прошу тебя, избавь меня от этого груза!» Но он не замолчал, потому что казалось невозможным, невероятным, чтобы ей было не нужно все, что он чувствовал к ней. Ему это и сейчас казалось невероятным, хотя она сказала, что не может забыть человека, которого давно нет в живых.

На следующий день они пересекли дорогу, ведущую с Оранжевого алтаря в Келангу. Всем было радостно встретить хоть какой-то признак человеческого жилья. Над восточным краем леса показались острые голубоватые верхушки скал Ционского нагорья, а к вечеру путников остановил берег Тиона, поворачивающего здесь с востока на юг.

С Чианы сняли мешки, и каждый взялся за привычную работу – Альмарен ушел за водой, магиня занялась кухней, а Тревинер и Витри разбрелись по лесу в поисках дров.

Витри углубился в лес, чтобы найти сушняк потолще, набрал подходящих веток и поволок их к стоянке, но зацепился за встретившийся на пути кустарник. Вытащив все ветки на ровное место, лоанец разогнул спину и вдруг обмер от неожиданности. За доли мгновения он осознал, что к нему приближается человеческая фигура в бесформенном, мерцающем голубоватым светом балахоне.

– Витри, это ты?! – позвала она. Витри увидел, что существо в балахоне очень похоже на погибшего Шемму.

«Какой ужас! – пронеслось у него в голове. – Привидение!»

– Ты не узнаешь меня, Витри?! – воззвало привидение.

«Он пришел, чтобы взять меня с собой!» – догадался Витри.

Вскрикнув от ужаса, он бросился бежать к стоянке. Привидение с громкими криками «Витри! Постой, Витри! Подожди!» погналось за ним.

Витри бежал по лесу, призывая на помощь, за ним, пыхтя и топая, неслось привидение. Его друзья, всполошенные криками, помчались к нему навстречу, впереди – Тревинер с луком наготове. Витри добежал до них, задыхаясь. Он никак не мог выговорить, что с ним случилось, но они сами увидели светящуюся фигуру, испуганно остановившуюся поодаль.

– Витри, это я, Шемма! – завопила фигура.

– Там… Там… – Витри замахал на нее рукой. – Привидение…

– Что ему нужно? – спросила Лила.

– Это мой погибший односельчанин – Шемма. Он зовет меня к себе.

Мне говорили, что они забирают людей с собой.

– Витри, я живой! Я настоящий! – позвало привидение. – Пощупай меня, если не веришь!

– Нет уж! – с дрожью в голосе ответил Витри, хотя и чувствовал себя увереннее рядом с друзьями. – К тебе подойдешь, а ты и утащишь меня в скалы!

– Не утащу, честное слово, не утащу, – жалобно заныла фигура. – Да ты проверь меня, Витри! Привидения, они ничего не едят, а ты брось мне кусочек хлеба, и вот увидишь, как я его съем!

Альмарен, стоявший позади лоанца, фыркнул от смеха, за ним засмеялись и остальные.

– Пусть подойдет поближе. Что он один нам сделает! – сказала Лила и позвала привидение:

– Эй ты, иди сюда!

Фигура опасливо приблизилась. Это был вылиты Шемма, только исхудавший до невозможности.

– Шемма, ты? – спросил Витри.

– Я, конечно. Вот пощупай, живой. – Шемма протянул руку.

Витри взялся за нее, ожидая чего угодно, но рука оказалась живой и теплой.

– Шемма! – обрадовался он. – А я думал, что ты давно погиб!

Оба лоанца шагнули друг к другу и неожиданно для себя обнялись.

– Шемма!

– Витри!

– Вот это встреча!

– А мне как повезло! Только вылез оттуда – сразу ты! Я-то как перепугался – если уж ты не при' знал меня в этом балахоне, то другие и близко не подпустят.

– Вид у тебя, я скажу… будто и впрямь из могилы вылез.

– Ел бы ты целый месяц одни овощи, посмотрел бы я на тебя… А мясца у вас нет?

Последний вопрос табунщика окончательно рассеял сомнения Витри.

– На ужин будет заяц, – сказал он Шемме. – Пойдем с нами.

Все отправились назад на стоянку. Лила, поравнявшись с Шеммой, пощупала край его балахона.

– Такую одежду носят привидения со скал, – заметила она. – Где ты ее взял?

– У них, – ответил табунщик. – Они держали меня в плену, но случилась беда, и меня выпустили искать магов.

– Считай, что ты их нашел, – откликнулся Альмарен. – Какая у тебя беда?

– Не у меня, а у этих, подземных, – уточнил Шемма. – У них испортился шар, поэтому им угрожает голод. По мне, так нет ничего хуже голода.

Вы уж помогите им!

– Какой шар? – не понял Альмарен.

– Оранжевый. Висит в пещере, а вокруг – пруд с саламандрами.

Альмарен и Лила быстро переглянулись.

– Этот шар существует! – воскликнула магиня. – Я чувствовала это, Альмарен, я говорила тебе!

– Как же он мог испортиться? – спросил Шемму маг.

– Никто не знает, в том-то и дело, – ответил табунщик. – У них вся надежда на вас.

– После ужина расскажешь нам обо всем, а мы подумаем, как им можно помочь, – сказала Лила.

В этот вечер Шемма до самой полуночи рассказывал о своих приключениях.

– Тревинер, уттаки захватили Оранжевый алтарь в прошлое новолуние?

– спросила Лила, когда лоанец закончил свой рассказ.

– Кажется, дня два спустя, – уточнил охотник.

– Все сходится. Это Каморра, как и на празднике Саламандры, перекрыл силу алтаря прежде, чем напасть на него. Знакомое дело, я сумею с ним справиться, но пока босханец на Оранжевом алтаре, нельзя надеяться, что это не повторится.

– Уже неделя, как там нет уттаков, – напомнил Шемма.

– Это скверно, – отозвался Тревинер. – Там была вся армия Каморры, а значит, неделю назад она выступила в Келангу. Если вы, маги, надеетесь разрушить силу Каморры, нам нужно поторопиться в Босхан.

– Мы зайдем вниз и поможем им, это нас не слишком задержит, – ответила Лила.

– А мне хотелось бы побольше узнать о Белом шаре, о Трех Братьях, – добавил Альмарен. – Кроме того, у подземных жителей могут сохраниться книги, где есть нужное нам заклинание.

– Спросим и это, – согласилась магиня. – Шемма, отведешь нас завтра вечером на место встречи.

Наутро они остались на стоянке. После завтрака Тревинер ушел в лес за добычей, а Альмарен, прихватив книгу, уселся поболтать с магиней. Витри вернулся с берега Тиона с вымытой посудой и поставил ее под куст, где лежали вещи. Внезапно он понял, что сегодня – первый день с самого отъезда из родного села, который можно провести беззаботно, ни о чем не думая и никуда не спеша.

Лоанец осмотрелся вокруг. И в золотистом утреннем свете, освещающем ответное золото в недавно еще зеленой листве, и в поблекшей, поникшей лесной траве чувствовалась тишина и усталость. Жаркое келадское лето незаметно сменилось осенью.

Он разыскал Шемму, который забился в тень, пряча от солнца слезящиеся глаза.

– Отвык я от света, Витри, – пожаловался табунщик. – В темноте стал видеть как сова, а на свету – глаза болят, ничего не вижу.

– Привыкнешь, – утешил его Витри, – Поначалу я поведу тебя, а потом привыкнешь.

– У тебя есть лишняя одежда? В моей только людей пугать, да и зашибить могут ненароком.

– Если только у Тревинера… – задумался Витри. – Мы все трое пошли на Керн налегке.

– Куда пошли? – удивился Шемма. Витри вспомнил, что его товарищ ничего не знает о путешествии за Красным камнем, и начал рассказывать о своих приключениях.

– Да у тебя все было еще хуже, чем у меня! – ужаснулся табунщик, когда Витри рассказал о василиске и о посланце Каморры.

– Ничего, обошлось. Видишь, я перед тобой, живой.

– Неужто мы в целости вернемся домой? – вздохнул Шемма.

– Вернемся, – заверил его Витри. – А камень вы достали?

– Достали…

– Я видел точно такой же, только желтый, – заявил табунщик,

когда Витри описал ему Красный камень. – У владычицы в короне.

– Ты уверен?

– Еще бы! Удивительная штуковина, ее ни с чем не спутаешь.

– Это нужно немедленно рассказать им! – Витри побежал к магам, встрепенувшимся при его появлении.

– Кто там на тебя опять напал, Витри? – спросил Альмарен.

– Там, под землей, есть Желтый камень! – выпалил тот. – Шемма видел его у владычицы. Оба мага вскочили на ноги.

– Где он?!

– У нее в короне.

– Шемма где?

– В кустах, – указал Витри.

Отыскав Шемму, Альмарен присел рядом и вытащил из-за пазухи Красный камень.

– Посмотри, Шемма, ты видел такой же?

– Да, – оживился табунщик. – Если бы не цвет, их и не отличить бы.

– Лила! – Альмарен обернулся к матине. – Мы можем попросить у монтарвов награду за помощь! – Он кивнул на камень.

– Камень из короны владычицы – слишком большая цена за любую услугу, – засомневалась она.

– Если мы получим Желтый камень, тогда мы сможем пойти на Белый алтарь, не заходя в Босхан. – Альмарен был совсем не уверен, что Магистру удалось вернуть Синий камень. – Вон и Тревинер говорит, что нам нужно поторопиться.

– Пожалуй, ты прав, Альмарен, – согласилась с ним магиня. – Но будет лучше объяснить им все как есть и сказать, что камень нужен нам для разрушения магии Каморры. Ведь последствия этой войны настигли и их.

Вечером Шемма привел своих новых знакомых туда, где у подножия трех пиков располагался вход в подземное жилище монтарвов. Табунщик улегся спать на указанном Пантуром камне, остальные устроились под раскидистым дубом на краю поляны. Поначалу никто не спал, ожидая появления подземных жителей, но время шло, монтарвы не появлялись, и путники один за другим заснули.

После полуночи голос Шеммы разбудил остальных. Проснувшись, они увидели, что рядом с табунщиком стоит фигура такого же роста и сложения. Издали могло показаться, что Шемма раздвоился, но на близком расстоянии стали заметны седые волосы его спутника и крупные серо-желтые глаза с вертикальными зрачками, каких не было ни у кого на Келаде.

Выйдя навстречу, друзья первыми приветствовали спутника Шеммы.

– Он не знает языка людей сверху, – ответил за монтарва табунщик.

– Я все ему перескажу.

Он заговорил с монтарвом на языке коренных жителей острова. Лила тихонько подтолкнула Витри:

– Ты понимаешь, что он говорит?

– Да, – ответил лоанец. – С трудом, но понимаю. Шемма передает ему наши приветствия.

Когда табунщик закончил говорить, его спутник обвел взглядом компанию и указал на себя:

– Пантур.

Из рассказа Шеммы им уже было известно, что так зовут монтарва, искавшего встречи с магами. Все по очереди назвали свои имена, а затем монтарв что-то спросил на своем языке.

– Он спрашивает, кто из вас маг, – перевел Шемма.

Лила и Альмарен выступили вперед. Пантур долго рассматривал обоих, затем вновь обратился к Шемме.

– Вы понравились ему, – обрадованно сообщил табунщик. – Он приглашает всех войти.

Пантур жестом подтвердил его слова. Все наспех собрали мешки и потянулись вслед за Пантуром к скалам, туда, где в нагромождении камней скрывался подземный ход. Несмотря на светящуюся одежду Пантура и Шеммы, остальные двигались за ними почти ощупью. Альмарен засветил перстень Феникса, магиня проделала то же с перстнем Саламандры и передала амулет спотыкавшемуся позади Витри. В глубине туннеля им встретились стражники в светящихся балахонах. Пантур сказал им несколько слов, они расступились и пропустили пришельцев внутрь.

Дорога до подземного города была долгой. Путники, впервые попав под землю, с любопытством рассматривали гладкие, искрящиеся своды туннеля проложенного в цельном граните, а ученый украдкой разглядывал пришельцев, так не похожих на табунщика, к внешности которого он успел привыкнуть.

Он видел людей сверху только издали и не предполагал, что их мужчины бывают такими высокими, как эти двое. Третий, по всей видимости, был соплеменником Шеммы. Женщина, ростом не выше монтарвских, показалась ему не правдоподобно хрупкой – даже не верилось, что она может подчинять себе неведомую ему силу магии. Пантур замедлил шаг, поравнялся с магами и начал расспрашивать их, используя Шемму как переводчика.

– Вы уже знаете, какая у нас беда? – спросил он.

– Да. Шемма рассказал нам все, – ответила женщина.

– Вы знаете, как с ней справиться?

– Знаем, – кивнула магиня, – но этого недостаточно. Такое ведь случалось у вас несколько раз, начиная с весны?

– Да. Это Шемма рассказал вам?

– Он упоминал об этом, и это помогло мне догадаться о причине.

Сейчас мы сумеем вам помочь, но чтобы порча шара не повторялась, вы тоже должны помочь нам.

– Я уверен, что владычица сделает для вас все, если шар будет восстановлен, – сказал ей Пантур. – Когда вы исправите его?

– У нас сейчас ночь, мы в это время отдыхаем, – ответила магиня. – Мне нужно выспаться, потому что восстановление шара потребует всех моих сил.

– Разве шар восстановит не он? – изумился Пантур, переводя взгляд с нее на ее спутника-мага.

– До сих пор это делала я, – ответила она. – Я была черной жрицей храма, пока его не разорили уттаки. Сила шара и сила алтаря – одно и то же, она нужна нам так же, как и вам. Враг с весны пытается лишить нас доступа к этой силе, и если бы мне не удавалось снять его магию, алтарь не восстановился бы.

Мы с весны не могли бы лечить людей, а у вас не было бы тепла шара.

Туннель влился в другой, поперечный. Своды этого туннеля были так высоки, что Альмарен, даже встав на цыпочки, вряд ли смог бы достать рукой тонкую резьбу, покрывающую потолок. Вдоль боковых стен тянулись желоба с высаженными в них растениями, свет которых отражался и преломлялся в гранях идеально отполированной поверхности Узоров.

– Ух ты! – громко выразил восхищение Тревинер, оглядывая открывшееся великолепие.

– Это Третий кольцевой. – Шемма узнал значки на стенах. – Видели бы вы, как у них в центре города! А сейчас мы идем в Первую общину, к владычице, – перевел он слова вмешавшегося в разговор Пантура.

– Прямо ночью? – поинтересовался Альмарен.

– Здесь у них день, – пояснил Шемма. – Послеобеденное время.

Навстречу им все чаще попадались местные жители. Пантур видел, что, несмотря на известное всему городу решение совета, многие смотрели на чужаков с явным неодобрением. Сделав еще несколько поворотов, путники оказались в Первой общине. Ученый проводил их к себе, где они положили дорожные мешки,

затем вывел в центральный зал и ушел к владычице, оставив их восхищаться висевшими в зале травяными картинами. Вскоре он вернулся и пригласил всех следовать за ним.

Пройдя по короткому, красиво отделанному коридору, они оказались в просторной комнате, застланной мягким ковром. В кресле сидела женщина в длинном платье необычного оттенка, переливающегося из желтого в розовый при каждом ее движении.

– Перед вами Хэтоб, владычица Лура, – вполголоса сказал Пантур.

Все вошедшие как можно почтительнее произнесли приветствие, принятое на Келаде при обращении к знатной особе. Хэтоб тоже приветствовала их.

Ее голос, хотя и низкий, был приятен на слух, даже музыкален. Пантур подошел к ней поближе и заговорил о чем-то быстро и тихо. Тревинер скосил глаз на Шемму, тот шепнул:

– Он рассказывает ей все, что узнал о вас. Говорит, что вы. – те люди, которые восстановят шар.

Выслушав Пантура, владычица подозвала остальных кивком головы и заговорила.

– Она говорит, что рада видеть вас в своем городе… – начал пересказывать Шемма. – Говорит, что вы можете восстановить шар, когда вам будет удобнее, но лучше это сделать побыстрее, потому что каждый день задержки губителен для подземных растений… Говорит, что сейчас вас устроят отдохнуть – поместят в покоях детей владычицы…

– Скажи, Шемма, что это слишком большая честь! – перебила его Лила. – Мы не можем потеснить детей ее величества!

– Не беспокойтесь, – ответил Пантур, когда Шемма перевел ее слова.

– Великая еще не выбрала отца своим детям, и эти комнаты пока пустуют, а других свободных помещений в нашей общине нет. Мужчин поместят в комнаты сыновей владычицы, а женщину – в комнату ее дочери. – Он с особым почтением произнес упоминание о будущей наследнице лурской власти.

– Скажи великой, что мы благодарим ее за заботу, – ответила Лила, обращаясь к Шемме. – Скажи, что мы восстановим шар, как только отдохнем с дороги.

– Она хочет посмотреть, как вы это сделаете, – перевел Шемма ответ Хэтоб.

– Пусть Пантур назначит срок, удобный и для нас, и для владычицы, – сказала магиня.

Ученый и владычица о чем-то посовещались, после чего он сообщил, что беседа закончена. Все поклонились на прощание и вышли в коридор. Пантур вышел следом и указал на боковые

ответвления в коридоре.

– Ваши комнаты, – перевел Шемма, повторяя за ученым по мере того, как тот переходил от двери к двери. – Твоя, Тревинер… Альмарен, тебе…

Витри, ты будешь здесь… а это комната наследницы.

Пантур повел всех к себе за вещами, затем проводил каждого в свою комнату. Шемму он, как и прежде, оставил у себя.

Оказавшись в комнате, Альмарен осмотрелся. Здесь было чисто и уютно, лежанки – их было две – покрывала добротная, вытканная искусными умельцами ткань. На полу, как и у владычицы был постлан теплый ковер, на столе мерцала ваза с зеленовато-желтым светящимся растением, у стены стояли два деревянных, обитых толстой тканью кресла – ничего лишнего, хотя это была комната сына правительницы. Маг увидел на полке какие-то фигурки и подошел поближе, чтобы рассмотреть их. Каменные кубики с вырезанными на них частями рисунка, статуэтки монтарвов, грифонов, кошек… «Это же детские игрушки!» – вдруг догадался он.

Альмарен поставил фигурки на место и улегся спать, но сон вновь не шел к нему, хотя наверху, наверное, уже наступал рассвет. Он вертелся с бока на бок, пока голос Витри не вернул его в действительность:

– Альмарен, ты спишь?! Здесь уже утро. Значит, прошло не менее половины суток с тех пор, как он оказался в этой комнате. Здесь, под землей, без привычной смены освещения, путались всякие представления о времени. Маг оделся и вышел в коридор, где, кроме Витри, уже был Тревинер, а с ним слуга, присланный владычицей.

Лилу он увидел только за завтраком. В ней чувствовалась непривычная отстраненность, словно она вслушивалась в далекий, ей одной известный голос.

– Ты хорошо отдохнула? – с беспокойством спросил он.

– Да, я готова встретиться с шаром, – употребила она странное выражение. – Наверное, мне будет лучше не завтракать.

Она села вместе с остальными за стол, но не притронулась к еде, переправив ее обрадованному Шемме, а только выпила несколько глотков травяного настоя.

– Когда ты поведешь нас к шару, Пантур? – спросила она.

– Как только владычица закончит завтрак и выйдет в центральный зал. Мы подождем ее там.

Кроме них, в зале собралось немало любопытных монтарвов, преимущественно молодых. Когда к ним вышла владычица в сопровождении своих обычных слуги и служанки, ученый повел всех собравшихся к шару. У входа он вручил владычице

рубиновые очки, другие надел сам и первым вошел в просторную пещеру.

Пещера в точности совпадала с видением Лилы. Оранжевый шар был так близко, что она почти ощущала невидимую оболочку, наложенную на него Каморрой.

Магиня обошла зал, выбирая площадку для танца – она не знала другого способа освободить шар, – и остановилась на ровном участке у самого края пруда.

– Вот здесь. – Она очертила пространство руками. – Не вставайте сюда, чтобы не помешать мне.

Шемма перевел ее слова владычице. Та понимающе кивнула и остановилась поодаль. Лила тем временем сняла куртку, оставшись в одной рубашке. Альмарен принял куртку из ее рук.

– Я ведь тоже маг, – шепнул он. – Я могу тебе чем-нибудь помочь или нет?

– Что? Да, – ответила она совершенно невпопад. Он понял, что Лила не слышит его. Она стряхнула с ног уродливые крестьянские башмаки и вышла на площадку.

Встав лицом к шару, Лила постаралась забыть все, воскрешая в памяти только музыку, под которую она танцевала на алтаре. Когда мелодия зазвучала отчетливо, магиня закрыла глаза и задвигалась в танце, представляя себе, что в ней, как в кристалле, концентрируется сила магии. Плавные и быстрые, почти змеиные движения помогали ей сосредоточиться на втягивании силы, проникающей в кончики пальцев, в руки, плечи, тело… Когда каждая ее жилочка затрепетала от прилива силы, она перевела внимание в точку между глаз, отыскивая Оранжевый шар в открывшемся перед ней бесконечном колодце. Она ринулась в этот колодец усилием воли, с бесстрашием человека, которому нечего оставлять сзади, словно желая разбиться о встреченную впереди цель.

Цель возникла растущей оранжевой точкой, мгновенно заполнившей все видимое пространство. Лила не успела остановить мысль и с разгона ворвалась в шар, пролетая сквозь полупрозрачную массу, пронизанную тонкими, ритмичными сетевыми структурами, в которых чудилось что-то знакомое. Игла ее воли пронзала поры между волокнами, интуитивно отыскивая центр. Серое пятно центра быстро увеличивалось, Лила влетела в него и внезапно оказалась в том же зале, где начинала танец.

У пруда перед шаром стояли трое. Двоих из них – ни светловолосого, ни улыбающегося, с рыжей кудрявой шевелюрой – она не видела никогда, третий, темноволосый, напомнил ей Альмарена.

– Говори ты, Гелигрен, – обратился он к светловолосому. –

Пусть твое слово уйдет в будущее и станет нашим завещанием людям.

– Нет, Лилигрен, все будет не так, – ответил светловолосый. – Мир слишком темен для знания, суеверие скорее достигнет нашей цели.

Он сделал жест руками, и перед Оранжевым шаром появилась фигура женщины из монтарвов, чем-то схожей с Хэтоб. Видение величественно выпрямилось и заговорило:

– Я, Мороб, владычица Лура, сообщаю тебе, что это место обладает могущественной силой. Ты, который нашел его, используй эту силу на благо людям… Трое стояли и ждали, пока видение не закончит речь.

– Маг, в ком достаточно и силы, и добра, сумеет принять это послание, – заключил светловолосый.

– Пусть будет так, – согласились другие двое.

– Подождите! – вдруг насторожился светловолосый. – Мы не одни.

Здесь кто-то есть.

Он поднял голову. Серые глаза глянули прямо на магиню, в них отражались нездешняя сила и мудрость. Лила вздрогнула и метнулась в никуда.

Лишь ощутив себя на прежнем месте, она почувствовала, что оболочка шара разлетелась, и от него идет знакомый, захлестывающий поток оранжевой силы.

Альмарен с тревогой наблюдал за магиней во время ее танца и вместе с остальными видел, как засветились кончики ее пальцев – нет, не оранжевым, а белым, – затем ладони, руки, плечи, и наконец вся она вспыхнула белым факелом, застыв с раскинутыми руками перед шаром. Белый луч вырвался из ее лба, устремляясь в шар, и тут же исчез. Лила, шатаясь, опускалась на колени. Он подбежал к ней, поднял, обнял за плечи. Ее била дрожь, не от холода или страха, а от безрассудного перебора энергии, он это знал.

– Безумная, ты же могла убить себя, как Авенар! – выкрикнул он.

Лила приходила в себя, дикий блеск в ее глазах исчезал.

– Ты бы знал, где я была… – шептала она. – За такое не жалко отдать жизнь.

– Не бросайся жизнью, она у тебя не для этого, – отвечал Альмарен, не спеша выпускать ее из рук. Но Лила уже твердо стояла на ногах, она отстранилась от него и повернулась к шару.

– Ты освободила шар, – услышала она рядом голос Альмарена.

– Не знаю, как это у меня получилось, – услышала она свой

голос. – Там было совсем другое…

Монтарвы, кто в рубиновых очках, кто прикрываясь от света шара ладонью, один за другим подходили к пруду. Раздался общий изумленный ропот, и над ним – голос Тревинера:

– Смотрите, смотрите! Эти твари оживают! Саламандры зашевелились, спокойная до сих пор вода пошла кругами, наполнилась плещущейся в ней жизнью.

Хэтоб подошла к магам и заговорила, ее лицо и голос были полны радости.

– Она благодарит вас, – подсказал Витри вместо оказавшегося поодаль Шеммы. – Она предлагает нам быть гостями Лура.

– Скажи ей все, что говорится в таких случаях, Витри, – ответила магиня. – Мне трудно говорить. Скажи, что и нам нужна ее помощь.

Витри, подбирая лоанские слова, сумел объясниться с Хэтоб.

– Владычица согласна выслушать нас и оказать помощь, – сообщил он магам.

XII

Весь следующий день Каморра занимался вышедшими из повиновения уттаками. Огромное войско превратилось в толпу и мародерствовало в Келанге, растаскивая добро и пожирая трупы горожан. Маг закрылся в кабинете правителя и, сосредотачиваясь на своем белом диске, отыскивал уттакских вождей и внушал им мысли убраться из города. Диски вождей, как и диски помощников, имели свойство подчинять их волю владельцу его собственного диска.

К полудню уттаки, унося награбленное и предназначенные для съедения трупы, покинули Келангу и встали лагерем на берегу Тиона. Каморра приказал подать вороного и побывал в каждом племени, чтобы воодушевить дикарей и подсчитать потери. К его радости, потери оказались ничтожными. План Госсара оправдал себя.

Вечером маг послал за Госсаром. Он дождался своего союзника в зале, где прежде Берсерен принимал советников.

– Хорошие новости, Госсар, – объявил он. – Мы взяли город почти без потерь.

– Зато у меня – плохие, – резко ответил тот. – Треть моих воинов тайком ушла в Босхан – и это из-за жестокости ваших дикарей, Каморра!

– Сколько их ушло?

– Не менее полутора сотен.

– Только и всего? – пренебрежительно хмыкнул маг. – У меня счет идет на тысячи, а ты дергаешься из-за полутора сотен? Глупо, Госсар.

– Это были не дикари, а хорошо обученные и вооруженные воины.

Теперь они выступят на стороне Норрена.

– Если им нравится подохнуть за Норрена, я не могу им запретить.

Перевес на нашей стороне, и какой перевес, Госсар! Брось мелочиться, в нашем деле это – помеха. Где бы я был, если бы считал каждого уттака?!

Госсар промолчал. Не мог же он сказать Каморре, что для его собственных планов нужна поддержка людей, а не уттаков. Но тот и не предполагал, что у его союзника могут быть какие-то свои намерения. На Госсаре был белый диск, а Каморра полностью доверял и силе магии Белого алтаря, и своему умению. Имея дело с уттаками и мелким келадским жульем, он не сталкивался вплотную с людьми, способными противостоять чужому влиянию,

и не знал, что магия белого диска не может подчинить такую сильную личность, как Госсар. Поэтому ни раздражительность, ни независимый тон союзника не показались магу подозрительными.

– Твой последний план был хорош, – сказал он Госсару. – Я хочу посоветоваться с тобой насчет того, как воевать дальше. У тебя есть еще планы?

Планы у Госсара были, и время для их осуществления выглядело удобным.

– Теперь нам нужно идти одновременно и в Босхан, и в Оккаду, – сказал он. – На Зеленый алтарь ушло войско Вальборна, нам нельзя оставлять его сзади. Имейте в виду, что и Вальборн, и Норрен – хорошие военачальники. Будет лучше, если вы передадите все руководство уттаками мне.

– Тебе? – переспросил маг. – Ты с ними не справишься. Да и какая в том нужда? Ты будешь рядом со мной, я отдам приказы по твоему совету.

– Мы уже не в лесу, Каморра. Здесь люди, обжитые места, опасные противники. И передвижения войск, и бои – все имеет свои тонкости, которые трудно передать на словах. Пусть у нас большое войско, но неточные действия могут свести на нет все наше преимущество. Не забывайте, что из нас двоих я лучше разбираюсь в военной тактике.

– Верю, Госсар, но в управлении уттаками тоже есть свои тонкости, которым нелегко обучить другого. Я еще на первой встрече говорил тебе, что маг и воин – это хороший союз. Мы добьемся всего, если каждый из нас сделает свое" дело. Ты в магии – то же самое, что я в войне, и даже меньше. Не суйся туда, где ты ничего не смыслишь.

Госсар проглотил досаду.

– Хорошо, Каморра, – согласился он, оставив свои намерения до более удобного случая. – А как быть с оккадским войском? Я бы хотел, чтобы поход на Оккаду возглавил мой младший брат Урменар.

– Его возглавит мой человек, Кайдек.

– Уттак?!

– Нет, он из Тимая, хотя его имя похоже на уттакское. Дикари так и зовут его – Большой Кайдак. Он умеет их подчинять. Да ты не хмурься, найдется дело и твоему брату, – добавил маг, заметив, как изменилось лицо Госсара. – Он останется в Келанге наместником.

Взгляд Госсара прояснился.

– Хорошая мысль, – одобрил он. – Это дело как раз для моего брата.

Мы выступим завтра, три тысячи – в Оккаду, остальные – на

Босхан.

– Дикари не двинутся с Места, пока не съедят добычу, – заявил маг.

– Нельзя, чтобы наши противники имели лишние дни для подготовки обороны.

– Я уже говорил тебе – дикари есть дикари, – поморщился Каморра.Чтобы управлять ими, я вынужден потакать некоторым их слабостям. Да и куда в Оккаду три тысячи? Двух хватит за глаза!

– Там мы не сумеем напасть внезапно. Кроме жителей и магов, там еще и Вальборн с тремя сотнями воинов, – напомнил Госсар.

– Три сотни – и три тысячи? Многовато.

– Он отважный правитель, с ним – Лаункар, опытнейший военачальник, и прекрасное войско. С нашей стороны – всего-навсего толпа уттаков с секирами и Большим Кайдаком во главе. Вы, я смотрю, уже забыли свои потери у Бетлинка.

– Двух тысяч хватит, – отрезал Каморра. – Выступим через неделю, когда дикари оголодают. Сытые, они невозможно ленивы. Но ты говоришь мне не то, о чем я спрашиваю. Я хочу знать, нет ли у тебя плана по взятию Босхана?

– Я со дня на день жду известий от моих людей из армии Норрена, – сухо сказал Госсар. – Когда у меня будут планы босханских укреплений и точные сведения о численности и размещении южных войск, тогда я сумею найти их слабое место. А пока мне нечего добавить к тому, что я уже сказал.

– Когда приедут твои люди?

– Должны уже быть здесь, но задерживаются. – Когда появятся, пришлешь их ко мне. Я сам хочу выслушать их донесения.

Отпустив Госсара, Каморра вернулся в кабинет и раскинулся в широком кресле Берсерена. Теперь, когда город был взят, а за насытившимися дикарями не требовался непрерывный контроль, напряжение последних дней отпустило его. Мысли мага вяло и путано скользили по событиям прошлого и будущего. Три рубежа он прошел, и самым крепким оказался первый – Бетлинк.

Конечно, если бы не Госсар, и с Келангой пришлось бы повозиться. Оранжевый алтарь достался, как и ожидалось, легко, но тут на голову свалился этот Вальборн…

Маг резко выпрямился в кресле, вспомнив, для чего был захвачен Оранжевый алтарь. За последние две недели он ни разу не подумал о Бовардане, посланном за Красным камнем, а ведь тому уже пора было возвращаться. Каморра посчитал дни и прикинул, что полууттак должен быть где-то у Бетлинка.

Вцепившись в ручки кресла, маг сосредоточился на диске Боваррана.

Он узнавал владельца по диску так же ясно, как если бы видел в лицо. Не найдя ни за одним из дисков грубой и напористой натуры по-лууттака, маг еще раз просмотрел их все и убедился, что Боваррана нет.

«Наверное, негодяй снял диск, – встревожился маг. – Зря я оставил его без присмотра». Он сосредоточился на пустых дисках, но не нашел ни одного, кроме тех двух, которые он носил с собой на случай срочной надобности.

Напрашивалось единственное объяснение – диск Боваррана уничтожен, как и диск Кавенты. Вспомнив, с каким радостным почтением полууттак принимал от него диск, маг сразу отверг мысль, что тот сам разбил свое сокровище. Диск мог разбиться и случайно, но, скорее всего, это сделал кто-то другой.

Забыв про усталость, Каморра отыскал карту Келады и сконцентрировал внимание на точке у подножия вулкана, где в заброшенном селении стоял Одноглазый идол. Ценой отчаянного усилия маг увидел стены котловины, массивные очертания идола и, наконец, его голову. Глазница идола была пуста.

Каморра откинулся на кресле, ощущая вкус крови во рту. Полная потеря сил разом остановила все его мысли… но в утихнувшем сознании вдруг засветилась зовущая точка – Красный камень. Заклятие, произнесенное на Оранжевом алтаре – «тот, кто меня слышит», – подействовало и на Каморру, слышавшего собственное заклинание, поэтому он тоже оказался способным чувствовать направление на камень. Маг сосредоточился на этой точке, улавливая подробности. Возникало неясное ощущение человека, несущего камень, его амулеты – перстни Грифона и Феникса, очертания местности, похожей на долину Руны в окрестностях Бетлинка. Камнем владел другой, уничтоживший Боваррана и его диск, и этот другой был магом!

Если бы Каморра знал, что побывавший в Бетлинке грабитель не унес с собой ничего, кроме жезла Аспида, его подозрения зародились бы гораздо раньше. Но помощники, обнаружившие сломанный шкаф, очистили его от золота и свалили пропажу на недотепу-взломщика. Они изрядно недоумевали, когда поняли, что хозяин в таком бешенстве не из-за пропажи золота, а от исчезновения какой-то каменной. штуковины, назначение которой понятно только магам. Тогда Каморра заподозрил двоих, видевших сейф, – Скампаду и Кеменера, хотя ни один из них не был магом. Но Кеменер был далеко, а отыскать Скампаду по диску не удалось, поэтому маг был вынужден отложить дознание.

Догадка мага мгновенно переросла в убежденность – о

камнях Трех Братьев и об их свойствах знает не только он. Есть другие маги, которые ищут камни, чтобы разрушить его магию. Это означало потерю всего. «У них есть уже два камня! – ужаснулся он. – Нужно вернуть хотя бы Красный, пока не поздно!»

Каморра провел очень дурную ночь, а к утру решил немедленно выехать в погоню за магом, завладевшим Красным камнем. Чуть свет он послал за Госсаром, чтобы передать тому командование уттаками. Как маг ни сомневался, справится ли Госсар с огромной толпой дикарей, будучи совершенно незнакомым с магией, оставлять Красный камень в руках противников было еще опаснее.

Госсар вошел, не скрывая недовольства.

– В чем дело, Каморра? – спросил он. – Разве ваши планы сменились, и мы выступаем сегодня утром?

– Они сменились, – нервно сказал маг. – Мне нужно срочно уехать на несколько дней. Если я не вернусь через неделю, ты один поведешь уттаков на Босхан.

– Я получу руководство всеми уттаками? – Госсар мгновенно забыл о своей досаде.

– Я могу позволить себе не больше двух дней на твое обучение.

Постарайся освоить это искусство, или они пустят тебя на закуску.

– Не сомневайтесь, Каморра, они не вырвутся из-под моей власти. Я еще и не таких удерживал.

– Дай мне твой диск. Я наложу на него добавочные заклинания, чтобы он стал пригоден для подчинения уттаков.

Госсар снял с шеи цепь с диском и подал магу.

– Выслушай главное, – сказал тот, забирая диск. – Ты сможешь повлиять на уттаков только в том случае, если твой приказ совпадает с их собственными желаниями. Никакая магия не заставит их ни строить, ни пахать, но они всегда готовы напасть на чужого, а тем более – на человека. Я всего-навсего заставляю их делать это одновременно. Я внушил им, что люди отняли у них. остров, что они угождают предкам, захватывая людские города и села. Я внушил им чувство превосходства над людьми, поэтому они не враждуют между собой, объединившись против худшего зла. Я ежедневно внедряю в них: «Вы – цвет острова, вы обижены, оскорблены, выгнаны со своих мест. Все, что есть у людей, принадлежит вам. Я – тот, кто пришел возвысить вас, вернуть вам все, что вам принадлежит по праву». Внушай им эти мысли, и они пойдут за тобой.

– А куда их девать, когда остров будет завоеван? – невольно спросил Госсар.

– Нет ничего проще, – усмехнулся Каморра. – Кто готов ограбить и убить чужого, рано или поздно так же обойдется и со своим. Я подтолкну каждое племя, внушу, что их соседи нахватали добычи не по заслугам, и они перебьют друг друга.

Рассуждения мага помогли Госсару догадаться о причине его успеха у уттаков. Сыну босханского оружейника было куда легче понять дикарей, чем человеку высокого рода.

В течение двух дней Каморра не отпускал от себя Госсара, обучая его устанавливать контакт с обладателями дисков и посылать им приказы. Тот с трудом осваивал непривычное искусство, вызывая гнев нетерпеливого и резкого на язык 'босханца. На исходе второго дня маг выехал с Госсаром за городскую стену и потребовал подозвать уттакских вождей. Госсар, покраснев от напряжения, уставился на свой диск, и вскоре вожди появились.

– Слушайте меня! – обратился к ним Каморра, указывая на своего спутника. – Этот человек – великий воин, он поведет вас дальше. Повинуйтесь ему, как повиновались мне, или гнев белого диска обрушится на вас!

Вожди согласно загалдели, взглядывая исподлобья на Госсара.

Знакомство с новым вождем вождей состоялось.

– Жаль, что ты не говоришь по-уттакски, – заметил Каморра, когда дикари разошлись. – Помни, что на нашем языке они понимают только самые простые фразы. И каждый день повторяй те приемы, которые я показал. Пока они у тебя идут не гладко.

Наутро он прихватил с собой полсотни уттаков и отправился на север, наперерез магу, захватившему Красный камень.

***

На третьи сутки пути Риссарн встретил вереницу подвод, направляющихся в Оккаду. Увидев набросанный наспех скарб и несчастные лица людей, он спросил, что случилось, почти не сомневаясь в ответе. И действительно, люди бежали из Келанги, спасаясь от подступивших к городу уттаков.

До самой Келанги он встречал беженцев, сначала на повозках, затем пеших, с узлами, семьями бредущих по дороге, затем одиночек, нередко с ранами и пятнами крови на одежде. От них он и узнал подробности ужасной ночи. Увидев на горизонте городскую стену, Риссарн свернул на юг и поехал дальше

проселками, соединяющими пригородные деревни. Враг пока не побывал здесь, но многие дома уже пустовали – люди бросали дома и пашни, спасаясь бегством.

Риссарн выжимал из коня всю возможную прыть, и тот был выше всяких похвал. На полпути к Босхану он догнал отправившихся по южной дороге беженцев, и среди них – остатки бывших защитников Келанги. В войске, встретившемся первым, было не меньше полутора сотен людей, вышагивавших по Большому Тионскому тракту вслед за своим военачальником.

– Добрый день, – заговорил с ним Риссарн, когда они поравнялись.

– Добрый день, парень, – ответил тот. – Славный у тебя конек.

– Не жалуюсь.

– Куда путь держишь?

– В Босхан, к Норрену.

– Гонец, что ли? – догадался военачальник.

– Я из Оккады, из магов, – уклонился от ответа Риссарн. – Времена суровые, я и подумал, что пригожусь в армии Норрена.

– Мало подумал, парень. В Оккаде ты пригодился бы еще больше. Но раз уж ты сделал такую глупость… Когда ты будешь в Босхане?

– Завтра к обеду, наверное, доберусь.

– Да, славный у тебя конек. А нам еще трое суток топать. – Военачальник сделал приглашающий жест. – Спустись-ка сюда, я скажу тебе кое-что, а ты передашь Норрену.

Риссарн спешился и пошел рядом с ним.

– Вот что, парень, мы ведь из войск Госсара… Ты знаешь Госсара?

– Нет.

– Видно, что ты из Оккады. В Келанге его все знают. Первый военачальник Берсерена, не кто-нибудь. – Воин подвинулся поближе к уху Риссарна. – Так вот, это он приказал открыть ворота ночью и впустить уттаков.

Если бы не Госсар, эти выродки помучились бы, прежде чем войти в город. Так Норрену и скажи!

– Скажу, – кивнул Риссарн.

– Мы ведь были за него, за Госсара, – продолжил военачальник. – Он говорил нам, что уттаки помогут скинуть Берсерена и уйдут к себе в леса. А эти твари… ты бы видел, парень, что они вытворяли в городе! Звери какие-то, и только! Вот мы и пошли к Норрену. Скажи ему, что нам можно верить. Скажи, что мы будем сражаться против уттаков, как никто еще не сражался. Так и скажи, парень!

– Хорошо, скажу, – снова кивнул маг. – И еще передай –

Госсар сам убил Берсерена, в его собственной спальне, и защита города осталась без руководства. А мы-то, мы-то охраняли дворец правителя для этого босханца, любимца уттаков, пока остальные наши погибали на улицах!

– У Госсара осталось много приверженцев?

– Из воинов – человек триста. Многие ушли бы с нами, да боятся. Не верят, что Норрен отобьется.

– А вы?

– Мы посовещались да решили – лучше уж быть с Норреном, чем у уттаков на побегушках. А там… как получится.

– Понятно…

– Ну, давай, парень, поспешай. Пусть Норрен знает, что уттаками под Босханом будет руководить Госсар, не Каморра.

Риссарн вскочил на коня и махнул военачальнику рукой. До поздней ночи он ехал вдоль быстро пустеющих деревень, по тракту, забитому беженцами, обгоняя крестьян, повозки, воинов, уцелевших после битвы в Келанге. Казалось, вся центральная часть острова снялась с места и двигалась на юг.

К следующему полудню он опередил очередную волну беженцев и по непривычно малолюдной дороге доехал до окрестностей Босхана. На другом берегу Тиона запестрели флаги – бело-голубые Норрена, сине-желтые босханские, красные с желтыми эмблемами в виде ключа – войск из Кертенка, издавна называвшегося ключом к острову. Поодаль виднелся желтый флаг со вставшим на дыбы конем – Тимай, отнюдь не славившийся военными традициями, все же прислал под Босхан свою конницу.

Риссарн представился патрулю у моста как гонец из Оккады и потребовал немедленной встречи с правителем Цитиона. Его повели между войсковыми стоянками к скоплению палаток с бело-голубыми эмблемами и дальше, к шатру с гербом Цитиона. Стражник вошел в шатер, и вскоре оттуда появился высокий мужчина с сильной сединой в спускающихся на плечи волосах.

– Вот он, ваша светлость, – кивнул на Риссарна стражник.

Мужчина подошел к Риссарну.

– Что у вас, юноша? – спросил он.

– Я привез письмо от Суарена.

– Давай сюда.

– Я должен отдать письмо в руки его величеству.

– Ты знаешь его величество в лицо?

– Я слышал, что вас назвали «ваша светлость».

– Ты наблюдателен. Как тебя зовут?

– Риссарн.

Во взгляде мужчины засветился интерес.

– Я слышал о тебе. Твой лучший друг много рассказывал

мне…

– Альмарен здесь?! – забыв сдержанность, воскликнул Риссарн.

– Нет, он далеко отсюда. – Мужчина жестом отпустил патруль. – Иди со мной.

Риссарн последовал за ним в шатер. Там на кровати, опираясь на подушки, полулежал человек, выглядевший как после долгой, изнурительной болезни.

– Этот юноша из Оккады, Норрен, – сказал ему мужчина. – Он привез письмо от Суарена и намерен передать его тебе, и больше никому. Наверное, это правильно.

– Наверное, – слегка улыбнулся лежащий. – Пусть подойдет.

– Перед тобой правитель Цитиона, Риссарн, – подтолкнул молодого мага провожатый. – Можешь Предать ему пакет.

Риссарн смущенно шагнул к кровати. Получив пакет, правитель протянул его мужчине, впустившему Риссарна.

– Читай, Ромбар. А вы пока присядьте, молодой человек. – Он указал глазами на стул.

Ромбар уселся на другой стул и прочитал письмо Магистра.

– Вальборн в Оккаде, и с ним три сотни воинов, – сказал он правителю, закончив чтение. – Я рад, что он сменил гордость на благоразумие.

Жрецы храма Саламандры там же. Кроме того, оккадский магистр предостерегает нас от Госсара.

– В пути я разговаривал с воином, который знает многое о падении города, – забыв про этикет, вмешался в разговор Риссарн. – Он просил меня сообщить кое-что правителю Цитиона.

– И что же? – Норрен с усилием приподнял голову с подушки.

Риссарн рассказал ему о встрече с ушедшим от Госсара войском и о предательстве главы рода Лотварна.

– Значит, уттаков возглавит не Каморра, – нарушил Ромбар повисшее в шатре молчание.

– Скампада еще когда предупреждал нас, брат, – отозвался с кровати Норрен. – Ты не забыл Госсара, его военные навыки, склонности?

– Госсар – хороший стратег и способен на неожиданные решения, – ответил ему Ромбар. – Я еще раз продумаю план обороны и расстановку войск. А у тебя какие планы, Риссарн? – спросил он молодого мага. – Ты возвращаешься в Оккаду?

Риссарн понимал, что не успеет вернуться на Зеленый алтарь до начала военных событий.

– Я готов поступить в распоряжение его величества, – взглянул он на правителя Цитиона.

– Сейчас я нездоров, юноша, – ответил Норрен, – а обороной

руководит мой двоюродный брат Ромбар. Попробуйте поступить в его распоряжение.

Риссарн повернулся и встретил изучающий взгляд Ромбара.

– Я рад быть полезным вам, ваша светлость, – сказал он.

***

Госсар до изнеможения повторял приемы и заклинания, обучаясь неподатливому искусству магии. Еще через два дня он решился объехать уттакские племена. Фанатический блеск в глазах приветствующих его дикарей показал, что затраченные усилия не пропали даром. Госсар поверил в свою способность подчинять уттаков и теперь опасался только одного – как бы Каморра не вернулся слишком скоро, потому что внушение, которое он задумал, требовало времени.

Возвратившись во дворец, Госсар обнаружил там человека неопределенного возраста и неприметной внешности, чьего возвращения с нетерпением дожидался уже вторую неделю.

– Кеменер, наконец-то ты вернулся! – не скрыл он радости, увидев приезжего. – Надеюсь, у тебя хорошие новости?

– У меня новости, заслуживающие внимания, хозяин, – ответил тот.

Госсар провел шпиона в кабинет, плотно прикрыл дверь и уселся в кресло.

– Рассказывай, Кеменер. Норрен мертв?

– Жив и, наверное, таким и останется.

– Я рассчитывал на тебя, Кеменер.

– Норрен трое суток был между жизнью и смертью, но жизнь взяла свое. Он и сейчас плох. Обороной руководит его брат, Ромбар.

– Кто?! – Госсар вскочил с кресла. – Я поручил тебе отправить в могилу живого, а ты сообщаешь мне о том, что мертвец встал из могилы?! Разве сын Паландара жив?

– Вполне. До недавнего времени он был магистром ордена Грифона.

Мне удалось это узнать.

– Тебе незачем было узнавать о нем! – в раздражении сказал Госсар.

– Тебе следовало отправить его туда, куда ты не отправил Норрена!

– Разумеется, я подумал об этом, хозяин, – взглянул на него

Кеменер. – Я поручил эту работу вашим людям, но они с ней не справились.

– Нужно было попытаться еще раз.

– Еще раз мне было уже некому поручить ее, – невозмутимо ответил шпион. – Это не та работа, которую можно сделать плохо и остаться в живых. Вы зря платите своим людям, хозяин.

– Еще поучи меня… – проворчал Госсар. – А сам ты на что?

– Я никогда не берусь не за свое дело. Моя специальность – факты, а не убийства. – Кеменер вынул из-за пазухи несколько листов желтоватой бумаги и расправил их на столе. – Я принес вам полный план босханских укреплений.

– Хоть что-то ценное… – смягчился Госсар, рассматривая план. – Ладно, оставь те деньги себе. И кстати, скажи, ради какого срочного дела Каморра мог уехать, бросив все дела и оставив на меня уттаков?

Впервые за время разговора невозмутимость Кеменера дрогнула.

– Вы говорите, он передал вам все руководство и уехал? Он сказал вам хоть что-нибудь?

– Сказал, чтобы я выступал через неделю, если он не вернется.

– Мало. У меня нет никаких предположений, ваша светлость, – ответил Кеменер, незаметно для себя не назвавший Госсара хозяином. – Я могу быть свободен?

– Иди, – отпустил его Госсар.

Кеменер неслышно прошел по коридорам, по парку, вышел за ворота и, бросив прощальный взгляд на дворец Берсерена, растворился в улицах Келанги.

***

Объевшиеся человечиной уттаки едва шевелили ногами. Каморра, подавляя желание галопом пуститься по дороге, гарцевал вокруг своего отряда и всячески понуждал дикарей двигаться побыстрее, но и упоминание о гневе белого диска помогало ненадолго. На привалах маг настраивался на Красный камень и определял его положение, хотя это было непросто – случайно образовавшаяся связь была слабой и едва ощутимой. Красный камень приближался, перемещаясь вместе с владельцем.

По расчету мага, встреча могла состояться где-то У Оранжевого алтаря. Доехав до разрушенного полка, Каморра

вновь настроился на Красный камень и почувствовал, что амулет остался позади. Казалось неясным, как владелец камня сумел разминуться с идущим навстречу отрядом, но маг уточнил направление и понял, что тот пошел вдоль Ционских скал, прямиком к Босхану. Еще через сутки, добравшись до Тиона, Каморра установил, что камень опять позади.

Это казалось совершенно необъяснимым. Развернув уттаков, маг повел их обратно.

Отряд вернулся вдоль Тионских скал до Оранжевого алтаря, где маг определил, что камень вновь остался позади. Предположив, что владелец камня заметил погоню и прячется в скалах, Каморра повел туда отряд на поиски. Уттаки уперлись, но гнев белого диска вынудил углубиться в скалы и самых упрямых. Еще один день прошел в бесполезном прочесывании скал. Каморра, в очередной раз пытаясь определить направление на камень, заметил наконец, что излучение амулета идет откуда-то снизу, и догадался, что нужно делать.

– Эй, вы! – закричал он уттакам, забыв воспользоваться диском. – Не то ищете! Ищите ход, подземный ход, поняли?

Красный камень оставался под горой, не приближаясь и не удаляясь.

Маг выходил из себя, посылая дикарей на самые неприступные скалы, и наконец с одной из них раздался крик:

– Нашли, хозяин!

XIII

На обратном пути Пантур не отходил от магов, расспрашивая их о таинственной силе Оранжевого шара. Альмарен, жалея магиню, выглядевшую усталой и рассеянной, принял на себя обвал вопросов лурского ученого. Для объяснения с Пантуром он все чаще привлекал не Шемму, а Витри, у которого за время совместного путешествия сложились правильные понятия о сущности и применении магии.

За разговорами они незаметно дошли до Первой общины и расселись в небольшой комнате ученого, теснясь по сиденьям и лежанкам. Пантур достал бумагу, чернила и сел за стол записывать ответы Альмарена. Тот диктовал Витри основные правила магии, вслушиваясь в голос лоанца, переводившего его слова на язык монтарвов, и наблюдая, как ученый выводит палочкой крючки и закорючки.

Символы, выходящие из-под руки Пантура, показались магу знакомыми. Альмарен привстал, чтобы разглядеть их получше, и увидел те же самые значки, что и в книге, которую он носил с собой.

– Лила, посмотри! – шепнул он магине, закончив диктовать очередную фразу. – Буквы такие же, как и у нас в книге!

– Может, Пантур сумеет прочитать ее нам? – обрадовалась она. – Где книга?

– У меня в комнате.

– Сходи за ней, а я подиктую Витри. – Когда Альмарен вернулся, Пантур дописывал последнее правило.

– И это все? – Ученый недоверчиво посмотрел на пару исписанных листов.

– Это основа. Вся магия держится на этих правилах и на способностях магов, которые их применяют, – пояснила Лила. – Взгляни сюда, Пантур! – Она указала на книгу, положенную Альмареном на стол. – В этой книге содержатся заклинания, составленные по этим правилам, и она, кажется написана вашими буквами.

Альмарен отстегнул серебряные пряжки и раскрыл книгу. Пантур склонился над страницами, изучая текст.

– Буквы наши, – согласился он. – Но по смыслу – полная чепуха. Ни одного знакомого слова. Взять хотя бы первую фразу… – Ученый установил палец на начало первой главы и, запинаясь, выговорил вслух:

– За… клина… ния силы… холода… – Несмотря на разницу в произношении, монтарвские звуки образовывали слова языка

пришельцев с моря.

– Да он же читает по-нашему! – подал голос Тревинер, скучавший на лежанке в углу.

– Витри, спроси его, как он это делает! – затормошил лоанца Альмарен.

– Каждой букве соответствует звук, – ответил Витри, переговорив с ученым. – Пантур попросту читает образовавшиеся созвучия.

– Значит, наши слова записаны сходно звучащими буквами монтарвского языка, – догадалась магиня. – Тот, кто знает оба языка, может с легкостью прочитать эту книгу!

– Написать ее таким способом могли только Трое Братьев. Они знали оба языка, – заметил Альмарен. – Наверное, они же и переправили ее наверх.

Пантур, в ваших летописях не встречается упоминаний об этой книге?

– Он не встречал ничего подобного, – перевел Витри ответ ученого.

– Возможно, книгу передали наверх из Фаура, но фаурские летописи погибли при наводнении.

– Так или иначе, мы задержимся здесь на несколько дней, – сказала Лила. – Пантур поможет нам прочитать неясные места в седьмой главе.

– Ты все еще надеешься найти там нужное заклинание? – спросил ее Альмарен.

– И это тоже. Но у нас есть и главная цель – Желтый камень. – Лила обернулась к лоанцу. – Витри, расскажи Пантуру все, что слышал от нас о камнях Трех Братьев. Объясни, что Каморра тоже ищет эти камни и что мы должны опередить его. Я бы сама поговорила с Пантуром, но боюсь, что через посредника это не прозвучит так, как нужно.

Витри заговорил с Пантуром, начав рассказ с событий на Оранжевом алтаре. Лоанец сознавал, что от его слов зависит, будет ли монтарвский ученый их союзником, и постарался изложить события как можно понятнее.

– Пантур хочет взглянуть на Красный камень, – сказал он магам.

Альмарен бережно извлек из нагрудного кармана тряпицу с Красным камнем и развернул на столе. Свет камня смешался с зеленовато-желтым освещением травяной лампады, рубиновым оттенком ложась на стены комнаты и лица людей.

Ученый долго рассматривал кристалл, затем, словно не доверяя глазам, провел пальцем по переливающимся граням.

– Вы хотите взять все три камня и пойти на Белый алтарь,

чтобы обессилить нашего врага? – обратился он к Витри.

– Да, – подтвердил лоанец.

– Вы знаете, где остальные два камня?

– Синий камень до недавнего времени был у Каморры в Бетлинке, – сказал Витри. – Мы надеемся, что друг Альмарена похитил его из замка. Если это так, Синий камень сейчас в Босхане – туда мы и направлялись, когда встретили Шемму. А Желтый камень здесь, в короне владычицы. Шемма видел его и рассказал нам о нем. Получить этот камень – и есть та помощь, о которой мы хотим попросить вашу владычицу.

Пантур ответил не сразу.

– Великая не отдаст Желтый камень, – сказал наконец он. – Этот камень – не просто редкая драгоценность, он является символом власти правительницы. Скажи своим друзьям, что такая просьба лишь попусту рассердит великую. – а Витри перевел слова ученого магам. Те заметно помрачнели.

– Неужели она не поймет, как этот камень необходим для победы над Каморрой! – воскликнул Альмарен. – Этот человек уже принес бедствие Луру!

– Каморра далеко, а вместе с камнем великая лишится и права на власть, – объяснил ученый. – Она недавно сместила советника, вокруг которого собрались все, кому не по нраву ее решение впустить вас в Лур. Они могут воспользоваться утратой камня как предлогом для замены владычицы.

– Этому камню только триста лет, – неожиданно сказала Лила. – А раньше, до камня, что у вас было символом власти? Разве нельзя заменить его прежним символом?

– До камня символом власти считался рог василиска, – ответил Пантур. – Но эти чудовища уже несколько столетий не встречаются у нас в скалах, а кусок рога из короны владычицы был сожжен, когда его заменили Желтым камнем.

– У меня есть кусок рога василиска! – вспомнил Витри. – Может, он подойдет?

– Он настоящий? – засомневался Пантур.

– Еще какой настоящий! – Витри рассказал ученому, как ему достался этот кусок. – Я принесу его?

– Неси.

Витри сбегал за куском рога и протянул его Пантуру. Ученый взглянул на полупрозрачный, стекловидный торец рога, где из центра к краям тянулись красные нити, образуя на изломе структуру наподобие звезды.

– Да, это настоящий рог василиска, – подтвердил он. – Знаете, будет лучше, если я сам выскажу вашу просьбу владычице.

– От этого камня многое зависит, Пантур, – напомнила ему Лила. – Кроме того, сейчас, когда Каморра готов на все, чтобы получить эти камни, владеть одним из них небезопасно. Если владычица решит, что война наверху не касается Лура, возможно, ее убедит хотя бы это.

– Как только великая пригласит меня для беседы, я предложу ей поменять Желтый камень на рог василиска, – пообещал Пантур. – А пока поговорим о магии.

Маги вновь вернулись к теме, которой так жадно интересовался ученый. Они взялись читать книгу заклинаний, по просьбе Пантура начав с главы, W содержались заклинания Оранжевого алтаря. Чтение продвигалось быстрее, чем прежде, – Пантур читал книгу вслух, Витри, уточняя непонятные места у магов, переводил тексты на язык монтарвов. Ученый заносил слова Витри на бумагу, и стопка Описанных листов на столе понемногу росла.

После ужина к Пантуру заглянул слуга владычицы и передал приглашение. Ученый последовал за слугой, остальные разошлись по комнатам. Маги долго не ложились спать, дожидаясь возвращения Пантура, но тот не появился.

Лишь наутро, во время завтрака, ученый вошел в обеденный зал и подсел к ним за стол.

– Ничего хорошего, Пантур? – обеспокоенно спросила Лила. – Мы ждали тебя допоздна.

– Владычица долго не отпускала меня, – объяснил ученый. – Я рассказал ей все, что услышал от рас, она интересовалась каждой мелочью.

Напоследок я изложил ей вашу просьбу.

– И что?! – насторожились оба мага.

– Конечно, сначала она отказала наотрез. Я давно ее знаю, поэтому не стал спорить. Я заговорил с ней о других делах, затем напомнил, что исход войны наверху небезразличен и нам, монтарвам, что в случае победы Каморры неизвестно, что может приключиться с Оранжевым шаром. Напомнил и о том, что враг готов на все, лишь бы завладеть камнями. Она тоже давно меня знает, поэтому сказала, что видит, чего я добиваюсь, и обещала подумать. Это обнадеживает.

– Как долго нам дожидаться ответа?

– Не могу сказать. Владычица не любит поспешных решений.

Торопливостью, принуждением можно только навредить. – Ученый выглядел спокойным, и его спокойствие передалось обоим магам. – Возможно, в ближайшие дни она пригласит вас на беседу, будьте готовы к этому. Пока у нас есть занятие – читать книгу, а Шемма и Тревинер, если мы им наскучили, могут

погулять по Луру.

– Прекрасно! – обрадовался охотник, услышав предложение Пантура. – А то вчера я все бока отмял на лежанке. Ты не заблудишься в городе, Шемма?

– Ну что ты, Тревинер! Я и читать умею на стенах, – важно ответил табунщик.

Выйдя в Лур, Тревинер недолго оставался позади. Выучив у Шеммы монтарвский счет до десяти и освоившись в системе кольцевых и радиальных туннелей, он помчался по переплетению подземных ходов вдвое быстрее неторопливых монтарвов, предоставив табунщику впритруску поспевать следом.

– Куда ты бежишь, Тревинер? – взмолился запаренный Шемма.

– Кто знает, долго ли мы здесь проторчим, а мне хочется увидеть побольше. Вот это – что за значки?

– Первый кольцевой.

– Так я и подумал. Отсюда, наверное, и центр близко?

– Прямо и вниз по спуску.

– Чудненько. Что-то мало местных нам попадается.

– В это время они не ходят по коридорам, а работают. Каждый на своем месте.

– Да, дисциплинка у них… – Тревинер нырнул в проход, которым начиналась лестница. – Сюда?

– Сюда.

– А вон тот парень, в голубом, он почему здесь шляется?

– Это не парень, а женщина. Голубое – значит, работает на кухне.

Наверное, в другую общину за чем-нибудь пошла.

– Женщина? – развеселился охотник. – Боюсь, здесь не сыщешь ни одной красавицы. И деревьев нет – сплошной камень. Я бы предпочел лес. А это центр? Ты знаешь, неплохо выглядит.

Тревинер остановился у выхода, оглядывая переплетение лестниц, колонн, залов и переходов, чередующийся орнамент, травяные картины самых разнообразных оттенков, украшавшие стены и уютные уголки, где можно было, не мешая другим, посидеть в хорошей компании. После прямых и гладких туннелей глаз отдыхал на открывшемся разнообразии линий и света.

Лестница, по которой пришли Тревинер и Шемма, располагалась на уровне средних ярусов центра. Охотник вертел головой, пытаясь запомнить дорогу, но постоянно отвлекался то на каменную морду диковинного зверя, в котором при сильном желании можно было признать василиска, то на крупные, полупрозрачные цветы, распустившиеся на травяных картинах. Он поднес руку к одному из таких цветков, бледно-розовому,

невиданной красоты и хрупкости, но так и не решился потрогать лепестки.

– Они совсем не пахнут, – ограничился он замечанием, поведя носом у цветка.

Пройдя по пустынному центру, охотник устремился наугад в один из коридоров на противоположной стороне.

– «Один» и «два», – разглядел он два значка подряд на стене коридора. – Это Двенадцатый радиальный.

Шемма промолчал – он умел распознавать надписи лишь в пределах первого десятка. Не заметив этого, Тревинер продолжил:

– Значит, в том конце – Двенадцатая община. Нам туда не нужно.

Найти бы что-нибудь новенькое – выход наверх или еще куда… Шемма, куда идти?

– Если идти по Третьему кольцевому, там бывают и добавочные пути.

– Очень хорошо, поглядим добавочные. – Тревинер зашагал по туннелю, высматривая, когда его пересечет Третий кольцевой. – А вверх, вниз пути есть?

– Если и есть, я их не знаю, – ответил Шемма. – Обед ведь скоро, Тревинер, а мы неизвестно где.

– Какой ты скучный, Шемма! – беззлобно отозвался охотник. – Все одно на уме – лопать да лопать. Ты погляди вокруг, когда еще такое увидишь!

– Натощак-то – и вид не тот, – вздохнул в ответ табунщик.

Тревинер порылся в кармане, извлек оттуда предусмотрительно прихваченную дорожную лепешку и, разломив, отдал половину Шемме.

– На, кормись. А это что за отнорочек? – Охотник свернул в проход.

Шемма со вздохом последовал за ним. Коридор был длинным, узким и вел куда-то вниз, где замкнулся на другой, пошире.

– Пятый кольцевой, – прочитал на стене охотник. – Ты о таком слышал?

– Нет.

– Тогда вперед! Смотри, от него отходят ветки… Семнадцатый…

Что это за буковки, Шемма?

– Боковой, – поскребся в памяти табунщик.

– Вперед! – Тревинер лихо отмеривал шаги по •коридору. – Восемнадцатый… Девятнадцатый… А это что? Держу пари на свою голову, здесь написано не «двадцать». – Он храбро нырнул в

узкий и темный, без травяного освещения, проход. Шагов через тридцать под ногами охотника заскрипела каменная крошка.

– Что-то много здесь грязи, не похоже на этих монтарвов, – задумался вслух Тревинер. – Ну-ка, Шемма, иди вперед, раз светишься, а то я ничего не вижу.

Он выпихнул замешкавшегося Шемму вперед. При свете одежды табунщика стало видно, что в нескольких шагах перед ними проход засыпан каменными обломками и крошкой. Подойдя ближе, охотник увидел, что слежавшаяся насыпь образовала узкое отверстие в верхней части. Из отверстия тянуло холодом и плесенью.

– Постой здесь. – Тревинер протиснулся в лаз. Оказавшись один, Шемма совсем загрустил, но не посмел сдвинуться с места. Спустя немного в отверстии показалась голова Тревинера.

– Там темно, хоть глаз коли, – сообщил охотник. – Давай-ка полезай за мной.

Табунщик отрицательно замотал головой.

– Тогда раздевайся. – Тревинер вылез, вытряхнул Шемму из светящейся куртки и, захватив ее с собой, вновь исчез в лазе.

Шемма, голый до пояса, остался ждать Тревинера, обхватив себя руками для тепла и от жалости к себе. Время тянулось невыносимо медленно, страхи – что он не дождется Тревинера назад, что в таком виде его найдут монтарвы или, еще хуже, не найдут – были невыносимо убедительны. Но все дурное, как и хорошее, имеет свойство кончаться, и Шемма наконец вновь увидел вылезающего из дыры охотника.

– Ну и места, скажу тебе! – впечатленно произнес Тревинер, накидывая куртку на дрожащего табунщика. – Темень, плесень, пустота, а вокруг бегают такие шустрые, без глаз… с полкошки величиной, – Это всееды; – могильным голосом отозвался Шемма.

– Ну, меня, допустим, они не съели. Я прошел далеко, но путь не кончается. Тайны, лурские тайны! Надо бы спросить у Пантура…

– Не надо, – посоветовал Шемма. Сам он считал недопустимым такой безудержный избыток инициативы и был убежден, что и Пантур придерживается того же мнения.

– Поглядим… – неопределенно сказал охотник. – А теперь – идем назад.

Шемма с радостью принял предложение своего спутника. Тот не пошел прежним путем, а отправился дальше по Пятому кольцевому. Спустя немного охотник, повинуясь своему чутью – чутью человека, привыкшего находить нужный путь в незнакомой местности, – свернул в один из боковых туннелей. Туннель резко пошел на подъем и закончился выходом на верхние ярусы

городского центра.

Тревинер задержался у перил, чтобы еще раз полюбоваться открывшимся видом.

– Глянь туда, Шемма, – указал он вниз и наискось. – Ты говорил, что днем все монтарвы на своих местах – а вон в том уголке собралась немалая компания.

Шемма взглянул по направлению руки охотника. В одной из ниш собралось не меньше двух десятков монтарвов. Судя по одежде, здесь были и рабочие с плантаций, и кормильцы огня в печах, и даже двое глав общин. Они внимательно слушали человека в желтом, стоящего в центре.

– Двое глав общин? – заинтересовался Тревинер. – Давай-ка подойдем поближе, глянем, кого они там слушают. – В желтом, значит – ученый, – подсказал Шемма.

– И впрямь, одет как Пантур, – вполголоса заметил Тревинер, пробираясь к собравшимся. – Не топочи так, Шемма, да вытаращи уши. Я не понимаю у них ни слова.

Шемма потянул Тревинера за куртку:

– Это Данур, я узнал его. Не ходи туда, с ним лучше не связываться.

– Что за Данур?

– Бывший советник владычицы. Она сместила его из-за нас… то есть из-за магов.

Тревинер остановился, высматривая путь, и нехотя признал, что подобраться к монтарвам незамеченными будет непросто. Он сделал знак повернуть обратно и затащил табунщика в ближайший коридор.

– Третий радиальный, – прочитал он на стене. – Это нам подойдет.

Шемма заспешил за охотником, предвкушая близость дома и кухни.

Вскоре они вернулись в Первую общину, в комнату Пантура, где нашли и ученого, и своих друзей, весь день просидевших над книгой.

– Явились, пропащие! – приветствовал их Альмарен.

– Шемма, ты же обед пропустил! – в тон ему подхватил Витри.

– Пропустил, – со вздохом ответил Шемма.

– Мы хотели идти искать вас, если не вернетесь к ужину, – сказала Лила. – Вы заблудились в городе?

– Разве я похож на человека, который может заблудиться? – весело оскалился Тревинер. – Треть города мы обошли, это точно. Витри, спроси у Пантура, что это за дыра в Пятом кольцевом, вслед за Девятнадцатым боковым?

– Это один из путей в Фаур, – ответил ученый, выслушав Витри. – Все они были засыпаны после катастрофы.

Второе сообщение охотника, о собрании монтарвов во главе с Дануром, заставило ученого нахмуриться.

– Данур что-то замышляет, – заключил он. – Я предупрежу владычицу и преданных ей людей. Удивительно, Тревинер, не успел ты выйти в город, а столько всего заметил!

– Вальборн тоже это ценил, – сверкнул улыбкой охотник.

Два дня спустя владычица позвала на беседу магов, а с ними и Витри как переводчика. Пантур тоже был на беседе – Хэтоб, пока не выбравшая нового советника, приглашала к себе на обсуждения ученого. Разговор с магами был долгим и доброжелательным, но Пантур видел, что, несмотря на симпатию к людям сверху, выручившим Лур, Хэтоб не склонна отдавать им Желтый камень. Ученый понимал, что она – не только владычица, но и женщина, которой жаль расставаться со своей лучшей драгоценностью, но намекнуть ей на эту причину, не испортив дела, было невозможно.

Сам он считал, что камень нужно отдать магам, но как убедить в этом женщину, не привыкшую к уступкам, не терпевшую принуждения? С этой мыслью ученый промучился до вечера, да и ночью, когда все разошлись по комнатам, она мешала ему уснуть куда больше, чем похрапывание Шеммы, развалившегося на соседней лежанке.

Среди ночи он вдруг почувствовал, что кто-то трясет его за плечо.

Открыв глаза, Пантур вгляделся в склонившегося над ним монтарва и узнал охранника из Седьмой общины.

– Беда, Пантур! – сказал тот, увидев, что ученый проснулся. – В наш туннель рвутся уттаки!

Пантур вскочил с лежанки. Охранник торопливо рассказал ему подробности происшествия:

– Охранники из Восьмой общины говорили нам, что уттаки уже двое суток как шныряют по скалам. Снаружи солнечно, даже рубиновые очки не спасают, поэтому мы сидели в глубине туннеля, когда эти дикари полезли внутрь. Меня послали за подкреплением, а потом – сообщить великой о нападении, но я не смею беспокоить ее во время сна, поэтому пришел сюда.

– Там много уттаков?

– Много, но наши остановили их. Коридор слишком узок для того, чтобы все уттаки напали одновременно. Сейчас туда, наверное, уже подошли мужчины из ближайших общин.

– Обороняйтесь. Эта нечисть не должна попасть внутрь. – Пантур встал и вышел вместе с охранником в коридор. – Я

подниму мужчин на помощь, а ты обойди остальные общины и сообщи о нападении. Пусть подготовятся к обороне города.

Отправив к месту сражения мужчин Первой общины, Пантур постучал в комнату служанки владычицы, дождался, пока та разбудит великую, а затем, после разговора с Хэтоб, пошел в Седьмую общину узнать, как развиваются события.

В туннеле было тесно от монтарвов, собравшихся на подмогу охранникам, но спокойно. Защитники с кирками в руках сидели вдоль стен, негромко переговариваясь в ожидании новых событий. О недавнем бое напоминали только капли крови на гладком каменном полу.

– Что здесь произошло? – спросил Пантур, подойдя. – Где уттаки?

– Мы отбили их, – ответил один из защитников. – Они забрали убитых и отступили. Но мы не уходим на случай, если они опять полезут.

– А у нас есть убитые?

– Убитых, к счастью, нет. Уттаки не мастера биться в туннелях, да и удар у них слабее. Мы уложили не меньше двух десятков дикарей, а с нашей стороны – лишь несколько раненых.

– Есть опасность, что они прорвутся внутрь?

– Вряд ли, если их там не слишком много. Лицом к лицу с каждой стороны в туннеле могут встретиться трое-четверо, не больше. Если здесь поставить десятка два охранников, это будет уже не битва, а мастерская по уничтожению уттаков.

– Хорошо. – У Пантура отлегло от сердца. – Но Здесь, я смотрю, собралось полсотни наших, и никто не уходит.

– Бой был легким, но все встревожены, – объяснил охранник. – Неизвестно, что будет дальше.

Пантур прошел вперед по туннелю, изгибавшемуся в конце для защиты от света, как и все наружные выходы Лура. Вдруг сидевшие впереди монтарвы вскочили и с кирками в руках выстроились поперек туннеля. Выглянув из-за спин защитников, Пантур увидел появившихся на повороте уттаков, а с ними – сухого, остролицего человека, освещавшего путь ослепительно белым шариком, похожим на тот, который показывал Шемма. Немного не дойдя до ощетинившихся кирками монтарвов, он остановился и заговорил на непонятном здесь языке людей сверху.

Догадавшись, что нападающие хотят вступить в переговоры, Пантур раздвинул охранников, вышел вперед и спросил:

– Кто вы такие и что вам нужно?

На лице человека мелькнуло удовлетворение.

– Вы говорите по-уттакски. Хорошо, – перешел он на

исковерканный монтарвский язык. – Мне не нужно вашего, мне нужно мое, а оно здесь.

– Вы не ответили, кто вы такой.

– Я – Каморра, если это имя вам что-то говорит, – с усмешкой представился остролицый.

– Говорит, – подтвердил Пантур. – У нас нет ничего вашего.

– Если вы обо мне слышали, то, конечно, знаете, что я всегда добиваюсь своего.

– Здесь нет ничего вашего, – повторил ученый. – Я о вас слышал и знаю, что вы добиваетесь, но не своего, а чужого.

– Свое, чужое – пустые слова, – огрызнулся Каморра. – У вас прячется человек с драгоценностью, которая принадлежит мне.

– А если я скажу, что здесь никого нет? – взглянул на него Пантур.

– Я этому не поверю. Я маг и чувствую Красный камень на расстоянии. Он здесь, под землей, поэтому мы и отыскали ваш вход.

– Этот человек может прятаться в неизвестном нам месте.

– Впустите меня внутрь, – потребовал маг. – Дайте мне проводника, и я сам отыщу его.

– В наш город нельзя войти без разрешения владычицы, – сказал ему Пантур. – Я могу передать ей вашу просьбу, но сейчас у нас время сна, великая не станет со мной разговаривать.

– Я не прошу! – Лицо мага перекосилось. – Я требую, чтобы мне выдали Красный камень, или я превращу ваши поганые норы в кучу обломков!

– Если вы разорите наш город, мы разобьем вашу игрушку. Мы не маги, мы ее не пожалеем.

Пантур сам удивился действию своих слов, потому что маг смешался и продолжил разговор уже без прежней напористости.

– Я могу выкупить камень, – предложил он. – Деньгами, вещами… чем угодно. Пусть твоя правительница назначит цену.

– Но камень не наш, – напомнил Пантур. – Он находится у нашего гостя.

– Что вам этот человек? – поморщился Каморра. – Выдайте его мне вместе с камнем, и все.

– Такие дела у нас решает владычица. Если вы придете сюда через сутки, я скажу вам, соблаговолила ли она дать ответ, и какой.

– Сутки? Ладно. Но ты объясни ей получше, что мне нужен ответ не какой-нибудь. Если она не понимает, с кем договаривается, пусть расспросит хорошенько того, кто с вами. Завтра в это же время я приду за ответом.

Каморра резко повернулся и пошел к выходу, уттаки

последовали за своим вождем.

– Усильте охрану, – обратился Пантур к защитникам. – Я доложу великой о его притязаниях.

Он отправился к владычице, не дожидаясь начала монтарвского дня.

Хэтоб не спала, она заметно обрадовалась приходу ученого.

– Люди сверху втянули нас в неприятности, – сказала она, выслушав его рассказ.

– Они не виноваты, великая. Они хотели помочь нам.

– Я понимаю, поэтому не выдам их Каморре. Но они должны немедленно уйти из Лура.

– А Желтый камень?

Хэтоб ответила не сразу. Чувствовалось, что она принуждает себя принять нежелательное, но необходимое решение.

– Они правы, для нас опасно владеть им, – со вздохом признала она.

– Если этот человек видит сквозь землю Красный камень, он может увидеть и Желтый. Пусть тогда лучше камень достанется нашим друзьям, а не врагам.

Она ушла в соседнюю комнату и вскоре вернулась, держа в руках корону с сияющим в ней Желтым камнем.

– Возьми.

Пантур разогнул пальцами удерживающие камень зажимы и спрятал его в карман балахона. Вернув корону владычице, он пошел будить гостей. Когда они проснулись, ученый собрал всех пятерых у себя в комнате.

– Я разбудил вас потому, что в Лур рвется Каморра с уттаками, – сказал он, не тратя времени на вступление. – Он требует выдать ему Красный камень, а заодно и вас. Владычица была так великодушна, что отказалась выполнить его требование, но вы должны немедленно покинуть город.

Слова Пантура произвели на путников впечатление грома с ясного неба. Шемма широко распахнул глаза и рот, Тревинер изумленно присвистнул.

– Но как он мог узнать, что мы здесь?! – поразился Альмарен.

– Он говорит, что чувствует Красный камень под землей.

– Невероятно! На таком расстоянии! – В голосе мага прозвучало невольное восхищение. – А что он говорит о Желтом камне?

– Ничего. Но владычица побоялась оставлять этот камень у себя. – Пантур вытащил Желтый камень. – Возьмите его.

Он протянул камень магине и опустил в ее подставленные ладони.

– Я сбегаю за рогом василиска?! – предложил Витри и, не

дожидаясь согласия, умчался из комнаты. Альмарен достал хранившийся у него Красный камень и взял в ладони, сложив их точно так же, как Лила. Остальные обступили их, глядя на два огня, сияющих рядом, – желтый и красный.

– Их нужно приложить друг к другу, – вспомнила Лила. – Альмарен, не убирай руки, – сказала она магу, отдавшему ей Красный камень. – Боюсь выронить, мои дрожат…

Видимо, эта дрожь была только в ее мыслях, потому что остальные видели только четкое, точное движение, которым она соединила боковые грани обоих камней. Раздался легкий сухой хлопок, и вместо двух огней в ладонях магини запылал один – оранжевый, похожий на большое яблоко с вырезанной на пробу долькой.

– Здесь должен быть Синий камень, – указал Альмарен на пустое место. – Интересно, каким станет цвет шара, когда мы вложим его сюда?

– Он будет белым, – ответила магиня. – И он соберет силу всех алтарей на Белом. Вся магия острова окажется в руках того, кто придет с этим шаром на Белый алтарь. Ты представляешь, какая это мощь, Альмарен?!

Альмарен молча кивнул. Витри, вернувшись в комнату, отдал Пантуру рог василиска и присоединился к созерцанию диковинного зрелища.

– Возьми оба камня себе, Альмарен, – попросила магиня.

– А их можно разъединить? Этот шар неудобно держать в кармане. – Альмарен скользящим движением расцепил камни, завернул каждый по отдельности и положил в карман оттопырившейся куртки.

– Собирайтесь скорее в путь, – поторопил их ученый.

– Мы что, пойдем натощак?! – ужаснулся Шемма, вызвав у остальных невольную вспышку смеха.

Несмотря на общее веселье, табунщик был прав. Нужно было позаботиться и о еде, и о дорожных припасах.

– В нашем распоряжении еще почти сутки, – вспомнил Пантур. – Как только вы позавтракаете и соберетесь в дорогу, я провожу вас отсюда тем же туннелем, которым вы пришли.

За завтраком путники почувствовали, что монтарвы уже знают о случившемся. Обычная в обеденном зале тишина сменилась беспокойным гудением – жители общины обсуждали тревожную новость. Далеко не все бросаемые на пришельцев взгляды были дружелюбными – преобладали опасливо-холодные, а порой и откровенно враждебные. После завтрака Пантур принес из кухни немного провизии на дорогу и поторопил друзей со сборами. Когда они вышли в путь, в центральном зале их

остановил бегущий навстречу пожилой монтарв.

– Хорошо, что я успел вас застать, – сказал он Пантуру, переводя дух.

– Что случилось, Масур? – спросил его ученый. – Дануру кто-то сообщил, что владычица не хочет выдавать чужаков этому главарю уттаков. – Глава Пятой общины говорил так быстро, что Витри едва успевал переводить его слова. – Как тебе известно, у нас не все одобряют решение великой впустить сюда людей сверху, поэтому у ее бывшего советника много сторонников. Сейчас они разогнали стражников и перекрыли все наружные выходы, чтобы схватить их. – Он кивнул на магов. – Кроме того, я узнал, что Данур послал кого-то из своих приверженцев наверх для переговоров с нападающими. Он хочет заменить владычицу своей дочерью и ищет у них поддержки в обмен на Красный камень.

– Какой предатель! – возмутился Пантур. – Сейчас они идут сюда, чтобы схватить вас всех, – закончил сообщение Масур. – Бегите, но окольными путями, чтобы не наскочить на них.

– Но куда, если все выходы перекрыты?! – Масур беспомощно развел руками.

– Попробуйте спрятаться в городе, пока все не утихнет, – посоветовал он.

– Неужели среди нас не осталось никого, кто поддерживал бы великую? – спросил его Пантур.

– Есть, и немало, но они разрознены, а у ее противников есть вождь… – Масур было задумался, но тут же встрепенулся:

– Я знаю, к кому мне обратиться, к главе Восьмой общины!

Он ушел так же поспешно, как и появился.

– И я, кажется, знаю, как вам выбраться из города, – сказал ученый путникам. – Есть один выход, тот самый, который отыскал Тревинер, но он ведет не наверх, а в Фаур. Я дам вам планы подземных путей до Фаура, но внутри Фаура вам придется самим искать путь наружу.

– Отыщем! – обрадовался Тревинер. – Давай эти планы мне!

Они вернулись к Пантуру, где ученый достал с верхней полки длинный свиток бумаги и развернул на столе. По бумаге вилась сеть переплетающихся линий, ведущих с одного конца свитка на другой. Взяв чернила, ученый сделал на листе несколько отметок.

– Здесь Лур, не перепутай, – указал он Тревинеру. – Вот крестик – это обнаруженный тобой ход. С другой стороны листа – выходы в Фаур. У нас нет времени, в остальном постарайся разобраться сам, – он вручил охотнику свиток, – а до входа я вас провожу.

Когда они вышли в коридор, он вдруг сделал

предостерегающий жест и прислушался. Из центрального зала доносились крики и шум, как от скопившейся там взбудораженной толпы. Ученый догадался, в чем дело.

– Это за вами, – бросил он путникам и поспешил в другой конец коридора, жестом увлекая их за собой. – Сюда, здесь есть другой путь!

Витри оглянулся и увидел толпу монтарвов, показавшуюся в конце коридора и с криками «Вон они!» устремившуюся за ними.

– Нас увидели, за нами гонятся! – крикнул он Пантуру.

– Бежим скорее! – выдохнул в ответ ученый. Они помчались по коридорам Лура вслед за Пантуром. Расстояние между ними и погоней понемногу увеличивалось, так как монтарвы были плохими бегунами. Даже тяжелый на ногу Шемма бегал лучше любого монтарва, поэтому преследуемые были ограничены лишь скоростью бега Пантура.

Путь к выходу в Фаур, выбранный ученым, оказался короче того, которым несколько дней назад проходили Шемма и Тревинер. Вскоре путники вбежали в туннель с многочисленными ответвлениями и свернули в одно из них, ничем не отличающееся от остальных. Но все совпадало – и засыпанный проход, и лаз в его верхней части, образованный слежавшейся породой.

– Туда! – задыхаясь от бега, указал Пантур. – Прощайте!

– До встречи, Пантур! – ответила за всех Лила.

– Снимайте мешки – и за мной! – скомандовал Тревинер и первым протиснулся в узкую дыру, волоча за собой дорожный мешок. За ним полезли и остальные. Когда в отверстии скрылся Альмарен, замыкавший группу, ученый получил наконец возможность отдышаться.

Но не успел он воспользоваться этой возможностью, как в тупик вбежали преследователи. Двое крепко вцепились в Пантура, не отпуская его, хотя тот и не думал вырываться.

– Где чужаки?! – налетел на него предводитель. Пантур молча пожал плечами.

– Туда они ушли, туда! – закричал один из преследователей, указывая на дыру.

Все, кроме двоих, державших Пантура, кинулись к отверстию, но оно оказалось слишком узким для ширококостных, широкогрудых монтарвов.

– Без кирки здесь не пролезешь, – заключил старший. – Скажем Дануру, пусть сам решает, что делать. А этого – с собой!

Пантура повели обратно, но не в Первую общину, а в Седьмую – родную общину Данура. Ученого подвели к двери, где уже стояла стража, и впихнули внутрь. Оказавшись посреди комнаты, Пантур увидел сидевшего в ней пленника или, точнее,

пленницу. Это была Хэтоб.

Данур командовал своими сторонниками, вполне проявляя те качества, за которые он когда-то был выбран советником. Он беспрепятственно занял наружные выходы и взял под стражу владычицу. Ее сторонники, никогда не знавшие ничего подобного, почти не сопротивлялись. Представив монтарвам допуск чужаков в Лур как ошибку Хэтоб, повлекшую нападение уттаков, он все-таки затеял переговоры с Каморрой. Нельзя сказать, чтобы хозяин уттаков нравился Дануру больше, чем гостившие в Луре маги – ему были одинаково противны все люди сверху, – но бывший советник надеялся отыскать возможность избавиться и от тех, и от других, а заодно вернуть себе власть и влияние в Луре.

Так как Данур не мог рассчитывать на прежнее положение при Хэтоб, у него естественным образом возникла мысль поставить владычицей другую женщину – свою дочь – и стать при ней советником, то есть фактическим правителем монтарвов. Поэтому он приказал отыскать и доставить корону владычицы. Ему принесли золотой обруч, найденный в стенной нише спальни Хэтоб, но символа власти, Желтого камня, в короне не оказалось.

– Где символ власти? – нахмурился Данур, откладывая в сторону бесполезный обруч.

– Мы не знаем, в короне не было камня.

– Допросите Хэтоб, обыщите ее! Камень должен найтись!

Эта неудача не обескуражила Данура. Он не сомневался, что символ власти спрятан недалеко и вскоре найдется. Но, когда другая группа монтарвов, посланная схватить чужаков, сообщила, что тем удалось скрыться в подземных переходах Фаура, Данур занервничал. Близился вечер, время встречи с Каморрой, на которой было договорено выдать чужаков магу.

Каморру, разбуженного среди ночи посланниками Данура, позабавило, какие горячие события были вызваны его появлением в подземном городе. Почуяв собственную выгоду в чужой склоке, он охотно принял сторону Данура и согласился в случае надобности поддержать претендента на местную власть. Он легко договорился о выдаче Красного камня и назначил встречу на стыке людского утра и монтарвского вечера.

Когда Каморра явился на встречу, переворот уже состоялся. Зачинщик переворота дожидался его у входа.

– Это вы посылали гонцов? – уточнил Каморра. – Вы – тот самый Данур?

– Я. – Но монтарв не торопился начинать беседу. Создавалось впечатление, будто он не знает, что сказать.

– Ваши люди уверяли меня, что вы отдадите мне Красный

камень, – перешел к делу маг. – В обмен я пообещал свое расположение и помощь. Я пришел, как договаривались, но не чувствую здесь Красного камня. Значит, вы хотите, чтобы сначала я что-то для вас сделал. Что именно?

– Дело в том… – замялся Данур. – Дело в том… Они сбежали.

– Если вы мне врете, то знайте, что мне еще никто не врал безнаказанно! – вспылил маг.

– Поверьте, меня это огорчило не меньше. Их выдачей я хотел закрепить наш союз, поэтому приложил все усилия, чтобы схватить их. Я перекрыл все выходы, послал за ними людей, но…

– Куда они сбежали?! В каком направлении?! Я догоню их поверху.

– Они ушли не наверх, а под землю, – признался Данур.

– Так догоните их!

– Туда ведет лаз, слишком узкий для нас, монтарвов. Потребуется двое суток, чтобы раскопать его. – Каморра окинул оценивающим взглядом широкие, кряжистые фигуры подземных людей.

– Вот что, Данур! – сказал он. – Я думаю, мои уттаки пролезут в эту щель. Проводи нас туда, а об остальном я позабочусь сам.

Данур помолчал, взвешивая предложение мага.

– Да, – согласился наконец он. – Мы проведем вас в пещеры Фаура.

Но – об остальном вы позаботитесь сами.

– Я же сказал! – с обычной резкостью бросил маг. – Сейчас я буду здесь с уттаками.

Данур остался у входа дожидаться возвращения Каморры. Тот не заставил себя ждать, спеша пуститься в погоню. Данур повел мага по коридорам, за ними следовали два десятка уцелевших после стычки уттаков, наполняя лурские коридоры вонью и приглушенным галдением. Дойдя до полузасыпанного тупика, Данур указал магу на лаз в верхней части насыпи.

– Они ушли в эту дыру.

– Эй вы, все! Живо, туда! – прикрикнул маг на уттаков. Дикари один за другим полезли в темнеющее отверстие. Каморра бросил взгляд на стоящих неподвижно монтарвов, кивнул Дануру и полез вслед за уттаками.

Данур постоял немного, прислушиваясь к звукам, доносившимся из лаза, затем повернулся к помощникам, сопровождавшим уттаков.

– А теперь – заваливайте проход! – скомандовал он. – За кирки и заваливайте, чтобы и всеед не пролез!

***

Хэтоб сидела, облокотившись на стол и оперев голову на подставленные кулаки. При виде Пантура она встала и пошла ему навстречу.

– Пантур, и тебя схватили! Что же это делается, Пантур?!

Голос владычицы дрожал от обиды и возмущения.

Пантур смущенно встретил ее ищущий, спрашивающий взгляд.

– Данур предал вас, великая, – сказал он. – Тайком от вас он вступил в переговоры с Каморрой, и все из-за власти. Ради власти он хочет выдать наших гостей Каморре, и ради власти он хочет поставить владычицей свою дочь.

– Так вот для чего они требовали Желтый камень! – возмутилась Хэтоб. – Они обыскивали меня, Пантур, какое оскорбление! Если они найдут, символ власти, совет может принять это беззаконное решение.

– Его не найдут, – успокоил ее Пантур. – Я отдал камень магам, а они успели скрыться в пещерах Фаура. Все планы пещер у них, других в городе нет.

– Значит, сторонники Данура не смогут короновать его дочь, – уже спокойнее сказала Хэтоб, – Но как же я?

– Я обменял Желтый камень на рог василиска, как договаривались, – шепнул Пантур, наклонясь самому ее уху.

– Он у тебя?! – вскинулась Хэтоб.

– Тише. – Пантур с опаской глянул на дверь.

Хэтоб понимающе кивнула.

– Что же теперь будет? – спросила она.

– Подождем. Я надеюсь на Масура, он что-то придумал.

– Разве в Луре еще есть мои сторонники?

– Конечно. Многие верны вам и любят вас, но растерялись от неожиданности.

– Я ведь хотела как лучше, Пантур, я заботилась не о себе, а о городе, – печально сказала Хэтоб. – К шару вернулась сила, плантации будут расти и питать Лур. Что же я сделала не так?

– Все было правильно, великая, – ответил ей Пантур. – Трудное время, трудный выбор. Не все в городе были готовы принять его.

Хэтоб молча присела на лежанку. В коридоре стояла ничем не нарушаемая тишина. Время обеда давно прошло, но никто не появлялся, заставляя обоих думать, что все о них забыли. Пантур подошел к двери и потребовал обед для владычицы. Еду принесли, и вновь потянулось ожидание.

Поздним вечером Пантур уговорил владычицу отдохнуть. Она послушно улеглась на лежанке, но самому ученому не спалось. Он остался сидеть у стола, бесцельно перебирая догадки и возможные варианты происходящих в Луре событий.

Отдаленный звук заставил его встать и прислушаться.

– Что такое, Пантур? – спросила Хэтоб, только притворявшаяся спящей.

– Сюда идут, – сказал ученый. – Я слышу голоса, много голосов.

Хэтоб поднялась с лежанки и подошла к Пантуру, слушая вместе с ним приближающиеся звуки. Шум остановился у двери и затих. В комнату вошел мужчина, но не Данур, как ожидали пленники.

– Лангур! – одновременно воскликнули оба.

– Да, великая. – Глава Восьмой общины почтительно склонился перед владычицей. – Предатель схвачен, а вы свободны.

– Я боюсь поверить этому. – В голосе Хэтоб слышались радость и облегчение.

– Не бойтесь, великая. – Лангур ободряюще прикоснулся к ее плечу и в точности повторил недавние слова Пантура:

– Вы среди тех, кто верен вам… и любит вас.

XIV

Во дворце правителя Цитиона было тихо и пусто с тех пор, как городская армия выступила навстречу нашествию с севера. Просторная площадь перед дворцом казалась пустынной по сравнению с суетливыми предотъездными неделями, когда на ней то и дело толпились то конники, то лучники. Несмотря на полуденную жару, окна дворцового здания были закрыты, лишь в левом крыле второго этажа маячило одинокое окно, распахнутое настежь, а в нем виднелась фигурка девочки-подростка в белом платье. Принцесса Цитиона сидела на подоконнике перед раскрытой книгой о магии, устремляясь отсутствующим взглядом поверх площади, где изредка мелькала служанка с ведром или корзиной, за мраморные столбы дворцовой ограды, за городские постройки, виднеющиеся за оградой.

Фирелла не могла объяснить себе, почему у нее так тяжело на сердце. Нельзя было сказать, что сегодняшний день чем-то отличался от предыдущих. Напротив, он был точно таким же, как обычно, – жарким, душным и томительно длинным. Завтрак накрывали, как и при Норрене, в малой обеденной комнате, но за полтора месяца, прошедшие со дня его отъезда, для всех трех женщин, садившихся за один стол с правителем – его жены Кандеи, самой Фиреллы и ее воспитательницы, – стало привычным видеть пустующее кресло во главе стола.

Алитея, воспитательница Фиреллы, была дружна с матерью девочки.

Она умела держаться чинно и важно, как почтенная мать семейства, обладала безупречными манерами и одевалась с безукоризненным вкусом, чем и расположила к себе жену правителя, выше всего ставившую умение соответствовать придворному этикету. Кроме того, обеих женщин роднила общая слабость к красивой одежде. Они могли целыми днями перебирать рисунки портных, отыскивая наилучшую модель праздничного платья, и рассуждать о том, какие украшения соответствуют той или иной ткани, покрою или цвету. Алитея разъезжала по модным лавкам, чего не позволяла себе супруга правителя Цитиона, верная во многом ею же выдуманному дворцовому этикету. Вернувшись с покупками и новостями, воспитательница Фиреллы надолго уединялась в комнате с ее матерью, а девочка, предоставленная самой себе, получала возможность провести время по собственному усмотрению.

Вот и сегодня Алитея, поручив принцессе заняться вышиванием, надела свою любимую бежевую с розовой лентой

накидку и укатила в карете прогуляться по цитионским лавкам, на радость торговцам женскими тряпками и побрякушками. Фирелла послушно села за станок для вышивания, где полгода пылилось полотно с наполовину вышитым пейзажем Тиона, но стоило воспитательнице выехать за дворцовые ворота, как девочка бросила работу и проскользнула в библиотеку.

Фирелла любила библиотеку, так не похожую на другие залы дворца, тихую и длинную, пропитанную ароматами древних знаний. Едва научившись читать, она приходила сюда, чтобы просматривать книги, рассказывающие о жизни и военных подвигах ее доблестных предков. Фирелла листала желтые, слипшиеся от времени страницы, рассматривала картинки, пропускала в тексте непонятные места, зато подолгу, вдумчиво перечитывала другие, доступные ее детскому пониманию.

Перечисления заслуг дедов и прадедов заставляли девочку задумываться об отце, которому также было суждено остаться для будущего на страницах летописей, поэтому у нее создалась привычка сравнивать отца с другими наследниками древних родов. Сравнение всегда оказывалось в пользу Норрена, и постепенно у девочки сложилось убеждение, что самый достойный из них – самый мужественный, храбрый, проницательный, мудрый, красивый – ее отец.

Она восхищалась отцом, ловила и хранила в памяти каждое его слово и движение, угадывала его склонности, настроения и желания, чувствовала его отношение к появляющимся около него людям. Отец тоже ее любил, и Фирелла это знала, потому что он гладил ее по волосам и целовал в лоб, провожая ко сну, но он почти не разговаривал с ней, разделяя общее убеждение, что воспитание девочки – это забота матери. Оставаясь в одиночестве, она мысленно беседовала с отцом, задавала ему вопросы и придумывала за него ответы, делилась с ним мыслями и наблюдениями, рассказывала о своих поступках и выслушивала его предполагаемое одобрение или порицание.

До недавнего времени девочка не знала другого собеседника. Но летом во дворцовой библиотеке появился маг, тот самый, встреченный в лавке, который подарил ей сонного духа. Подслушав у отца, что маг ищет какие-то важные предметы, принцесса пришла в библиотеку, чтобы предложить помощь, а больше для того, чтобы познакомиться поближе с этими делами взрослых, с этой магией, посылающей ей сказочные сны, и особенно с ним, таким юным и уже настоящим магом, похожим на сказочного волшебника.

Та магия, о которой рассказывал Альмарен, была живой и понятной.

Если бы Фирелле вздумалось изучать ее по книгам, девочка, наверное, забросила бы их, устрашенная сложными и путаными текстами. Объяснения молодого мага помогли ей почувствовать сущность невидимых сил, не искаженную корявыми попытками втиснуть ее в слова. Альмарен дополнял слова взглядом, голосом и жестом, вкладывая в них собственное понимание магии, и они приобретали новый смысл, получали единственную, точную интонацию.

С его отъездом девочка почувствовала пустоту, которую не мог заполнить воображаемый отец. Она взялась за книги по магии, пытаясь совместить их сухой и систематичный язык с рассказами молодого мага и отыскать за рядами строчек невидимую жизнь невидимых сил, которую он так умел передать одним взмахом руки или движением бровей. При каждой возможности Фирелла приходила в библиотеку, усаживалась с книгой на подоконник, тот самый, где любил сидеть Альмарен, ставила рядом сонного духа и прилежно вчитывалась в бесконечные ряды строчек.

Когда чтение утомляло Фиреллу, ее мысли переходили с магии на мага, на воспоминания о том, как он сидел здесь, на подоконнике, как поправлял длинные волосы, мешавшие читать, как щурился и улыбался навстречу бьющему в окно солнцу. В ее незабывающей памяти отпечаталась и его мимолетная, рассеянная улыбка, чем-то сходная с рябью на воде, вызванной дыханием случайного ветра, и бессознательная бережность, с которой он брал в руки книгу или переворачивал страницы, и привычка в задумчивости опускать ресницы, а затем вскидывать их, радуясь найденному ответу. Альмарен занял место ее отца, став постоянным собеседником ее мысленных разговоров, но девочка никогда не пыталась сравнивать его ни с кем. Видимо, не всегда нужно, чтобы он был самым-самым, порой достаточно – чтобы просто был.

Сегодня Фирелла не могла заставить себя читать книгу. Она попробовала мысленно поговорить с Альмареном, но ощущение приближающейся угрозы мешало перебирать обыденные события. Поняв, что отогнать тревожное предчувствие не удастся, девочка сосредоточилась на нем, надеясь догадаться, чем оно вызвано. Ее взгляд задержался на сонном духе, подарке Альмарена.

– Что случилось, маленький? – спросила Фирелла. – Ты что-нибудь знаешь?

Дух молчал. Его свесившаяся набок голова и сложенные на брюшке ручки всегда казались Фирелле многозначительными, будто бы говорящими, что эфилемовое создание знает важные тайны, но не считает, нужным выдавать их.

***

– Молчишь… – упрекнула его девочка. – Видишь, что я беспокоюсь, а молчишь…

Фирелла вспомнила тревожные дни, наступившие после известия о тяжелом ранении отца. Во дворце со страхом ждали следующего гонца, сама она плакала ночами в подушку, моля судьбу сохранить отцу жизнь. Судьба услышала ее – каждая новая весть была благоприятнее предыдущей, а последний гонец сообщил, что Норрен оправился от раны и вскоре вновь примет руководство обороной.

Фирелла подумала об отце, прислушалась к ощущениям, но тревога не усилилась.

Нет, причина была не в этом.

«Что случилось, Альмарен?! – позвала она. – Я чувствую, что приближается беда».

Альмарен, конечно, тоже не ответил. Девочка представляла его себе так, как привыкла видеть – сидящим напротив на подоконнике и улыбающимся такой удивительной, ласковой улыбкой. На этот раз она не увидела улыбки мага. Лицо Альмарена, возникшее в ее воображении, было серьезным и строгим – Фирелла подумала, что в действительности оно не бывало таким. Тревога, застывшая у нее внутри, всколыхнулась волной.

Со дня внезапного отъезда Альмарена принцесса ничего не слышала о том, куда и зачем он уехал. Отец ни разу не обмолвился ни о маге, ни о его старшем спутнике, а девочка, покорная требованию матери не соваться в дела взрослых, не смела спросить его о своем волшебнике. Сегодня она чувствовала себя способной нарушить строгий запрет, но отец был далеко в Босхане.

На дворцовую площадь въехала карета. Слуга распахнул дверцу и подал руку выходящей оттуда Алитее. Воспитательница направилась к парадной лестнице, за ней – слуга со свертками. Проводив ее взглядом, Фирелла прикрыла окно и поспешила вернуться в свою комнату. Вскоре к ней заглянула Алитея и, убедившись, что воспитанница сидит за вышиванием, ушла к ее матери показывать покупки. Она появилась вновь только перед обедом, чтобы отвести Фиреллу к столу.

Обед прошел в молчании. Мать Фиреллы, считавшая, что при

слугах, а значит почти всегда, нужно вести себя согласно положению, воплощала собой достоинство – белокурые волосы уложены в искусную прическу, где каждый локон на месте, красивое правильное лицо спокойно, без малейших следов чувств или волнений, холеные руки распоряжаются столовым прибором изящно и несуетливо.

Фирелла вспомнила, что при отце за столом не было такой натянутости – он держался проще матери, снисходительно-ласково перенося ее высокородные причуды, и не позволял ей воспитывать себя, а Кандея была достаточно умна, чтобы не упорствовать в этом.

– У девочки плохой аппетит, – заметила мать Алитее, вставая из-за стола. – Ей следует чаще бывать на воздухе.

Алитея немедленно распорядилась заложить карету, чтобы отвезти принцессу на прогулку. Фирелла надела накидку, вышла с воспитательницей на площадь и села в двухместную прогулочную карету, запряженную парой белых лошадей. Мальчик-конюх захлопнул дверцу, и карета выехала в город.

– Скоро ты будешь взрослой девушкой, Фирелла, – заговорила Алитея, решив, что нужно заняться воспитанием принцессы. – Для девушки важен цвет лица, а плохое питание портит его. Ты должна запомнить это наизусть.

– Как правила сложения?

– Еще тверже. Кто упрекнет девушку, если она делает ошибки в сложении? А цвет лица… от него зависит твоя судьба.

– Судьба?

– Да. Внимание мужчин, чувства твоего будущего мужа. Ты больше не будешь огорчать мать плохим аппетитом?

– Я постараюсь.

Алитея, удовлетворенная ответом воспитанницы, замолчала и отвернулась в окно. Карета проехала по центральным улицам Цитиона, направляясь за город, на берег Тиона. Там Алитея с девочкой вышли из кареты и стали чинно прогуливаться вдоль воды. Фирелла послушно, как кукла, шла рядом с воспитательницей, бдительно следившей за ее осанкой и походкой, и неотвязно думала о том, что за беда могла приключиться с Альмареном. Сегодняшний день, определенно, был длиннее, много длиннее, чем предыдущие.

Лишь после ужина, придя к себе в комнату, Фирелла сняла маску послушной девочки. Горько вздохнув, она поставила перед собой сонного духа, провела пальцем по эфилемовому загривку и зашептала:

– Дух, дух, не нужна мне сегодня сказка, слышишь? Расскажи мне о нем, где он, что с ним, что ему угрожает? Я очень прошу

тебя, расскажи, миленький!

Высказанная просьба успокоила ее. Фирелла торопливо улеглась спать, надеясь увидеть во сне что-нибудь о своем волшебнике.

Сон начался с ощущения глубокой и темной пещеры, окружающей Фиреллу. Тьма внезапно наполнилась желтым блеском, и девочка увидела перед собой сверкающий желтый кристалл, напоминавший треть яблока. Кристалл лежал на тряпице, бережно развернутой чьими-то руками. Те же руки положили рядом другой сверток и откинули края ткани, на которой засверкал еще один кристалл – красный.

Фирелла узнала эти руки, которые не раз видела во дворцовой библиотеке перелистывавшими страницы древних книг. Она перевела взгляд выше и увидела лицо Альмарена – похудевшее и посерьезневшее, по-мальчишески пухлые губы сжаты в непривычно строгую линию. Кристаллы лежали перед ним на широком плоском камне, вокруг которого сидели люди. Фирелла вгляделась в их лица, выступавшие из темноты, – одно узкое и горбоносое, с озорной искрой в прищуренных глазах, другое белое и неприметное, спокойно-терпеливое, третье круглое и упитанное, жадным взглядом наблюдавшее за чем-то происходившим на камне. Фирелла проследила направление его взгляда и увидела руки четвертого, разламывавшие лепешки, затем лицо – маленький круглый подбородок, глубокие синие глаза. Оно, несомненно, было лицом женщины.

Закончив делить лепешки, женщина раздала их спутникам. Пальцы Альмарена, протянутые за куском, прикоснулись к ее пальцам. Взгляд девочки мгновенно перескочил на его лицо – маг смотрел на эту женщину так, что сердце Фиреллы застыло от накатившего холода. Она попыталась вырваться из сна, но видение цепко держало ее, оставляя в пещере, за одним столом с неожиданной компанией.

Все ели молча, запивая ужин водой из стоявшего рядом котелка.

Впрочем, это мог быть завтрак или обед – здесь, в темноте пещеры, ничего нельзя было сказать о времени суток. Круглолицый первым дожевал лепешку, затем потыкал пальцем в камень, собирая и слизывая крошки.

– Горяченького бы попить… – завздыхал он.

– Рано жалуешься, Шемма, – сказал ему сосед. – Второй раз едим без горячего, а тебе уже и не терпится.

– Будешь тут жаловаться! – возразил круглолицый. – С тех пор, как уехали из Лоана, и началось – терпи то, терпи это! Только бы домой вернуться, а там меня больше ни на шаг из села

не выманишь. Долго нам еще ходить по этим пещерам?

– Пантур говорил, что до Фаура неделя пути, – отозвался с другого конца камня горбоносый. – Но мы можем проплутать и больше – здесь такая путаница! Да и там, в Фауре, нужно еще отыскать Белый алтарь.

– Там мы быстро найдем его по излучению, – сказал Альмарен. – Покажи план, Тревинер.

Горбоносый вытащил и развернул на камне помятый бумажный свиток.

Альмарен поднял повыше желтый кристалл, чтобы осветить поверхность свитка. Все склонились над бумагой. Фирелла увидела на ней сеть переплетающихся линий, соединяющую бесформенные островки темных пятен.

– Здесь уже попалось кое-что непонятное. – Тревинер ткнул пальцем в темное пятно на краю листа. – Вот этот зал нам не встретился, а на плане он есть. И наоборот – сюда идет лишний ход.

– Ты уверен, что мы проходили именно здесь? – спросила его женщина.

– Тут трудно перепутать. Мы вышли вот отсюда, а потом – все время прямо. Чего вы хотите – триста лет прошло!

Альмарен завернул оба камня и убрал за пазуху.

Фирелла осталась в полной темноте, непроизвольно всматриваясь в пространство перед собой. Ей казалось, что она плывет или, скорее, летит сквозь тьму, хотя ее взгляд не замечал ничего говорящего о движении. Вдруг впереди возникла цепь белых точек, напоминавшая жемчужное ожерелье, парящее во тьме.

Приблизившись, Фирелла увидела, что точки оказались ярко-белыми эфилемовыми шарами, похожими на светлячки Феникса. Светлячки находились в руках у отвратительных существ, скорее зверей, чем людей – уродливых, корявых, низкорослых, – цепочкой бредущих по подземному ходу. Первым шел костлявый остролицый человек, подгонявший своих жутких спутников окриками:

– Пошевеливайтесь, лодыри! Они не ушли далеко!

Видение исказилось, свернулось и исчезло. Фирелла проснулась от нестерпимого ужаса, вызванного видом зверских морд и ясным ощущением того, что эти морды гонятся за Альмареном и его спутниками. Сев в кровати, девочка оглянулась вокруг, чтобы убедиться, что она в собственной комнате, а не в пещере со звероподобными человеческими существами.

За окном едва светало. Фирелла, слишком взволнованная, чтобы вновь заснуть после привидевшегося кошмара, встала с

кровати и подошла к окну, выглянула оттуда на пустынный, призрачный в предутренних сумерках двор. Она чувствовала крепнущую убежденность, что увиденное во сне было не сном, а явью.

Вспомнив про сонного духа, девочка отыскала игрушку на столике у изголовья.

– Что ты мне показал, маленький? – спросила она духа. Дух молчал.

– Ему угрожает опасность, да? – спросила она вновь. – За ним гонятся эти ужасные?… – Дух молчал.

– Что я должна делать, маленький? Пойми, я не могу знать про это и ничего не сделать!

Эфилемовая игрушка оставалась бессловесной. Фирелла обхватила голову ладонями, пытаясь догадаться, что ей предпринять, чтобы помочь Альмарену. Нужно было немедленно действовать, немедленно сообщить, позвать на помощь, но кого? Отец далеко, мать и Алитея не прислушаются к ней, а уложат в постель и будут поить лекарствами. Фирелда торопливо перебирала знакомые имена, отбрасывая одно за другим, и уже совсем отчаялась, когда необходимое имя само выплыло в сознании.

– Равенор! – произнесла она вслух. Имя, названное когда-то Альмареном, запавшее в память как имя великого, ни с кем не сравнимого мага, внушило Фирелле надежду. Конечно же Равенор – тот самый человек, который поверит навеянному магической игрушкой видению, который сумеет отвести беду.

Девочка легла, укрылась одеялом, затем вновь встала к окну, не зная, как скоротать время до утра. Ее мысли занимало одно – как отыскать Равенора, о котором ей было известно только то, что он живет где-то в Цитионе, и кого расспросить о нем, не вызвав ответного недоумения.

Во время завтрака она старалась хорошо есть, чтобы вновь не привлечь внимания матери и воспитательницы, а затем попросила у Алитеи разрешения погулять во дворцовом парке. Та, довольная действием свежего воздуха на аппетит девочки, не стала возражать и отпустила ее в парк, а сама ушла собираться в свою обычную поездку по городским лавкам.

Фирелла отыскала в безделушках золотую монету, подаренную отцом, спрятала ее в кармашек платья на хранение лежавшему там сонному духу и вышла в парк. Не задерживаясь среди подстриженных деревьев, скамеечек и полинявших цветочных клумб, она дошла до западной дворцовой ограды, у которой размещались конюшни правителя. Здесь было так же пустынно, как и на дворцовой площади, – почти все люди и

лошади отправились в Босхан с армией. Девочка следила из-за кустов, пока к конюшне не вернулся мальчик-конюх, провожавший Алитею в поездку.

Выйдя из укрытия, она окликнула его:

– Эй, мальчик!

Тот был ровесником Фиреллы и, разумеется, считал себя взрослым.

***

– Что прикажете, ваше высочество? – ответил он деланным басом.

– Принцесса отозвала его за кусты:

– Ты знаешь, кто такой Равенор?

– Еще бы! Кто его не знает!

– А ты знаешь, где он живет?

– Недалеко. От главных дворцовых ворот прямо по улице, потом налево.

– Мне нужно попасть к нему. Проводи меня туда. – Мальчишка вытаращился на принцессу.

– Без спроса?! – Он мигом растерял всю напускную взрослость. – Эх, и влетит!

– Я никому не скажу.

– А увидят?

– Нужно, чтобы нас не увидели.

– Тебе-то что! – фыркнул мальчишка. – Поругают да простят. А меня выпорют да с конюшни выгонят.

Фирелла достала золотую монету:

– Обо мне никто не вспомнит, кроме Алитеи, а она приедет только к обеду. Мы успеем вернуться.

– Тебя стража не выпустит. – Мальчишка колебался, скосив глаз на монету.

– Значит, тебе не суметь вывести меня в город? – с пренебрежительной гримаской сказала Фирелла.

– Мне?! – возмутился мальчишка. – Не суметь?!

– А если можешь, тогда веди.

– И поведу. Только… – Мальчишка запнулся, озабоченно оглядывая Фиреллу. – Переодеться бы тебе надо.

– Во что?

– Сейчас сообразим. Есть у меня здесь одежонка, мне мала. Идем со мной.

Мальчишка привел Фиреллу в конюшню, оставил в пустующем стойле и ушел за одеждой. Вскоре он вернулся с охапкой тряпья:

– Вот возьми. Это моя старая форменная одежда. Куртка, штаны, башмаки, шапка. Волосы спрячь под шапку, а свою одежду зарой туда, в сено. Я подожду на дворе.

Когда переодетая Фирелла вышла из конюшни, он натянул поглубже ее шапку, опустил поля, а затем взял щепоть пыли и запудрил щеки и шею девочки.

– Я не люблю грязи, – сказала она.

– Потерпишь, – буркнул мальчишка. – Идем, да не раскрывай рта, понятно?

Он повел Фиреллу к западным воротам дворцовой ограды. Стражник, узнавший в одном из мальчишек помощника конюха, спросил его:

– Куда ты, малец? А с тобой кто?

– Братишка младший, – не растерялся мальчишка. – Бабка занедужила, вот и пришел за мной.

– Как ты вошел, парень? – спросил Фиреллу стражник. – С ночи сижу, тебя здесь не было.

– Через северные ворота, – ответил за нее мальчишка. – Нам к лекарю надо зайти, отсюда ближе.

– А он чего молчит?

– Застенчивый очень. – Мальчишка потянул Фиреллу за рукав. – Ну, мы пойдем, господин стражник, расхворалась бабка-то… – Он бегом пустился в ближайший переулок, таща Фиреллу за собой. За углом они остановились.

– Видишь, выбрались, – гордо сказал мальчишка. – А говорила – слабо! Давай монету. – Он подбросил на руке золотой кругляш и спустил в карман.

Вскоре они уже шли вдоль стены, высокой и белой, тянущейся по левой стороне улицы. Мальчишка на ходу хлопнул по стене ладонью.

– Равенор живет там, за стеной, – пояснил он Фирелле. – Дворец и сад у него еще лучше, чем у правителя.

– Ты видел его дворец?

– Нет. Туда никого не пускают. У Равенора мало слуг, и все как один молчуны. За деньги, какие он им платит, и я бы молчал.

Они остановились у наглухо закрытых ворот.

– Вход здесь. – Мальчишка указал на дверь рядом с воротами. – Надо постучать вот в это окошко.

Он протянул руку, но Фирелла остановила его:

– Я сама. Жди меня вон там, в переулке. Подождав, пока ее провожатый не уйдет, она постучала в смотровое окошко сначала

тихонько, затем громче.

Окошко открылось.

– Кто там скребется? – спросил суровый, длиннолицый слуга, выглядывая на улицу.

– Я.

– Вижу, что ты. Топай дальше, пока я не вышел да не отвесил тебе пару горячих. Много вас тут, безобразников, шляется!

– Я хочу поговорить с Равенором, – сказала Фирелла.

– С кем?! С его светлостью, сопляк!

– С его светлостью, – подтвердила она.

– Его светлости не о чем разговаривать с уличными мальчишками.

– Это нужно не мне, а другим людям.

– Посыльный, что ли? – догадался слуга. – Говори свое дело и приходи завтра за ответом.

– Но я не смогу прийти завтра… – Глаза Фиреллы наполнились слезами.

– Не хнычь, малыш. – Вид чумазого, испуганного детского личика поколебал суровость привратника. – Что у тебя стряслось, говори.

Одному человеку… моему знакомому магу… грозит опасность…

– Только одному? Сейчас вся Келада в опасности. Ладно, я доложу его светлости… Да прекрати ты ныть… О ком мне докладывать, как зовут твоего мага?

– Альмарен…

И тут случилось небывалое, не совместимое с дотошно соблюдаемыми во дворце правилами – дверь отворилась, и слуга пригласил Фиреллу войти.

Недавнее распоряжение Равенора – немедленно вести к нему каждого, кто упомянет магистра ордена Грифона или его спутника, Альмарена, – помогло девочке добиться встречи со знаменитым магом.

Слуга ввел Фиреллу в просторную комнату, служившую Равенору и кабинетом, и библиотекой. Из-за стола поднялся невысокий и щуплый, уже немолодой человек в черном камзоле с синей и серебряной отделкой. Его выпуклый череп, едва прикрытый жидкими, коротко подрезанными волосами, казалось, нависал над небольшими, остро смотрящими глазами. Фирелла почувствовала, что идущий к ней человек замкнут и сух, даже суров, но не зол, и слезы сами высохли у нее на глазах. Равенора, видимо, уже известили о посетителе, потому что он обратился к сопровождавшему Фиреллу слуге:

– Значит, этот ребенок знает что-то об Альмарене?

Слуга утвердительно кивнул. Равенор подошел к Фирелле вплотную и снял с ее головы шапку. Длинные белокурые волосы девочки посыпались на плечи.

– Так… – протянул Равенор. – Ты кто такая?

– Фирелла, дочь Норрена.

Слегка прищурив глаз, будто целясь из лука, Равенор окинул ее взглядом и отдал распоряжение слуге:

– Умойте ее.

Фирелла растерянно последовала за слугой. Тот отвел ее умываться, затем вернул в кабинет. Равенор вновь оглядел девочку.

– У Норрена красивая дочка, – изрек он. – Я догадываюсь, что ты сбежала из дома. Верно?

С Фиреллой от самой дворцовой калитки разговаривали исключительно жестами, поэтому она лишь кивнула в ответ.

– Смелая девочка. – В голосе Равенора прозвучали одновременно и похвала, и ирония. – И это потому, что твоему знакомому магу грозит опасность?

Фирелла опять кивнула. Равенор проводил ее к столу, усадил в кресло, сам удобно устроился в соседнем кресле.

– Рассказывай, – разрешил он.

Фирелла рассказала ему весь сон, от начала и до конца, а затем высказала уверенность в том, что все виденное происходило на самом деле.

– Твоя игрушка с тобой? – спросил ее Равенор. Фирелла вытащила из кармана сонного духа и подала магу.

– Умная девочка. – На этот раз похвала мага прозвучала без намека на иронию. Он взял фигурку и некоторое время изучал ее, полуприкрыв глаза и осторожно поводя пальцами вокруг хитрой эфилемовой головки.

– Это не простая безделушка, – подвел он итог осмотру. – Я чувствую, что здесь использованы сильные заклинания. Ее делал какой-то мастер из Оккады, и не для развлечения.

– Духа сделал друг Альмарена, Риссарн, – вспомнила Фирелла.

– Не слышал. Должно быть, сильный маг. Этот амулет улучшает способность к ясновидению, а она, кажется, у тебя есть.

Равенор не спешил ни со словами, ни с выводами, не обращая внимания на нетерпеливое волнение девочки.

– Ты сказала, что видела два кристалла – красный и желтый. Опиши их подробнее. – Выслушав Фиреллу, он заговорил сам с собой, размышляя вслух:

– Это они. Значит, Альмарену удалось найти два камня. Тот человек с уттаками, который преследует его, похож на Каморру.

Но почему в пещере?! Вчера я получил новости из Босхана – во вражеских войсках Каморры нет, а есть Госсар. Это тоже сходится. Что такое Фаур, я не знаю, – Равенор потер ладонью лоб, – но она утверждает, что они, идут на Белый алтарь. Из этого следует, что помощь нужно посылать на Белый алтарь. Как это сделать? Нужно ехать к Норрену. Лишних войск у него нет, но для такого дела… – Равенор на мгновение замолчал, затем остановил взгляд на Фирелле:

– Мой слуга доставит тебя домой. Я передам с ним письмо, чтобы тебя не наказывали. А духа оставь мне.

– Я не расстанусь с ним, – отказалась Фирелла. – Это подарок Альмарена.

Равенор нахмурился:

– Этот амулет может мне понадобиться.

– Возьмите меня с собой, – попросила его девочка. – Я знаю, как разговаривать с духом. Меня он слушается, а вас может и не послушаться.

– Верно. Я не ясновидящий. Ты умеешь ездить верхом?

– Умею.

– Мы поедем быстро. Выдержишь?

– Я постараюсь.

– Хороший ответ. – Равенор позвонил в колокольчик. В дверях мгновенно появился слуга. Маг поднялся ему навстречу, от его вялости не осталось и следа.

– Двух слуг, четырех лошадей и все для двухнедельной поездки, немедленно! Ей – другую одежду, она едет со мной, – указал он на Фиреллу. – Выполняйте!

Отправив слугу, маг сел писать письмо матери Фиреллы. Когда он поставил последнюю точку, вернувшийся слуга доложил, что все готово к отъезду.

– Прекрасно, – одобрил Равенор, запечатывая письмо фамильным перстнем. – Это отнесете супруге Норрена, но не сейчас. Ближе к обеду.

Затратив на сборы ровно столько времени, сколько потребовалось для переодевания, Равенор и Фирелла спустились к выходу по парадной лестнице. У ее подножия стояли заседланные лошади, вышколенные, как державшие их слуги. Две из них, завьюченные дорожными мешками, предназначались угам, другие две, в богатой сбруе, ожидали хозяина и его спутницу. Равенор, не прощаясь, вскочил в седло и первым подъехал к воротам, немедленно распахнувшимся перед ним.

Выехав на улицу, Равенор сразу же пустил коня галопом. Поначалу он оглядывался на следовавшую за ним Фиреллу, но затем, убедившись, что девочка хорошо держится в седле,

перестал обращать на нее внимание. До обеда было еще далеко, а они уже скакали вверх по Большому Тионскому тракту, навстречу потоку беженцев, идущему с севера.

XV

Теперь, когда были точно известны и численность войск подошедшего с юга Донкара, и печальный итог событий в Келанге, однозначно выяснилось, что положение складывается наихудшим образом для защитников Босхана. Если раньше еще можно было надеяться на тактические просчеты Каморры, присутствие Госсара исключало малейшую надежду на ошибки врага в бою. Укрепления, возведенные на подступах к городу, вряд ли могли остановить врага, вчетверо превосходящего по численности объединенную армию южных городов Келады. Это вынудило Ромбара собрать военный совет, куда были приглашены все, кто принимал участие в руководстве войсками.

Вечером к шатру Норрена стали собираться правители и военачальники. Сюда подъехала и Десса с сыном, которого с малых лет приучала к нелегким обязанностям правителя, и Донкар, а с ним его взрослые сыновья, двое из которых командовали отрядами, и предводитель тимайской конницы. На совет пришел и сам Норрен, которому лекарь на днях разрешил вставать с постели.

Правитель Цитиона держался бодро, хотя его бескровное лицо и запавшие щеки свидетельствовали о недавней горячке. Когда все приглашенные собрались и расселись под навесом, установленным у шатра Норрена, Ромбар поднялся с места и в нескольких словах обрисовал положение.

– Мы уже рассматривали осаду Босхана как возможный вариант развития войны, – подытожил он сообщение. – Обстоятельства указывают, что это – единственно возможный вариант. Я считаю, что в первую очередь нам следует позаботиться об обеспечении нашей жизни в условиях осады.

– Для чего же мы строили укрепления, Ромбар? – проворчал военачальник Дессы. – Чтобы подарить их уттакам?

– Не беспокойтесь, Вастен, они нам пригодятся, – ответил ему Ромбар. – Мы не отступим в город без боя, но отступление нужно организовать так, чтобы наши потери оказались существенно меньше вражеских. Как это сделать, мы решим, когда увидим расстановку сил Каморры.

– Не случится ли так, что Госсар с армией пройдет мимо Босхана на юг, пока мы отсиживаемся за стенами? – поинтересовался Донкар. – Все наши войска здесь, а южные земли остались без защиты.

– Если это случится, мы догоним врага сзади и нанесем ему гораздо больший урон, чем в открытом бою. Но Госсар, к

сожалению, никогда не сделает такой тупости. – Взгляд Ромбара остановился на сидевшей поблизости правительнице Босхана. – А вы, ваше величество, что скажете нам о возможности города принять и содержать наши войска?

– Все подготовлено, – ответила Десса. – Горожане извещены о необходимости разместить воинов, запаса провизии, и конского корма хватит недели на три… при имеющейся численности войск.

– Хорошо. В войсках есть собственные запасы, да и численность…

При бережном расходовании месяца полтора мы продержимся, – вслух прикинул Ром-бар. – С завтрашнего дня нужно начать размещение войск в городе, а также переправить туда военные припасы и имущество. Когда разведка известит о приближении уттаков, мы расставим войска по укреплениям.

Никто не оспаривал предложение Ромбара. В последующем обсуждении говорилось только о том, как лучше и быстрее выполнить намеченное. Совет закончился поздно вечером, а наутро весь военный лагерь зашевелился. Ручейки людей и нагруженных войсковым имуществом повозок потекли к городским воротам.

За один день равнина между Босханом и восточным берегом Тиона опустела, лишь вытоптаная трава напоминала о стоявших здесь войсках.

Приняв в себя армию, город закрылся на ночь и уснул, охраняемый стражей у ворот и на стенных башнях.

Спустя два дня в Босхан один за другим стали возвращаться разведчики, высланные навстречу вражеской армии. Из донесений выяснилось, что через сутки первые отряды уттаков появятся у городских стен. Дикари, возглавляемые Госсаром, двигались вдоль восточного берега Тиона, а не западного, как ожидалось, поэтому береговые укрепления оказались ненужными, а северная линия – слишком слабой, чтобы задержать огромное войско. По призыву Дессы горожане с лопатами вышли углублять ров перед насыпью северной линии, а вечером лучники и пешие воины заняли свои позиции вдоль насыпи, где и заночевали, выставив дозорных.

Во второй половине следующего дня стража заметила приближающиеся отряды уттаков. Серая шевелящаяся масса текла вдоль берега, щетинясь каменными секирами, среди которых поблескивали и бронзовые, захваченные в Келанге. Дикари встали, лагерем на расстоянии десяти полетов стрелы от линии укреплений, заполнив долину реки от берега до самых Ционских скал.

Вечером Норрен и Ромбар выехали на укрепления и поднялись на насыпь, чтобы посмотреть на врага поближе. По всей долине горели костры, затягивая окрестности сизым дымом, торчали сотни шалашей, придававших ей сходство со сжатым, но не убранным полем. На пригорке у самого берега реки возвышался белый шатер с черно-желтым гербом рода Лотварна, окруженный группой походных палаток.

Двое мужчин поначалу стояли молча. Каждый рассматривал открывшуюся картину, обдумывал увиденное, делал прикидки и выводы.

– Их численность втрое больше нашей, Ромбар, – нарушил молчание Норрен.

– Думаю, они стоят и за излучиной, – отозвался тот. – Для нас важно, что расстояние между скалами и берегом не позволит им атаковать одновременно.

– Странно, что они не пошли западным берегом. На этом берегу им нечего есть.

– Госсар предвидел трудности с переправой. С той стороны Тиона мало леса для плотов. Кроме того, я слышал от Вальборна, что голодные уттаки злее дерутся. Наверное, и Госсар это знает. – Норрен вновь перевел взгляд на долину, усеянную уттаками.

– Даже сейчас, когда уттаки здесь, я не могу поверить, что они способны подчиняться чьим-то приказам, выполнять чью-то чужую волю, – сказал он. – Если это магия, как ты утверждаешь, Ромбар, тогда как она действует?

– Как? – переспросил его Ромбар. – Давай вспомним, почему люди бывают рады исполнять чужую волю. Корыстные мотивы пока отбросим, не все определяется только ими. Представь себе, что уличный нищий надел твою одежду, Норрен.

– Представил. – Улыбка, прозвучавшая в голосе Норрена, дополнила его ответ.

– Нам с тобой он смешон, – подтвердил Ромбар, – но сам он слишком убог, чтобы понять это. Он любуется собой в зеркало и видит, что стал и красив, и велик, почти правитель. Так?

– Возможно.

– А теперь представь себе, как некая личность, слишком мелкая, слабая и невзрачная, чтобы иметь свои цели и свою волю, воодушевляется чужими целями и исполняет чужую волю. Ты, наверное, видел это и сам?

– Видел. Положение такое.

– А для чего ей это нужно? Приняв в себя чужую идею, эта личность кажется себе и незаурядной, и значительной. Бывает, что и время сменилось, и творец забыт, а она все шумит, суетится…

– Но при чем тут уттаки, Ромбар?

– Без магии они слишком примитивны даже для того, чтобы воодушевляться чьими-то чужими целями. Зачем им послезавтрашний день, когда есть сегодняшний?! Их головы пусты, но магия Каморры заполняет эту пустоту. Она помогает им подняться до уровня, пригодного для возвеличивания себя путем участия в чужих замыслах, особенно таких, где есть захват и грабеж. Уттаки – это идеальные исполнители, живущие волей своего вождя. В каждом уттаке благодаря магии есть частичка воли Каморры, его жажды власти, неудовлетворенного честолюбия. Они – его меч, его пальцы до тех пор, пока действует магия.

– Ты говорил мне в Цитионе, Ромбар, что эту магию можно уничтожить – вспомнил Норрен. – Ты знаешь, как это сделать?

– Конкретно – нет, но мы с Альмареном предположили, что это можно сделать с помощью камней Трех Братьев. Сейчас он ушел на Керн за Красным камнем, а я, как видишь, здесь.

– От него не было никаких известий?

– Нет. Дорого бы я дал, чтобы узнать, как у него дела. – Ромбар нахмурился и устремил взгляд на север, за горизонт, туда, где оставил своего молодого друга. – Знаешь, что меня беспокоит, Норрен, – все разведчики утверждают, что Госсар ведет уттаков один, без Каморры. Боюсь, этот босханец всерьез занялся поиском камней.

– Думается мне, что нам не следует слишком уж рассчитывать на твоего приятеля, – высказался Норрен. – Мы с тобой – воины, враг – перед нами.

Что м можем сделать, чтобы получить преимущество? Как предугадать действия врага и помешать ему?

– На месте Госсара я бы не вступил в бой сразу, – подхватил мысль Ромбар. – Я выждал бы несколько дней, пока защитники не устанут сидеть на укреплениях и не ослабят бдительность.

– Ромбар! – неожиданно сказал Норрен. – Разве нам что-нибудь мешает начать бой, когда это нам удобнее?

Ромбар быстро повернулся к нему:

– А ведь ты прав, Норрен. Чего Госсар никак не ожидает, так это того, что мы начнем бой первыми. В этом бою мы, конечно, не победим, но у нас другая цель – нанести врагу как можно больший урон и отступить в город.

– Когда, по-твоему, лучшее время для нападения?

– Завтра утром. Но вряд ли мы успеем расставить силы.

– Успеем, – твердо заявил Норрен. – Как бы ты спланировал этот бой?

– Сначала нужна вылазка, лучше – внезапная, чтобы втянуть

дикарей в стычку до вмешательства Госсара со своей магией. Разгоряченными уттаками наверняка труднее управлять. Затем передовое войско должно отступить к насыпи и заманить дикарей под стрелы наших лучников. Если это удастся и дикари полезут на укрепления, их следует сдерживать, пока есть силы. Именно здесь я планировал бы поубивать как можно больше уттаков.

– А дальше?

– Нужно вовремя дать сигнал к отступлению, чтобы предотвратить потери в пеших войсках. Конница и клыканы прикроют их отход и внесут свою долю в убавление уттаков. Затем конница уйдет в город, и можно будет подсчитывать наши достижения и потери.

– На словах это выглядит заманчиво… – с сомнением произнес Норрен. – А на деле?

– Если бой пройдет по плану, соотношение сил выровняется в нашу пользу, а насколько – здесь все зависит от мужества воинов и руководства боем.

Но любой приказ, отданный неточно или не вовремя, может привести к разгрому наших войск. Конечно, есть риск потерять все, но и выиграть можно немало.

– При таком соотношении сил риск неизбежен. – Нотки сомнения исчезли из голоса правителя Цитиона. – Мы должны использовать этот случай, другого может не представиться.

– Тогда – за дело, – поддержал его Ромбар. – Нам нужно многое успеть до темноты.

Утро перед битвой выдалось ясное и по-осеннему холодное. Риссарн встретил его в небольшой лощине к западу от Босхана, где ночью укрылась конница Ромбара. Воины в боевых доспехах, вооруженные пиками и мечами, расселись по склону в ожидании сигнала, кони в кольчужных сетках, прикрывающих шею и грудь, стояли на дне лощины, привязанные к кустарнику. Кое-кто из воинов спал прямо на траве, наверстывая бессонную ночь, но таких было немного. Прочие сидели небольшими группами и односложно переговаривались, а то и попросту молчали вместе, подчиняясь полуосознанной потребности чувствовать рядом товарищей по оружию.

Риссарн сидел рядом с Ромбаром, при мече, в кольчуге и шлеме, как и остальные конники. Со дня его появления в лагере они оба жили в одной палатке, а после переселения в Босхан заняли соседние комнаты во дворце Дессы.

Ромбар доброжелательно отнесся к другу Альмарена – снабдил оружием и доспехами, сам показал некоторые приемы боя на мечах, но между новыми знакомыми не возникло тесной дружбы. Ромбар был слишком занят военными делами, а Риссарн

целыми днями пропадал на тренировочной площадке, стремясь усердными занятиями наверстать нехватку опыта в обращении с мечом.

Приближалось время, когда передовой отряд должен был спуститься с Ционских скал и напасть на уттакский лагерь. Будь здесь Альмарен, он, наверное, давно засыпал бы Ромбара вопросами, но Риссарн молчал, оставляя право начать разговор на усмотрение своего покровителя и военачальника. Тот внезапно поднялся с земли, повернулся к северу и прислушался к доносившимся оттуда звукам.

Ромбар пошел вверх по склону лощины, Риссарн вскочил и присоединился к нему. Теперь и он слышал улюлюкающие крики разбуженных дикарей, доносящиеся из уттакского лагеря. С верхнего края лощины хорошо просматривалась и равнина между городской стеной и Тионом, и крутой скальный массив к востоку от города, и линия укреплений, на которой пока не было никакого движения.

Шум, доносящийся с места боя, усиливался и расширялся по мере пробуждения врагов. Вскоре стало возможным, не прислушиваясь, определить место сражения – у восточного края долины. Там, упираясь в скалы, проходила линия насыпи, за которой укрывались пешие войска – лучники вперемешку с копейщиками, готовыми отразить штурм укреплений.

Люди на насыпи зашевелились, помогая влезть наверх воинам передового отряда, преследуемого уттаками. Замелькали взятые наизготовку луки и копья, форма воинов Цитиона, Босхана, Кертенка смешалась в единую пеструю, клубящуюся массу. До места, где стояла конница Ромбара, не доносилось ни свиста стрел, ни щелчков спускаемой тетивы, ни лязга оружия – ничего, кроме угрожающего воя разбуженной, разозленной уттакской толпы, лезущей на противника, но безостановочные движения лучников, выпускавших стрелу за стрелой, беготня подносчиков стрел, ритмичные движения спин копейщиков выдавали напряжение схватки.

Солнце ползло вверх по небу, а воины на укреплениях стойко держали оборону, сменяя друг друга на передовой линии. В город потянулись повозки с ранеными. Конники Ромбара наблюдали за сражением, и каждый чувствовал, что близится время вступления в бой.

Ромбар заметил, что уттаки стали управляемыми – они больше не кидались на насыпь как попало, а стали накапливаться в восточном углу долины.

Он скомандовал воинам садиться на коней и первым спустился в лощину к своему Тулану. Выехав наверх, конники

увидели, что дикари сосредоточились на штурме края насыпи, прилегавшего к Ционским скалам. Вскоре они заняли восточную часть укреплений, серым языком выплеснувшись в пестрые скопления обороняющихся.

Оставшиеся без прикрытия лучники побежали по равнине к городским воротам, прочие воины пиками и мечами безуспешно пытались сдержать натиск дикарей. В этот миг с башни городской стены донесся звук серебряного рога Норрена.

Ромбар поднес к губам висевший на груди рог и повторил сигнал, оповещая тимайскую конницу, укрывшуюся под берегом Тиона. Со стороны реки, со стороны скал отозвались рога стоявших в засаде отрядов, давая знать о готовности к атаке. По этой перекличке пешие войска разом оставили насыпь и побежали к городу, спеша как можно дальше оторваться от хлынувших следом уттаков. Когда первые из отступавших преодолели половину расстояния до ворот, Ромбар вновь приложил к губам рог, сигналя о начале атаки, и пришпорил коня.

Отряд Ромбара единым порывом снялся с места и полетел по равнине, направляясь в промежуток между бегущими войсками и преследующими их уттаками.

Риссарн, благодаря великолепному коню не отстававший от Ромбара, увидел, как из-под берега реки, будто взметенная ветром, вымахнула легкая тимайская конница и устремилась на врагов с западного края, как из-за Ционских скал вывернулась конница Дессы, преграждая уттакам путь к городу. Одновременно от городской стены отделилось собачье войско – сотня клыканов в блестящих кольчужках, сопровождаемая конными псарями. Боевые псы Кельварна, каждый ростом с теленка, беззвучно понеслись навстречу уттакам и первыми налетели на дикарей, прорвавших защиту у Ционских скал.

Риссарн уже не видел, как вступили в бой тимайцы и конники Дессы – отряд Ромбара столкнулся с уттаками. Мечи остановили передних дикарей, но задние напирали, образуя тесноту и свалку. Жестокое возбуждение битвой охватило мага, придавая силу ударам, заставляя не замечать усталость. Его меч поднимался и опускался, наносил и отбивал удары, вышибал оружие и сносил головы, а враги не убывали. Казалось, за укреплениями бил неиссякаемый источник, порождающий уттаков. Казалось, время замерло, застряло на битве, лишь краешек сознания шептал, что солнце пошло за полдень, да уголок глаза ухватывал, что там, за шеренгой крепко стоящих конников Ромбара, какая-то суматоха в рядах воинов Дессы, что толпа дикарей, умело направляемая невидимой рукой Госсара, теснит тимайскую конницу к Тисну.

Какой-то звук, похожий на голос серебряного рога Норрена, пробился сквозь шум битвы в уши Риссарну. Маг понял, что это ему не померещилось от усталости, только когда Ромбар, не переставая махать мечом, другой рукой поднес к губам свой рог. Рог Ромбара захрипел, но затем обрел звук, возвещая отступление. Отряд отходил к городским воротам до тех пор, пока Ромбар не скомандовал стоять до сигнала. И вновь сомкнулись ряды, и вновь заработали мечи, обеспечивая отступление тимайской и босханской конницы.

Эта схватка нелегко далась Риссарну. Меч с каждым мгновением тяжелел, а дикари, расхрабрившиеся при виде отступления противника, лезли напролом. Маг с нетерпением отчаяния ловил сигнал, по которому конница Ромбара должна была уйти в город, и наконец услышал его, но не с городской башни.

Ромбар, не дожидаясь команды Норрена, в третий раз затрубил в рог.

Измученная конница во весь опор поскакала к воротам, опережая бегущих следом уттаков. Едва городские ворота захлопнулись за всадниками, едва прогрохотала опускаемая решетка, как о ворота ударилась беснующаяся толпа дикарей. Камни и отбросы, посыпавшиеся с городской стены, охладили рвение нападавших.

Отряд Ромбара теснился на площади перед воротами, пока со стены не сообщили, что уттаки отходят от города. Нервно всхрапывали кони, поводя боками в клочьях пота и крови, лица всадников, почерневшие от усталости, стали неузнаваемыми, затрудняя выяснение того, кто же остался в живых. Риссарн чувствовал, что весь покрыт синяками от пропущенных ударов – кольчуга спасала от ран, но не от ушибов. Он осмотрел коня и убедился, что тот уцелел, если не считать двух-трех царапин. Ромбар отпустил отряд и пошел на смотровую башню, где еще оставался Норрен, следивший с нее за ходом боя.

Поднявшись на башню, Ромбар увидел правителя Цитиона стоящим у ограждения и увлеченно разговаривающим со Скампадой, оказавшимся здесь же.

Увидев Ромбара, Норрен обрадованно шагнул к нему навстречу.

– Я ждал тебя, Ромбар, – сказал он. – Я знал, что ты придешь сюда.

– Сто аспидов, Норрен! – гневно сказал Ромбар. – Я ждал сигнала, пока у нас оставалась хоть малейшая возможность сдерживать уттаков, но так и не дождался! Конечно, конницу трудно содержать в условиях осады, но это еще не повод, чтобы

избавляться от нее таким способом!

– Не возмущайся, брат, – ответил Норрен. – Я был вынужден задержать вас в бою, как твой друг ни уговаривал меня дать сигнал.

– Мой друг?

– Да, Скампада.

– Кто?!

– Скампада. Уттаки окружили тимайскую конницу, и я думал, что, пока вы сражаетесь, у них есть надежда выбраться из окружения.

– Тимайцы остались там? – переменился в лице Ромбар.

– К счастью, обошлось. Ваше поспешное отступление отвлекло большую часть уттаков. Тимайцы опрокинули остальных и сумели прорваться к южным воротам.

Ромбар облегченно перевел дух.

– А как другие войска? – спросил он.

– Потери есть везде, но не больше, чем мы предполагали. На укреплениях блестяще сделали свое дело – ров перед насыпью буквально завален уттаками. Вот посмотри… – Норрен указал рукой на вражеский лагерь.

Некоторое время Ромбар разглядывал сверху место битвы – опустевшие, заваленные трупами укрепления, равнину, покрытую телами уттаков вперемешку с людьми и лошадьми.

– Да, их потери значительны, как мы и надеялись, – подтвердил он, завершив осмотр. – Жаль, что мы не можем похоронить своих убитых.

– У нас будет много хлопот и с ранеными, – напомнил ему Норрен. – Когда уттаки угомонятся, я вышлю отряд, чтобы подобрали тех, кто еще жив. Мне показалось, что ранена Десса – когда она вводила конницу в город, ее правая рука висела как неживая.

– Ты послал к ней справиться о здоровье?

– Не успел.

– Скампада! – Ромбар наконец обратил внимание на стоявшего рядом сына первого министра. – Будь добр, узнай, как здоровье ее величества.

Скампада отправился выполнять поручение. У выхода на лестницу его чуть не свалил с ног стражник, торопившийся к Норрену с докладом.

– Я от южных ворот, ваше величество! – доложил стражник.

– Тимайская конница успела войти в город? – спросил его Норрен. – Ворота закрыты?

– Все закрыто, и решетка опущена, – подтвердил стражник. – Дело в том, что вместе с конницей в город въехал какой-то

господин, он требует немедленной встречи с вами. Говорит, что позавчера утром выехал из Цитиона.

– Позавчера! – удивился Норрен.

– Он сказал, что ему нужно? – спросил у стражника Ромбар.

– Нет.

– А кто он такой?

– Не знаю. Но сердитый – жуть! С ним двое слуг и мальчонка-паж.

– Придется принять, – взглянул на Ромбара Норрен. – Если человек так спешил, значит, дело срочное. Приведите его сюда, – приказал он стражнику.

Вид места битвы, открывавшийся с башни, позволял оценить потери обеих сторон. Ромбар и Норрен, забыв о приезжем, занялись подсчетами и установили, что на каждого убитого воина приходится по шесть-семь уттаков.

– Соотношение сил выровнялось, как мы и рассчитывали. – В голосе Ромбара слышалась скорее озабоченность, чем радость. – Теперь их не вчетверо, а втрое больше, но все равно их слишком много. На этот раз нам повезло, мы застали Госсара врасплох, но не думаю, что нам удастся перехитрить его еще раз.

– Не говори так, брат, – поморщился Норрен. – Накличешь поражение, чего доброго! Теперь и я убедился, что численный перевес уттаков ничего не значил бы, если бы не магия. В начале сражения они были разъяренным сбродом, бестолково бросающимся под копья и стрелы, но к середине битвы этот сброд на моих глазах превратился в организованное, четко действующее войско. Убрать бы влияние Госсара – тогда мы и не заметили бы, что дикарей втрое больше.

– Ваше величество? – Голос, раздавшийся сзади, был негромок, но заставлял мгновенно прислушаться. Правитель Цитиона обернулся на звук, отметив про себя, что трудно не подчиниться приказу, произнесенному таким голосом.

Человек в запыленной одежде, появившийся у выхода на лестницу, был немолод, невысок ростом и имел неприятную привычку сверлить собеседника взглядом. Он приветствовал Норрена коротким кивком, который при желании можно было расценить как оскорбительный, и, не дожидаясь приглашения, • пошел навстречу правителю. Лицо приезжего показалось Норрену знакомым, он недоуменно рассматривал идущего к нему человека, пытаясь вспомнить, е же встречался с ним прежде.

– Равенор?! – Восклицание Ромбара напомнило Норрену, что действительно этот человек иногда появлялся у него во дворце много лет назад. В последние годы знаменитый маг не покидал своего жилища, поэтому мало кто в Цитионе помнил его в лицо.

– Вы здесь, Магистр, – отметил вслух Равенор. – Мое сообщение впрямую касается и вас. Скажите мне, где сейчас ваш друг?

– У вас есть известие об Альмарене?! – вскинулся Ромбар.

Равенор оставил без внимания его встречный вопрос.

– Тогда скажите, что ваш друг собирался делать, когда вы виделись с ним в последний раз? – продолжил он.

– Он ушел на Керн за Красным камнем. – Ромбар был слишком заинтересован в затронутой теме, чтобы возмутиться манерой мага вести беседу. – Он сообщил вам что-нибудь?

– Хочу вас обрадовать. Магистр, – сказал тот. – Альмарен нашел Красный камень…

– Нашел?! Где он?!

– …более того, он нашел и Желтый камень. Хорошая новость, хотя одна она не стоила бы того, чтобы я оставил дела и за два дня добрался из Цитиона в Босхан.

Ромбар, поглощенный важной вестью, не вставил ни слова. Маг воспринял его молчание как должное.

– Я приехал сообщить, что дело требует немедленного вмешательства.

Полагаю, вы поддержите меня, Магистр, – добавил он.

– Что у вас за дело, Равенор? – поинтересовался Норрен, до сих пор молча слушавший обоих. – Не будете ли вы так любезны посвятить в него и меня?

– Именно вас. – Внимание Равенора, а вместе с ним и его острый, впивающийся взгляд переместились на правителя Цитиона. – Именно вы располагаете возможностью повернуть ход событий в нашу пользу. Каморра преследует Альмарена, юноше нужна помощь. Наверное, хватит полусотни человек. Это войско должно как можно скорее прийти на Белый алтарь.

Равенор замолчал, видимо решив, что высказал все необходимое.

Установилась пауза, в течение которой оба его собеседника пытались уяснить, что означают эти скудные сведения.

– Объясните подробнее, Равенор, – произнес наконец Норрен. – Что произошло с Альмареном?

– Я знаю, что у него есть два камня – Красный и Желтый, – повторил маг. – Я знаю, что с ним трое мужчин и женщина, что все они идут по огромной пещере и этим путем надеются попасть на Белый алтарь. Я знаю, что Каморра в этой же пещере. Он гонится за ними с двумя десятками уттаков. Это все, что я знаю. Этого достаточно, чтобы понять опасность и попытаться выручить и камни, и вашего друга.

– Как вы узнали это?

– От вашей дочери. Ей приснился вещий сон, она пришла и рассказала его мне.

– От моей дочери?! Это невозможно. – Почему невозможно? Спросите у нее самой. – Равенор посторонился, пропуская вперед мальчика-пажа, и снял с него шапку. Норрен, не веря своим глазам, увидел собственную дочь.

– Отец? – умоляюще воскликнула девочка.

– Дочка!

Фирелла, уловив теплое чувство в глазах, в голосе отца, повисла у него на шее. Тот погладил дочь по волосам, как, бывало, гладил, провожая ее ко сну, и строго спросил Равенора:

– Почему она здесь, с вами?

– У вашей дочери есть способности к ясновидению. Она увидела то, что я вам рассказал. Когда я собрался ехать сюда, она попросилась со мной и сказала, что ее способности могут пригодиться. Я счел это разумным и согласился взять ее в поездку.

– Но как ее отпустила мать?

– Этого не потребовалось. Фирелла ушла самостоятельно.

– Тайком, то есть?

– Можно сказать, что так. Она вполне взрослая девочка.

– Взрослая?! Вы потащили двенадцатилетнего ребенка в такую дорогу?

У нее мокрые ноги, она может заболеть!

– Мне скоро тринадцать, – жалобно откликнулась Фирелла, но на ее слова никто не обратил внимания.

– Как им не быть мокрыми, если мы переправлялись через Тион вплавь? – обронил маг. – У моста была такая драка, что невозможно было проехать – Ко всему прочему, вы чуть не завезли ее в битву… Да вы просто безумец, Равенор!!!

– Ладно, Норрен. – Ромбар предпринял попытку успокоить разгневанного отца. – Все обошлось, девчушка цела и невредима. А дело и впрямь чрезвычайное…

– И как оставлять ее здесь, в осажденном городе?!

– Я предполагал, что она поедет со мной на Белый алтарь, – заметил в ответ маг.

– Можете сразу забыть ваше предположение, – отрезал Норрен.

– Я поеду с ним, отец? – отозвалась Фирелла.

– Не говори глупостей. А вы, Равенор, впредь постарайтесь обходиться без таких помощников. – Немного успокоившись, правитель вспомнил о причине приезда мага. – Ромбар, как ты считаешь, есть смысл последовать совету этого… знатока магии?

– Это необходимо сделать, и как можно быстрее, – убежденно

ответил Ромбар.

– У нас есть возможность послать войско на Белый алтарь?

– Я поведу туда свою конницу. В осаде от нее мало пользы и много неудобств. Оборона города не ослабеет без конников.

– Ты покидаешь армию, когда дела в таком положении? – Правитель Цитиона не скрыл своего беспокойства. – Ты нужен мне здесь, Ромбар.

– Видимость не всегда совпадает с подлинным положением дел, – возразил тот. – Есть у меня предчувствие, что главное совершается не здесь, а там.

– С вами можно иметь дело, Магистр, – одобрил Равенор. – Когда мы выезжаем?

– Завтра утром, – ответил ему Ромбар. – Сегодняшняя битва была трудной, воинам нужен отдых.

– В нашем распоряжении пять дней, не больше, – напомнил маг. – Они говорили о неделе срока, а это было три дня назад.

– За неделю нельзя доехать до Белого алтаря, – заметил Норрен, не слишком-то желавший отпускать и войско, и военачальника. – Ваша поездка будет напрасной.

– Должен быть короткий путь, прямо через Ционские скалы, – сказал ему Равенор. – Я с самого начала предполагал, что войско пойдет именно этим путем. Конечно, нужно взять проводника, кого-нибудь из местных.

– Что ж, отправляйтесь, – дал согласие Норрен. – Советовать не буду, Ромбар, я уверен, что ты лучше меня распорядишься и сборами, и отъездом.

Приказывай моим именем, если потребуется. Я с надеждой буду ждать твоего возвращения.

– Я немедленно займусь сборами. – Сосредоточенный вид Ромбара говорил, что в его голове уже складывается план действий, оформляясь в приказы.

– Равенор, вы пойдете со мной.

– А я?! – подала голос притихшая было Фирелла.

– Ума не приложу, что с ней делать, Ромбар, – озабоченно сказал Норрен. – Ты ведь тоже понимаешь, как мало у нас шансов удержать город, а я не хочу, чтобы моя дочь разделила нашу участь.

– Отправь ее назад, в Цитион, – посоветовал тот.

– Но с кем? Я не могу отправить Фиреллу со слугами – дорога стала слишком опасной. Единственно, кому я мог бы ее доверить, – это тебе.

Внезапная догадка мелькнула во взгляде Ромбара.

– Я, кажется, знаю человека, который справится с таким поручением.

– Он подозвал стражника, стоящего у выхода на лестницу. – Пригласи сюда Скампаду, – потребовал он.

XVI

В Оккаде никогда не бывало плохих урожаев. Даже в нынешнее засушливое лето хлеб уродился и вызрел, ветви яблонь ломились от плодов, а на грядках красовались толстые, как бочонки, тыквы и отборные корнеплоды. Сейчас, ранней осенью, зерно кое-где еще стояло в скирдах, а о заготовке овощей на зиму можно было и не вспоминать. Несмотря на это, Суарен созвал жителей села и предложил немедленно начать сбор урожая.

За каких-нибудь три дня большая часть урожая была снята, но не убрана в погреба и амбары, а сложена в мешки и подготовлена для перевозки. Едва уборка закончилась, как из Келанги, подтверждая опасения магистра, появились первые беженцы. Они приходили в течение нескольких дней, создав массу хлопот местным жителям. Известие о гибели правителя Келанги не нашло сочувствующих, зато несчастье, постигшее крупнейший город на острове, никого не оставило равнодушным. Беженцев приютили и накормили, но всем было ясно, что недалек день, когда и в Оккаде появятся безжалостные толпы дикарей.

Магистр пригласил на совет своих помощников, сельского старосту, а также Вальборна и Лаункара. Посовещавшись, они составили план как обороны, так и отступления, а наутро каждый занялся порученным Делом. В горы потянулись вереницы жителей, ведущих в поводу лошадей, нагруженных вещами и провизией.

Маги, разделившись по двое, уносили в огромных, подвешенных на палки корзинах содержимое хранилища магических книг. Вальборн выслал группу воинов в дальнюю разведку по направлению к Келанге, чтобы заранее узнать о приближении врага, и начал формирование военных отрядов из местных жителей и беженцев.

Вечером он пришел к магистру обсудить итоги истекшего дня. Суарен указал ему на высокое кресло, стоявшее у окна, распорядился принести ужин и переставил на стол подставку со светлячком Феникса. Спокойное, доброжелательное лицо магистра, его плавная, экономная манера двигаться, да и обстановка – мягкие кресла, шкаф из светлого дерева, отделанный неброской резьбой, многоцветная циновка из крашеного исселя, устилающая пол, – все это расположило Вальборна к долгой, неторопливой беседе, отодвигая за стены комнаты дневную суету. Суарен опустился в кресло, прикрыл глаза и выжидательно взглянул на гостя.

– Местные жители порадовали меня, – сообщил ему

Вальборн. – У каждого есть лук, и каждый владеет им не хуже моих воинов.

– Ваших лучших воинов, – уточнил Суарен. – Изготовление луков – традиционный оккадский промысел, а стрельба из лука – традиционное местное развлечение.

– Значит, к моим трем сотням добавляется еще полторы сотни отличных лучников. Среди беженцев наберется еще сотня боеспособных людей, но я не представляю, чем их вооружить, кроме дубинок.

– Я посоветовал бы переделать топоры в секиры, насадив их на длинные топорища, – заметил Суарен. – Завтра я предложу это старосте.

– Замечательно, магистр, – обрадовался Вальборн. – Конечно, такие секиры лучше, чем дубинки. Я сомневаюсь, что сюда придет большое войско, – вряд ли Каморра считает, что у нас есть силы для сопротивления.

– Вы хотите принять бой? – По лицу магистра было невозможно установить, одобряет ли он это намерение.

– Знаете, о чем я думаю, Суарен? – Вальборн сел на краешек кресла, подвинувшись поближе к магистру. – Если мы разобьем войско, присланное Каморрой в Оккаду, путь на Келангу будет свободен. Я убежден, что основные силы врага уйдут в Босхан, оставив город незащищенным.

– Смелый план. – Во взгляде Суарена засветился интерес. – А если враг добьется победы под Босханом?

– Не вижу, чем такое положение хуже того, в котором мы окажемся, отступив сразу.

– Мне нравится ваш план, – сказал магистр после некоторого раздумья. – Я призову людей к сопротивлению, а не к бегству. Уттаки, полагаю, не застанут нас врасплох?

– Разведка сообщит нам о приближении уттаков за два дня до их появления. Тогда, узнав численность врага, мы примем окончательное решение.

– Женщин и детей я в любом случае отошлю в скалы.

– Там есть какие-то убежища? – спросил Вальборн. – Мне трудно поверить, что знаменитая библиотека Зеленого алтаря оставлена под открытым небом.

– Неподалеку отсюда, на южном склоне Оккадского нагорья, есть заброшенный пещерный город, – ответил ему Суарен. – Этот город опустел очень давно. Наверное, и при Кельварне он выглядел так же, как и сейчас.

– Кто жил в этом городе?

– Неизвестно. Там не осталось никаких следов прежних жильцов.

Город достаточно велик, чтобы вместить наших людей, и достаточно неприступен, чтобы выдержать нападение врага… в разумных пределах, конечно. В прошлом уттаки населяли весь остров, и хозяевам города, видимо, постоянно приходилось защищаться от них.

В дверь постучали.

– Войдите! – откликнулся, на стук Суарен. В комнату вошла юная темноволосая девушка с подносом в руках. Вальборн вспомнил, где и когда видел ее прежде. Это была та самая девушка, которая заметила на Госсаре белый диск.

– Кера? – строго спросил Суарен. – Почему ты с ужином?

– Кухарка попросила меня помочь. – Взгляд Керы забегал по комнате, прячась от испытывающего внимания магистра, метнулся на пол, на стену, задел окно, остро и быстро скользнул по Вальборну и наконец уперся в поднос.

Кера подошла к столу и с подчеркнутой грацией принялась расставлять на нем тарелки, кружки, кувшин с питьем. Суарен замолчал, дожидаясь ее ухода. Вальборн с ленивым удовольствием разглядывал девушку, ее блестящие карие глаза, смуглые щеки, тесную кофточку, обтягивавшую ладную, аппетитную фигурку. Когда Кера ушла, магистр неодобрительно покачал головой.

– Такая вертушка… и слишком уж любопытна, – пожаловался он гостю. – Она еще задаст мне хлопот.

– Но хорошенькая… – добавил Вальборн. – Кто ее родители?

– Никто. Она – подкидыш. Малышкой она воспитывалась в одной из местных семей, затем подросла и перебралась сюда, на алтарь. Я несколько раз отсылал ее к приемным родителям, но безуспешно. Как говорится, гони ее в дверь – войдет в окно.

– С норовом, значит?

– Еще с каким… Присаживайтесь к столу, Вальборн.

За ужином, за разговором они забыли о Кере. Но позднее, когда магистр провожал гостя, освещая темный коридор светлячком Феникса на фигурной подставке, из бокового коридора выскочила спешившая куда-то девушка и с разгона налетела на Вальборна.

– Ах!

Совсем близко Вальборн увидел лицо Керы, ее горящие глаза. Руки девушки уперлись в его грудь, он почувствовал тепло ее тела, ее беспокойное, быстрое дыхание.

– Ах, простите, мне так неловко… – замурлыкала Кера, не сводя с Вальборна взгляда, в котором было что угодно, но только не смущение.

«Могла бы и отодвинуться, а потом уж извиняться, – подумал

ошарашенный Вальборн, чувствуя в темноте, как запылало его лицо. – И что это я краснею? Разве это я налетел на нее?»

– Ничего, пустяки… – пробормотал он вслух.

– Так вы не сердитесь на меня? – не отпускала его девушка.

– Нет-нет, за что тут сердиться…

– Я так спешила, что не заметила…

– Кера! – возмущенно одернул ее Суарен.

Девушка, стрельнув глазами в магистра, мгновенно оставила Вальборна и скрылась в коридоре.

– Бесстыдница! – Слова Суарена пропали даром – Керы уже не было поблизости. – Я завтра же выгоню ее с алтаря!

– Зачем же так, Суарен, это случайность… – заступился за девушку Вальборн, впрочем ненастойчиво.

Они спустились по лестнице и вышли на улицу, где поздний вечер стремительно превращался в темную осеннюю ночь.

– Возьмите светлячок, Вальборн, уже темно, – предложил магистр.

– Здесь недалеко, – отказался тот и, попрощавшись, пошел на берег Тиона, туда, где стояло войско.

Вальборн прошел полдороги, когда Оккаду накрыла ночная тьма.

Оставшуюся часть пути он добирался почти на ощупь, с трудом отыскивая едва заметную тропинку и досадливо встряхивая головой, чтобы отогнать завязший в ушах мурлыкающий голосок: «Ах, простите, мне так неловко…»

В последующие дни Вальборн побывал в заброшенном городе, где было припрятано имущество и припасы, проехал вверх и вниз по берегу Тиона, но главное внимание он уделил участку дороги в Келангу, примыкавшему к выходу из Оккадской долины. Понимая, что бой состоится на подходе к селу, Вальборн искал место для расстановки войск и никак не мог выбрать удобную позицию. Он приглашал с собой Лаункара, чтобы обсудить очередной сомнительный вариант, но старый воин каждый раз неодобрительно крутил головой – не то.

Проезжая по селу или возвращаясь в военный лагерь, Вальборн неизменно встречал Керу, как бы невзначай оказывавшуюся у него на пути. Кера целыми днями кружила у лагеря, будто молодая щучка, примеривающаяся, с какого края лучше ухватить крупную, не по зубам, добычу. Она презрительным молчанием отвечала на шуточки и заигрывания воинов, наблюдала и выжидала, наблюдала и выжидала, считая, по-видимому, что упорство – сила, способная повернуть ход судьбы в нужном направлении. Вальборн без труда догадался, что девушка преследует его, и сердито подавлял в себе берущееся

неизвестно откуда беспокойство.

Помимо Керы, другие дела не внушали Вальборну беспокойства.

Беженцы из Келанги получили топоры на длинных палках, гордо именуемые секирами, и теперь учились сражаться ими под руководством опытных воинов, а пещерный город в случае нужды мог послужить надежным укрытием от уттаков, не любивших появляться в скалах. Мысли о приближении врага вызывали у правителя Бетлинка не тревогу, а спокойное, расчетливое стремление померяться силами и конечно же победить.

Как-то днем, когда в лагере обедали, воинов поднял на ноги шум, донесшийся с южного края села. Уклон местности позволял видеть прямо из лагеря, что сельские жители выбегают навстречу какой-то процессии, огибающей западный склон долины. К западу от Оккады засушливая Сеханская равнина вплотную примыкала к нагорью, поэтому те края оставались безлюдными. Вальборн подумал, что группа сельчан возвращается из дальней поездки за рудой или горючим камнем, но все же прицепил к поясу меч, позвал с собой нескольких воинов и поспешил на шум.

К селу медленно приближались шесть тяжело нагруженных подвод. Их сопровождали десятка полтора чем-то похожих друг на друга мужчин, обветренных, суровых и молчаливых. Впереди, вздернув подбородок и радостно поблескивая подвижными, сощуренными от солнца глазами, вышагивал сухонький, седенький старичок. Подойдя к околице, он победно оглядел скопившуюся там толпу и спросил:

– Это Оккада?

– Оккада, Оккада… – ответило сразу несколько голосов.

Старичок жестом остановил подводы и провозгласил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Ну, что?! Говорил, что доберемся, и ведь добрались! А южным путем? Были бы сейчас у Кертенка, не ближе!

– Кто вы такие? – спросил Вальборн, подойдя к старичку. Тот был слишком счастлив, чтобы заметить недоверчивую настороженность в голосе Вальборна.

– Мы с Красного алтаря, – охотно ответил он. – Обоз с оружием. Мы пересекли Сехан напрямик, чтобы поскорее попасть в Келангу. Теперь и недели не пройдет, как мы будем на месте.

Вальборн понял, что перед ним обоз, о котором говорил Магистр.

– Оружие! – обрадовался он. – Мечи Грифона!

– Сто пятьдесят шесть мечей, девяносто два щита, двадцать семь кольчуг, – сообщил старичок. – Сам считал. Лезвия смазаны жиром от сырости, да вот, пока мы шли, не только дождем не

капнуло – роса ни разу не выпала. – Он окинул взглядом долину. – Хорошая здесь трава, высокая… а там, на равнине, все выгорело. Пожалуй, мы остановимся у вас до утра. Где здесь можно встать на ночь?

– Вам незачем ехать в Келангу. – Вальборну было ясно, что приезжие ничего не знают о последних событиях на острове. – В Келанге – Каморра.

– Каморра? – Подвижное лицо старичка на мгновение замерло. – Мы все-таки опоздали!

– Я бы так не сказал, – утешил его Вальборн. – Здесь со дня на день появятся уттаки, а у нас не хватает оружия.

– Вы руководите здешним войском? – Старичок кинул взгляд на стоявших позади Вальборна воинов.

– Да. Я – Вальборн, правитель Бетлинка.

– Бетлинка? Ах да, понятно… А я Синатта, маг.

Видно, пока мы шли по Сехану, жизнь тоже не стояла на месте.

– Да, мы не скучали, – согласился Вальборн. – Нам нужно вооружить беженцев из Келанги. Это будет наилучшим применением вашему грузу.

– Мы это обсудим, но сначала я узнаю все подробности. Кроме того, я хотел бы повидаться с магистром ордена Феникса.

– Разумеется. Обоз можете поставить около нашего лагеря. Идемте, я покажу вам место.

Синатта скомандовал обозу следовать за ним и потел с Вальборном на берег Тиона, без умолку расспрашивая своего провожатого о последних военных событиях.

– Давно вы выехали из Тира? – спросил в свою очередь Вальборн.

– Месяц назад, – ответил Синатта и тут же уточнил:

– Месяц и три дня. Мы отправились, как обычно, через перевал, оттуда – до Каяна и затем вдоль Ризы, а там свернули в Оккаду, не доезжая до Тимая. Две недели мы пересекали Сехан и вчера наконец увидели горы. Ну, думаем, дошли, а ведь нелегко приходилось…

Синатта замолчал, припоминая трудности пройденного пути.

– Как вы находили воду в Сехане? – не мог не поинтересоваться Вальборн. – В этом году даже в наших краях невозможная сушь.

– Раза два нам и впрямь попадались источники. Но мы, конечно, не дошли бы, если бы не этот жезл – десять ведер воды на каждой стоянке, и, кроме того, нить жезла указывала направление на Зеленый алтарь. – Синатта достал из-за пазухи светло-зеленый жезл Феникса и продемонстрировал Вальборну. –

Теперь я, пожалуй, заслуживаю посвящения в маги ордена Феникса, – весело добавил он.

Разместив обоз, Вальборн и Синатта пошли к магистру. Когда они возвратились в лагерь, старичок распорядился отдать привезенное оружие оккадскому войску. В обозе он указал своим спутникам на Вальборна как на того, кто будет распоряжаться раздачей оружия.

– Где у вас мечи? – спросил Вальборн. Возница, уже немолодой, поджарый мужчина, отбросил с подводы кожаную накидку, накрывавшую груз. На подводе лежала груда мечей, тускло поблескивающих голубизной сплава, секрет которого был известен только в тирских кузницах. Пока Вальборн любовался лучшим на Келаде оружием, возница молча вытащил один из мечей и так же молча сделал несколько боевых выпадов, показывая оружие в деле. Глядя, как тирский маг управляется с мечом, Вальборн понял, что оккадская защита получила не только оружие, но и полтора десятка великолепных воинов.

– Взгляните-ка сюда, ваша светлость! – отвлек его Синатта. – Как вам понравится этот меч?

Вальборну хватило короткого взгляда на отливающее голубизной лезвие, на зеленоватую эфилемовую рукоять с выемками для пальцев, заканчивающуюся серебряной головой грифона, чтобы догадаться, что перед ним один из тех мечей, которые Магистр называл достойными руки правителя.

– Мастерская работа, – одобрил он, не сводя глаз с меча.

– А лезвие какое! – Синатта провел пальцами по мечу. – Разве только камень не рубит! Прошлой осенью делали, не на войну, на продажу.

Возьмите его себе, ваша светлость.

Вальборн принял из рук Синатты меч, осмотрел лезвие, затем отступил в сторону и размахнулся, будто желая снести голову невидимому врагу.

– Спасибо, Синатта, – поблагодарил он. – Что я за него должен?

– Сто уттакских голов, не меньше.

– Что ж, постараюсь. Думаю, не пройдет и недели, как я отдам долг, – без улыбки ответил Вальборн. – А оружие раздадим сегодня же – пусть воины привыкнут к нему до битвы.

До позднего вечера у тирских подвод толпились воины, выбирая мечи и щиты, а на следующий день в лагерь вернулись разведчики с сообщением, что две тысячи уттаков вышли из Келанги в Оккаду. Вальборн позвал своего военачальника, чтобы обсудить новость.

– Сюда идут всего две тысячи уттаков, – сообщил он

Лаункару, сдерживая радостное возбуждение. – На каждого из наших воинов придется по три уттака, и вооружены мы лучше. Что ты об этом скажешь?

– Я скажу, что это либо ошибка врагов, либо ловушка, – как всегда, сдержанно ответил Лаункар. – Если верно первое, нам повезло. Но если… – Он не докончил фразы.

– Мы должны учитывать и второе, – согласился с ним Вальборн. – На ловушку можно ответить ловушкой. Как ты смотришь на то, чтобы выйти с войском навстречу уттакам? А там мы выберем место для засады и нападем на них внезапно.

Полководец долго не отвечал, обдумывая слова своего правителя.

– Что ты молчишь, Лаункар? – нетерпеливо спросил тот.

– Я вспоминаю дорогу из Келанги в Оккаду.

В полудне пути отсюда есть хорошее место для засады. Дорога идет там через широкую открытую лощину, а затем поднимается на покрытый лесом холм.

В этом-то лесу мы и могли бы подождать уттаков. Если войско выступит немедленно, к вечеру оно будет на месте.

– Хорошо. – Вальборн с полуслова понял военачальника. – Да, еще вот что: уттаков ведет человек, у которого на груди, на цепочке, есть амулет – белый диск. Амулет заставляет уттаков подчиняться своему вождю и действовать совместно. Если в битве не я, а ты встретишься с этим человеком и убьешь его, позаботься, чтобы диск не попал к уттакам. Возьми этот амулет для меня, я попробую применить его позже… Что ты молчишь, Лаункар? – Диск не попадет к уттакам, – ответил военачальник.

– Хорошо, – повторил Вальборн. – Объявляй выступление.

Глядя на воинов, споро и весело собирающихся в поход, можно было сказать, что боевой дух войска – не пустое понятие. Все знали, что силы врага невелики, и каждый, от опытного воина до юнца из Келанги, предчувствовал возможность пусть небольшой, но победы. Когда воины выстроились на дороге, ведущей в Келангу, Вальборн отделил половину конников Лаункару и поставил в конец войска, а сам возглавил колонну.

Вечером войско встало лагерем на берегу Тиона невдалеке от выбранной военачальником лощины. Вальборн и Лаункар выехали на предполагаемое место боя и определили расстановку войск. Позиция действительно была удобной для внезапного нападения. Враг, спустившись с противоположной стороны лощины, оказывался на открытом месте, тогда как засаду до последнего мгновения скрывали лесные заросли, да и уклон лощины давал преимущество оккадскому войску.

Вальборн с утра расставил засаду на выбранной позиции.

Вдоль всей опушки он расположил цепь лучников, в центре атаки поставил воинов, проверенных еще в битве за Оранжевый алтарь, а по краям, рядом с конниками, – ополченцев из Келанги. Несколько человек выехали дозором навстречу уттакам, чтобы своевременно сообщить о приближении врага. Потянулось ожидание.

К полудню дозорные сообщили о приближении уттаков. Войско Вальборна, разморенное долгим бездельем, насторожилось и приготовилось к бою.

Вскоре на дальнем склоне лощины показались дикари, бредущие прямо по траве, без дороги. Всадник, следовавший в гуще уттакской толпы, по всей видимости, был вожаком.

Дикари пересекли лощину и стали подниматься вверх по склону, навстречу ожидавшему в засаде войску. Когда они оказались в двух десятках шагов от опушки леса, из кустов свистнули стрелы. Передовые уттаки попадали, остальные бестолково засуетились. Лучники успели сделать по несколько выстрелов, уложив первые ряды врагов до того, как вожак приказал дикарям атаковать. Опомнившись от неожиданности, уттаки единой массой устремились в лес, подхваченные неслышной командой белого диска.

У самой опушки их встретили мечи воинов Вальборна – мечи Грифона, с одинаковой легкостью срубавшие древки секир и сносившие уттакские головы. С краев дикарей окружили ополченцы, сзади с двух сторон налетели конники, возглавляемые Вальборном и Лаункаром, замыкая врагов в кольцо. Даже безумная храбрость подстрекаемых диском дикарей не превозмогала невыгодное положение, в котором они оказались. Вражеское войско таяло на глазах. Каждый удар меча Вальборна уносил уттака, пока правитель пробивался к вражескому вожаку, помня слова Ромбара о том, что без подчинения диску дикари становятся беспорядочной, неуправляемой толпой. Однако оказавшийся ближе Лаункар первым схватился с вожаком и без долгих усилий свалил его с коня.

С гибелью вожака дикари утратили боевую настырность и заметались в поисках пути к бегству. Битва превратилась в избиение и вскоре закончилась, так как в живых не осталось ни одного уттака. Воины радостными криками встретили окончание боя, из леса выбежали лучники и присоединились к ним. Все войско, по старой традиции, приветствовало своего правителя, вскинув оружие. Вальборн вскинул в ответ меч и поздравил воинов с победой.

– Мы победили, Лаункар! – обернулся он к полководцу.

– Да, ваша светлость. – В глазах Лаункара отгорал азарт недавней битвы. – Каморра недооценил нас. Сейчас мне верится, что эта победа не последняя. Посмотрите – и им тоже! – Он указал на воинов, радостно хлопающих друг друга по плечам.

– Завтрашний день мы проведем в Оккаде. – Мысли Вальборна уже устремились к будущему. – Нужно пристроить раненых и собраться для похода на Келангу. Ты снял с вожака белый диск?

– Да.

– Давай его мне.

– Я разбил его.

– Какая небрежность! – упрекнул военачальника Вальборн. – Мог бы и поосторожнее.

– Я нарочно разбил его. – В голосе Лаункара прозвучал вызов. – Именно из осторожности. Я – старый воин и на опыте знаю, что оружие врага всегда подводит в решающий миг. Оно вам ни к чему, ваша светлость.

Вальборн нахмурился, затем задумался.

– Что ж, может быть, ты и прав, – нехотя согласился он.

Остаток дня прошел в заботах о раненых и оказании последних почестей убитым. Жертв было немного, и даже похороны товарищей лишь ненадолго омрачили общее настроение. Следующим утром войско снялось со стоянки и к полудню вернулось в Оккаду, обрадовав жителей известием о легкой победе.

Население Зеленого алтаря с восторгом приветствовало Вальборна – героя, защитника, победителя – и его доблестное войско. Теперь можно было не прятаться в скалах, оставив дома и земли на разграбление врагу, и хотелось надеяться, что это надолго или даже навсегда.

Сельский староста, узнав намерения Вальборна, распорядился обеспечить войско для похода в Келангу. О праздничном пире он распорядился еще раньше, едва услышав о победе, поэтому сборы завершились всеобщей гулянкой на берегу Тиона. Вальборн и Лаункар подсели за стол к магам Зеленого алтаря, среди которых пристроились и молчаливые маги ордена Грифона во главе с разговорчивым Синаттой. Еда была вкусной, вино – крепким и сладким, вечер – изумительным, компания – веселой, и, наверное, поэтому победа казалась полной и окончательной, а враг – далеким и нереальным. Среди магов Красного алтаря к", было потерь, поэтому ничто не омрачало говорливую радость Синатты, с жаром повествовавшего о прошедшей битве.

– Сидим мы, значит, на опушке… кустики там такие… –

Синатта помогал себе в разговоре руками, глазами, бровями, всем своим щуплым, подвижным телом. – А они идут! – Последовал энергичный жест. – Ничего не чуют, родимые!

Чего уж их там жалеть, противная с виду тварь! – Маг отмел рукой воображаемую жалость. – А мы договорились все делать молча, без команды. Как будут вот здесь, так стрелять, а дойдут вот досюда, так рубиться. – Синатта показал «здесь» и «досюда». – И вот, оказались они здесь, стрелы и посыпались… – Он убедительно изобразил и лук, и стрелы, и уттаков. – Растерялись, родимые, а потом как попрут! И стрелы им нипочем! Так вот, дошли они досюда, а мы – за мечи! Эх, и повеселились!!!

– Да, Синатта, сражались вы что надо, – поспешил сказать Вальборн, побоявшийся, что старичок прямо за столом изобразит всю битву в лицах. – У меня таких воинов – по пальцам сосчитать можно.

– Чего уж там, умеем… – засмущался Синатта. – Чего там, в Тире, еще делать, как не мечом махать – скуешь, да и помашешь, попробуешь! Я, правда, сам не кую, но помахать люблю.

Маг прицелился показать, как он любит помахать мечом, но Вальборн остановил его вопросом:

– Вы как, в Тир вернетесь или со мной, в Келангу?

– Конечно, в Келангу! – подскочил Синатта и обвел взглядом свою молчаливую компанию. – Верно, удальцы?!

Удальцы согласно закивали головами. Синатта продолжил затянувшийся на весь вечер рассказ, развлекая остальных и умудряясь не наскучить. Маги ели, пили и слушали Синатту, с лица Суарена не сходила безмятежная, умиленная полуулыбка, а Вальборн понемногу перестал бояться за целостность просторных кружек, пузатых бутылок и узкогорлых кувшинов, потому что старичок, двигавшийся с грациозностью дикой кошки, не только не уронил, но и ни разу не задел их.

Пир закончился поздно вечером. Вальборн возвращался к себе в палатку в прекрасном настроении. Выпитое вино горячило его, заставляя не замечать по-осеннему обжигающую ночную свежесть, но он был не пьян, а скорее весел, даже счастлив. Идти было легко, хотелось напевать, что он и сделал бы, наверное, если бы мог взять правильно хоть одну ноту. У самой палатки его неожиданно остановил возглас:

– Ах, ваша светлость!

Вальборн мгновенно узнал, кто его зовет, еще до того, как различил голос, – по жару, обдавшему его с головы до ног. В следующий миг он увидел Керу отделившуюся от кустов, где она скрывалась, дожидаясь его возвращения. Он молча и сердито уставился на девчонку, не дававшую ему прохода с первых дней

пребывания в Оккаде.

– Ваша светлость, я ждала вас, – промурлыкал Кера, не услышав встречного вопроса.

– Я заметил. – Голос Вальборна прозвучал неестественно резко. – Иди домой, Кера.

– У меня к вам просьба, ваша светлость… – умоляюще прошептала девушка.

– Сейчас не время и не место, – оборвал ее Вальборн, побаиваясь продолжения. Он сердился на Керу а еще больше на себя, потому что девушка очень нравилась ему, как он ни отказывался признаться себе в этом. Но чувство опасности, возникавшее у него в ее присутствии, было сильнее.

– Вы завтра уйдете в Келангу, и, может быть, мы никогда уже не встретимся, – горячо заговорила Кера. – Я прошу вас, возьмите меня с собой!

– Нет! – непроизвольно вырвалось у Вальборна. Спохватившись, он добавил более сдержанно:

– Я не могу этого сделать – подумай сама, Кера.

– Я понимаю, я вам не ровня, – покорно сказала девушка. – Возьмите меня служанкой. Я умею готовить, стирать одежду, чистить обувь. Если что-то и не получится сразу, я обязательно выучусь. Я все для вас сделаю, только увезите меня отсюда.

– Нет, Кера, – уже спокойнее сказал Вальборн. – В моем войске нет женщин. Что подумают мои воины, если я возьму себе… служанку?

– Они подумают, что служить вам – большая честь. Вы же. – герой, благородный человек, великий воин…

– Мне не нужна служанка. – Безудержный поток восхвалений помог Вальборну обрести твердость.

– Но я не могу оставаться здесь, в Оккаде! – задрожала Кера. – Я не хочу возиться с огородом, со скотиной, не хочу быть женой деревенского чурбана! Я не хочу стать такой же, как они все! Я не знаю своих родителей, но я чувствую, что во мне течет благородная кровь! Мне здесь все чужое, чужое! Не так я хочу жить!

Хотя девушка говорила вполголоса, ее слова звучали с силой отчаянного крика. Она безотрывно глядела в лицо Вальборну и с каждым словом подступала асе ближе, вынуждая его пятиться назад. Вальборну стало не по себе при виде этой вспышки, этих горящих, приказывающих глаз. Сигнал опасности заглушил в нем все другие чувства, заставил ощетиниться для защиты.

– Прекрати, Кера! – выкрикнул он. – Пропусти меня!

Не дожидаясь, да и не надеясь, что девушка отступит в сторону, он оттолкнул ее с пути и скрылся в палатке. Кера

яростно уставилась в запахнувшуюся дверь.

– Ты… ты… – задохнулась она. – Ты пожалеешь об этом…

Теперь она ненавидела его, человека, посмевшего обмануть ее ожидания. Юная, неопытная щучка не додумалась применить способ, который сегодня мог бы подействовать безотказно. Она ушла, не подозревая, как близка была к цели в начале разговора.

Пять дней спустя войско Вальборна подошло к Келанге и укрылось в лесу невдалеке от города. С оккадскими лучниками и ополченцами в нем было более шестисот человек – немалое для острова войско, поэтому правитель надеялся отбить у Каморры город, если не силой, то хитростью. Поставив войско, он выбрал несколько человек из числа бывших жителей Келанги и послал в город с наказом выяснить все о численности и размещении врага.

Вернувшись, посыльные доложили Вальборну о том, что удалось узнать. Город оставался полупустым, так как зажиточные люди, составлявшие немалую часть населения, подались на юг, а остались лишь те, кому некуда было уходить… Уттаков в городе не было – Госсар повел их к Босхану, оставив наместником своего младшего брата с тремя сотнями воинов.

– Я так и предполагал, – сказал Вальборн Лаункару, дослушав посыльных. – Каморра не предусмотрел своего поражения под Оккадой.

– Странно, что и Госсар не подумал об этом, – добавил военачальник.

– Легкая победа вскружила им голову, – с усмешкой заметил Вальборн.

– Как бы и с нами не случилось того же. Город – не лес, там и десять человек могут сдержать сотню.

– Конечно, мы можем снова применить хитрость. Можно заслать в город ополченцев или воинов, переодетых в городскую одежду, чтобы они смешались с горожанами и захватили дворцовое войско врасплох. – Вальборн огорченно вздохнул. – Но, по правде говоря, мне противно даже и думать о том, что люди будут убивать друг друга из-за чьих-то честолюбивых замыслов. Уттаки – наши давние враги, но здесь…

– Ваша светлость! – вмешался в разговор один из посыльных, ожидавших разрешения удалиться. – Мой родственник служит в войске Госсара, я виделся с ним. Он говорит – как нагляделись все на уттаков, так никто и не рад новой власти. Треть воинов, говорит, сбежали к Норрену, остальные боятся. Вот и мы – возвращались, а сами думали – как биться-то? У кого там родня, у кого приятели, соседи… Рука не подымется.

– Не подымется, – согласился Вальборн. – Не лучше ли нам договориться, а не затевать драку?

– Хорошо бы, ваша светлость, – поддакнул посыльный.

– Тогда попробуем. Вернитесь в город и передайте тамошним воинам, что я, Вальборн из рода Кельварна, законный наследник Берсерена, а следовательно, и законный правитель Келанги, предлагаю им схватить наместника с его приверженцами и присоединиться ко мне. Я обещаю всем полное прощение, мою благодарность и службу в дворцовых войсках. Ступайте и возвращайтесь с ответом.

На третий день посыльные возвратились, приведя с собой двоих воинов в форме с черно-желтым гербом рода Лотварна. Воины из Келанги отсалютовали Вальборну мечами, как своему военачальнику. Это подсказало правителю, что переговоры были успешными.

– Рассказывайте, с чем пришли, – разрешил он.

– Ваше величество! – выступил старший из воинов. – Дворцовое войско с готовностью признает власть законного правителя Келанги.

– Я рад, что кровопролития не будет, – одобрил Вальборн. – Как вы поступили с наместником?

– Мы сговорились захватить его ночью, в спальне, – стал рассказывать воин. – Вчера собрались, кто покрепче, дождались темноты и пошли.

Наружная охрана была наша, во дворец нас впустили, а внутри, в комнатах, у него на страже были верные люди. Он с ними не расстается ни днем ни ночью. Начали мы рубиться – кого побили, кого схватили, а наместник ушел. Крепко рубился, аспид, пятерых наших уложил.

– Его преследовали? Известно, где он скрылся?

– Откуда? На улицах, в темноте, разве уследишь!

– В городе знают, что наместник бежал?

– С утра мы объехали Келангу и объявили, что город перешел во власть законного правителя. Объявили, что каждый, кто видел наместника, должен сообщить об этом во дворец.

– Как горожане приняли эту новость?

– Люди ликуют, ваше величество. Вам готовят торжественную встречу.

Все с нетерпением ждут, когда вы примете правление городом.

– Ты видишь, Лаункар? – обернулся Вальборн к своему полководцу. – Оказывается, не все на войне решается только битвой.

– Славен правитель отважный, мудрый славен вдвое, – напомнил ему Лаункар. – Благодаря вам с нами теперь Келанга и еще три сотни воинов. А сейчас – снимаем лагерь. Город ждет вас,

ваша свет… ваше величество.

XVII

Длинный и тесный лаз выходил в туннель, размерами и отделкой напоминавший подземный путь к Оранжевому шару. Царившая здесь тьма нехотя расступалась перед светящейся монтарвской одеждой Шеммы. Путники столпились вокруг табунщика, привыкая к темноте и постепенно различая потолок с барельефами, изображающими грифонов, клочья слабо мерцающей плесени, кое-где покрывавшей стены подземного хода, каменную крошку на полу, нанесенную потоками воды. Воздух был сырым и тяжелым, каменные своды были изъедены влагой и плесенью, в течение трехсот лет выполнявшими свою разрушительную работу.

– Погоня не достанет нас здесь, – заметил наблюдательный Тревинер.

– Монтарвы – крепкие ребята, в эту дыру им нипочем не пролезть. Разве копать надумают, но на это нужно время.

– Посмотри на карте, Тревинер, куда нам идти, – попросила его Лила.

– Путь пока один – прямо. – Охотник махнул рукой в глубь коридора.

– Шемма, давай-ка топай первым, а то света маловато.

– Вот еще… – заупрямился табунщик. Альмарен засветил перстень Феникса и передал Тревинеру. Охотник принял желтовато-зеленый огонек и, как обычно, возглавил группу. Остальные пошли вслед за ним в темноту проема, невольно пригибаясь и стараясь ступать потише.

Путь недолго оставался прямым – после первого ровного отрезка начались подъемы, спуски и повороты. Влага, висящая в воздухе, оседала на коже и затрудняла дыхание на подъемах. Сумрак, сырость, огромные тени, шевелящиеся на стенах, – все вокруг заставляло вспоминать о толще горной породы над головой, да и всееды, с пронзительным писком разбегавшиеся со света, не улучшали настроения! путников. Даже Тревинер и тот сбросил с лица обычный веселый оскал, сосредоточенно глядя то в карту, то по направлению туннеля.

– Кто ее нарисовал, хотел бы я знать… – ворчал он, хрустя картой. – Здесь прямая линия, а коридор виляет, как пьяный.

На встретившейся вскоре развилке он уверенно свернул налево. Левый туннель начинался вырубленной в камне лестницей с полуразрушенными ступенями, круто уходящей вниз. Путники спускались с осторожностью, потому что каждый неверный шаг грозил падением по лестнице, которой, казалось,

не было конца.

Воздух становился все гуще и тяжелее, приобретая явственный запах гнили.

– Нам сюда, Тревинер? – заволновалась магиня.

– Отстань, женщина, – отмахнулся охотник. – Дальше оба пути сходятся вместе, но этот путь по карте выглядит короче.

Лестница наконец стала более пологой. Пройдя еще несколько ступенек, Тревинер с возгласом отвращения остановился – его ноги по щиколотку погрузились в вязкую массу, забулькавшую пузырями. Гнилостный запах резко усилился. Все увидели, что ступени лестницы уходят в грязевое болото, покрытое мохнатым ковром серой плесени.

– Пришли, – мрачно высказался Шемма. Тревинер пренебрег замечанием табунщика. Он пригляделся и обнаружил, что болото тянется впереди на полтора десятка шагов, а дальше виднеется лестница, ведущая вверх.

– Здесь недалеко, – обратился он к остальным. – Попробуем перейти эту лужу вброд.

– А она глубокая? – забеспокоился табунщик.

– Сейчас проверим. – Тревинер подобрал несколько камешков и один за другим побросал в середину лужи. Камни исчезали в ней с густым чмоканьем, освобождая из-под ковра плесени пузыри, усиливавшие и без того невозможную вонь.

– Какая удача, что есть еще и длинный путь, – заметила Лила.

– Мы что, пойдем назад? – воззрился на нее Тревинер.

– Не полезем же мы в эту гадость! Еще неизвестно, что там, на дне, да и как мы будем пахнуть, когда вылезем оттуда? Нам даже не во что переодеться.

Охотник попытался возражать, но его никто не поддержал. Все пошли назад по лестнице и наконец, едва держась на ногах от усталости, выбрались на развилку. Оттуда они отправились длинным путем, который описал горизонтальную дугу и привел их к лестнице, выводящей из болота.

– Отдохнуть бы… – намекнул Шемма.

– На Белом алтаре отдохнешь, – обнадежил его охотник.

– Покажи карту, Тревинер, – потребовал Альмарен. – Где мы сейчас?

Охотник развернул карту и при свете перстня Феникса показал развилку:

– Здесь.

Альмарен вгляделся в карту. Света было недостаточно, линии на рисунке дрожали и расплывались.

– Как тебе удавалось ее видеть? – не выдержал маг. Он извлек из нагрудного кармана Желтый камень и осветил карту. Теперь

сетка линий виделась четко и ясно.

– Смотри, Тревинер. – Альмарен указал на короткий путь, оказавшийся непроходимым. – Эта линия толще, чем обходная. Наверное, толстыми линиями здесь отмечены лестницы, а тонкими – горизонтальные ходы.

– Тогда и здесь, и здесь тоже лестницы. – Тревинер ткнул пальцем в чертеж. – Учтем на будущее. Как ты думаешь, а что могут обозначать вот эти кружочки с хвостиками?

– Не знаю. Скоро мы дойдем до ближайшего, он у нас на пути.

Это оказался небольшой округлый зал искусственного происхождения.

У боковой стены зала располагался овальный стол, окруженный кольцеобразной скамейкой. Все было вырезано из цельного камня. По желобу, пробитому вдоль противоположной стены, протекал ручей, выходя из отверстия в стене и скрываясь в нижележащем отверстии на другом конце желоба.

– Значит, это монтарвская стоянка, – догадался Тревинер, – а хвостиком отмечен источник. Следующий кружок без хвостика – там, наверное, нет воды. Давайте устроим привал здесь.

Достав котелок, охотник подошел к источнику. Там он долго и придирчиво пробовал воду, но все же признал ее пригодной для питья. Лила тем временем развернула на столе тряпку, в которой хранились дорожные лепешки. Они не заплесневели благодаря заклинанию, наложенному ею на тряпку, но отсырели, став тяжелыми, скользкими и неаппетитными на вид. Все расселись вокруг стола и принялись за еду, запивая сырые и холодные лепешки сырой и холодной водой.

– Чайку бы сюда… – замечтал Шемма.

– У меня найдется травка для чая, – сообщил ему охотник. – Ты, случайно, не захватил с собой дров?

Шемма тяжело вздохнул в ответ. После короткого отдыха путники пошли вперед по бесконечно тянущемуся коридору. Упорное выражение прочно утвердилось на лице шедшего первым Тревинера, за охотником терпеливо следовал Витри, от самого Лура не произнесший ни слова, за ними, спотыкаясь, брел Шемма.

Бодрее всех выглядел Альмарен – мысль о том, что маленькой женщине может понадобиться, поддержка и помощь, придавала ему силы.

Следующая стоянка встретилась не скоро. Усевшись на скамейку у стола, табунщик объявил, что шагу не сделает дальше, пока не поспит.

– Нутром чую, что наверху сейчас ночь, – убежденно заявил

он.

На этот раз его заявление было принято без возражений. Путники поужинали и огляделись в поисках ровного места для отдыха. Подходящая площадка нашлась рядом, ее край, возвышавшийся над уровнем пола, наводил на мысль, что монтарвы тоже использовали ее для ночлега.

– Нежаркая нам предстоит ночка, – поежился Тревинер, разгребая с площадки мелкие камешки. – Ничего, уляжемся поплотнее да накроемся моим плащом… Зря, что ли, я его с собой таскаю.

Он достал из мешка теплый зимний плащ, длинный и широкий, пропахший дымом и смолой. Будучи расправленным, плащ вполне мог укрыть если не пятерых, то троих-четверых. Оставив мешки на столе, все начали устраиваться на ночлег. Тревинер набросил сверху плащ и снял с руки перстень Феникса.

Оказавшись в темноте, усталые путники сразу же провалились в забытье. Не спалось одному Альмарену, выбравшему место рядом с магиней.

Почувствовав, что она уснула, он осторожно придвинулся к ней, прикрыл ее рукой, чтобы защитить от холода, и долго лежал, боясь пошевелиться, слушая то ее легкое, сонное дыхание, то стук собственного сердца, частившего, как при беге в гору.

Вдруг какая-то возня и постукивание заставили его насторожиться.

Альмарен поднял голову и прислушался. Странные звуки доносились со стола, где были оставлены мешки. Осторожно, чтобы не потревожить спящую магиню, он достал перстень Грифона и прошептал заклинание. Перстень загорелся тусклым красноватым светом, едва позволявшим разглядеть площадку и окружающее пространство.

Увидев, что творится на столе, маг мгновенно вскочил на ноги – вещи покрывал слой всеедов, с упоением грызущих кожу и лямки мешков. Альмарен подбежал к столу и замахал руками на всеедов, отгоняя их прочь, но зверье не намеревалось расставаться с даровой пищей. Ближние грызуны кинулись на мага, вцепились в башмаки, повисли на штанинах, тот отшвыривал их пинками, пытаясь дотянуться до рукояти меча, выглядывавшей из-под вещей.

– Альмарен, они боятся света! – крикнул ему проснувшийся от шума.

Тревинер. – Вытащи Желтый камень!

Маг последовал совету охотника. Грызуны с визгом бросились врассыпную, прочь от света, обжигающего их слепые, белые глаза. Альмарен склонился к вещам посмотреть, велик ли

ущерб, к нему тут же подошел Тревинер, а за ним – Лила и Витри, которых тоже разбудил шум. Охотник первым делом отыскал свой лук Феникса, боясь за целость тетивы, но оружие, полностью прикрытое вещами, осталось нетронутым. Хуже пришлось мешкам – всееды, учуяв пищу, прогрызли в них множество дыр. К счастью, большая часть содержимого уцелела.

– Нам нужно оставлять освещение, – сказал, наконец, охотник. – В темноте здесь ночевать опасно.

– При свете тоже опасно, – возразила ему Лила. – Если за нами послали погоню, она заметит нас издали.

– Если погоня отправится этим путем, мимо нас она в любом случае не пройдет. Самое лучшее – дежурить по очереди, хотя бы поначалу.

– Давайте, я буду первой, – предложила магиня. – Мешки все равно нужно зашивать.

– И я тоже, – вызвался Альмарен.

И Витри, и Тревинер, казалось, не замечали отношения Альмарена к магине, как, не сговариваясь, не замечают чужого увечья. Они, как по команде, повернулись и пошли на площадку, откуда доносился могучий храп привольно раскинувшегося под плащом Шеммы. Лила занялась починкой мешков, Альмарен уселся поблизости и понемногу втянул ее в легкую, беспечную болтовню, где не было места ни погоне, ни всеедам.

Помня, что до Фаура неделя пути, охотник приду мал измерять сутки расстоянием на карте. Он раздели весь путь на семь отрезков и предложил устраивать ночлег после того, как будет пройдена седьмая част пути. Но планы охотника не сбылись – дорога ухудшалась с каждым переходом, все чаще встречались труднопроходимые промоины и завалы, замедлявши передвижение.

Условные сутки становились все короче, поэтому седьмая ночевка прошла в пещере, а до Фаура еще оставалось не меньше двух суточных переходов.

Путники, поглощенные преодолением дорожных трудностей, уже не думали о возможной погоне. Альмарен вспомнил про эфилемовую гальку, подобранную на Руне, и изготовил из нее несколько светлячков Феникса. Светлячки хорошо освещали и путь, и карту, с которой постоянно сверялся охотник, а во время ночевок, разложенные вокруг стоянки, надежно защищали от всеедов. Дежурства были отменены, но сон в холодном и сыром воздухе пещеры по-прежнему плохо восстанавливал силы. Кроме того, всех, а особенно Шемму, беспокоило, что не хватает провизии, часть которой пропала во время нашествия всеедов.

– На последнем переходе мы пойдем натощак, – объявил

Тревинер за завтраком. – Зато – налегке!

– По мне, и груз на плечах не страшен, если нагрузишь желудок, – глубокомысленно заметил табунщик. – Я бы и десять окороков снес, если бы девять – на спину, а один – внутрь.

– Денек голодовки тебе не повредит, ты у нас еще в теле.

– Я-в теле?! Где в теле? – возмутился Шемма, сочувственно оглядывая свой живот и плечи. – Разве ж это – тело?! Это ты, Тревинер, как связка жердей, тебе что ешь, что не ешь – не в коня корм! А я вчера свой ремень уже на четвертую дырку переставил. Как я в Лоане-то таким покажусь?

– Бусы-то у тебя с собой? – напомнил ему Витри.

– Бусы? С собой. – Страдальческое выражение лица табунщика сменилось мечтательным. – Может, мы еще отъедимся в дороге, пока идем до Лоана?

А, Витри?

– Отъедимся, – откликнулся вместо Витри охотник. – Только бы наверх, в лес выйти да подождать, пока у моего лука тетива просохнет. И будет тебе зайчатинка, сколько душа просит.

– Зайчатинка… – эхом отозвался Шемма.

– А пока – вперед! – Тревинер вскочил на ноги и накинул мешок на плечи. Шемма, как завороженный, последовал его примеру.

Поначалу они шли по наклонному коридору, своды которого, источенные водой, казалось, давно забыли о своем искусственном происхождении.

Размытое дно коридора напоминало пересохшее русло ручья, в стенах зияли огромные ниши, кое-где с провалами, уходящими вглубь породы, – путями подземных потоков, бушевавших здесь триста лет назад. Потолок местами обвалился, создав на пути труднопроходимые насыпи высотой в один-два человеческих роста. Ничто не могло яснее передать всю грандиозность давней катастрофы, чем картина разрушения, шаг за шагом открывавшаяся путникам.

Коридор закончился развилкой из двух лестниц, одна из которых вела вверх, а другая – вниз. Заглянув в карту, Тревинер выбрал путь по лестнице, ведущей вверх. Три десятка ступеней привели в очередной туннель, перегороженный у самого входа обвалом. Путники вскарабкались на насыпь и в растерянности остановились, увидев перед собой спокойную черную воду. Дно туннеля было озером, тянущимся вдаль, насколько позволяло видеть освещение.

– Ты не ошибся на развилке, Тревинер? – Альмарен заглянул через плечо охотника в карту.

– Здесь только один путь, – ответил тот. – Другой, если

верить карте, кончается тупиком.

– Покажи. – Рассмотрев указанный кусок карты, Альмарен признал правоту охотника. – Но если это единственный путь, лурские монтарвы как-то сумели пробраться по нему в Фаур, а жители Фаура – переселиться в Лур. Значит, здесь должен быть проход.

– Не обязательно, – вмешалась в разговор Лила. – Порода могла обвалиться и позже, когда Фаур опустел.

– Давайте посмотрим, может, вдоль одной из стен есть тропа, – предложил Альмарен.

Они осмотрели края насыпи, но тропы там не было. Подмытые стены пещеры нависали над водой, а высота насыпи, превосходившая два человеческих роста, исключала даже и мысль о преодолении озера вброд.

– Может, раскопаем насыпь и спустим воду? – снова предложил маг.

– Здесь работы на неделю, – охладил его рвение Тревинер, – а у нас еды осталось на три раза. Я бы лучше сначала проверил тупиковый путь.

Они вернулись на развилку и спустились по другой лестнице. От основания лестницы отходил горизонтальный коридор, идущий в том же направлении, что и верхний.

– Что я говорил?! – обрадовался охотник. – По нему мы, пожалуй, доберемся до места.

– Но почему этого пути нет на карте? – спросил его Витри.

– Видишь? – Тревинер указал на промытую линию, идущую по стене туннеля. – На этом уровне здесь прежде стояла вода. Когда монтарвы пришли сюда, туннель был затоплен, поэтому они не нанесли его на карту. Но с тех пор, не забывай, триста лет прошло. Вода постепенно ушла, и путь освободился.

Вдруг сверху раздался подозрительный шорох, посыпалась пыль и мелкие камешки.

– За мной! – выкрикнул охотник и мгновенно отскочил в глубь туннеля. Все кинулись за ним, не спрашивая, в чем дело. На место, где они только что стояли, рухнула груда камней, едва не сбив с ног зазевавшегося табунщика.

– Здесь все еле держится, нужно идти поосторожнее, – предупредил Тревинер, отряхивая с себя пыль. – Это тебя касается, Шемма, топаешь, как конский табун.

– Путь назад отрезан, – первым догадался Альмарен, осмотрев образовавшуюся насыпь.

– Куча не так велика, чтобы не прокопать обратный путь, – прикинул на глазок Тревинер. – Но там нам пока нечего делать. Вперед!

Туннель расширился в огромную, бесконечно длинную пещеру, сотворенную похозяйничавшей здесь водой. В конце пещеры вновь обнаружилась развилка, где каждый из двух путей начинался изуродованной каменной лестницей, ведущей вниз. Охотник остановился, разглядывая обе лестницы.

– Куда идти дальше? – спросил его Альмарен.

– Если бы я знал… – пожал плечами охотник. – Карты-то на этот участок нет. Вела бы одна лестница вверх, а другая вниз, я бы сразу выбрал верхнюю, а они, сам видишь, одинаковые, как две пуговицы.

– Давайте пойдем сюда, – указал на одну из лестниц Шемма.

– А почему сюда? – заспорил с ним Витри. – Вот эта выглядит лучше.

– Не спорьте, парни, – остановил их Тревинер. – Нужно разведать оба пути, а не соваться куда попало. Ты, Шемма, посидишь с вещами, а мы разделимся попарно и проверим, куда ведут эти лестницы.

– Как?! – встрепенулся табунщик. – Я останусь здесь один?!

– Что тут такого? Завернись в мой плащ и поспи, пока нас нет. А чтобы крепче спалось, возьми себе добавочную лепешку.

– Подойдет, – расплылся в улыбке Шемма. Вещи перенесли в одну из ниш, показавшуюся удобной. Альмарен совместил Желтый и Красный камни в оранжевое яблоко с вырезанной долькой, завернул их в тряпку и спрятал в стенном углублении, прикрыв обломком породы. Вчетвером они взяли по лепешке в дорогу и, оставив Шемму с вещами, подошли к развилке.

– Мы с Витри пойдем сюда, а вы – сюда, – предложил Альмарену охотник. – Смотри, на карте есть встречный тупик в полусутках пути от первого.

Нам нужно найти это место, запомни его получше.

Внимательно изучив карту, Альмарен вернул ее охотнику. Тревинер сделал знак Витри и углубился в ближайший проход, а Лила с Альмареном пошли по другому пути.

***

Каморра не имел понятия о подлинных размерах подземного пути, названного «пещерами Фаура», а потому не сомневался, что не пройдет и суток, как и Красный камень, и его владелец будут у него в руках. Перебравшись на другую сторону лаза, маг обнаружил, что Красный камень впереди и не близко. Он

прикрикнул на уттаков, чтобы те следовали за ним, и пошел первым, освещая путь светлячком Василиска.

Маг шагал так быстро, как только позволяла дорога и спертый, сырой воздух, дикари не отставали, боясь потеряться в недрах ненавистных уттакскому племени скал. Первая же встреченная развилка заставила Каморру задуматься о выборе пути, впрочем ненадолго.

Определив направление на Красный камень, он выбрал левый коридор, спустился по длинной, полуразрушенной каменной лестнице и оказался у вонючего болота. Там он увидел следы беглеца, уходившие в болото и кое-где еще сохранившиеся на покрытой плесенью поверхности. Каморра не колеблясь шагнул вперед и по пояс погрузился в вязкую вонючую жижу, нехотя расступившуюся перед ним. Низкорослые уттаки, последовавшие за магом в болото, провалились по грудь.

Они переправились на другую сторону и начали подниматься по лестнице, источая грязь и вонь, непосильную даже уттакам. Самые храбрые дикари отважились на робкое «великий вождь, пойдем назад…», но Каморра, напомнив им о гневе белого диска, упрямо.пошел вслед за Красным камнем. По следам, оставленным в пыли коридоров, он определил, что с камнем идут не один, а четыре или пять человек, но это не смутило мага – двух десятков оставшихся от отряда уттаков было достаточно, чтобы справиться с пятерыми беглецами.

Длинный, виляющий в горной породе туннель привел в округлый зал с ручейком у стены и каменным столом. Маг первым напился и отмылся от грязи, затем подпустил к источнику уттаков, а сам осмотрел зал. Следы на пыльном полу указывали, что беглецы останавливались здесь на привал.

Надеясь выиграть время, Каморра пренебрег отдыхом. Ему казалось, что еще немного – и беглецы будут схвачены, но туннель нескончаемо тянулся, непривычные к подземной жизни уттаки валились с ног, а Красный камень все так же издевательски маячил впереди, то ближе, то дальше, но оставаясь за пределами досягаемости.

Потянулись переходы и привалы, и вновь переходы и привалы, неотличимые от предыдущих. Пока не иссякли припасы, взятые на трое суток, маг еще мог определить, как долго он остается под землей, затем его понятия о времени смешались. Чтобы прокормиться, уттаки начали добывать всеедов, которых они ловко подбивали камнями. Поначалу Каморра не мог заставить себя есть сырое вонючее мясо подземной крысы, но вскоре голод пересилил отвращение.

Путь ухудшался с каждым переходом, воздух становился

сырее и холоднее, с потолка сыпались камни, то пугая, то ушибая зазевавшихся дикарей.

Уттаки с каждым днем становились беспокойнее и непослушнее, их маленькие черные глазки смотрели злобно и неприязненно. Каморра, не обращавший внимания на странности поведения, дикарей, наконец заинтересовался их разговорами и использовал заклинание усиления слуха, чтобы узнать, о чем они шепчутся. Первые же услышанные слова заставили его подскочить на месте.

– …Плохой вождь – тот, кто не чтит заветы предков.

– …Плохой… Заветы предков не велят нам ходить в скалы.

– Тот, другой вождь вождей, чтит заветы предков, он никогда не пошлет нас в скалы.

– Он говорит, что наш вождь – плохой вождь.

– А гнев белого диска?

– Не будет диска – не будет и гнева. Надо разбить этот диск. Так говорит тот, другой вождь вождей. Он хороший вождь.

Каморра схватился за белый диск, висевший на груди. Трудности пути обессилили мага, поэтому он давно не обращался к диску, но сейчас необходимость была налицо. Маг прикрыл глаза и сосредоточился на амулете, чтобы послать внушение обнаглевшим дикарям, затем расслабился, подбирая слова, и в этот миг уловил тихий шепот, исходящий от диска.

– «…Друзья мои, храбрые уттакские воины… Вы повинуетесь человеку без рода без племени, одинаково чужому и людям, и уттакам. Зачем вам этот безродный, который не уважает вождей и не чтит заветы предков? Вам нужен тот, кто умеет чтить величие древних родов, вам нужен вождь высокого рода, благородной крови. Разбейте диск этого выскочки, и тогда вы легко расправитесь с ним…»

– Госсар!!! – взвился Каморра. – Этот негодяй слишком хорошо усвоил мои уроки! Вообразил себя магом, подонок! Да я им сейчас такое внушу, что они тут же разорвут его на части!

Яростная мысль мага, разящая Госсара, устремилась в амулет, готовая распространиться по подчиненным дискам и войти в уттакские головы.

Каморра напрягся, чтобы вложить в послание необходимую силу, но вдруг почувствовал головокружение, разъединившее его с амулетом. Голод и усталость сделали свое – сил мага не хватало для оживления заклинания. Отдышавшись, он вскочил на ноги и подошел к уттакам.

– Эй, вы, грязные твари! – крикнул он по-уттакски. – Я вас насквозь вижу! Думаете, я не знаю, что вы хотите убить меня? Подумайте лучше о том, как вы выберетесь отсюда без меня,

болваны! Вы что, хотите остаться здесь и всю жизнь жрать крыс? Или все-таки вы хотите в лес, на солнце?!

Уттаки притихли. Маг стоял, грозно и хмуро оглядывая дикарей в ожидании ответа.

– Мы повинуемся тебе, вождь вождей, – откликнулся одинокий голос.

– Ваше счастье… – проворчал Каморра и вернулся на место. Он не обольщался прозвучавшей в ответе покорностью. Выбравшись из-под земли, дикари вновь станут опасными, пока он не сможет пользоваться диском.

Красный камень по-прежнему маячил впереди, помогая выбирать направление на встречающихся изредка развилках. Когда коридор закончился развилкой из двух лестниц, Каморра, как обычно, поискал направление на Красный камень. Хотя амулет был недалеко, в стенной нише нижней пещеры, прикрытый обломком скалы, соединение с Желтым камнем сделало его энергию неузнаваемой, поэтому Е магу не удалось отыскать знакомую нить.

Подумав, что все дело в переутомлении, он решил повторить поиск камня после отдыха, а пока выбрал путь по верхней лестнице. Там его встретило спокойное черное озеро, а на влажной кромке удерживающей воду насыпи отпечатались свежие следы беглецов. Каморра повернул уттаков назад;и спустился по нижней лестнице. Нижний путь уперся в тупик, образованный обвалившейся породой.

Маг вернулся к озеру и еще раз осмотрел следы на насыпи.

Единственный путь, которым, видимо, и воспользовались беглецы – вплавь через озеро, – был неприемлем для уттаков, не умеющих держаться на воде. Бросать дикарей Каморра пока не хотел, не из жалости, а потому, что не надеялся в одиночку справиться с пятерыми. Впрочем, подумал маг, что невозможно для нескольких человек, вполне посильно для двух десятков уттаков.

– Раскапывайте насыпь, – приказал он уттакам. – Да пошевеливайтесь, если хотите выбраться отсюда.

Уттаки бросились растаскивать камни, разгребать слежавшуюся глину.

Тонкий ручеек, устремившийся в прокопанную дикарями канаву, превратился в ручей, а затем – в речку. Вода хлынула вниз по лестнице, стремительно довершая работу по сносу насыпи, едва не смывая вцепившихся в стены дикарей.

Озеро иссякало на глазах. Вскоре обнажились мокрые скользкие стены, а затем и покрытое вязкой грязью дно. Когда вся вода стекла, Каморра пошел вперед по открывшемуся пути,

увлекая за собой мокрых, облепленных глиной уттаков.

***

Лестница, по которой спустились Витри и Тревинер, незаметно перешла в наклонный туннель, круто уходящий вниз. Путь был непривычно гладким и ровным – ни промоин, ни обвалов, постоянно встречавшихся путникам на предыдущих переходах. Тревинер освещал путь светлячком Феникса, Витри шел рядом с охотником, настороженно осматривая новые места.

– Как здесь чисто, Тревинер, – поделился он впечатлениями. – Почти как в Луре.

– Когда-то здесь стояла вода, – вспомнил охотник. – Видимо, поблизости образовался водосток. Уклон здесь крутой, поэтому вода прихватила с собой все лишнее.

– Я вижу этот водосток! – оживился Витри. – Вон там, над полом, дыра в стене!

– Где? Вижу. Глазастый ты парень. А дальше, случайно, не тупик?

– Нет, подъем.

– Все, как я и предполагал. Вода просочилась в породу, а затем прорвала отверстие и освободила нижний туннель. Если повезет, мы найдем здесь выход.

– А что это шумит там, сзади? – вдруг насторожился Витри.

– Сзади? – Охотник встревоженно обернулся. Там было пусто, но в следующее мгновение в дальнем конце туннеля показался стремительно приближающийся поток воды. – Откуда здесь вода? Бежим, Витри!

Они понеслись вниз по коридору, но не успели опередить летящую следом водяную лавину. Поток захлестнул их в двух десятках шагов от водостока, обогнал и, достигнув нижней точки туннеля, с ревом обрушился в зияющее чернотой отверстие. Несмотря на то что вода в потоке едва доходила до колен, из-за бурного течения оба с трудом устояли на ногах.

– Держись, Витри! – прокричал Тревинер лоанцу. – Там, впереди – подъем!

Охотник, осторожно переставляя ноги, шаг за шагом начал приближаться к краю потока. Витри последовал его примеру и благополучно сделал несколько шагов, как вдруг большой камень, катящийся в потоке, налетел на лоанца и сбил его с ног. Витри вскрикнул и забарахтался в воде, пытаясь встать на ноги,

но не справился с течением, неудержимо влекущим его вниз, к черному отверстию. Не успел он опомниться, как его ноги затянуло в дыру.

Витри вцепился в край отверстия и повис, болтаясь в потоке, его руки медленно сползали по скользкому, гладкому камню. Еще мгновение – и он сорвался бы и полетел в недра земли, но в этот миг рука охотника схватила его за шиворот, удерживая на весу. Тревинер потянул лоанца из водостока, Витри отчаянно заскреб руками по камню, помогая охотнику. Совместных усилий, казалось, хватало лишь на то, чтобы удержаться в бешеном потоке, но Тревинер, собравшись с силами, рванул к себе лоанца и выдернул из дыры. Оба повалились на каменный пол рядом с потоком.

Сначала Витри лежал, приходя в себя, не веря, что оказался на твердой земле. Затем он поднял голову и встретил взгляд охотника – глаза, черные из-за расширенных зрачков.

– Уф-ф-ф… – потряс головой Тревинер. – Думал – все, потеряю тебя, дружище Витри…

– Ты спас меня, Тревинер. – Витри взглянул на отверстие, с грохотом поглощавшее воду. – Ты и сам мог свалиться туда вместе со мной…

– Не свалился, как видишь…

Оба сели на камни и уставились на поток.

– Откуда здесь взялась эта аспидова лужа? – задумался вслух охотник. – Верхнее озеро прорвало, что ли? Может, те камни, которые чуть не упали нам на головы…

– Шемма! – вскрикнул Витри. – Там остался Шемма! Нам нужно вернуться!

– Куда? – Тревинер мотнул головой на поток. – Тебе одного купания мало? Посидим, подождем – кажется, воды стало меньше.

Время шло, поток успокаивался, утихал, а затем иссяк так же внезапно, как и появился. Тревинер и Витри пошли назад по мокрому, отмытому до блеска туннелю.

– Потерпи до стоянки, – уговаривал Тревинер дрожащего от холода лоанца. – Как придем на место, я дам тебе свою запасную одежонку… если, конечно, ее не смыло.

Они поднялись по лестнице и выбрались в пещеру, где оставили Шемму. Все вещи были в сохранности – вода не попала в нишу, расположенную в возвышении над полом. Рядом с вещами, уютно завернувшись в плащ Тревинера, похрапывал табунщик. Сна Шеммы не потревожил даже поток, пронесшийся в трех шагах от его головы.

Тревинер переглянулся с Витри, и они оба рассмеялись.

Табунщик завозился и перевернулся на другой бок, но так и не проснулся. Достав из своего мешка рубашку, куртку, штаны, охотник отдал их лоанцу.

– Пойдем-ка на разведку не в эту сторону, а в ту, откуда мы пришли, – предложил он, когда тот переоделся. – Что-то мне любопытно стало, как там наше озеро поживает.

Витри подвернул штанины, чтобы не мешали при ходьбе, и последовал за охотником. Пол пещеры стал сырым и скользким, остатки воды испарялись, делая насыщенно-влажным и без того тяжелый воздух, кое-где поблескивали оставшиеся от потока лужи. Каменное нагромождение у подножия лестницы было сметено дочиста, одна лишь выемка на потолке напоминала о недавнем обвале.

– Нет, поток появился не отсюда, – глянул на нее Тревинер. – Вода сбегала по лестнице – видишь, во что превратились ступени?

Он начал карабкаться вверх по тому, во что превратились ступени, Витри полез следом. Вскоре они поднялись к верхнему туннелю, туда, где было подземное озеро.

Теперь озера не было. От удерживавшей воду насыпи уцелели только жалкие остатки у стен туннеля. Перед Тревинером и Витри простиралось ровное илистое дно.

– Отрадно, – отметил охотник. – Теперь нам не нужно искать другой путь. Подожди-ка, а что это там, на дне?

Он поднял повыше светлячок Феникса и присвистнул, выражая удивление.

– Следы ног, Витри, да сколько! Похоже, тут прошла целая армия!

– Неужели монтарвы все-таки послали погоню? – испугался Витри.

Тревинер нагнулся к ближайшим отпечаткам ног.

– Это уттакские следы – мягкая подошва, квадратный носок. Такую обувь носят только уттаки.

– Откуда они взялись? И что они тут делают?

– Именно это мы с тобой сейчас и разведаем. – Тревинер выпрямился, в его голосе зазвенел охотничий азарт. – Мы выследим их, Витри!

Он бодро зашлепал по вязкому, илистому дну. Витри отправился за ним, стараясь ступать след в след. Туннель постепенно пошел на подъем и вскоре вывел их к противоположному концу озера. Хотя илистое дно осталось позади, следы мокрых и грязных уттакских ног хорошо виднелись на пыльном полу. На развилке охотник вытащил карту и углубился в изучение переплетения линий.

– Что ты там ищешь, Тревинер? – спросил Витри.

– Ищу, куда они пошли.

– Они пошли сюда, – подсказал ему Витри, указывая на следы.

– Я ищу здесь, на карте, – объяснил охотник. – Если идти к центру Фаура, то другой путь короче. Они ошиблись, выбирая дорогу. Дальше они пойдут этим туннелем – куда же им еще деваться, развилок-то больше нет – и придут сюда, в этот зал. Здесь они устроят стоянку, потому что больше негде. Это означает, Витри, что здесь мы их и догоним.

Они вновь пошли по уттакским следам. Туннель расширялся, становился выше, чище и ровнее.

– Смотри! – Охотник указал Витри на выбитую в камне надпись, едва заметную на стене. – Одиннадцатый радиальный – город близко. Мы почти у цели!

– А уттаки?

– Тоже близко. Нам пора быть поосторожнее.

Он зажал светлячок Феникса в кулак, оставив тонкий лучик. Пройдя еще немного, Витри увидел белый свет, озаряющий потолок туннеля.

– Белый свет – это светлячки Василиска. – Тревинер перешел на шепот. – Там, в конце подъема, – стоянка. Уттаки на ней. Я уверен, что с ними Каморра – без него они ни за что в подземелье не полезут. Давай тихонько, по стеночке, подойдем поближе.

Тревинер убрал светлячок в карман и начал красться вдоль стены.

Добравшись до выхода в зал, он осторожно выглянул из-за угла и увидел десятка два устроившихся на ночевку уттаков. Поодаль от них, положив голову на мешок, дремал тощий, костлявый человек, в котором охотник узнал Каморру.

Дикари о чем-то переговаривались. Тревинер напряг слух, но почти ничего не понял – он плохо знал уттакский язык. Оглянувшись на Витри, он жестом показал на уши и на язык. Лоанец кивнул. Некоторое время он прислушивался к галдящим, гнусавым звукам, затем потянул Тревинера за рукав. Оба осторожно удалились.

– О чем они болтали? – спросил Тревинер, отойдя на достаточное расстояние.

– Они ищут нас. Один сказал, что великий вождь выпустит их на солнце, когда пятеро будут пойманы. Но они не знают, где мы сейчас. Они говорят, что следов нет, а великий вождь молчит.

– Значит, они потеряли наш след. Прекрасно. Мы проберемся в Фаур другим путем, а там отыщем выход наверх, чтобы не нарваться на них под землей.

– А сейчас – возвращаемся?

– Да, и поскорее. Порадуем наших. Обратный путь оказался изнурительно долгим. Преодолевая вязкое дно озера, они оба едва тащили ноги, одна лишь мысль о скором возвращении на стоянку придавала им силы. В дальнем конце знакомой пещеры они увидели светящееся пятно – Шемма проснулся и сидел на краю ниши, высматривая своих друзей.

– Наконец-то пришли! – кинулся он им навстречу. – Ну как?!

– Чудненько, приятель, – оскалился Тревинер. – Выход найден, город найден. Еще немного – и мы с тобой посидим на травке, поедим зайчатины. Дай-ка присяду, а то ноги не держат. А где наши маги?

– Не знаю, – вздохнул Шемма. – Наверное, скоро придут.

– Разве они не возвращались? – забеспокоился Тревинер. – Неужели они еще где-то бродят?

– Как видишь… – развел руками табунщик.

– Что же делать? – В голосе охотника прозвучала откровенная тревога. Он посидел еще немного, затем встал. – Я пойду искать их. Ждите меня здесь.

– И я с тобой, – вызвался Витри.

– Ты еще можешь ходить? Тогда идем, вдвоем веселее.

***

Альмарен шел на полшага позади Лилы. Так он мог видеть ее лицо в профиль – безмятежно-спокойное, ресницы полуопущены, как крылья отдыхающей бабочки. Если маленькая женщина и чувствовала на себе взгляд мага, это никак не отражалось на ее лице. Альмарену было хорошо знакомо это упрямое безразличие, невидимым барьером вставшее между ними после злополучного разговора у ручья.

– Дорога опять идет вниз, – не оборачиваясь обронила она. – Две ночевки прошли, а мы все куда-то спускаемся.

– Мы у северного края Ционского нагорья, – вспомнил карту Альмарен. – Фаур расположен под землей ниже Лура.

– Я не понимаю, почему лурские монтарвы так боялись этого наводнения. Вода не достигла и половины пути между городами.

– Мне показалось, что они привыкли бояться всего, что может вторгнуться в их жизнь и изменить их привычное существование. Их давние предки не оказали сопротивления уттакам, а предпочли уйти под землю – и в этом тоже виден характер монтарвского народа.

– Я не хотела бы… я не смогла бы жить под землей. Бедняги, они никогда не видят неба. Я рада, что наш путь подходит к концу.

Интонация последней фразы выдала Альмарену усталость магини, никогда не позволявшей себе и намека на жалобу.

– Город близко, его окраинные туннели начинаются сразу же за озером, – ободряюще напомнил он. – Может, по этому туннелю до него еще ближе.

– Там, у озера, я чувствовала впереди Белый шар, а здесь уже не чувствую, – сказала в ответ магиня. – Вот что меня беспокоит, Альмарен, – когда мы подойдем к этому шару, наши камни усилят его магию, хотим мы этого или нет.

Они усилят амулеты Каморры, понимаешь? Получается, что мы не должны приближаться к Белому шару, пока не найдем способ разрушить магию ордена Василиска.

Альмарен задумался над неожиданной задачей. Не услышав ответа.

Лила замедлила шаг и оглянулась.

– Знаешь что, – встретил он ее взгляд, – а почему бы нам не наложить на них такую же оболочку…

Вдруг ее лицо изменилось, глаза встревоженно распахнулись, как при виде неотвратимой опасности. Поняв, что Лила смотрит за его спину, Альмарен резко обернулся. Сзади стремительно приближался водяной поток, в его кипящих струях угрожающе перекатывались каменные валуны.

– Бежим! – Он схватил ее за руку и потащил вниз по коридору, который спускался все круче, перейдя наконец в лестницу. Они мчались по ней, прыгая через ступени, сзади бурлила, настигала вода. В конце лестницы оказался ровный участок пути, несколько шагов спустя сменившийся ступенями, ведущими вверх.

Короткий подъем ушел из-под ног так внезапно, что Альмарен, споткнувшись, выронил светлячок Феникса. Золотисто-зеленый шарик мелькнул в воздухе и ударился о ступени, разлетевшись на десятки сверкающих осколков. Лила подхватила один осколок, Альмарен остановился на мгновение, дожидаясь магиню, и вновь потянул ее за собой. Впереди открылся короткий горизонтальный туннель, в конце которого виднелся свет.

– Здесь выход! – обрадовался Альмарен и тут же осекся. Туннель обрывался в глубокий отвесный колодец. Маг едва успел остановиться на краю, удерживая свою спутницу.

– Здесь тупик, – поправила его Лила. – Это вентиляционная шахта монтарвов.

Свет, с непривычки казавшийся ярким, просачивался в узкую

щель на верхнем конце шахты. Отвесные стены колодца уходили высоко вверх, к вентиляционному отверстию, и сужались там, защищая шахту от проникновения солнечных лучей и непрошеных посетителей. Несмотря на это, дно колодца было усеяно скелетами мелких животных, поверх которых бегали ящерицы, свалившиеся в шахту со скал.

– Тупик… – повторил вслед за магиней Альмарен, обшарив взглядом дно и стены шахты. Он оглянулся назад и увидел, что прибывающая вода уже залила верхние ступени подъема и устремилась к шахте.

Альмарен вскочил на выступ у стены, служивший когда-то скамьей приходившим сюда монтарвам, и втащил за собой Лилу. Поток, волочивший куски плесени, а иногда и барахтающихся в воде всеедов, понесся мимо скамьи в колодец. Маг не отрывал взгляда от быстро поднимающейся воды, прижимая к себе маленькую женщину, будто бы это могло спасти ее, и никак не мог решить, что хуже – захлебнуться первым и оставить ее погибать в одиночестве или быть беспомощным свидетелем ее гибели.

Вода перестала прибывать, когда колодец заполнился почти до краев.

Поток ослабел и истощился, а затем нехотя отступил, оставляя мокрый след на дне туннеля. Убедившись, что опасность миновала, оба спустились со скамьи, подошли к выходу и увидели, что вода залила нижний туннель, превратив его в озеро, на дне которого, словно звезды, мерцали осколки светлячка Феникса.

«Это только отсрочка, – сообразил Альмарен. – Обратный путь перекрыт».

– Нам рано отчаиваться, – сказала Лила, словно прочитав его мысли.

– Первая ступенька уже показалась из воды, значит, в стенах туннеля есть трещины и вода просачивается в них. Подождем, пока она стечет.

Судя по скорости отступления воды, им предстоя до долгое ожидание.

Они вернулись к краю колодца и уселись на скамью. Альмарен взглянул на магиню – она выглядела одинокой и усталой, нуждающейся в утешении. Здесь, в безвыходном положении, лицом к лицу со смертельной опасностью, ему показалось бессмысленным сдерживаться или притворяться. Он придвинулся поближе, обнял Лилу за плечи, и она не отстранилась. В ее ответном взгляде светилось нежное чувство – не то, которое он так надеялся, так мечтал когда-нибудь увидеть,

а другое – соучастие, понимание общей судьбы. Альмарен уткнулся лицом в ее волосы, и время остановилось для него.

Наверху темнело. Свет в верхнем отверстии шахты мало-помалу тускнел, оповещая о наступлении вечерних сумерек. Поверхность воды в колодце, кишащая всеедами и ящерицами, успокаивалась – бедные твари одна за другой прекращали борьбу за жизнь и шли на дно. Вода убывала слишком медленно, чтобы подавать надежду на освобождение. Лила и Альмарен съели лепешки, сделали по глотку воды и вновь уселись в ожидании, прижавшись друг к другу, как в лютую стужу. Когда наверху наступила ночь, магиня достала осколок светлячка и подошла к краю воды.

– Вода перестала убывать, – сообщила она Альмарену. – Она стоит на той же отметке, что и в прошлый раз.

Альмарен подошел к маги не и осмотрел ступени. ода освободила половину лестницы, но верхний край туннеля по-прежнему оставался под водой.

Лила проследила взгляд мага и внезапно спросила:

– Ты хорошо плаваешь?

– Да.

– А ныряешь?

Альмарен догадался, о чем она думает.

– Я не оставлю тебя здесь, – ответил он.

– Мы поплывем вместе.

– А ты умеешь плавать?

– Не слишком. Но я умею подолгу задерживать дыхание – это одно из упражнений жрецов Саламандры для развития способностей к магии.

– А вдруг ты не доплывешь?

– Мы не можем больше ждать, – решительно сказала Лила. – Оставаясь здесь, мы ослабеем и тогда уж точно не выберемся отсюда. Я поплыву первой, а ты подожди немного и ныряй следом.

– Хорошо, – согласился Альмарен.

Лила спустилась по ступеням в воду. Зайдя по грудь, она ободряюще кивнула Альмарену, несколько раз глубоко вдохнула и скрылась под водой. Круги разошлись и успокоились, эфилемовые осколки звездным небом проступили со дна водяной преграды.

Тревога за магиню помешала Альмарену определить, как долго он стоит в ожидании. Он в оцепенении смотрел на сияющие осколки, пока внезапная мысль о том, что она захлебнулась, что ее нужно немедленно спасать, не подбросила его на месте. Альмарен вбежал в воду, сделал торопливый вдох и нырнул в

черное отверстие туннеля.

Плыть в одежде было нелегко – вздувшаяся пузырем куртка и тянущие на дно башмаки сковывали движения. Туннель, который они бегом преодолели за несколько шагов, вытянулся в целую вечность. Чувствуя, что ему не хватает воздуха, Альмарен пробовал всплыть, но каждый раз натыкался головой на потолок туннеля. Его сознание помутилось от удушья, он непроизвольно хлебнул воды, еще и еще раз, беспорядочно забил руками и зацепился за что-то, потянувшее его наверх.

Лила вытащила его наполовину захлебнувшимся и уложила лицом вниз на каменный пол туннеля, где он еще долго лежал, откашливая попавшую в легкие воду. Сознание возвращалось к Альмарену между приступами кашля, сообщая, что магиня зовет его, что она поддерживает его за грудь, за плечи, пытаясь помочь.

Хотя неразумная поспешность превратила его из спасателя в спасаемого, Альмарен чувствовал не смущение, а радость, оттого что она была здесь, что в ее голосе звучала тревога и забота.

Наконец Альмарен приподнялся на локтях и сел. Совсем близко он увидел лицо Лилы – мокрые волосы, огромные, в пол-лица глаза, полные испуга и сострадания.

– Как ты себя чувствуешь, Аль? – допытывалась она.

***

«Аль!» – Руки Альмарена сами протянулись к магине.

– Что ты делаешь?! – встрепенулась Лила. – Нашел время…

Но Альмарен был другого мнения. Невидимая преграда, разделявшая их, исчезла, и он спешил закрепить возникшую близость, вложив в поцелуй все, то передумал и перечувствовал в последнее время.

Ее губы, поначалу холодные и безответные, отогрелись и ожили, возвращая ласку.

– Нам пора идти, – шепнула наконец она. – Наши, наверное, давно вернулись и беспокоятся.

Они поднялись на ноги, собираясь возвращаться на стоянку. Оба были насквозь мокрыми после купания в ледяной воде. Альмарен не чувствовал холода – ему никогда не было холодно рядом с Лилой, – но маленькая женщина вся закоченела и тщетно пыталась удержать бившую ее дрожь.

– Давай отожмем одежду, – продолжил ей Альмарен.

При тусклом, исчезающем свете эфилемового осколка они

поочередно разделись и вместе выкрутили одежду, держась за ее концы. Альмарен подобрал осколок, взял магиню за руку и повел вверх по лестнице. Выйдя в туннель, они увидели зеленоватую точку светлячка Феникса, двигающуюся навстречу.

– Это наши! – обрадовалась Лила. Вскоре они различили знакомые фигуры Тревинера и Витри, а затем и радостный оскал охотника, помахавшего им светлячком.

– Вот вы где, – с облегчением сказал Тревинер, подходя к ним. – Мы с Витри загулялись, но не так, как вы.

– Там тупик, – сказал Альмарен. – Мы едва выбрались оттуда.

– Вижу, – подтвердил охотник. – Вид у вас, я вам скажу, как у утопленников. Но вы оба целехоньки – я боялся, что хуже будет.

– Если и вы не нашли выход, то мало в этом радости, – заметил маг.

– Как это – не нашли?! Такие бравые парни, как мы с Витри? – развеселился Тревинер. – У нас куча новостей, приятель. Чего мы только не видели – и фаур, и уттаки, и Каморра…

– Каморра здесь?

– Это не так плохо, как кажется. Он со своими уттаками любезно прокопал нам выход. Правда, нам пришлось искупаться, но нельзя же слишком уж привередничать.

– Значит, эта вода – из верхнего озера? – догадался Альмарен.

– Оттуда. Теперь путь в Фаур свободен. Обмениваясь впечатлениями, они дошли до стоянки, где были встречены сияющим Шеммой.

– Наконец-то все в сборе, самое время перекусить, – намекнул табунщик. – Я тут и водички принес.

Шемма вполне обжился на стоянке. Он разыскал поблизости большой плоский камень для стола, подтащил к нему камни поменьше, чтобы было удобнее сидеть, а в середину выставил котелок с водой. Тревинер окинул взглядом труды табунщика и распорядился выдать на ужин по целой лепешке, сославшись на то, что сегодня все нагуляли аппетит.

Усевшись за стол, все взяли по влажной, осклизлой лепешке.

– Горяченького бы… – привычно вздохнул Шемма.

Тревинер, как правило посылавший табунщика на Белый алтарь, на этот раз промолчал. Альмарен обвел взглядом друзей, будто заново замечая осунувшееся лицо охотника, а за ним и бескровные щеки Витри, исхудалую физиономию Шеммы, застывшие губы Лилы, которая никак не могла согреться после вынужденного купания.

– Подождите! – воскликнул он и протянул руки к котелку.

Собрав в ладонях огненную силу, маг охватил котелок с боков и сосредоточил поток силы между ладонями. От воды

пошел пар, и вскоре она закипела, словно котелок стоял на сильном огне.

– Это – дело! – блеснул зубами охотник. Он достал из мешка несколько сушеных кисточек цисмы и бросил в котелок. Цветы расправились в кипятке, от воды пошел тонкий медовый запах, напоминающий о солнце, лесе, травах, речных заводях, где по вечерам распускались белые, душистые кисти цисмы. Горячий травяной настой подействовал магически – глаза путников заблестели, на лица вернулась краска. Физиономия Шеммы залоснилась от тепла и удовольствия, волосы магини высохли и распушились.

– Теперь и жить можно, после горяченького. А, Шемма? – окликнул табунщика Тревинер. Шемма не ответил – он был слишком занят сцеживанием остатков чая к себе в кружку.

– А как быть с вами, утопленники? – Охотник озабоченно глянул на Лилу и Альмарена. – Возьмите-ка мой плащ, один на двоих – это у нас все, что пока еще не намокло.

Он вытащил из-под Шеммы плащ и бросил в руки Альмарену. Тот передал плащ магине. Лила сделала несколько шагов в глубину пещеры, но внезапно остановилась.

– Альмарен! – оглянулась она.

Он немедленно подошел к ней.

– Я не могу допустить, чтобы ты лег спать в мокрой одежде, – неуверенно сказала магиня.

– Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? – Альмарен не сводил пристального взгляда с ее глаз, отыскивая ответ.

– А почему бы нет? – почти беззвучно произнесла она. – Кто знает, сколько нам еще осталось…

Не договорив последнего, угаданного Альмареном слова – «жить», она повернулась и пошла в темноту. Альмарен шагнул за ней.

XVIII

На исходе ночи конница Ромбара собралась у восточных ворот Босхана. Вскоре подъехал и сам Ромбар в сопровождении Равенора, видимо решившего, что спасение камней Трех Братьев не может обойтись без его присутствия. Кроме знаменитого мага, здесь был и Скампада в своем щегольском светло-сером плаще, с объемистыми дорожными мешками, притороченными у седла, а с ним Фирелла в одежде пажа, глядящая на ночной город круглыми спросонья глазами. Сын первого министра имел важное поручение от Норрена – доставить его дочь и его письмо в цитионский дворец.

Убедившись, что все в сборе, Ромбар дал команду открыть ворота.

Стража завертела рычаги, натягивая толстые цепи, поднимающие решетку, отодвинула засовы створок ворот.

– Люди знают о цели нашей поездки, Магистр? – Равенор, хотя и узнал подлинное имя магистра ордена Грифона, упорно называл его Магистром, видимо, не считая нужным переучиваться.

– Никто, кроме нас с вами, – ответил вполголоса Ромбар. – Проводнику известно, что нам нужно пересечь Ционское нагорье, но не известно зачем.

Равенор взглянул на проводника, невысокого, уже немолодого человека, сидящего верхом на коротконогой гнедой лошаденке.

– Кто он такой?

– Нувелан представил его как одного из охотников покойного правителя.

– Он из босханской трифоньей охоты?

– По-видимому, да. По словам Нувелана, он знает Ционские скалы лучше босханских улиц.

Ворота распахнулись, открывая взгляду светлеющий кусок неба над Ционским нагорьем. По жесту Ромбара конница тронулась с места и выехала из города. Скампада, которому было не по пути с отрядом, вежливо попрощался с Ромбаром и поехал вдоль городской стены вместе с Фиреллой и одним из Равеноровых слуг. Отряд последовал за проводником, направившим свою лошаденку в лощину между скалами.

Ромбар пришпорил коня и поравнялся с проводником.

– Нам нужно прибыть на место как можно Скорее. Сколько дней займет наш путь?

– Мы будем там к полудню четвертого дня пути, если поедем

с рассвета до заката.

– Три с половиной дня… – повторил за ним Ромбар. – Быстрее не получится?

– Я веду вас кратчайшим путем. – Голос проводника не выражал ни досады, ни готовности услужить.

– Но наша цель лежит на северо-востоке, а мы движемся на восток, – не прекращал допытываться Ромбар.

– В скалах прямой путь не всегда самый быстрый, – пояснил проводник. – Здесь есть прямые тропы, но они пешие да и не каждому под силу.

Конных троп, пригодных для такого отряда, как ваш, в Ционских скалах немного. Я знаю путь в Лоан, путь на восточный берег Келады да две тропы, ведущие к северному краю нагорья. Мы пойдем той тропой, которая выходит из скал поблизости от указанного вами места.

Ромбар окинул проводника недоверчивым взглядом. Не найдя ничего примечательного нив загорелой физиономии, обычной для охотника, ни в неопределенного цвета волосах, где поседевших, где выгоревших на солнце, ни в потертой куртке простого покроя, ни в завалящей лошаденке, он пожалел, что здесь нет Альмарена, который мог чувствовать амулеты Каморры, или хотя бы такого хитреца, как Скампада, от которого не укрылась бы ни малейшая подозрительная черточка.

– Ты местный? – поинтересовался он у проводника.

– Да.

– Стало быть, с детства в скалах?

– С пяти лет ходил туда с приятелями. Они, как подросли, стали кто кем, а я – охотником.

– Ты был на службе у покойного правителя?

– Я и сейчас во дворцовой охоте. – На лице проводника мелькнуло чувство, похожее на удовольствие. – После гибели правителя ее величество сохранила охоту для наследника. Боевой растет парень – вылитый отец! Сейчас она не разрешает ему выезжать в скалы, но пройдет четыре года, и он станет законным правителем Босхана. При нем грифонья охота не будет бездельничать.

– Прежний правитель погиб как раз на грифоньей охоте, – напомнил Ромбар.

– Наших не в чем упрекнуть, – понял намек проводник. – Правитель, как это нередко бывает с сильными воинами, вообразил, что он еще сильнее, чем на самом деле.

– Вот как?! – с сомнением заметил Ромбар.

– Я был на той охоте и сам видел, как это случилось. В тот день мы отыскали крупного грифона и окружили его на

небольшой высокогорной площадке.

Правитель приказал нам разойтись по краям площадки и следить, чтобы зверь не спрыгнул вниз, а сам пошел на него один на один. Любил он это дело – брать грифона в одиночку, но зверь старый попался – сильный и хитрый. Не успели мы подбежать, как все было кончено.

– Разве охотники не видели, что зверь опасен? Почему никто не предостерег правителя?

– Вы, наверное, не были знакомы с покойным правителем.

– Не был, – признал Ромбар.

– Я не знаю таких смельчаков, кто рискнул бы указывать ему, как вести себя на охоте. Лучше уж самому идти на грифона в одиночку – и спокойнее, и безопаснее.

Ромбар был наслышан о нраве бывшего правителя Босхана, поэтому удовлетворился полученным ответом. Помня о белых дисках, он в меру своих способностей проверил проводника на наличие магии и неприятно удивился, когда почувствовал сильное излучение, идущее с его груди, оттуда, где мог бы находиться висячий амулет.

Он придержал коня, пока не оказался рядом с Равенором. Знаменитый маг сидел в седле безукоризненно, как на военном смотре, натянув уздечку ровно настолько, чтобы конь чувствовал повод, и казался погруженным в размышления, далекие от окружающей действительности. Ромбар набрался решимости задать вопрос, не приличествующий магистру ордена Грифона.

– Послушайте, Равенор, – с нарочитой небрежностью обратился он к магу. – Не взяли бы вы на себя труд посмотреть, нет ли у этого проводника подозрительных амулетов?

Равенор очнулся от раздумий, вслушиваясь в вопрос.

– У него не та магия, о которой вы подумали, Магистр. – Вопреки опасениям Ромбара, он не стал высказывать свое мнение о магистрах, которые не могут различать разновидности магического излучения. – Обыкновенный лечебный амулет, хотя и сильный, изготовлен на Оранжевом алтаре. Наверное, грифоний хвост. Я слышал, что босханские охотники очень ценят амулеты из грифоньего хвоста.

– Вы уверены? – переспросил Ромбар мага, хотя догадался, что тот еще у ворот проверил всех и каждого на наличие амулетов.

– Спросите у него, – кивнул на проводника Равенор. – В чем я уверен, так это в том, что он расскажет вам кучу историй о силе этого амулета.

Любопытно, кто из черных жрецов накладывает такие заклинания…

– По-моему, Равенор, вы успели проверить не только нашего проводника, но и весь отряд, – сообщил свою догадку Ромбар.

– Вы правы, – согласился маг.

– Вам удалось найти что-нибудь подозрительное?

– Я нашел кое-что интересное, но не назвал бы это подозрительным.

– Скампада?!

– У него нет никаких амулетов, в том числе и амулетов Каморры. Я предупредил бы вас – ведь он везет в Цитион эту славную девчушку, дочку Норрена. Мне показалось, что у него вообще нет привычки полагаться на магию.

– Что же вы нашли?

– Многие едут без амулетов, у некоторых есть лечебные амулеты или просто приносящие удачу.

– Это хорошо, побольше бы нам таких, – одобрил Ромбар.

– Вон тот молодой человек, который ведет с собой светло-рыжего тимайского скакуна, судя по амулетам, маг Феникса.

– Да, он с Зеленого алтаря, – подтвердил Ромбар. – Это Риссарн, друг Альмарена, я поручил ему вести коня Альмарена.

– Риссарн? – заинтересовался Равенор. – Значит, это он создает необычные магические поделки… Тогда понятно, что за странная штуковина у него в сумке. Это, вероятно, одна из таких вещиц.

– Каких вещиц?

– Та игрушка, благодаря которой Фирелла увидела свой сон, – его изделие.

– Он создает амулеты, способные показывать события, происходящие на Келаде? – оживился Ромбар.

– Такими амулетами непросто пользоваться, – охладил его Равенор. – Они не всегда подчиняются даже своему создателю. Кроме того, нужен талант ясновидения, который есть далеко не у каждого мага. – Он внимательно взглянул туда, где ехал Риссарн. – А пожалуй, мне найдется о чем поговорить с этим юношей.

– Сейчас я сам поговорю с ним. Это вся магия, которую вы обнаружили в отряде?

– Вся, – ответил маг, а затем добавил, приглушив и без того негромкий голос:

– Конечно, я заметил и тот удивительный амулет, который вы везете с собой.

– Который из них вы считаете удивительным? – недоуменно спросил Ромбар. – У меня есть перстень, жезл и камея Грифона – что же в них удивительного?

– Не прикидывайтесь, Магистр, – поморщился Равенор. – Вам

давно следовало бы понять, что от меня не укроется никакая магия. Я говорю не о ваших личных амулетах, а о том, который у вас в мешке.

– Обыкновенный жезл Аспида… – пробормотал Ромбар.

– Да, там есть и жезл Каянского алтаря, – согласился маг. – Но я имею в виду не его, а то, что лежит рядом с ним.

– Но там нет других амулетов!

– Ладно, я сам скажу, что там лежит, и тогда вы наконец прекратите упрямиться, – по-прежнему едва слышно сказал Равенор. – Я чувствую у вас в мешке амулет, от которого идут четыре нити, проводящие энергию холода. Они идут к четырем алтарям, способным использовать эту энергию. По моей теории, это должен быть один из камней Трех Братьев, а именно – Синий.

– Я был бы очень рад, если бы оказалось так, – ответил Ромбар. – Но я вынужден огорчить вас – Синий камень остался у Каморры. Я пытался вернуть его, но неудачно.

– Я не ожидал, что вы до такой степени не доверяете мне, Магистр, – с холодной язвительностью сказал Равенор.

– Сейчас неподходящее время для ссор. – В голосе Ромбара прозвучала плохо скрываемая неприязнь. – Я не буду останавливать отряд, чтобы доказать вам обратное, но на привале вы можете перерыть все мои мешки и лично убедиться в том, что я от вас ничего не прячу.

– Вы, наверное, надеетесь, что я не воспользуюсь вашим предложением? – ядовито заметил маг. – Я не стал бы ловить вас на слове, если бы вы, с вашим умением разбираться в магии, не возомнили, что меня можно обмануть в деле, касающемся амулетов. Я, конечно, не полезу в ваши мешки, но укажу, откуда и что вы достанете, а там посмотрим, кто из нас прав.

– Что ж, посмотрим. – Ромбар резко натянул поводья, чуть не поставив Тулана на дыбы. Он был возмущен Равенором с его феноменальной способностью выводить собеседника из себя и с удовольствием вообразил, каким станет лицо мага, когда тот удостоверится, что в мешке нет никаких амулетов, кроме жезла Аспида. Ему было очевидно, что знаменитый маг непостижимым образом ошибся, утверждая, что в мешке лежит Синий камень, хотя и не пожелал принимать никаких возражений.

Ромбар вспомнил об амулете проводника и подумал, что следует проверить высказывание мага, поначалу безоговорочно принятое на веру. Он вновь догнал проводника и спросил:

– Я слышал, у тебя есть редкостный лечебный амулет?

– Рассказывают, значит… – Лицо проводника просияло гордостью. – Да, такого амулета во всем Босхане не сыщешь… У того, кто им владеет, любые раны заживают в трехдневный срок и

никогда не воспаляются. Он изготовлен из хвоста двенадцатилетнего грифона, который принимает магию даже лучше, чем эфилем.

Проводник достал из-за пазухи цепочку, на которой висел амулет.

Это действительно оказался грифоний хвост, а вернее, листовидная роговая пластинка, растущая на кончике хвоста грифона. Основание пластинки было зажато скобкой с ушком, в которое была продета цепочка.

– Можете посчитать, ваша светлость, ровно двенадцать колец. – Проводник указал на концентрические линии у основания пластинки, по которым охотники определяли возраст грифона. – Восемь лет прошло, как я добыл этого зверя и сам побывал на Оранжевом алтаре, чтобы заказать амулет. Там я отдал два грифоньих хвоста их лучшему магу – тому самому, который умер два года назад, – чтобы он наложил мне заклинание на третий. С тех пор амулет защищает меня от ран и приносит удачу на охоте. Все знают, что я никогда не возвращаюсь без добычи.

– Сильный амулет, – понимающе кивнул Ромбар. – Но ты, хоть и удачлив, не выглядишь богатым. У тебя большая семья?

– У меня нет семьи, но я содержу родителей и семью сестры. Сестра была замужем за охотником, она овдовела несколько лет назад. Себе я ничего не оставляю – они привыкли к достатку, а мне много не нужно.

– Понятно. – Ромбар оставил проводника, отметив про себя, что относительно этого амулета Равенор не ошибся. Он оглянулся, отыскивая Риссарна, но юноша ехал в хвосте отряда, вытянувшегося на горной тропе, которая сузилась так, что стало невозможным ни обогнать, ни пропустить всадника вперед. Ромбар отложил намеченный разговор и поехал вслед за лошадью проводника, ловко пробиравшейся вверх по каменистому дну лощины.

Лучи утреннего солнца добрались до дна лощины и упали на лицо Ромбара. Он на мгновение зажмурился, затем отвернулся, защищая глаза от света.

Сбоку на расстоянии вытянутой руки возвышалась горная стена, неровными уступами уходящая в небо. Золотые искры, играющие на жемчужно-сером граните, напомнили Ромбару тирские окрестности – ней по сходству, а по несопоставимому различию. Если и красно-бурые, проеденные ветром скалы Тироканского хребта выявляли свою усталую, печальную красоту на закате солнца, то Ционское нагорье словно бы смеялось от радости, встречая его первые утренние лучи.

Ромбар глубоко вздохнул, прогоняя застрявшую внутри досаду.

Вопрос о том, как Равенор посмев позволить себе разговаривать с ним в таком тоне сам собой сменился другим – в чем причина ошибки знаменитого мага, по-видимому искренне полагавшего, что он везет с собой Синий камень.

Сосредоточив внимание на мешке, где лежал жезл Аспида, Ромбар начал изучать амулет, но не нашел ничего особенного. Размер источника излучения соответствовал одному амулету, а энергетических нитей, сколько бы их там ни было, Ромбар не обнаружил – такое умение было за пределами его способностей.

Припомнив непонятную тщательность Каморры, хранившего амулет в потайном шкафу, а затем и странные намеки Скампады, он подумал, что жезл, вероятно, использовался для работы с Синим камнем и его энергетика была изменена связывающими заклинаниями. В таком случае Равенор вполне мог принять амулет за Синий камень, о котором знал только понаслышке.

Когда разумное объяснение ошибке Равенора было найдено, Ромбар вспомнил и о других делах. Он еще раз напомнил себе, что нужно будет спросить у Риссарна, не сможет ли тот выяснить с помощью магии, как обстоят дела у Альмарена, а затем его мысли сосредоточились на Альмарене, которому удалось отыскать два камня, и незаметно перешли на женщину, сопровождавшую мага под землей.

Тропа перевалила через южный отрог, спустилась в просторную лощину, поросшую приземистым лесом, и повела отряд границей леса и камня. По дну лощины тек ручей, вдоль его каменного ложа поблескивали широкие темно-зеленые лопушки крабьего корня, щетинились тонкие иглы исселя, вызывающе торчали лентовидные, остроконечные листья рукореза. Слева тянулась сверкающая изломами круча с одиночными деревцами кинии, прочно вцепившимися в камень, справа мелькала корявая поросль, неспешно произраставшая на каменной осыпи, едва прикрытой жидкой травой.

К полудню, когда отряд достиг изгиба хребта, лощина расщепилась надвое. После короткой дневной стоянки у крохотного озерца, образовавшегося в углублении на развилке лощины, проводник выбрал путь по северо-восточному ответвлению. Уклон сменился едва заметным подъемом, деревья почти исчезли, трава поредела, сохранившись в виде узкой каймы вдоль русла ручья.

Ромбар остановил коня и пропустил отряд вперед.

Дождавшись Риссарна, он поехал рядом с ним. Молодой человек догадался, что появление Ромбара не случайно.

– Чем могу служить вам, ваша светлость? – спросил он.

– Тебя интересует, куда и зачем мы едем?

– Сражаться, наверное. На войне войско идет за, своим вождем, не спрашивая, куда и зачем.

– Верно. Не всегда хорошо, когда многие знают о цели поездки, но тебе это знание не помешаете Твой друг в опасности, мы едем выручать его.

– Альмарен в опасности?! – воскликнул Риссарн.

– Мне очень хотелось бы узнать, как велика эта опасность. Равенор рассказал мне, что ты занимаешься магией ясновидения. Попробуй увидеть, где сейчас Альмарен, кто с ним, кто его преследует. Ты сможешь это сделать?

– Я попробую. Этим вечером, на привале. После захода солнца легче достигнуть нужной сосредоточенности.

– У тебя есть амулет для ясновидения? – вспомнил слова Равенора Ромбар.

– Я взял с собой хрустальный шар, в который можно наблюдать события. – Риссарн указал на походную сумку, которую носил через плечо под курткой.

– Отыщи меня вечером после того, как посмотришь в шар, – распорядился Ромбар. – Я не лягу спать, пока не узнаю, что ты в нем увидел.

Договорившись с Риссарном, он вернулся в голову отряда и поехал вслед за проводником. Отряд поднялся по лощине на гребень скалистого хребта, тянущегося через Ционское нагорье с востока на запад и продуваемого насквозь всеми ветрами Келады. Тропа незаметно растворилась в нагромождениях скал, и проводник до самого вечера вел отряд по гребню, а незадолго до заката свернул в лощину на северной стороне хребта. После короткого крутого спуска лощина резко расширилась, образуя просторную, окруженную скалами луговину с озером в центре. Проводник спешился у озера и объявил ночную стоянку.

Воины расставили палатки, развели костры из сухих ветвей приозерного кустарника. К выпущенным на луг коням была назначена охрана на случай нападения грифонов. Поужинав, Ромбар ушел к себе в палатку дожидаться Риссарна. Вскоре послышался шорох – кто-то скребся у полога.

– Это ты, Риссарн? – окликнул Ромбар.

– Нет, Магистр.

– Вы все-таки явились, Равенор, – недовольно сказал Ромбар.

– Мне всегда было любопытно взглянуть на один из камней Трех Братьев, – заявил маг, откидывая дверной полог. – А вы, кажется, обещали мне показать его.

– Я же сказал – у меня нет Синего камня. Но если вам

непременно хочется убедиться в этом, входите.

Равенор пригнулся и вошел в палатку.

– Осторожнее, здесь темно, – предупредил Ромбар.

– Вижу, – ответил маг. – Если вам не трудно, засветите какой-нибудь из своих амулетов. А если трудно, дайте амулет мне, я засвечу его сам. Впрочем, я и без освещения знаю, что Синий камень – вон там, в углу палатки.

Ромбар засветил жезл Грифона и подтянул к себе мешок, брошенный в углу палатки. Порывшись в мешке, он отыскал сверток и показал магу.

– Здесь?

– Да.

– Смотрите. – Ромбар вынул из свертка жезл Аспида, положил его на мешок и со злорадством уставился на лицо Равенора, недоверчиво рассматривавшей амулет. Взгляд мага сделался сосредоточенно-отсутствующим, словно тот напряженно вслушивался в ночную тишину, но вскоре ожил и устремился на жезл, а затем на Ромбара.

– Я вас извиняю, Магистр, – заявил Равенор, нисколько не утратив ни своей обычной резкости, ни надменности. – С этой задачей не справился бы и маг посильнее, чем вы.

– Но вы-то, конечно, с ней справились? – не без ехидства спросил Ромбар.

– Разумеется. – Равенор взял амулет в руку, повернув его головкой вверх. Свободной рукой он сделал несколько вращательных движений над головкой жезла и взялся пальцами за ее верхнюю часть, легко отделившуюся от основания.

Внутри головки оказалось углубление, заполненное чем-то округлым, завернутым в мягкую тряпку.

Равенор начал разворачивать тряпку. Из-под его пальцев вырвалось синее сияние, затмевающее слабый огонек жезла Грифона, а затем показался и знакомый Ромбару кристалл, похожий на треть яблока. Маг осторожно провел пальцами по гладким боковым сторонам камня, затем уложил его на мешок так, что третья, переливающаяся тысячами граней сторона оказалась сверху, и загляделся на синее живое мерцание, идущее из глубины кристалла.

– Лилигрен, Младший Брат… – произнес он. Ромбар не поверил ушам – так умиленно-нежен был голос этого черствого, бездушного человека – и выдал свое изумление нечаянным резким движением, привлекшим внимание мага.

– Я должен поблагодарить вас. Магистр. – К голосу Равенора вернулось привычно-жесткое звучание. – Видеть этот камень – редкое удовольствие. Подумать только, такое чудо валялось,

будто какая-нибудь винная фляжка, в мешке у человека, не способного отличить камень Трех Братьев от рядового амулета! Воистину судьба сама хранит свои сокровища.

– Я тоже должен поблагодарить вас, Равенор, – сказал Ромбар, преодолевая острое желание поучить мага хорошим манерам. – Я ходил за Синим камнем в Бетлинк и думал, что вернулся ни с чем. Без вас я не обнаружил бы его.

– Вы взяли этот жезл в Бетлинке?

– Да. Мне показалось странным, что обычный амулет хранится в потайном шкафу, словно большая ценность.

– Я и прежде обращал внимание, что у вас есть другие достоинства, хоть вы и не сильны в магии, – снисходительно заметил Равенор. – А что вы намеревались делать с этим жезлом?

– Отдать Альмарену. Парень остался без своего жезла Феникса.

– Он несет с собой остальные два камня, – вспомнил маг. – Когда мы встретимся, все три камня соберутся вместе, впервые со времен Трех Братьев. Это – великое событие для любого мага, и я рад, что буду в нем участвовать.

– Это великое событие не наступит, если Каморра встретится с Альмареном раньше нас, – напомнил ему Ромбар.

– Была бы здесь дочка Норрена, она могла бы спросить свою игрушку, и тогда бы мы точно знали, куда вести войско, – проворчал в ответ Равенор. – Этому Норрену совершенно безразлична судьба уникальных амулетов.

– Зато ему небезразлична судьба единственной дочери, – возразил Ромбар. – Я разговаривал с Риссарном, он сегодня же попробует силы в ясновидении и расскажет мне о результатах.

– Он должен прийти сюда? – догадался маг. – Я, пожалуй, дождусь его.

Ромбар не стал возражать, хотя и подумал, что знаменитому магу следовало бы поинтересоваться согласием хозяина палатки. Маг тщательно завернул камень в тряпицу, уложил в углубление жезла, прикрыл крышкой и замкнул ее с помощью распространенного заклинания для магических ларцов.

– Нам еще предстоит разыскать Белый алтарь, – сказал ему Ромбар, укладывая жезл в мешок. – Карта тех мест слишком неточна, чтобы полагаться на нее.

– Пустяки, – пренебрежительно отмахнулся маг. – Я взял с собой камею Василиска, ту самую, помните? Энергетическая нить камеи указывает прямо на него.

Ромбар мысленно похвалил себя за сдержанность. Теперь он готов был простить Равенору его несносный нрав. В это время из-за двери послышался шорох, а затем – скребущие звуки,

заменявшие в палатках стук.

– Риссарн, ты? – спросил Ромбар.

– Я, ваша светлость.

– Входи.

Молодой человек откинул полог и вошел в палатку.

– Присаживайся, – сказал ему Ромбар, отодвигаясь подальше. – Чем ты порадуешь нас? Есть новости?

– Да, – ответил Риссарн, усаживаясь у входа. – Сегодняшний вечер был удачным.

– Рассказывай.

Риссарн покосился на знаменитого мага и, чуть помешкав, заговорил:

– Я видел Альмарена, – начал он рассказ. – С ним еще четверо.

Одного из них я встречал раньше, он приезжал к нам на алтарь за бетлинкским войском.

– Тревинер, – догадался Ромбар. – Он должен был встретить Альмарена.

– Другие двое похожи на жителей Лоана. Я не уверен в этом, потому что никогда не видел лоанцев и представляю их только по описанию. Один крупный, кудрявый, другой поменьше, выглядит подростком.

– Это те двое, которые приходили ко мне, – сообщил Равенор. – Далеко забрались.

– Там еще женщина, из высших магов…

– Чепуха! – возмутился Равенор. – Женщина, и из высших магов – с чего ты взял?!

– Я это чувствую. Глядя на человека, я могу определить уровень и качество его способностей в магии – собственно, с этого я и начал заниматься ясновидением. Кстати, ваша светлость, вы сильный маг, но не из высших. Придет время – и старость накроет вас, как обычного келадского жителя.

– Об этом нетрудно догадаться, я уже старюсь, – пробурчал Равенор.

– Ладно, там посмотрим. Продолжай.

Ромбар молча злорадствовал. Прямота высказывания юноши не уступала прямоте знаменитого мага, который, похоже, впервые столкнулся с подобным обращением.

– Они под землей, идут по длинной пещере, – продолжил Риссарн. – Мне не удалось проследить, куда они идут, – там слишком темно.

– А Каморра? – нетерпеливо спросил Ромбар.

– Он в той же пещере, а с ним два десятка уттаков. Жуткое зрелище… – Налицо Риссарна промелькнуло брезгливое

выражение. – Их и Альмарена разделяет примерно четверть суток пути.

– Они догонят его?

– Не знаю. Шар не показывает ни прошлого, ни будущего – только настоящее. Не похоже, чтобы они догнали Альмарена, они едва передвигают ноги.

Разве если произойдет что-то непредвиденное…

Риссарн замолчал.

– Это все? – спросил его Ромбар.

– Про Альмарена – пока все, – ответил юноша. – Но я воспользовался удачным настроением, чтобы понаблюдать и другие события. В Босхане день прошел спокойно, стычек не было, а вот в Келанге… Я очень удивился и проверял несколько раз – там сегодня праздник освобождения от власти Каморры. В Келанге сейчас Вальборн с войском, и он признан законным правителем города. Я видел его в шаре как раз в то время, когда он отдавал приказы ночной страже дворца.

– Великолепно! – рассмеялся от радости Ромбар. – Это лучшая новость из тех, которые я слышал за последние полгода. Вальборн, вместо того чтобы быть битым в Боккаде, сам разгромил войско Госсара, а затем занял город!

Он превзошел все мои ожидания. Теперь я начинаю верить, что победа будет наша.

– Она непременно будет наша, – откликнулся Равенор, – но только в том случае, если мы одолеем магию Каморры. До завтра, Магистр!

Увидев и услышав все, что хотел, знаменитый маг выбрался из палатки. Риссарн попрощался и вылез вслед за ним. Завязывая дверные веревки, Ромбар уловил обрывок фразы мага, обращавшегося к юноше:

– …так для каких свойств шара ты выполняешь начальную связку заклинаниями?

***

На четвертый день пути отряд Ромбара перевалил через северный хребет Ционского нагорья. К северу от хребта, сколько мог видеть глаз, простирались обширные леса с редкими проплешинами полян. Лесные массивы покрывали пространство от подножия скал до берега Иммы, извилистой линией прорезавшей северные земли, и тянулись дальше, за реку,

скрываясь за горизонтом. Проводник остановил отряд сразу же за перевалом и подъехал к Ромбару.

– Вот северный край нагорья, а там – Иммарунские леса, – сказал он, указывая вниз по склону. – От меня потребуется еще что-нибудь?

– Тебе приходилось бывать в Иммарунских лесах? – спросил его Ромбар.

– Давно не случалось. Был помоложе, так захаживал, а теперь опасно стало. Дурные места, уттак на уттаке, особенно здесь… – Проводник опять кивнул вниз. – Неудивительно, что вы идете сюда отрядом.

– Здесь поблизости есть людское поселение?

– Мне рассказывали, что в этих местах есть не то чтобы поселок, а так – три дома, не больше. И народ там живет дурной, хуже уттаков. Наверное, поэтому уттаки их и не трогают.

– Тебе известно, как их найти?

– Говорили, дома стоят там, где излучина Иммы подходит к скалам. – Проводник прикрылся рукой от солнца и вгляделся в даль. – Вон та, наверное… или та?

Ромбар понял, что без Равенора здесь не обойтись. Он огляделся, отыскивая знаменитого мага, и нашел его там, где привык видеть за последние два дня, – рядом с Риссарном, рассказывавшим о чем-то юноше. Теперь оба мага ехали бок о бок везде, где позволяла тропа, и были неразлучными на привалах. Поначалу Ромбар удивлялся этой странной дружбе, так как успел заметить, что молодой человек не из тех, кто угождает знати, но позже догадался, что, возможно, Равенору и был нужен именно такой собеседник – молчаливый, вдумчивый, с независимым суждением.

Когда он подъехал к Равенору, тот не повернул головы, увлекшись рассуждениями о теории магии. Ромбар подождал немного в надежде, что маг наконец заметит его присутствие, затем вмешался в разговор.

– Ваша теория чрезвычайно интересна, – перебил он Равенора. – Но не могли бы вы применить ее на практике?

Маг недовольно глянул на Ромбара:

– Как применить?

– Определить направление на Белый алтарь.

– Когда?

– Прямо сейчас.

– Вон там. – Равенор махнул рукой на северо-восток и повернулся к своему собеседнику.

– Этого недостаточно, – снова отвлек его Ромбар. – Нам нужна точка, где расположен алтарь. Она должна быть видна

отсюда, сверху. Укажите ее.

Равенор выехал на край обрыва и сосредоточенно уставился на расстилавшуюся внизу местность.

– Видите реку? – Он повел рукой по воздуху, повторяя изгибы русла.

– Вторая излучина, а к ней спускается каменный мыс? Середина мыса – и есть та самая точка, Магистр.

Не дожидаясь ни благодарностей, ни просто ответа, он вернулся на прежнее место. Ромбар подъехал к проводнику и указал названную Равенором точку.

– Там нет жилья, – с уверенностью сказал проводник. – Неудобное место – неровное, и вода далеко.

– Наверное, постройки стоят внизу, у воды, – предположил Ромбар. – Там виднеется что-то вроде поляны.

– Пожалуй, – согласился проводник.

Уточнив местонахождение Белого алтаря, Ромбар дал команду продолжать путь. Отряд спустился со скал Ционского нагорья и углубился в лес, по-осеннему прозрачный, пахнущий лежалой листвой и грибами. Путь вдоль подножия скал был непригоден для лошадей, чьи копыта то скользили по прикрытым листвой валунам, то проваливались в густой зеленый мох между камнями, поэтому отряд пошел прямо по лесу, по влажным низинам, по прогалинам, заросшим полуосыпавшимся малинником. Когда между верхушками деревьев впереди замаячил просвет, проводник придержал коня, дожидаясь отставших.

– Мы у цели, – сообщил он подъехавшему Ромбару. – Та линия, где лес переходит в кустарник, – это излучина Иммы, а просвет между деревьями – поляна, которую вы указывали сверху. Если там кто-то живет, нам не подойти ближе незамеченными.

– Ты поедешь со мной на разведку, – решил Ромбар. – Остальные подождут здесь.

Они оставили отряд и осторожно подобрались к опушке леса. Открытый участок на берегу реки оказался не поляной, а большой вырубкой, на которой находилось упомянутое проводником селение. На возвышении у берега реки живописно разместился двухэтажный бревенчатый особнячок, украшенный деревянной головой василиска, чуть поодаль виднелись два низких и длинных строения, напоминавших конюшни или дешевые босханские гостиницы. Выше по склону располагались сараи и хозяйственные постройки, а за ними – вырубленное, но не расчищенное пространство, торчащее желтоватыми кругами пней и грудами ветвей, оставшимися от очистки бревен.

Особнячок, казалось, пустовал, зато на площадке между

другими двумя строениями собрались несколько человек неопрятной наружности и, судя по возгласам, играли в фишку. На берегу, на мостике, с которого брали воду, еще один человек наполнял ведра. Поблизости, на густой прибрежной траве, паслось несколько лошадей. Понаблюдав за поселением, Ромбар пришел к выводу, что там живет не более двух десятков человек. Уттаков в поселении не было – видимо, Каморра был уверен в полной безопасности места и не оставил здесь войск для защиты.

Ромбар вернулся к отряду и сообщил об увиденном, а затем разделил воинов на группы, по одной на каждый дом, и дал приказ атаковать. Конники галопом пролетели через лес и выскочили на вырубку, истребляя захваченных врасплох обитателей. Ромбар остановил коня посреди поселения, следя за ходом атаки, пока остальные окружали жилье, спешивались и врывались внутрь.

После короткого отсутствия воины один за другим стали выходить из атакованных помещений. По их неторопливым движениям было понятно, что схватка закончена. Ромбар приказал осмотреть всю территорию алтарного поселка, а сам спешился у крыльца жилища Каморры, где столкнулся с выходящим оттуда Равенором.

– Азартное дело – сражение! Не так ли, Магистр? – Взгляд мага сверкал боевым огнем. – Если бы я не был магом, я, пожалуй, стал бы воином.

– Это не сражение, а так – игрушки, – ответил Ромбар. – Бились бы вы под Босханом, тогда сказали бы, что сражение – дело тяжелое, опасное и неприятное. Что вы нашли в доме?

– Жилье Каморры. Нижний этаж – для слуг, на верхнем – комнаты, столовая, кабинет. В кабинете я нашел заготовки амулетов, записи, большой запас белого эфилема изумительного качества. Записи я взял себе.

– Нам предстоит жить здесь до окончания войны, так что выбирайте любую комнату, но одну, не больше, – сказал ему Ромбар.

Расставшись с магом, он обошел особняк изнутри, побывал в комнатах и кладовых. В одном из чуланов отыскался сундук со старинными книгами по магии.

Ромбар распорядился отнести сундук Равенору и вышел на крыльцо, где собрались воины, посланные осматривать захваченное.

– Пленные есть? – спросил он.

– Нет, – ответил один из воинов. – Чего вы хотите, ваша светлость, – парни не забыли босханскую потасовку, а у кого еще и раны не зажили…

Человека два-три, может, и убежали в лес – и все.

– Выставьте охрану. Если попадутся на глаза – ловите и ведите ко мне. Что вы отыскали по хозяйству?

– Конюшню мест на двадцать. Поймали здешних лошадей – пять или шесть, кажется, – начал перечислять воин. – Кухню под навесом, а рядом – дрова и амбар с припасами.

– Какие припасы? – заинтересовался Ромбар. – И много?

– Выбор небольшой – мука, крупа, соль и вино – зато всего вдоволь.

На зиму, видать, запаслись.

– Хорошо. А жилые помещения?

– В тех двух домах разместится человек сорок-пятьдесят. Но грязь там невозможная.

– Вычищайте и размещайтесь, – приказал Ромбар. – Отряд останется здесь.

XIX

Последний день пути, как и обещал Тревинер, предстояло пройти натощак. Несколько обломков лепешки, поделенные на пятерых, составили более чем скудный завтрак. Несмотря на это, путники бодро вышли в дорогу – надежды на скорое завершение изнурительного путешествия под землей расшевелили даже тяжелого на ногу Шемму. Тревинер повел своих друзей разведанным накануне путем – по дну озера, а затем по туннелю, где на полу еще виднелись подсохшие отпечатки грязных уттакских ног. Дойдя до развилки, охотник свернул в коридор, в пыли которого, наверное, триста лет как не оставалось человеческих следов.

Все шли молча, тишину отгонял только топот ног да шумное дыхание табунщика. Огромные расплывчатые тени на стенах качались и вздрагивали в такт шагам Тревинера, освещавшего путь светлячком Феникса. Охотник шел первым, за ним в привычном порядке следовали Витри, Шемма и оба мага. Альмарен, как всегда, замыкал цепочку. Сегодня он не чувствовал ни голода, ни усталости, ни липнущей к телу одежды, которая за ночь не стала суше. Истекший день, где жизнь со смертью шли рука об руку, словно закадычные подруги, притягивал его мысли, создавая ощущение отстраненности, нереальности настоящего.

В памяти Альмарена плыли не правдоподобно четкие картины вчерашних событий – камни, перекатывающиеся в настигающем потоке, колодец вентиляционной шахты с барахтающимся, тонущим зверьем, подводное звездное небо из эфилемовых осколков и провал сознания, вызванный удушьем. И последнее, пронзительное воспоминание, в котором запах дыма и смолы, идущий от плаща Тревинера, смешивался с запахом ее волос… События чередовались в ускоряющемся ритме, вызывая напряженное, болезненное восхищение, способное разорвать сердце, и вдруг разом исчезли, сменившись абсолютным покоем.

Оглушенный внезапной тишиной, Альмарен, словно просыпаясь, огляделся вокруг. Все, на чем останавливался его взгляд, казалось, спешило рассказать о себе – о силах, заключенных внутри и создающих видимое, о росте и распаде, о стойкости и хрупкости, о незримой, упорной борьбе за приобретение и сохранение обретенной индивидуальности.

«Сила жизни… – подумал он. – Теперь я знаю, как велика она, сила жизни – старшая сила, способная преодолеть силу воды, силу огня. Даже здесь, под землей, нет ничего неживого. Она и в камне, и в плесени, покрывающей камень, и в белоглазых тварях

цвета плесени. И сам я – частица жизни, дитя жизни, отец жизни… А ты, моя дорогая искорка, как ты прекрасна! Как было бы темно без тебя здесь, в пещерах Фаура!»

Альмарен вдруг ощутил, что у него открылось второе зрение, позволявшее видеть глубинную суть мировых проявлений, и одновременно осознал необратимость случившегося. Он шел и вслушивался в безмолвное бормотание окружающего мира, а тот без жалобы, равно как и без гордости, повествовал о скудной подземной жизни, отвоевавшей у небытия пространство из тьмы и камня, об ее стойкой самодостаточности, а сам расступался перед светом эфилемового амулета, нехотя пропуская через себя чужаков. «Я никогда уже не стану прежним, – понял Альмарен, затрудняясь определить вызванное этим пониманием чувство – страх или восторг. – Мне никогда уже не ослепнуть. Хочу я или не хочу – теперь я буду видеть все именно так».

Однако внезапное прозрение не лишило Альмарена юношеского жизнелюбия, поэтому его мысли нет-нет да и сбивались совсем на другое, и он улыбался, представляя себе, что скажет… или нет – подумает его отец, когда он приведет с собой коротковолосую черную жрицу в мальчишеской одежде. И вновь его внимание возвращалось к реальности, в которой он отчетливо видел присутствие и взаимодействие трех сил, известных магам. Он сознавал, что получил ключ к власти над силами магии, но как использовать этот ключ, он пока не знал.

Коридор привел к дорожному залу, построенному как принято у монтарвов – округлые своды, овальный стол, окруженный кольцом скамейки, спальная площадка и источник у противоположной стены. Тревинер вышел в центр зала и остановился.

– Карта кончается здесь, в этом зале, – сообщил он.

– Покажи! – обрадовался Альмарен. – Неужели мы пришли?

– Смотри. – Тревинер указал ему на хвостатый кружок на карте, отмечавший зал и родник. От кружка отходила прямая линия и упиралась в край листа. – Этот коридор, нужно полагать, ведет прямо в Фаур.

– А уттаки где?

– Они вот здесь, пониже. – Тревинер повел пальцем от развилки и задержался на путанице ходов вокруг другого кружка. – Они еще набегаются по этим коридорам, пока не отыщут верный путь. Однако как бы скоро и нам не оказаться в таком же положении – ведь карты Фаура у нас нет.

– Как же мы отыщем выход? – встревожился молчавший до сих пор Витри.

– Когда мы с Шеммой ходили по Луру, я кое-что понял в

устройстве подземного города, – ответил ему охотник. – Фаур наверняка построен сходным образом.

– Пантур говорил мне; что Фаур гораздо больше Лура, – подал голос Шемма.

– Не беда. Думаю, и в нем соблюдается любимая монтарвами симметрия.

– Это верно для внутреннего устройства подземного города, – заметила Лила, – но ходы наверх, скорее всего, располагаются случайно. Их положение зависит от местности наверху.

– Правильно, – подтвердил охотник. – Поэтому я собираюсь проверять все несимметричные ходы верхнего яруса Фаура. Если даже мы и наткнемся на пару-тройку вентиляционных шахт, в конце концов отыщется и выход.

– Хорошо бы сначала дойти до Белого шара, – сказала ему Лила. – Тогда мы сможем вернуться к шару, как только это потребуется.

– Согласен, – ответил Тревинер. – Но должен сразу сообщить – искатель магических шаров из меня не получится.

– Я чувствую Белый шар отсюда, он вон там. – Лила указала вверх в направлении Фаура. – Давай я буду показывать тебе направление, а ты выбирай путь.

Туннель в Фаур был выше и просторнее предыдущих. От пола до потолка он был покрыт резным орнаментом, местами едва заметным под густым слоем плесени, пышно растущей в спертом от влаги воздухе. И все же, вопреки царившей здесь разрухе, в отделке и пропорциях подземного проспекта ощущалось присутствие неуловимого качества, отличающего гениальное творение от заурядного. Ритм полуколонн, смыкавшихся на потолке арками, и резьбы в проемах между ними, напоминавшей разводы инея на осенней траве, навевал величественное, почти торжественное настроение, словно приветствуя входящих в Фаур путников.

Тревинер остановился на первой развилке,.где туннель пересекался другим, таким же просторным и украшенным каменными узорами. Вдоль стен поперечного туннеля, как и в Луре, тянулись желоба со светящимися растениями, но голубовато-сияющие ряды были неровными – где с чернеющими разрывами, а где разросшиеся далеко за пределы своих вместилищ и языками голубого пламени сползающие на пол. Туннель плавно изгибался, образуя часть гигантской окружности, поэтому охотнику, расчистившему часть надписи на стене, не понадобилось продолжать свое занятие, – Седьмой кольцевой, – объявил он. – Добро пожаловать в Фаур!

– Как здесь светло! – восторженно Отозвался Витри.

– Да, немало здесь монтарвской травки. – Охотник убрал в карман светлячок Феникса. – По крайней мере, без света мы в Фауре не останемся.

– Стены не давят здесь. – Альмарен вытянул руку над головой и подпрыгнул, пытаясь достать потолок ладонью. – И дышится как-то легче.

– Это тебе показалось, – не согласился с ним охотник. – Сыро, как в бане. Мой лук давно съела бы плесень, если бы он не был луком Феникса.

– Да, у нас на них накладывают заклинания от сырости, – подтвердил Альмарен. – Как по-твоему, в какую сторону нам идти?

– Прямо, конечно. Радиальные туннели ведут к центру, а шар где-то в том же направлении. Ведь так? – Тревинер обернулся к магине.

– Да. Он чуть выше и левее радиального туннеля, – ответила ему Лила.

Альмарен направил внимание туда, куда указывала она, и обнаружил вдали источник излучения, сходного с тем, которое чувствовалось у Оранжевого шара. Но, кроме сил огня и жизни, здесь присутствовала и третья – сила холода, вносившая завораживающую гармонию в идущий от источника луч.

Пока он размышлял о нелепости случая, предоставившего этот замечательный источник магии для совершения зла, Тревинер выбрал путь по радиальному туннелю и пошел прямо, не отвлекаясь на встречаемые по пути кольцевые туннели и мелкие боковые ответвления. Вскоре этот туннель привел путников к обширному пространству, состоявшему из многоярусного переплетения лестниц, колонн и мостов – центральной части Фаура. Огромные цельнокаменные столбы, обвитые спиральными лестницами, придавали прочность словно бы повисшей в воздухе конструкции центра, с колонн скалились морды грифонов и василисков, рисунок балконных перил повторял переплетения подземных растений, за триста лет заполонивших каждый уступ и каждую пригодную для опоры щелочку.

Путники остановились, привыкая к яркому свету, даваемому изобилием одичавших светящихся растений. Тревинер подошел к перилам и оглядел открывшийся вид.

– Красиво-то как! – сказал ему вставший рядом Витри.

– Мы сейчас на уровне средних ярусов города, – ответил Тревинер, которого волновали не столько красоты Фаура, сколько поиски дальнейшего пути. – Смотри, а ведь там озеро!

Он указал вниз, на ровную поверхность, покрытую

светящимся ковром.

– Это пол. – Витри перегнулся через перила, заглядывая вниз. – Он весь покрыт растениями.

– Нет, они растут на поверхности воды. – Тревинер отыскал обломок гранита, размахнулся и швырнул его подальше. Камень упал в заросли с булькающим звуком, голубовато-зеленая светящаяся масса всколыхнулась и успокоилась.

– Осторожнее, Тревинер, – подошла к нему Лила. – Сотрясение может вызвать здесь обвал, как там, в туннеле.

– Здесь твердая порода, я с трудом нашел камешек, чтобы бросить в воду, – ответил охотник. – Зато теперь ясно, что вниз нам лучше не спускаться.

А в обход идти – далеко, значит, нам нужно поискать прямой путь на ту сторону центра.

Он постоял у перил, прослеживая взглядом сплетение лестниц, затем сделал приглашающий знак остальным и пошел вдоль балкона налево. Там он свернул на ближайший висячий мостик.

– А ну как рухнет?! – забеспокоился Шемма, вступая на мостик.

– Радуйся, что ты мало ел, приятель! Теперь тебя и соломинка выдержит, – ответил ему охотник. Однако он тут же обратился к остальным:

– А вы на всякий случай не толпитесь, переходите по одному.

Растянувшись в цепочку, все остальные пошли за Тревинером сквозь путаницу мостов, арок и лестниц, сквозь островки светящихся зарослей, покрытых прозрачно-розовыми непахнущими цветами. Охотник то быстрым шагом преодолевал лестничные и мостовые пролеты, то останавливался на площадках и разветвлениях, выбирая путь. Наконец он вывел своих друзей на верхний ярус противоположного края центра, откуда начинались радиальные туннели. Там он попросил Лилу указать направление на Белый алтарь, затем отыскал подходящий туннель и Углубился внутрь.

Расстояние до Белого шара сокращалось. Теперь Альмарен без напряжения мог ощущать его излучение. Тревинер на каждой развилке спрашивал направление на шар и в зависимости от ответа выбирал кольцевой или радиальный туннель. Наконец магиня указала точно по ходу радиального туннеля.

– Белый шар совсем рядом, – добавила она. – Этот туннель ведет прямо к нему.

– Тогда – вперед! – скомандовал Тревинер.

– Подожди, – остановила его Лила. – Мы не можем приблизиться к Белому шару, имея с собой камни Трех Братьев.

– Это еще почему?

– Сила Белого алтаря возрастет в десятки раз, а вместе с ней и сила амулетов Каморры.

– Значит, камни нужно оставить где-нибудь здесь, – догадался охотник.

– Будет достаточно только прикрыть их от контакта с алтарем, – сказала магиня. – Альмарен посоветовал мне создать вокруг них защитную оболочку.

– Это сложно? – начал допытываться Тревинер, не меньше Шеммы соскучившийся по бегающей наверху зайчатине. – И долго?

– Спроси об этом попозже. – Лила оглянулась на Альмарена. – Камни у тебя? Давай их сюда.

– Вот они. – Альмарен достал из-за пазухи завернутый в тряпицу шар величиной с крупное яблоко. – Я торопился утром, поэтому не расцепил их. – Он не стал распространяться о том, как утром чуть не забыл камни в расщелине и вынул их оттуда, когда все уже уходили.

– Ничего, так даже лучше. – Лила развернула тряпицу и взяла в ладони оранжевое яблоко с вырезанной долькой. – Хорошо, что Белый алтарь так близко, это поможет мне.

Магиня молча уставилась на камни, которые хоть и не тускнели, но словно бы теряли излучение под ее взглядом, приподнимаясь над ладонями. Если она и произносила какие-то заклинания, то делала это мысленно, даже не шевеля губами.

– Все, – перевела она дух. – Теперь камни защищены. Возьми их, Альмарен.

Маг принял у нее оранжевое яблоко и обнаружил, что не может прикоснуться к его поверхности, отделенной от рук невидимой, упругой оболочкой.

Он попробовал вложить пальцы в пустующую дольку, но невидимая преграда не пропустила его руку глубже поверхности воображаемого шара.

– Эта оболочка такая же, какие создавал Каморра, – сказала Лила, наблюдая за его стараниями. – Она имеет форму шара, ей безразлично, что защищать – камни или пустоту.

– Но энергетические нити камней свободно проходят через нее! – воскликнул Альмарен, проверив излучение амулетов.

– Конечно, проходят. Обрыв энергетических нитей приведет к непоправимой порче камней, – ответила Лила. – Каморра тоже оставлял нити нетронутыми, поэтому амулеты Оранжевого алтаря не теряли силы. Судя по тому, что мы узнали из книги о действии камней Трех Братьев, будет достаточно, чтобы их излучение не соприкасалось с излучением Белого шара.

Альмарен уложил амулеты на прежнее место – в нагрудный карман куртки. Оранжевое яблоко, ставшее в новой кожуре теплым и упругим, вздрагивало от каждого движения, будто за пазухой покоилось что-то живое.

Они углубились в туннель и вскоре увидели впереди белое свечение.

Туннель привел их в круглый зал с высоким куполом, схожим с опрокинутой чашей.

Посреди зала, окруженный кольцеобразным прудом, сиял Белый шар.

Воздух в зале, как и на всем верхнем ярусе Фаура, был суше, чем в глубинных помещениях подземного города. Здесь не было ни плесени, ни следов водяной эрозии – только толстый слой пыли на полу свидетельствовал о заброшенности места. Кроме радиального, в зал вели два боковых туннеля. Арки, окаймлявшие их отверстия, располагались на концах воображаемой линии, проходящей через Белый шар и разделявшей надвое пространство зала. Округлые барельефы в форме полуколонн тянулись по стенам, чередуясь с нишами, в которых стояли граненые каменные сосуды с полусгнившими, слабо мерцающими стеблями погибших растений. За шаром виднелось изваяние гигантского грифона, казалось улегшегося отдохнуть, погреться у белого подземного солнца.

Полуприкрытые глаза зверя, его тяжелые лапы и мягко сложенные крылья излучали покой и умиротворенность. На стене позади грифона виднелись три картины, на каждой из которых была изображена человеческая фигура. Бьющий в глаза свет Белого шара не позволял рассмотреть ни каменного зверя, ни фигуры на картинах.

Тревинер, быстрее других осваивавшийся в новых местах, пошел вдоль окружности зала, осматривая нишу за нишей, пока не остановился перед одной из картин.

– Смотрите-ка! – воскликнул он. – Я думал, они увековечили на картинах своих владычиц, а здесь изображены люди, не монтарвы!

– Люди?! – Остальные подошли на возглас, что' бы разглядеть картину, удивившую охотника.

Цветная мозаика изображала молодого человека в старомодной одежде келадского жителя среднего достатка. Его рыжие, не подчиняющиеся ни гребню, ни силе тяжести волосы густым ореолом окружали голову, в глазах искрилось проказливое выражение, умело схваченное монтарвским художником.

– Это Оригрен, – неожиданно сказал Витри. – Я узнал его.

– Как ты мог узнать его, дружище? – подивился охотник. – Ты же никогда не встречался с ним.

– Это он, – повторил Витри, не зная, как объяснить свою убежденность.

– Это Оригрен, – повторила вслед за лоанцем Лила, рассматривая портрет. – Лицо молодое, а глаза – без возраста. Конечно, это высший маг.

Пантур говорил нам, что гробницы Трех Братьев расположены где-то в Фауре.

– Монтарвы сжигают своих мертвых, – напомнил ей Альмарен.

– Видимо, он имел в виду памятные изображения Трех Братьев.

Разместить их у Белого шара – это так естественно…

– А вон и другие двое. – Тревинер указал на картины. – Вон тот, светловолосый, – Гелигрен, а дальше – Лилигрен.

– Да, это они, – согласилась Лила. – Однако на этих картинах есть в их облике что-то монтарвское.

– Стойте! – внезапно скомандовал Тревинер, заставив остальных замереть на месте. – Не подходите к следующей картине – я вижу там следы на полу. Здесь кто-то побывал до нас.

Вдоль стены тянулась едва заметная тропинка, оставленная в пыли чьими-то башмаками. Следы вели от ниши к нише, от картины к картине. Перед каждой картиной виднелись вытоптанные участки, позволявшие догадаться, что посетитель останавливался здесь, рассматривая изображения.

Тревинер отыскал след получше и отпечатал около него след своей ноги, затем присел, чтобы сравнить оба отпечатка.

– Край следа осыпался и потерял четкость, – сообщил он свои наблюдения. – Это старые следы, они появились здесь несколько месяцев назад.

Такую подошву делают в Келанге, следовательно, пришелец или, по крайней мере, его башмаки оттуда. Судя по размеру обуви и ширине шага, он невысок и с тонкой костью.

– Такой, как Каморра? – догадалась Лила.

– Я видел Каморру только издали, когда защищал Бетлинк. На силача он не потянет, это точно. – Охотник подошел к картине с изображением Гелигрена.

– Интересно… – Он нагнулся, присматриваясь к полу. – Видите, перед картиной не так давно стоял какой-то ящик или сундучок – здесь остался отпечаток по форме его дна, почти без пыли. Похоже, этот человек унес ящик.

– Тревинер, а можем мы по его следам отыскать выход из Фаура? – спросила магиня.

– Да, они наверняка приведут нас к выходу. – Позвав за собой остальных, охотник отправился по следам.

Цепочка следов ушла под левую арку и запетляла по разветвлениям подземных переходов. Видимо, побывавший у Белого шара человек пришел к нему не самым коротким путем. Центральные коридоры сменились окраинными, без травяного освещения, где вновь понадобились светлячки Феникса. Наконец путники прошли по длинному неуютному туннелю, в конце которого обнаружился выход наверх, неплотно заваленный камнями и ветвями деревьев. В щели между камнями пробивался свет.

– А вот и выход! – оглянулся на остальных Тревинер.

– Но он завален, – подошел к нему Витри.

– Этот человек позаботился, чтобы здесь не разгуливали другие, – сообразил охотник. – Давайте-ка, друзья, расчистим эту дыру.

Он достал из мешка топор и стал рубить ветви, удерживавшие каменную насыпь. Остальные начали растаскивать камни и обломки ветвей. Вскоре в верхней части насыпи образовалось достаточное отверстие, чтобы выбраться наружу.

Тревинер пролез туда и зажмурился от яркого дневного света. Выждав немного, он огляделся и увидел, что туннель выходит в укромную расщелину на северном склоне Ционского нагорья. Судя по короткой тени от скал, солнце стояло высоко, хотя и не заглядывало в расщелину. Внизу виднелся необъятный лесной массив, сквозь который пролегало русло речки, текущей вдоль нагорья на восток.

Охотник осмотрел дно расщелины, узкое и неудобное, но пригодное для спуска.

– Вылезайте, здесь безопасно, – позвал он остальных. Они один за другим выкарабкались из отверстия и остановились рядом с охотником.

– Деревья-то – пожелтели! – ахнул Шемма. – Сколько ж мы пробыли под землей?

– Дней десять, – отозвался Тревинер. – Здесь, на севере, осень приходит раньше, чем у вас в Лоане.

– И ночи, наверное, холоднее?

– Холоднее, приятель, сегодня же и убедишься. А сейчас, пока светло, хорошо бы и о зайчатине побеспокоиться.

Охотник первым спустился по расщелине и повел остальных через лес к реке. По пути им не встретилось никакой живности, поэтому он оставил друзей у реки и ушел искать добычу в одиночку.

– Надо бы развести костер и просушить одежду, – предложил

Альмарен.

– Котлы, котлы надо на огонь поставить! – догадался Шемма и первым пошел за дровами.

Когда Тревинер вернулся с добытым зайцем, котлы давно кипели, а одежда, развешанная на рогатках, наполовину просохла. Охотник сам освежевал и разделал тушку, запустил куски в воду, а затем расшвырял носком башмака дрова, чтобы убавить огонь.

– Стой! – страдающим голосом вскричал Шемма. – Так дольше будет вариться, неужто не соображаешь?!

– Сам не соображаешь, – отмахнулся от него Тревинер. – Если похлебка закипит ключом, весь смак выплеснется через край и уйдет в огонь.

Понял?!

Впечатленный жутким сообщением Тревинера, Шемма угрюмо уселся на чурбачок и до окончания варки не спускал с котелка глаз, чтобы в случае чего грудью стать на пути уходящего смака. Но тот, благодаря предосторожности охотника, вел себя смирно, и покрытую жиром похлебку сняли наконец с костра и разлили по мискам.

– Хлебца бы сюда… – мечтательно сказал табунщик между двумя большими глотками.

– Да на тебя не угодишь, приятель! – Тревинер даже забыл про еду.

– То тебе горяченького, то хлебца! Интересно, чего тебе захочется, если я изловчусь подстрелить в лесу пару буханок?!

– Уж и помечтать нельзя… – буркнул в ложку Шемма. – Нет, такая жизнь не для меня, да и я – не для нее. Мое место – в Лоане, и все тут.

Все промолчали, в глубине души соглашаясь с высказыванием табунщика. В памяти Витри всплыло последнее утро в селе – два ряда небольших аккуратных домиков, толпа сельчан на дороге и они с Шеммой верхом на конях, отправляющиеся в неведомую даль. Лоанец скосил взгляд на Тревинера и подумал, что очень скоро наступит время возвращаться домой, но эта мысль принесла с собой не радость, а ощущение потери чего-то важного.

– Что будем делать дальше, маги? – нарушил молчание Тревинер. – На Белый алтарь мы пришли, зайца съели. Надо бы нам поспешить разделаться с магией Каморры, пока он нас не догнал.

– Для этого нам нужно вернуться к Белому шару, – сказал Альмарен и обернулся к магине, сидевшей поблизости, на прибрежном уступе:

– Лила, ты решила, каким должно быть заклинание?

– Да, – кивнула она, – но для него важно равновесие всех трех сил, а у нас нет Синего камня.

– Я заменю Синий камень, – глянул на нее Альмарен. – Я привлеку на алтарь силу холода и буду удерживать ее, пока ты создаешь заклинание.

– Но это же смертельно опасно! – встревожилась магиня. – Такое сумеет только маг, равный Лилигрену.

Альмарен не знал, как объяснить ей, что сегодня он уже не тот, каким был сутки назад. Зато он был уверен, что теперь, когда внутреннее зрение позволяло ему видеть природу и взаимосвязь сил магии, концентрация одной из них на алтаре не будет для него опасной задачей.

– Я сделаю это. – Он ответил ей буднично, словно речь шла о мытье котлов после обеда, и увидел, как тревога исчезла с ее лица.

«Она узнала, что я способен это сделать, – догадался Альмарен. – Не поверила, а узнала, но как?»

Он вдруг понял, что она тоже видит мир не только глазами, но и тем особым внутренним зрением, которое он сам едва успел почувствовать в себе. Где, когда, как пришло к ней это зрение, наверное, не следовало спрашивать, потому что он и по себе знал, как трудно отвечать на такие вопросы. Лила улыбнулась ему как давнему другу и так же буднично, словно принимая его согласие помыть котлы, сказала:

– Что ж, попробуем.

После обеда путники вскинули мешки на плечи и пошли назад к расщелине, но не успели они сделать и нескольких шагов, как громкий, приближающийся треск сучьев заставил их остановиться.

– Быстро, все под берег, прячьтесь! – скомандовал друзьям Тревинер, но было уже поздно. Из леса выехал конный отряд, пробиравшийся вдоль берега, и направился прямо к ним.

– Влипли, – пробормотал сквозь зубы охотник, стаскивая с плеча лук.

– Не стреляй, – вполголоса сказала Лила. – На них форма войск Цитиона.

Командующий отрядом – рослый, белокурый молодой человек – сделал знак рукой, приказывая воинам остановиться, а сам поехал к путникам. Лила ухватилась за локоть Тревинера, чтобы удержать его руку, готовую наложить стрелу на лук.

– Мы не враги, – сказал воин, заметив и намерение охотника, и движение удерживавшей его женщины. Переведя взгляд на Альмарена, он воскликнул:

– Ты не узнаешь меня, Аль?!

– Риссарн, ты?! – Альмарен вспыхнул радостью и сделал движение, чтобы броситься навстречу другу, но тут же остановился. – Что ты здесь делаешь?

– Ну и недоверчив ты стал, однако! – Риссарн соскочил с коня и подошел к Альмарену. – Если бы мы хотели захватить вас в плен, мы не стали бы с этим тянуть.

– Но как ты здесь оказался?

– Это длинная история. – Риссарн во все глаза рассматривал друга, которого не видел почти четыре года. – Скажу пока главное – я приехал сюда в отряде, который послан правителем Цитиона, чтобы захватить Белый алтарь – и обеспечить твою безопасность, между прочим.

– Мою безопасность? Но откуда Норрену известно, что я иду на Белый алтарь?

– Ладно, расскажу подробнее, – улыбнулся Риссарн. – Начну с того, что я привез в Босхан письмо от нашего магистра и остался в войсках Норрена.

Неделю назад, как раз в тот день, когда мы дали сражение подошедшим к Босхану уттакам, к правителю явился Равенор – ты еще не забыл его?

– Как же, помню, – подтвердил Альмарен.

– Он сообщил правителю, что у тебя есть два камня Трех Братьев – Красный и Желтый, что ты идешь с ними на Белый алтарь, а за тобой гонится Каморра с отрядом уттаков. Затем он потребовал послать войско, чтобы защитить камни, а заодно и тебя.

– Но как он все это узнал?

– Потом расскажу. Короче, с Равенором была послана конница, которая прошла напрямик через Ционское нагорье и захватила Белый алтарь. Это произошло вчера, а сегодня его светлость выслал два отряда по десять человек для патрулирования окрестностей. Так вот, мы здесь выслеживаем тех, кому вчера удалось от нас уйти, а также разыскиваем вас и Каморру, который тоже где-то поблизости. Его светлость, чтобы не случилось недоразумения, назначил меня в отряд, потому что ты знаешь меня в лицо. Его ты тоже знаешь, поэтому он возглавил второй отряд, который патрулирует западнее Белого алтаря.

– Его светлость – это Равенор? – уточнил Альмарен.

– Нет, Равенор сейчас сидит в комнате Каморры и листает его книги по магии. Его светлость – это военачальник и близкий родственник Норрена, командующий цитионской конницей. Ты знал его как магистра ордена Грифона.

– Магистр здесь?! – восхитился Альмарен.

– Да. Он будет рад встретиться с тобой. – Взгляд Риссарна оторвался от лица друга и поочередно обошел его спутников. – Мы проводим вас в поселок при алтаре – там сейчас самое безопасное место.

– И поесть дадут? – встрепенулся Шемма.

– Конечно, – обнадежил его Риссарн. – И поесть дадут, и жилье найдется.

Альмарен обернулся к своим спутникам:

– Ну как, пойдем мы с ним в поселок?

– Твой друг прав, там сейчас безопаснее, чем в пещерах Фаура, где остался Каморра с уттаками, – согласилась Лила, – а заклинание может немного и подождать.

Тревинер вместо ответа убрал стрелу и повесил лук на плечо.

Риссарн вскочил на коня и поехал первым, указывая дорогу, остальные воины последовали за путниками. Вскоре впереди показалась вырубка, а на ней поселок – бывшее пристанище Каморры.

Войско, оставшееся на Белом алтаре, обживало новое место. Баня топилась, за кухней на вырубке горел большой костер, куда сносили мусор со всего поселка. Но похоже, разгребание грязи на вражеской территории не считалось мирным делом, потому что воины были при мечах, а пасшиеся у берега лошади – под седлами.

– Таков приказ его светлости, – ответил Риссарн на вопрос охотника. – Это на случай, если в окрестностях бродят уттаки.

– Так бы вы и нас, чего доброго, прикончили, если бы мы подошли поближе, – мрачно сказал Шемма.

– О вас объявлено, – успокоил его Риссарн. Действительно, встречавшиеся по пути воины не удивлялись их появлению в поселке. Риссарн привел их к двухэтажному особнячку на берегу реки и предложил подождать, а сам спешился и вошел внутрь.

Вскоре он вернулся с невысоким и щуплым, уже немолодым человеком, в котором Альмарен узнал Равенора.

– А, вот наконец-то и вы, молодой человек, – сказал ему Равенор, опуская приветствие. – Вижу, при вас и камни Трех Братьев, значит, все в порядке. Входите.

Путники вошли в дом вслед за знаменитым магом. Риссарн, оставшись на крыльце, ободряюще кивнул другу на прощание.

– Мы должны вернуться в лес, – объяснил он. – До вечера!

– Пока. – Альмарен вместе с остальными поднялся по лестнице на второй этаж. Короткий коридор закончился небольшим залом, половину которого занимал длинный обеденный стол со скамьями по обе стороны и жесткими креслами у торцов.

– Комнат в доме меньше, чем людей. – Равенор начал без предисловий, как человек, привыкший, что любое его слово бывает услышано. – Мужчин поселят по двое, женщину отдельно. Когда устроитесь, сообщите моему слуге и ждите меня здесь.

Он отыскал взглядом появившегося неизвестно откуда слугу и негромким, почти беззвучным голосом отдал приказы о комнатах, еде и бане для новых жильцов, после чего, словно забыв об их существовании, прошел мимо и скрылся за ближайшей дверью.

– Куда это он? – оторопел Шемма, выражая общее впечатление.

– Его светлость очень занят, – веско сказал слуга. – Идите со мной.

Указав им комнаты, слуга отправился выполнять остальные распоряжения хозяина и, нужно заметить, выполнил с большим проворством. Еще не стемнело, а путники уже вновь собрались в зале для встречи с Равенором и сели на скамье у стола, перекидываясь замечаниями в ожидании знаменитого мага.

– Долго нам здесь жить? – первым делом поинтересовался табунщик.

– Тебе же сказали – до конца войны! – напомнил ему Витри.

– А когда она закончится? – не успокаивался Шемма.

– Завтра мы попробуем уничтожить магию ордена Василиска, – ответила ему Лила. – После того как заклинание сработает, остальное будет зависеть не от нас.

– А если не сработает? Магиня молча пожала плечами.

– Такого не случится, – ответил за нее Альмарен.

– Но вдруг? – продолжал допытываться табунщик.

– Без веры в свои силы невозможно быть магом, – объяснил ему Альмарен. – Мы решили прийти сюда, и мы пришли сюда – значит, оно должно сработать.

– Ловко же у вас получается… – озадаченно протянул Шемма. – По-вашему выходит, что захотеть сделать и сделать – одно и то же?

– Стремления притягивают события. Это один из основных законов магии. Поэтому, когда нужно выполнить заклинание, у нас, магов, нет никаких «если».

– Приятно слышать, – блеснул зубами Тревинер. – Теперь мне вдвойне интересно, как обстоят дела в босханской армии.

– Узнаем у Равенора. – Альмарен облокотился на стол и взглянул на дверь. Охотник проследил его взгляд и ворчливо сказал:

– Еще неизвестно, соблаговолит ли он повидаться с нами. Нужно ему, гордецу такому, помнить о нас, бродягах!

– Он слишком убежден в своем превосходстве, чтобы быть гордым, – заметила Лила. – Впрочем, каким бы он ни был, это он привел войско нам на помощь.

Магиня оборвала фразу на полуслове, потому что в зал вошел тот, о ком они говорили. Равенор с неторопливой уверенностью уселся в деревянное кресло у торца стола и остановил взгляд на Альмарене. Остальных он проигнорировал, видимо считая их приложением к Альмарену в той же степени, как и его самого – к камням Трех Братьев. Но разговор он начал, как ни странно, не с расспросов и требований, а с короткого и точного изложения причин своего отъезда из Цитиона. Упоминание о маленькой принцессе отозвалось в Альмарене эхом симпатии, мгновенно вспыхнувшим и исчезнувшим под впечатлениями от дальнейших слов мага, рассказывавшего о босханских событиях, обнаружении Синего камня в жезле, об успехах Риссарна в ясновидении.

– Я сообщил вам все, заслуживающее внимания. – Голос Равенора звучал отчуждающе-вежливо, и казалось неясным, обращался он ко всем или к одному Альмарену. – Где находился Красный камень, я знаю от Магистра.

Интересно, где вы отыскали Желтый?

Альмарен, в свою очередь, рассказал знаменитому магу о пути на Керн и встрече с Тревинером, о лурских событиях и подземном путешествии. Узнав о Белом шаре и изображениях Трех Братьев, Равенор так и загорелся воодушевлением:

– Я завтра же побываю там, – категорически заявил он. – Вы отведете меня к Белому шару.

– Мы будем к вашим услугам после того, как магия амулетов ордена Василиска будет разрушена, – ответила ему Лила. – Для этого нам потребуются все три камня Трех Братьев.

– Одно другому не помешает, а даже наоборот, посодействует. – Равенор уставился на женщину, которую Риссарн причислял к высшим магам. – Мы возьмем камни и спустимся под землю, к Белому шару. Разве не достойно будет выполнить такое дело перед лицами Трех Братьев? Как мне известно, это их единственные изображения, сохранившиеся на Келаде. Подземные люди оказались благодарнее наземных…

Их разговор был прерван стуком копыт, донесшимся с улицы. Равенор выглянул, в распахнутое окно, но сгустившиеся сумерки мешали рассмотреть приехавших.

– Кажется, это отряд Магистра, – наконец сообщил он. – Я чувствую там Синий камень, а Магистр никогда не расстается с ним.

– Магистр приехал! – Альмарен первым подбежал к окошку, выглядывая мелькающих в темноте всадников, и увидел высокую

фигуру Магистра, спешивающегося у крыльца. – Он идет сюда!

Все едва успели отойти от окон, как входная дверь резко распахнулась. Магистр ордена Грифона сделал несколько шагов по залу и остановился, отыскав взглядом маленькую женщину. Альмарен, стоявший рядом с ней, почувствовал, как она вздрогнула и покачнулась от этого взгляда. Он поддержал Лилу за локоть, но в следующий миг она уже бежала навстречу вошедшему, в его сомкнувшиеся за ее спиной руки. Она прижалась щекой к его груди, ее ресницы взмахнули и опустились, словно крылья бабочки, присевшей на скалу.

Наступила мгновенная, пугающая тишина. Затем, будто вспомнив про неотложные дела, все поспешили прочь из зала. Один Альмарен стоял, не имея сил отвести глаза от обнявшейся пары.

– Думается мне, они давно знакомы, – раздался над его ухом голос Тревинера. Жесткие пальцы охотника ухватили его за руку повыше локтя и потащили к выходу. – Пойдем отсюда, парень, мы здесь лишние.

XX

Звуки ударов по крышке кухонного котла разнеслись на рассвете по Белому алтарю и возвестили завтрак. Обитатели алтаря потянулись к кухне, рассаживаясь за длинным, вкопанным в землю столом. Здесь же появился и слуга Равенора, длиннолицый и чопорный, выглядевший представительнее многих господ.

Нагрузив поднос тарелками и кружками, он проследовал в комнату хозяина с привычной важностью, как если бы подавал завтрак в цитионском дворце. Шемма, усевшийся за стол первым, с тайным трепетом проводил его взглядом.

– Смотри-ка ты, Витри! – подтолкнул он односельчанина и мотнул головой сначала на сидевшего здесь же Ромбара, а затем на слугу. – И господа, оказывается, бывают разные. Тот-то, который маг, еще важнее этого! А ведь этот, говорят, родственник самому Норрену… – Шемма сделал большие глаза и наклонился к уху Витри. – Вот будет шуму-то в селе, когда мы расскажем, что нам помогал самый важный господин на Келаде! Мельник, точно тебе говорю, не откажет…

Шемма запнулся от избытка чувств и пощупал ожерелье за пазухой.

– И твоя вертихвостка по-другому запоет, – победоносно сообщил он товарищу. – Вот увидишь!

– Кто? – переспросил Витри. – Ах, да… не знаю.

– Да что тут знать-то, все ясно. Чует мое сердце, еще немного – и вернемся мы домой. Эх и заживем тогда – первыми людьми на селе будем!

Шемма на радостях выскреб миску и пошел за добавкой. Витри остался сидеть за столом, дожидаясь успокоения неуемного аппетита табунщика и машинально отмечая, как один за другим расходятся воины, как Лила и Ромбар о чем-то разговаривают с охотником. Тревинер заметил взгляд лоанца и подошел к нему.

– Мы собираемся в Фаур, к Белому шару, – сказал он. – Ты как – идешь или остаешься?

– Конечно, иду! – обрадовался Витри. – А Альмарен?

– И он пойдет.

– А я не пойду, – сказал Шемма, вернувшийся к столу с полной миской. – Надоели мне все эти путешествия.

– Отдыхай. – Тревинер кивком увлек за собой Витри. – Набирай тело.

Шемма, промычав что-то одобрительное, углубился в миску.

Он последним вылез из-за стола и едва не столкнулся с идущим навстречу Альмареном.

«Смотреть надо! – мысленно возмутился табунщик. – Так и с ног свалить недолго». Вслух он ничего не сказал, разумно решив не связываться с этими магами, и отправился прямиком к себе на койку-отдохнуть после сытной еды.

Альмарен прошел мимо табунщика на кухню. Дежурный воин со словами, что некоторые приходят завтракать, когда обед не за горами, поскреб по дну котла и наполнил ему миску. Заставив себя проглотить еду, Альмарен пошел обратно в комнату, где его дожидался охотник, поклявшийся, что с места не сойдет, пока его товарищ не поест. До крыльца оставалось немного, когда он замедлил шаг, а затем и вовсе остановился, потому что на улицу вышел Ромбар и направился к нему.

– Где ты пропадаешь, Альмарен? – спросил его Ромбар. – Я ищу тебя.

– Я был на кухне.

– Вот мы и увиделись, парень. – Ромбар, улыбаясь, подошел вплотную к Альмарену и сделал движение, будто намеревался положить руки ему на плечи, но в последний миг передумал. – Как ты повзрослел!

Альмарен не сделал попытки улыбнуться в ответ, оценив всю ее безнадежность. Он молча смотрел на старшего друга, которого еще не видел таким молодым и счастливым.

– Ты неважно выглядишь. – В голосе Ромбара прозвучало искреннее сочувствие. – Понимаю, это путешествие нелегко далось тебе.

– Нелегко, – подтвердил Альмарен.

– Ничего, все обойдется, самое трудное уже позади, – утешающе сказал Ромбар. – Зато теперь ты можешь гордиться собой – судьба поставила тебя перед тяжелейшим испытанием, и ты с честью вышел из него, не так ли?

– Пока – не знаю.

– Преимущество за нами, парень. – Ромбар перестал улыбаться, на его лицо вернулось суровое, сосредоточенное выражение человека, облеченного властью. – Все три камня Трех Братьев здесь. Лила говорит, что это обеспечит успех заклинания. Если Госсар лишится власти над уттаками, Норрен разобьет их в считанные дни – я знаю возможности босханской армии.

Альмарен кивнул.

– Мы готовы идти в Фаур, ждем одного тебя. – Ромбар сделал приглашающий жест, предлагая войти в дом. – Вчера мы так и не повидались, не до этого было…

Сознание Альмарена переключилось на собственные

переживания. Он поднимался по лестнице, когда обрывок фразы «…два десятка уттаков» вернул его внимание к словам Ромбара, который, как оказалось, рассказывал о вчерашнем патрулировании.

– …Мы наткнулись на них там, где излучина реки отворачивает от скал. Должен сказать, это совсем недалеко. Они доедали человеческие останки – наверное, кого-то из тех, кто убежал от нас при захвате поселения. Когда мы очистили от них стоянку и обыскали ее, там был найден разбитый в крошки белый диск.

– Я не ожидал, что они способны не подчиняться этому амулету, – проявил интерес к этому событию Альмарен.

– Наверное, у Каморры собрались такие горе-маги, которые не умеют даже выругаться по-уттакски, – предположил Ромбар. – Это происшествие задержало нас, поэтому мы не успели вернуться засветло. Я думал, что все уттаки под Босханом, но, по-видимому, в лесах еще немало этой дряни.

Они вошли в зал, где собрались еще четверо. Равенор разговаривал с Риссарном, Лила и Витри сидели молча, занятые каждый своими мыслями.

– А где Тревинер? – спросил Ромбар, оглядев собравшихся.

– Я схожу за ним. – Альмарен пошел в свою комнату звать охотника.

Прямой путь до расщелины, где брал начало ход в Фаур, оказался на удивление коротким. Это признал даже Равенор, долго не соглашавшийся идти пешком, несмотря на все усилия охотника объяснить ему, что незачем выдавать расположение хода тому, кого придется взять для присмотра за лошадьми. Лишь когда Ромбар довольно резко заявил, что не видит ничего зазорного в пешем способе передвижения, а тех, кто думает иначе, просит не утруждать себя прогулкой, знаменитый маг с недовольным видом согласился на предлагаемые условия.

Спустившись в подземный ход, Тревинер предупредил остальных, чтоб никто не отставал от группы, и пошел по вчерашним следам, добросовестно повторяя все зигзаги и повороты проделанного накануне пути. Наконец следы привели в короткий, залитый ослепительно белым светом туннель, а затем в зал с изображениями Трех Братьев, с каменным грифоном, отдыхающим перед ними, – в зал, посреди которого, ни на что не опираясь, висел Белый шар.

Те, кто уже побывал у шара, все-таки невольно остановились, чтобы полюбоваться совершенным творением монтарвского искусства. Риссарн в восхищении замер на месте, более практичный Ромбар, мимоходом оглядев стройные ряды

полуколонн нижней части купола, обратил внимание на грифона, гладкая спина которого, видимо, служила подставкой при нанесении заклинаний на амулеты.

Равенор, чуть помедлив, пересек зал и благоговейно остановился перед изображениями Трех Братьев. Когда знаменитый маг обернулся к остальным, его лицо светилось умиротворенным счастьем, словно от исполнения заветнейшего желания. Впрочем, в следующее мгновение на лице мага восстановилось обычное, замкнуто-сухое выражение.

– Я чувствую здесь избыток силы холода, – объявил он. – Синий камень не прикрыт защитной оболочкой, Магистр? – обратился он к Ромбару.

– Не прикрыт, – ответил Ромбар, вытаскивая жезл Аспида, – но сейчас это уже не важно. Даже если амулеты Белого алтаря получат небывалую силу, это ненадолго.

Равенор взял у него жезл и, отомкнув крышку, извлек оттуда Синий камень.

– Давайте сюда остальные два камня, Альмарен, – потребовал он.

Альмарен осторожно достал оранжевое яблоко с вырезанной долькой, все еще заключенное в невидимую оболочку, и на сложенных ладонях протянул знаменитому магу. Тот прицелился поместить Синий камень на пустующее место.

– Подождите, нужно убрать защиту, – остановил его Альмарен и сосредоточенно уставился в ладони. Мгновение спустя оранжевый огонек в его руках засветился ярче, поверхность шара соприкоснулась с руками мага. – Вот теперь – кладите.

Равенор вложил Синий камень в выемку оранжевого яблока на ладонях Альмарена. Кристалл с легким хлопком встал на место и слился с братьями.

Получившийся шар засиял ослепительно белым светом, как и его огромный двойник, висевший в центре зала, узор его граней ожил и заискрился, складываясь в безмолвную световую мелодию. Мощный поток магической силы хлынул из Белого шара, захлестывая, сбивая дыхание у стоящих в зале магов. Даже Витри и Тревинера, нечувствительных к магическим энергиям, забил озноб.

Альмарен почувствовал жжение в ладонях и огляделся, отыскивая место, куда можно положить шар. Охотник, с самого утра исподтишка наблюдавший за магом, догадался о его намерении. Свернув плащ в подушку, он поместил ее между передними лапами грифона и прихлопнул сверху рукой, чтобы получилась ямка.

– Клади сюда, – окликнул он Альмарена. Альмарен избавился от шара и подошел к Лиле.

– Все готово, – сказал он, тщетно пытаясь перебороть растущее ощущение собственной ненужности. Теперь, когда Синий камень был здесь, ей не требовался помощник.

Лила ответила ему неожиданно теплым, сочувствующим взглядом и вышла к шару, готовясь начать заклинание.

– Лила! – Властный голос Ромбара заставил вздрогнуть окружающих. – Разве заклинание выполнишь ты?!

– Конечно, – обернулась к нему она.

– Я не допущу этого. – Тон Ромбара действительно не допускал никаких возражений. – Я знаком с магией, и мне прекрасно известно, чем это может для тебя кончиться. Здесь достаточно сильных магов – мужчин. Я полагаю, они не будут отсиживаться за спиной слабой женщины, предоставив ей рисковать жизнью?

На слове «слабой» прежние спутники, как по команде, взглянули на магиню, гадая, чем она ответит на подобное, до смешного не подходящее к ней определение. Но та промолчала, видимо признавая право Ромбара распоряжаться ее жизнью.

– Так что?! – продолжил тот, оглядывая магов. – Риссарн? Альмарен?

Вы, Равенор?

– Это не простая магия, Ромбар, – подошла к нему Лила. – Никто не справится с ней лучше, чем я. Зачем кому-то рисковать собой понапрасну?

Уговоры маленькой женщины не переубедили Ромбара, но заставили задуматься.

– Помнится мне, Риссарн, ты утверждал, что можешь определять магические способности каждого, – обратился он к юноше. – Скажи, кто здесь способен разрушить магию ордена Василиска?

– Альмарен, – ответил Риссарн. – Только он, если не считать… – Он взглянул на магиню.

– Не считать, – проследил его взгляд Ромбар. Альмарен слышал их разговор, но пропустил смысл сказанного, потому что был занят вопросом, смог ли бы он вот так, как Ромбар, сказать ей «нет», даже если бы дело касалось ее жизни? И послушалась ли бы она, проявила ли бы такую необычную кротость, если бы все-таки…

Словно просыпаясь, он поднял взгляд на стоявшего перед ним Ромбара.

– …никого, кроме тебя, – говорил тот. – Ты готов выполнить это заклинание?

Альмарен восстановил в памяти содержание разговора.

– Да, Магистр.

Молодой маг повернулся к Белому шару и глубоко вздохнул, расслабляя грудь, чтобы освободить путь силе. Он смотрел в центр сияющего круга и чувствовал, как повседневные мелочи и заботы, прошлое и будущее, радость вчерашнего дня и боль сегодняшнего отлетают прочь, осыпаются, как ненужная шелуха, оставляя одно – он маг, и есть дело, которое нужно совершить. Когда в его сознании не осталось ничего, кроме Белого шара, он открылся навстречу бьющему оттуда потоку энергии. Сила семи алтарей вошла в него, закипела в груди, заклокотала в горле, ослепительным сиянием запылала в мозгу. Чувствуя, как его тело исчезает, превращаясь в сгусток энергии, он протянул вперед лучи силы, недавно бывшие руками, и соединился с шаром.

Внутренним зрением он увидел энергетическую сеть, являющуюся скелетом шара, а затем – сердцевину и поток силы, идущий оттуда подобно жару огромной, раскаленной добела топки. Цветные нити остальных алтарей подходили к шару извне и углублялись в нее. Как и предсказывал Равенор, здесь была и желтая нить, связывающая Белый алтарь с Желтым, который еще предстояло отыскать. По нитям, словно по каналам, текла энергия алтарей и вливалась в шар, преобразуясь в излучение.

Он отыскал тонкие белые нити, прицепленные к внутренней сети и ведущие прочь от шара. Догадавшись, что это и есть энергетические нити амулетов, он создал мысленный приказ и вложил в него всю силу, заставляя их вернуться в алтарь. Заклинание мгновенно истощило мага, и он потерял связь с шаром, но, срываясь во тьму, успел заметить, как втянулись в шар нити амулетов Белого алтаря.

Альмарен покачнулся, но устоял на ногах. Значит, у него еще были ноги, руки и все прочее. Мыслей не было, внутри царила бесконечная, всепоглощающая пустота. Он бесцельно повел взглядом по смутно различимому полу, по плывущим стенам, механически отмечая, что все попадающееся на глаза выглядит темным и тесным. Одна из неясных фигур зашевелилась, приблизилась к нему.

Альмарен вглядывался в нее, с усилием возвращаясь ко внешнему зрению, пока четкость видения не улучшилась настолько, чтобы стало возможным узнать Равенора.

– Полный успех, Альмарен! – Знаменитый маг протягивал ему камею Василиска. – Смотри, это больше не амулет, это обычный кусок эфилема!

– Я знаю, – охрипшим голосом ответил Альмарен. Голос, как и зрение, пока еще плохо слушался его.

– Скажи, как ты сделал это? – взволнованно спросил Равенор. – Как подчинить себе такую силу?

– Обыкновенно. – Слова приходили к Альмарену ниоткуда, минуя мысли. – Нужно одновременно и владеть собой, и отдавать себя.

– Это же азы магии! – с досадой сказал Равенор. – Ничего нового!

– Конечно, ничего, – согласился с ним Альмарен. – Все дело в количестве. Когда берешь все, то и отдавать нужно все. Иначе равновесие нарушается, ну и тогда…

– Смерть, – закончил за него Равенор. – И ты – не боялся смерти?

– Я не думал о ней. – Хрипота понемногу исчезала из голоса Альмарена. – Когда отдаешь все, то бояться – уже нечем.

Альмарен почувствовал, что его зрение восстановилось, и взглянул вдаль, поверх головы Равенора, чтобы убедиться в этом. Там была стена с изображениями Трех Братьев. Он всмотрелся в их лица, с необыкновенной ясностью ощущая спокойную силу Гелигрена, кипучую жизнерадостность Оригрена, всевидящую чуткость Лилигрена, а они, казалось, тоже тепло и внимательно, по-братски, смотрели на него.

Вечером Риссарн уединился у себя в комнате, чтобы понаблюдать события, происходящие в Босхане, а наутро рассказал Ромбару, что вражеский лагерь под Босханом охвачен резней – племена уттаков, забыв о войне с людьми, восстали друг на друга.

– Все случилось, как мы и ожидали, – сообщил наутро Ромбар, собрав остальных в зале. – Межплеменные распри сделали врага небоеспособным. Я уверен, что до нашей победы остались считанные дни, поэтому нам нужно позаботиться о будущем – о мирном будущем. Нам нельзя бросать на произвол судьбы такой мощный источник магии, как Белый алтарь. Его необходимо защищать и как можно скорее обживать, чтобы впредь он не оказался орудием в руках желающих дорваться до власти. Места здесь небезопасные, поэтому войско останется в поселении и сегодня же приступит к постройке защитной стены. Вам, магам… – Ромбар в упор глянул на Равенора, – я предлагаю создать новый орден – здесь, на Белом алтаре.

Когда исход войны будет решен, я уеду в Келангу и там договорюсь о присылке провизии, строителей, гарнизонных войск, а также магов, которые пожелают стать членами нового ордена. А вы, Равенор, подумайте о том, кто будет магистром, – обряд посвящения должен состояться до моего отъезда.

Все разошлись, оживленно обсуждая новость. Витри, Шемма

и Тревинер остановились на крыльце.

– Скоро домой! – сиял табунщик. – Жалко, что пешком, без лошадок.

Помнишь, Витри, какие у нас были кони?! Твой-то был, сдается мне, точь-в-точь как у Риссарна. А мой-то, мой… – И он мечтательно вздохнул.

– Будут вам лошадки, – успокоил его Тревинер. – Я узнавал, здесь есть трофейные. И мне тоже, пока не отыщу свою Чиану.

– Разве ее найдешь? – изумился Шемма. – Кто знает, где она теперь бродит!

– Я знаю. Она никуда не уйдет с того места, где я ее оставил. Так уж она приучена.

– Куда тебе две лошади, Тревинер? – сообразил табунщик. – А мне бы они пригодились…

– Так и быть, – рассмеялся охотник, – когда мы приедем в Келангу, этого коня я отдам тебе.

Шемма, довольный, на радостях пошел на кухню проведать, не осталось ли чего от завтрака.

– А ты, Витри? – Тревинер взглянул на оставшегося с ним лоанца. – Что ты будешь делать дальше?

– Не знаю, – выдохнул Витри. – Тоже, наверное, домой поеду.

Послушай, Тревинер, неужели все кончилось?

– Пожалуй, да, – подтвердил охотник. – И главное, хорошо кончилось. Скоро и я буду дома. Пока мы бегали по лесам да по горам, я понял, что и у меня есть дом – это Бетлинк.

Дни, наполненные всеобщим радостным ожиданием, полетели быстро и незаметно. Шемма ел за пятерых, каждые два-три дня расставляя застежку ремня еще на одну дырку, пока не вернул свою внушительную комплекцию. С этого дня он, видимо, вспомнил об умеренности и стал есть только за троих. Витри и Тревинер держались вместе, то практикуясь в стрельбе из лука, то помогая воинам строить стену вокруг поселения. Альмарен, как и Равенор, пристрастился жить замкнуто, почти не появляясь на людях. Он целые дни проводил у себя в комнате за чтением найденных у Каморры книг и даже военные новости предпочитал узнавать у охотника, делившего с ним комнату. Ромбар и Риссарн, каждый с несколькими воинами, патрулировали окрестности и заодно составляли точную карту близлежащих малоизученных мест, а вечерами, склоняясь над общей картой севера Келады, вносили туда изменения. Они не обнаружили ни уттаков, ни Каморры и в конце, концов пришли к выводу, что те два десятка дикарей, встретившиеся Ромбару, и были уттаками из пещер Фаура, непостижимым образом решившимися съесть своего вождя.

Риссарн перед сном заглядывал в свой хрустальный шар, а по утрам приходил в зал и рассказывал собравшимся о том, как босханская армия гонит уттаков по восточному берегу Циона, по лесам вдоль Ционского нагорья, мимо опустевшего Оранжевого алтаря. В то утро, когда он сообщил, что воины Норрена заняли Бетлинк, Ромбар объявил о скором отъезде и предложил магам остаться с ним в зале.

– Я больше не могу откладывать назначение магистра нового ордена, – сказал он напрямик, когда все, кроме магов, вышли из зала. – Я имею в виду вас, Равенор. Как бы вы ни относились к моим магическим способностям, я – магистр ордена Грифона, и только я здесь обладаю властью произнести слова посвящения, – напомнил он древнее правило магов, до сих пор только трижды примененное на Келаде и гласившее, что посвящение в магистры нового ордена имеет силу лишь в том случае, если обряд выполнит магистр одного из существующих орденов.

– Разве я изъявил согласие стать магистром нового ордена? – сухо поинтересовался Равенор.

– У нас с вами нет выбора, – нахмурился Ром-бар. – Это необходимость, и вы ее понимаете не хуже, чем я. Я узнал вас как человека, сознающего свою ответственность за судьбу всей Келады, и потому не сомневаюсь в вашем согласии, как бы оно ни было неприятно вам лично.

– Спасибо, Магистр. – На лице знаменитого мага мелькнуло кривое подобие улыбки. – Я слишком привык к одиночеству, чтобы стать тем главой, который нужен новому ордену. Здесь есть маг более подходящий для этого.

– Кто он?

– Альмарен.

– Альмарен?! – удивился Ромбар. – Он слишком молод.

– Вы так думаете? – глянул на него Равенор. – А я так не думаю. Он заметно прибавил в магии с тех пор, как мы виделись в Цитионе.

Ромбар замолчал, взвешивая слова знаменитого мага.

– А ты что скажешь? – обратился он к Риссарну. – Ты ведь давно знаешь своего друга.

– Прежде мне казалось, что я взрослее Альмарена, – ответил тот. – Но здесь я встретил его сильно переменившимся. У меня нет причин не согласиться с его светлостью.

– Лила, если и ты так считаешь…

– Мне кажется, будет правильным, если орден Белого алтаря возглавит маг такого уровня, – тихо ответила магиня. – Конечно, если он согласится остаться здесь, в глуши…

– Где он?! – вскинулся Ромбар.

– У себя, наверное, за книгами Трех Братьев, – ответил Равенор. – Должен заметить, мне нравится, что он не тратит времени на пустяки.

– Зовите его сюда.

Риссарн вышел и вскоре вернулся с Альмареном. Тот подошел к столу, у которого сидели маги, и остановился напротив Ромбара.

– Вы хотели видеть меня, Магистр?

– Да. – Отметив новое выражение лица Альмарена, спокойное и неулыбчивое, Ромбар подумал, что его молодой друг действительно очень повзрослел за последние два месяца. – Белому алтарю нужен орден магов. А ордену – магистр.

Альмарен молча глядел на Ромбара, ожидая продолжения.

– Мы оказались единодушны в том, что ты справишься с обязанностями магистра лучше любого другого из присутствующих здесь магов, – вновь заговорил Ромбар, тщательно подбирая слова. – Поэтому я предлагаю тебе стать магистром ордена Белого алтаря.

– Вы уверены, что сделали лучший выбор, Магистр? – В вопросе Альмарена слышался скрытый отказ.

– Магия Белого алтаря могущественна, и она должна служить добрым целям, – сказал в ответ Ромбар. – Мы верим, что ты – тот человек, который сумеет найти ей правильное применение.

– Мне кажется, я не заслуживаю такой чести. – Альмарен натолкнулся на прямой, настойчивый взгляд Ромбара, но не отвел глаз.

– Это не честь, – жестко сказал Ромбар. – Это – труд, и нелегкий труд. Это – обязанность, и нелегкая обязанность. Вот что я тебе предлагаю, а вовсе не честь. Так что ты ответишь на мое предложение?

– Я согласен.

– Рад, что мы поняли друг друга. – Ромбар откинулся на спинку деревянного кресла. – Что же ты стоишь, присаживайся! У нас найдется что обсудить.

Альмарен сел за стол, положил перед собой сцепленные в пальцах руки. Остальные задвигались, словно принимая его в. круг.

– Камни Трех Братьев пока у тебя? – полуутвердительно спросил Ромбар. – Пусть они остаются на Белом алтаре. Подыщи им укромное место, чтобы они были в безопасности.

Альмарен наклонил голову в знак согласия.

– Теперь о моей коннице… – продолжил Ромбар. – Несколько человек отправятся со мной, все прочие останутся здесь до тех пор, пока из Келанги не придет гарнизонное войско. Я передам их

под твое начало сразу же после обряда посвящения.

Альмарен вновь наклонил голову, показывая, что принимает решение Ромбара.

– Не увлекайся одной магией обращай внимание на борьбу с уттаками.

Гарнизонное войско должно патрулировать окрестности и по мере необходимости очищать их от дикарей, как в Бетлинке. – Ромбар дождался очередного кивка Альмарена и продолжил:

– С уставом и амулетами можно не торопиться, но символ ордена должен быть известен до начала посвящения, потому что его название используется в обряде. Каким будет символ твоего ордена, первый магистр?

Альмарен на мгновение растерялся, вопрос застал его врасплох.

– Символ ордена? – переспросил он.

– Да, – подтвердил Ромбар и, видя, что молодой маг не отвечает, добавил с усмешкой:

– Каморра, например, использовал василиска.

– Мало нам ордена Аспида… – саркастически заметил Равенор. – Не хватает еще, чтобы главный алтарь острова имел своим символом уттакскую вонючку!

– Вонючка – это невозможно! – поддержала его Лила. – Но есть же и приличные звери. Давайте вспомним… дорфирон, например.

– Он слишком уродлив, – возразил Риссарн. – Не будет смотреться на амулетах. Лучше уж пантера.

– Мелковата, – не согласился Равенор. – Шныряет по чащам, никто ее не видит. То ли дело – сеханский кондор!

Ромбар не ввязывался в обсуждение, а только наблюдал, как трое магов спорят о символе ордена.

– А ты, Альмарен, почему молчишь? – обратился он к магу, заметив, что тот не предложил ни одного названия. – Последнее слово за тобой, выбирай!

– Мне кажется, что нет зверя, который соответствует символу ордена Белого алтаря, – объяснил тот.

– Это – традиция, – напомнил ему Ромбар.

– Меняются обстоятельства, меняются и традиции, – медленно произнес маг. – Пусть новый орден будет орденом Солнца.

Все головы повернулись к Альмарену. Наконец Равенор нарушил наступившее молчание.

– Что я говорил, Магистр! – Голос знаменитого мага звучал торжествующе. – Хороший выбор!

– Что ж, не будем откладывать обряд, раз символ ордена

выбран, – сказал Ромбар, вставая из-за стола. – После сборов встречаемся на крыльце, а ты, Риссарн, отыщи охотника, пусть он проводит нас к Белому шару.

Вернувшись в комнату, Альмарен подошел к небольшому, встроенному в стену шкафчику, провел рукой по створкам и потянул за ручку. В шкафчике лежал белый шар величиной с крупное яблоко, переливающийся тысячами граней. Альмарен прикоснулся к теплой, пружинящей под пальцами невидимой оболочке, затем снял с рук перстни Грифона и Феникса и положил рядом. Закрыв шкафчик, он приложил пальцы к створкам и мысленно произнес мощное запирающее заклинание, не позволявшее не только отворять, но и взламывать защищаемые им двери, а затем накинул куртку и спустился по лестнице.

На крыльце никого не было. Альмарен остановился, оглядывая место, которое должно было стать его домом, – два длинных, низких строения, где жили воины, кухню и амбар под навесом, наполовину выстроенную стену, замусоренную вырубку. «Нужно бы расчистить ее, некрасиво…» – подумал он. Лес, окружавший вырубку, был прозрачен и гол, жалкие остатки желтых листьев подрагивали на ветру. Еще несколько дней – и они присоединятся к своим собратьям, толстым ковром покрывающим землю. Поздняя осень…

Из-за спины Альмарена возник Равенор в теплой и легкой куртке на безумно дорогом меху с грифоньих крыльев. Жидкие волосы на непокрытой голове мага отлетали назад, подчеркивая высокий, выпуклый лоб, небольшие, глубоко посаженные глаза смотрели бодро и зорко. Знаменитый маг, не говоря ни слова, остановился рядом и, казалось, тоже увлекся созерцанием окружающих мест.

Альмарен почувствовал, что благодарен ему за молчание.

На тропинке, ведущей от мостков, показались Риссарн и Тревинер, а с ними Витри, не разлучавшийся с охотником. Позади хлопнула входная дверь.

Альмарен спиной почувствовал, кто там вышел на крыльцо, и не оглянулся. Лила и Ромбар спустились с крыльца навстречу подходившим.

– Все в сборе, – объявил Ромбар. – В путь! Осеннее солнце не грело, хоть и стояло высоко, поэтому Тревинер сразу задал стремительный темп, чтобы согреться на ходу. Все перевели дыхание, лишь оказавшись в теплом и влажном воздухе пещер Фаура. Витри, оттерев озябший нос, вновь упрятал руки в карманы. Равенор, напротив, распахнул, а затем и вовсе снял свою грифонью куртку, бывшую значительно теплее летних курток его спутников. Попетляв за охотником по коридорам

подземного города, участники обряда вышли к Белому шару.

– Величественное место! – Равенор остановился у входа, любуясь залом. – Для обряда посвящения трудно придумать что-то лучшее.

– Да, – подтвердил Ромбар. – Напомните мне порядок проведения обряда, Равенор. Я не хотел бы ошибиться.

– Сначала вы представляетесь алтарю… Вам напомнить слова представления?

– Нет, слова я помню.

– Затем создаете камею для нового магистра, представляете его алтарю и вручаете камею. Ваши помощники надевают ему знаки отличия – цепь с изображением символа ордена, плащ и обруч. Новый магистр приносит клятву, после чего обряд считается завершенным.

– Что касается знаков отличия – это внешняя сторона обряда, без нее можно обойтись, – задумался вслух Ромбар. – А камея нужна…

– Я захватил с собой несколько кусков эфилема. – Равенор пошарил в куртке и выложил на пол необработанные эфилемовые обломки, а с ними – камею с изображением василиска. – Там не было ничего лучшего. В конце концов, форма амулета не имеет значения, главное – качество его связи с алтарем.

Ромбар пересмотрел каждый кусок и разочарованно отложил их все.

– Альмарен, выбери сам, – позвал он молодого мага.

– Позвольте, я посмотрю. – Риссарн присел на корточки рядом с Ромбаром и, порывшись в кусках, вытащил камею с василиском. – Она, пожалуй, подойдет.

– Но ведь там… – Ромбар, поморщившись, не договорил фразу.

– Это легко исправить. – Риссарн достал свой жезл Феникса и начал водить головкой жезла перед мордой василиска, нашептывая заклинания. С камеи посыпались белые крошки.

Наконец он убрал жезл и показал камею Ромбару. Оскаленную рогатую морду ящера заменил ясноглазый солнечный лик с лучами, подобными языкам пламени.

– Так лучше?

– Гораздо лучше. – Ромбар взял камею. – Пора начинать обряд.

Он обошел каменного грифона и встал у его спины, лицом к Белому шару. Его осанка изменилась, плечи расправились, словно под тяжестью красного плаща магистра, и каждый почувствовал, что перед ним магистр ордена Грифона, готовый начать посвящение.

Ромбар положил свою камею на спину грифона, простер над ней руки и проговорил слова представления. Стены зала на мгновение осветились ответной вспышкой Белого шара. Чуть помешкав, словно собираясь с силами, Ромбар заменил свою камею на другую, с изображением солнечного лика, и произнес заклинание создания амулета третьего посвящения. Все не шевелясь ждали продолжения, но Ромбар медлил взять камею в руки.

– У вас получилось. Магистр! – раздался голос Равенора. – Связь установлена!

Ромбар ничем не показал, что услышал знаменитого мага. Подняв камею, он вручил ее Альмарену и проговорил слова посвящения в магистры, а затем взглядом указал на Белый шар. Альмарен повернулся лицом к шару и, держа перед собой камею, произнес клятву магистра. Белый шар ответил вспышкой, более яркой, чем первая.

Обряд закончился. Все обступили Альмарена, посыпались поздравления. Отвечая Ромбару, Альмарен увидел его лицо, серое и постаревшее, и вспомнил, что Магистр никогда не был выдающимся магом.

Затем Ромбар объявил, что пора возвращаться, и все потянулись за охотником к выходу. Альмарен отыскал Риссарна и пошел рядом.

– Что ты собираешься делать дальше? – спросил он друга своего детства.

– Я пока еще на службе у его светлости… – неопределенным тоном ответил Риссарн.

– Оставайся здесь, со мной, – тихо сказал Альмарен. – Мне будет трудно одному.

– Конечно! – Риссарн, казалось, ждал этого предложения. – Война закончилась, и его светлость не будет меня удерживать. Ты будешь первым магистром, а я – первым магом твоего ордена. – Он весело подтолкнул Альмарена.

– Мы с тобой и уттаков разгоним, и заклинаний насочиняем. А каких я амулетов наделаю! Представляешь?!

Новое утро началось предотъездной суетой. Сразу же после завтрака Тревинер сходил в конский загон, наспех сколоченный на вырубке, и привел оттуда трех лошадей. Оставив их у коновязи, он позвал с собой лоанцев и отправился к воинам за седлами. Ромбар вызвал отъезжающих с ним воинов и, взяв в помощники Риссарна, занялся распределением дорожных припасов. Слуга Равенора сбился с ног, седлая лошадей и упаковывая объемистый хозяйский багаж, а сам Равенор, похоже, не собирался покидать свою комнату до отъезда.

Вся эта суета никак не касалась Альмарена, остававшегося в поселении. Он сидел у себя в комнате Перед раскрытой книгой, даже и не пытаясь читать мелкий и разборчивый текст, написанный когда-то, наверное, Лилигреном.

Картины недавнего путешествия подступали к нему и, словно издеваясь, непрошеными врывались в его сознание, а он отодвигал, отодвигал их, напоминая себе, что должен выйти для прощания и быть спокойным, когда наступит время отъезда.

«Я должен быть спокоен, – говорил он себе. – Я уже спокоен, разве не так?»

Стук в дверь заставил его подскочить на стуле, доказав, что это не так. Альмарен встал, чтобы открыть дверь, но вспомнил, что она не заперта.

– Войдите! – крикнул он.

В комнату вошла Лила. Несколько мгновений, показавшихся Альмарену бесконечными, они смотрели друг на друга.

– Ты?! – наконец выговорил он.

– Мы почти не видимся в последнее время… – начала она.

– Ты понимаешь почему.

– Понимаю. Я не подала бы тебе надежды, если бы знала, что он жив.

– Хорошо, что ты этого не знала.

– Мне было бы тяжело уехать, не попрощавшись с тобой. – Ее голос дрогнул. – Прости меня…

– Я благодарю тебя. – Альмарен видел ее боль и потому не чувствовал своей.

– За что?

– Ты создала меня заново. Страшно подумать, что я мог бы никогда не встретиться с тобой.

– Но я причинила тебе боль…

– Что делать… Новый человек рождается в муках. – Он ласково улыбнулся ей. – Не думай обо мне, будь счастлива.

– Я не хочу, чтобы ты был несчастлив! – порывисто произнесла она.

– На свете есть много других женщин. Забудь меня!

– Это не в моей власти. Но ты не думай, что я несчастлив.

Лила заглянула ему в глаза, отыскивая подтверждение его словам.

– Мне пора идти, – прошептала она. – Я должна идти.

– Понимаю.

Внезапно она шагнула к нему и, положив руки на его плечи, легко и быстро поцеловала в Тубы, затем повернулась и выбежала прочь. Альмарен приложил к губам пальцы, словно пытаясь удержать прикосновение ее губ, и в оцепенении уставился на

полуотворенную дверь. Очнувшись, он медленно подошел к раскрытому окну и долго смотрел в прозрачное, пронзительно-синее, холодное осеннее небо.

Внезапная мысль сорвала его с места. Он схватил куртку и, на бегу засовывая руки в рукава, помчался на вырубку, к конскому загону.

На дворе поселения заканчивались последние приготовления к отъезду. Воины держали оседланных и завьюченных коней, дожидаясь, пока отъезжающие простятся с оставшимися. На крыльцо бывшего особняка Каморры вышел Равенор и вскочил на поданного слугой коня. Шемма давно уже сидел в седле, словно боясь опять оказаться на своих двоих.

Витри и Тревинер обменивались прощальными словами с Риссарном.

– Зачем ты, Тревинер, уезжаешь? – говорил тот. – Кому здесь и оставаться, как не тебе!

– Как же я брошу Бетлинк?! – восклицал охотник. – Куда они там без меня! Вот поправим замок, разгоним уттаков – порядок, в общем, наведем, тогда и загляну к вам проездом.

– А где Альмарен? – спросил у Риссарна Витри.

– Действительно, где? – вспомнил Риссарн и огляделся. – Да вон он, и коня с собой тащит. Что это он надумал?!

Альмарен спешил к ним с вырубки, ведя за собой оседланного Наля.

Пробравшись сквозь толпу воинов, он подошел к Лиле, державшей своего коня, а месте с ним и Тулана.

– Возьми Наля. – Он протянул магине поводья. – Здесь такой конь ни к чему, а вам еще ехать да ехать.

– Но как же ты? – растерялась Лила.

– Не отказывайся, прошу тебя. – Альмарен схватил ее руку, сжал пальцы вокруг уздечки. – Это такая малость!

Чуть помедлив, Лила приняла уздечку.

– Я буду любить его. – Она погладила Наля по шее.

Подошедший вскоре Ромбар не удивился подарку, видимо сочтя такую любезность естественной. Двое воинов по его знаку переложили мешки с прежнего коня Лилы на Наля.

– Пора выезжать, – объявил он, вскакивая в седло. Отъезжающие воины расселись по коням, провожающие отошли и остановились поодаль. Витри и Тревинер вместе с Риссарном подбежали к Альмарену.

– Счастливо оставаться, дружище! Весной жди меня в гости! – Весело оскалившись, охотник встряхнул Альмарена за плечи. – А ты, Риссарн, не давай ему заскучать. Нет хуже, когда человек скучать начнет.

– Он не заскучает, – ответил Риссарн. – Да и когда скучать, дел тут – по горло.

Попрощавшись, Тревинер и Витри вскочили на коней и поскакали вслед за уходящим отрядом. Альмарен провожал взглядом удаляющихся всадников и, замечая мелькающий среди деревьев серый в яблоках бок Тулана, а рядом – золотые искры на шкуре Наля, думал о своем старшем друге и о маленькой женщине с глазами, глядящими в вечность. Ему казалось, что часть его жизни, и, может быть, лучшая, уходила от него, уходила с ними сквозь прозрачный осенний лес.

Всадники исчезли за деревьями. Риссарн, стоявший рядом, подтолкнул друга:

– Невесело глядишь, Аль! Что с тобой?

– Заботы, Рис. Зима скоро.

XXI

Подъехав к ведущему в Келангу мосту, Ромбар увидел на северном берегу Тиона длинные ряды воинских палаток, а среди них – бело-голубой шатер правителя Цитиона. Дальше по берегу, под сине-желтым босханским флагом, виднелось еще одно скопление палаток. Ромбар свернул вдоль берега и вскоре оказался в цитионском лагере. Сторожевой патруль, узнав наместника правителя, приветствовал его как военачальника и без расспросов пропустил дальше. Оставив свой отряд на берегу, Ромбар распорядился ставить палатки, а сам поехал через лагерь к шатру Норрена.

Он увидел Норрена издали сидящим за столом у шатра. Правитель занимался подсчетом военных расходов и был так погружен в вычисления, что заметил Ромбара, лишь когда тот, спешившись, подошел вплотную.

– Ромбар! – Забыв про расчеты, Норрен поднялся навстречу брату. – Ты уже вернулся!

– Вернулся. – Глаза Ромбара улыбались, он был рад встрече.

– Мы не ждали тебя так скоро. – Норрен собрал бумаги со стола и пригласил Ромбара в шатер. – Мы думали, что ты будешь дожидаться вестей об исходе войны. Два дня назад, когда войска пришли под Келангу, я послал на Белый алтарь гонца.

– Я встретил его на полпути к Оранжевому алтарю, – сказал Ромбар, усаживаясь в одно из кресел, стоявших в шатре. – А с Белого алтаря я выехал на другой день после того, как ты вышиб уттаков из Бетлинка.

– Как ты узнал об этом? – удивился Норрен.

– Это нетрудно, когда находишься в компании лучших магов острова.

– Ромбар дождался, пока правитель положит бумаги в шкаф, и спросил:

– Ну, теперь и ты убедился, что исход войны решался там, на Белом алтаре?

– Да. – Норрен закрыл шкаф и повернул свое кресло так, чтобы видеть собеседника. – Когда дозорные сообщили, что в уттакском лагере резня, я понял, что ваша с Равенором затея удалась и орден Василиска прекратил существование. Горожане целый день не слезали со стены – еще бы, такое зрелище!

Я тем временем подготовил наступление и, когда резня поутихла, ударил на уттаков. Они были обессилены и не сопротивлялись. Кто успел, те пустились в бегство, а мы за ними. Так мы и прошли по восточному берегу до поворота и дальше, до

самого Бетлинка.

– Мы ежедневно следили за ходом войны и знали о всех ваших передвижениях, – сказал Ромбар. – Правда, уехав с алтаря, я потерял эту возможность, поэтому о последних событиях слышал только от гонца.

– Ничего интересного, – заверил его Норрен. – День-другой после взятия Бетлинка мы шарили по окрестностям, затем пошли в Келангу. Что Келанга занята Вальборном, мы узнали еще в осаде от гонца, но было неизвестно, остались ли уттаки на западном берегу Тиона. Посовещавшись, мы решили, что Донкар и тимайцы отправятся домой и по пути очистят западный берег, а я и Десса подождем твоего возвращения. Если окажется, что в районе Белого алтаря много уттаков, придется продолжать войну, хотя она становится разорительной.

– Там нет уттаков, – сообщил Ромбар. – Все силы врага были собраны под Босханом. Если вам удалось уничтожить большую часть уттаков, они не скоро восстановят численность.

– Значит, война окончена, – подытожил это сообщение Норрен. – Можно распускать армию и воз-вращаться к мирным делам.

– А что вы сделали с Госсаром? – вспомнил Ромбар.

– Мы не нашли его. Судя по тому, что творилось в уттакском лагере, он не ушел оттуда живым.

– Возможно, – согласился Ромбар. – А как поживает Вальборн?

– Теперь он – правитель Келанги. – В голосе Норрена промелькнуло что-то вроде восхищения успехами бывшего правителя Бетлинка. – Пока он оставался в Оккаде, туда пришел тирский обоз с оружием. Вальборн вооружил ополченцев и сумел разбить уттакское войско, посланное Каморрой для захвата Зеленого алтаря, после чего пошел на Келангу. Войско келангского наместника, узнав о разгроме уттаков под Оккадой, без боя перешло на сторону Вальборна и провозгласило его правителем. Это естественно, ведь он наследует Берсерену.

– Он изменился?

– Я не знал его близко. Позавчера мы были у него во дворце и обсуждали итоги войны. Вальборн производит хорошее впечатление – не то что Берсерен. Теперь, когда ты вернулся, нам неплохо было бы встретиться с ним.

Бетлинк и Белый алтарь, да и Оранжевый тоже, потребуют средств, а Келанга, несмотря на вторжение, – богатый город, поэтому многое будет зависеть от позиции Вальборна. – Он встал и вынул из шкафа чистый лист бумаги. – Я напишу ему, что ты здесь и что нам есть о чем поговорить.

– Добавь, что со мной будет Равенор. Если речь пойдет об алтарях, нам не помешает присутствие мага.

Норрен написал письмо и отослал с гонцом, а затем продолжил разговор, который, казалось, мог тянуться до поздней ночи. Они с Ромбаром не рассказали друг другу и половины новостей, когда гонец возвратился с ответом от Вальборна. Норрен, остановившись у входа в шатер, распечатал письмо и пробежал глазами строки.

– Вальборн прислал приглашение на ужин, – сообщил он Ромбару. – Мне, тебе и Равенору. Будет также и Десса, он отправил к ней гонца.

– Он приглашает ее с советником?

– Нет. Видимо, не хочет присутствия посторонних. – Норрен хмыкнул, словно вспомнив что-то Забавное. – Кстати, как тебе показался Равенор?

– Своеобразная личность, но можно привыкнуть, – невозмутимо ответил Ромбар. – Доверять ему тоже можно. Во всяком случае, на ужине он не будет посторонним.

Договорившись съехаться у моста, они расстались. Ромбар вернулся на стоянку своего отряда, где отыскал знаменитого мага и передал приглашение.

Тот собрался без промедления и вслед за Ромбаром выехал к мосту, а вскоре там появился и Норрен в сопровождении шестерых воинов. Миновав мост, они проехали сквозь северные ворота и поскакали по улицам города ко дворцу правителя Келанги.

Их ждали. Ворота дворца гостеприимно распахнулись, слуги приняли коней и проводили свиту Норрена в комнаты для дворцовой стражи. Новый правитель Келанги сам вышел навстречу и, дружески приветствовав всех троих, повел их в гостиную. Там он усадил гостей в расставленные для беседы кресла и завел разговор о поездке на Белый алтарь.

Ромбар заканчивал рассказ, когда слуга объявил о приезде правительницы Босхана. Вальборн оставил гостей и вскоре вернулся в сопровождении Дессы. Она была одета по-мужски, но выглядела удивительно женственной благодаря то ли пышным, чуть вьющимся рыжим волосам, уложенным в высокую прическу, то ли гибкой и стройной фигуре, подчеркнутой широким, расшитым золотом поясом. После того как Десса ответила на приветствия, куда более любезные, чем требовал этикет, Вальборн пригласил гостей ужинать.

Стол был накрыт в небольшой столовой, не предназначавшейся для многолюдных сборищ. Вальборн занял кресло правителя во главе стола, предложив места справа

Норрену и Ромбару, а слева – Дессе и Равенору. После подачи первой смены блюд он жестом удалил слуг.

– Итак, война закончена. – Взгляд Вальборна обошел присутствующих и остановился на правителе Цитиона. – Если вы находите время и место удобными, мы можем поговорить о ее итогах и, соответственно, о будущем.

– Да, случай удобный, – подтвердил Норрен. – Мы редко встречались в прошлом, да и впредь не будем видеться чаще, поэтому мне хотелось бы сегодня договориться о делах, касающихся всего острова. В первую очередь я имею в виду укрепление севера Келады. Вы, Вальборн, наверное, лучше других понимаете, как это важно.

– Безусловно, – согласился с ним Вальборн. – Все средства, которыми я располагаю, будут пущены на укрепление северных земель. Но сначала я хотел бы исправить давнюю несправедливость…

Он повернулся к столику справа, от кресла, где рядом с блюдом для мытья рук стоял заранее приготовленный ларец. Открыв крышку ларца, Вальборн вынул тяжелую старинную цепь с гербом Бетлинка – отличительный знак его правителей.

– Пусть этот герб, а вместе с ним и право владения Бетлинком вернутся к законному наследнику замка. – Он протянул цепь Ромбару. – Я призываю всех присутствующих быть свидетелями восстановления прав сына Паландара.

– Вы хорошо начинаете правление, Вальборн. – Норрен взял цепь и надел на шею Ромбару. – Мы подтверждаем законность передачи Бетлинка и обязуемся защищать права владельца замка всеми средствами, в том числе и оружием…

– …если возникнет такая необходимость, – закончила Десса.

– …если возникнет такая необходимость, – повторил за ней Равенор.

– На восстановление замка потребуются деньги, – напомнил Вальборн.

– Мне представляется разумным, если каждый из нас внесет треть необходимой суммы, – обратился он к Норрену и Дессе. – Я могу также полностью обеспечить гарнизон замка и послать сотню воинов на Белый алтарь. Еще я могу взять на себя отправку провизии этим подземным жителям, о которых вы упоминали, Ромбар.

– Они поддержали нас в войне и, кроме того, отдали нам Желтый камень, который обеспечил победу, – пояснил Ромбар.

– Поэтому я и не хочу задерживаться с благодарностью. – Вальборн задумался. – Наверное, это все, чем я могу помочь. Город разорен уттаками.

– Цитионская казна почти пуста и не наполнится до следующего урожая. В Босхане, как мне известно, дела не лучше, – прикинул вслух Норрен. – Слишком много потрачено на войну. Бетлинк мы еще можем поддержать, но остаются алтари – Белый и Оранжевый…

– Я дам денег на укрепление Белого алтаря, – объявил Равенор, – но при условии, что мне не понадобится возиться с хозяйственными делами.

– Предоставьте это мне, – предложил ему Норрен. – Белый алтарь очень важен, я сам им займусь, а Оранжевый может и подождать. Возможно, в Тимае и Кертенке найдутся на него средства. Я отправлю туда гонцов.

– Мы совсем забыли об ужине, – напомнил Вальборн. – Угощайтесь!

За столом установилась тишина, нарушаемая лишь звоном вилок, ножей и бокалов. Каждый обдумывал принятые договоренности и прикидывал возможности их выполнения. Когда с закусками было покончено, Вальборн позвонил в колокольчик, чтобы несли горячее.

– А где сейчас жрецы Оранжевого алтаря? – обратился к нему Ромбар.

– Их приютили в Оккаде, – ответил ему Вальборн. – Там они останутся до весны, а в начале лета вернутся в храм великой Саламандры. Кстати, тирские маги, доставившие оружие, пришли со мной в Келангу и живут здесь, во дворце. Должен заметить, что все они – прекрасные воины.

– Я обращал внимание на их воинскую подготовку, – одобрительно отозвался Ромбар. – Хорошо, что они здесь, – я объявлю, что ордену Грифона потребуется новый магистр. Думаю, что Синатта справится с обязанностями магистра.

– Да, большие перемены вызвала война, – заметил на это Норрен. – Сменился правитель Келанги и двое магистров, появился новый орден магов, а ты, Ромбар, возвращаешься в свой родовой замок. Помимо укрепления Бетлинка, не мешало бы тебе подумать и о продолжении рода Кельварна. Если хочешь, могу посодействовать тебе в поисках будущей супруги.

– Я уже нашел ее, – сообщил Ромбар, к удивлению большинства сидящих за столом. – Это черная жрица храма Мороб.

Поздравив Ромбара, все продолжили ужин, а с ним и обсуждение совместных дел. К полуночи гости закончили разговор и собрались уходить.

– У вас хороший повар, Вальборн, – сказал правитель Цитиона, вставая из-за стола. – Надеюсь, в будущем я смогу

отблагодарить вас ответным приглашением.

– Это бывший повар Берсерена, – ответил Вальборн. – Я был бы счастлив присутствовать на ужине в честь совершеннолетия вашей дочери.

– Вы будете первым из приглашенных, – заверил его Норрен.

Три дня спустя в Келангу приехал Тревинер на своей Чиане, которую он разыскал в лесу неподалеку от места последней стоянки перед путешествием по лурским подземельям. Увидев военный лагерь на северном берегу Тиона, он свернул туда и узнал, что основная армия уже ушла на юг, а здесь остались только те, кто назначен в гарнизонные войска Бетлинка и Белого алтаря. Про Ромбара ему сообщили, что тот поселился во дворце Вальборна, нового правителя Келанги, и занимается подготовкой обозов, предназначенных для отправки с войсками. Охотник не стал задерживаться в лагере, а поехал в город повидаться со своим правителем.

Он остановился у главных дворцовых ворот и потребовал, чтобы о нем доложили его величеству. Его впустили без доклада и поселили в западном крыле дворца, где на втором этаже, над жилыми помещениями прислуги, размещались комнаты для гостей. Оставив вещи, охотник вышел познакомиться с окрестностями дворца и вскоре обнаружил у себя в соседях обоих лоанцев. И Витри, и Шемма, которому не терпелось поделиться хоть с кем-нибудь впечатлениями о дворцовой жизни, обрадовались охотнику. Тот уговорил их погулять по парку и заодно рассказать ему новости, накопившиеся за дни расставания. Выйдя в парк, все трое пошли по присыпанным гранитной щебенкой дорожкам, мимо скамеечек, беседок, невысоких декоративных изгородей.

– Вот эта жизнь – по мне, не то что в лесу, – сразу же объявил Шемма. – А еда-то здесь какая, Тревинер! Против нее даже и тот паштет из дичи… так я его и не попробовал… голову даю, не потянет.

– Мы собирались возвращаться в село, но его величество попросил нас об услуге, – сообщил Витри, радуясь новому приключению. – Он посылает к монтарвам обоз с провизией, а с ним – предложение о дружбе и взаимной помощи и хочет, чтобы мы были посредниками в переговорах.

– Никто, кроме нас с Витри, не знает языка монтарвов, – важно сказал Шемма, – да и Пантур не вступит в переговоры ни с кем, кроме меня. Ну как тут откажешь его величеству!

– Да ты, я смотрю, большим человеком стал, Шемма! – восхитился охотник. – Не каждому выпадает честь оказать услугу правителю Келанги!

– Ни к чему мне такая честь, суеты много, – вздохнул в ответ табунщик. – Как вернемся от монтарвов, поедем домой. У нас и там дела найдутся.

Верно, Витри?

Витри не ответил. Заглядевшись на охотника, на его загорелое лицо, встрепанные ветром волосы, привычно-жизнерадостную улыбку, он думал, что скоро тот вернется в свои леса и будет разъезжать там на своей Чиане, радуясь солнцу, деревьям, зверью, выслеживая и пугая уттаков, и будет счастлив своим единственным, не известным обыкновенному келадскому жителю счастьем.

Их догнал стражник, ходивший к правителю с докладом о приезде охотника.

– Эй ты, длинный! – крикнул он Тревинеру, казавшемуся еще выше рядом с лоанцами. – Его величество хочет видеть тебя, и немедленно!

– Мой правитель соскучился по мне, – объяснил Тревинер лоанцам. – Пока, друзья!

Он пошел вслед за стражником в восточное крыло дворца, вертя по сторонам головой и по привычке замечая все – ухоженные деревья и клумбы, постройки, гармонично вписывающиеся в парковые пейзажи, богатое и добротное убранство дворца, его картины и скульптуры, гроздья светлячков Феникса на серебряных и золотых подставках, двустворчатые двери залов, украшенные орнаментом из различных сортов древесины. Стражник остановился у кабинета правителя и растворил перед охотником двери. Войдя, Тревинер увидел Вальборна, сидящего за огромным, заваленным бумагами письменным столом.

– Мое почтение, ваше величество! – Охотник, остановившись напротив Вальборна, отвесил шутовской поклон.

– Садись, Тревинер. – Вальборн махнул рукой на глубокое и мягкое кресло у противоположной стены. – Давно я тебя не видел.

Тревинер плюхнулся в кресло и, развалясь, вытянул длинные ноги.

– Удобно, – сообщил он Вальборну. – Вы неплохо устроились, мой правитель! Я уже успел заметить.

– Ты всегда все успеваешь заметить, – сдерживая улыбку, ответил Вальборн. – Ромбар хвалил тебя, хотя какая в том нужда? Я тебя и так знаю. Ты выполнил важное поручение и заслуживаешь награды. Говори, чего ты хочешь?

– Чего я хочу? – Тревинер задумался, уставив глаза в потолок. – Да вроде бы все у меня есть. Одежонку разве новую… я свою старую Шемме отдал – парень ни в чем, можно сказать, из-

под земли вылез.

– Будет тебе одежонка, – пообещал Вальборн. – А теперь выбирай себе службу – хоть начальником стражи, хоть старшим над лучниками или дворцовой охотой. Я не сомневаюсь, что ты справишься с любой из них.

– Позвольте мне, мой правитель, остаться на прежней службе – свободным охотником у правителя Бетлинка, – ответил ему Тревинер, на мгновение расставшись с зубоскальством. – Я давно отвык от городской жизни и не хочу заново привыкать к ней.

– Жаль. – Вальборн заметно огорчился, но не стал уговаривать охотника. – Впрочем, я предвидел твой выбор. Что ж, поезжай с Ромбаром, он будет рад такому помощнику. Но мне хотелось бы, чтобы напоследок ты выполнил еще одно поручение.

– Какое, мой правитель?

– Нужно отвести к монтарвам обоз с провизией.

– Тот, с которым поедут лоанцы?

– Ты уже и это знаешь… – покачал головой Вальборн. – Хоть война и закончилась, мне будет спокойнее, если их будет сопровождать такой парень, как ты, Когда доставите обоз на место, можешь ехать оттуда в Бетлинк.

– Все будет сделано, мой правитель, – сверкнул улыбкой Тревинер.

– Ладно, иди. Обоз отправляется послезавтра. – Глядя на закрывшуюся за охотником дверь, Вальборн задумчиво добавил:

– Мне будет не хватать тебя, дружище Тревинер…

Весь следующий день прошел в дорожных сборах. К вечеру в военном лагере собрались три десятка подвод, нагруженных мешками, бочонками и ящиками, предназначавшимися для отправки с войсками. Шемма и Витри, получив дорожное снаряжение и теплую зимнюю одежду, приехали на место сбора и познакомились со старшим обозным, распоряжавшимся остальными возницами и приставленным к обозу отрядом охраны. Вскоре к ним подъехал и Тревинер, казавшийся вооруженным до зубов с двумя луками и колчанами за спиной. Вместо ответа на расспросы лоанцев, в чем причина такой усиленной экипировки, он снял с плеча один из луков, а за ним колчан и протянул Витри.

– Держи, – оскалился в улыбке охотник. – Это – тебе, как обещано.

– Мне?! – ахнул от восторга Витри. – Настоящий лук Феникса?! Но откуда он у тебя?

– Вальборн дал. Бери, не робей.

Витри бережно взял лук. На другой день, когда обоз отправился в путь, он поехал рядом с охотником, чувствуя себя

таким же бывалым лучником, как тот.

Обоз медленно двигался по бездорожью вдоль северного берега Тиона, прокладывая путь то по полянам, покрытым хрустящим инеем, то по промерзшим песчаным наносам. Когда береговой путь становился непроходимым из-за разросшегося кустарника, подводы сворачивали в лес и петляли среди деревьев, придерживаясь восточного направления, а то и останавливались, дожидаясь, пока воины расчистят проезд или отыщут брод через встреченную на пути старицу.

Неделю спустя обоз остановился на повороте реки, откуда хорошо виднелась примета Пантура – тройной пик, возвышающийся неподалеку от входа в подземный город.

На первую встречу Шемма пошел в одиночку. Завернувшись в пару теплых одеял, он улегся спать на широком камне посреди поляны. Ночью к камню пришел Пантур, которому сообщили, что в назначенном месте спит какой-то человек, и с трудом добудился табунщика.

– Что случилось, Шемма? – начал он расспросы. – Ты пришел с новостями?

– Пантур? – Шемма сладко потянулся и, увидев перед собой желтую светящуюся одежду, протер глаза, чтобы получше разглядеть ученого. – У меня хорошая новость – война кончилась.

– А этот ваш Каморра?

– Уттаки, говорят, съели. – Табунщик уселся на камне и натянул одеяло на голову, чтобы защититься от ночного холода. – Я вам подарки привез от правителя – муку, из которой хлеб делают, и кое-что еще. Хороший мужик этот Вальборн, он предлагает вам дружбу и торговлю.

– Желтый камень помог вам?

– Еще как помог. Говорят, без него все пропало бы, поэтому Вальборн и расщедрился. А как у вас дела?

– Были и у нас неприятности, но теперь все уладилось. – Пантур присел на камень рядом с лоанцем. – С тех пор как ваша женщина восстановила Оранжевый шар, он больше не остывал. Мы заново засадили плантации и скоро снимем с них первый урожай. Великая рада этому и вспоминает вас с благодарностью. Теперь она не будет противиться сотрудничеству с людьми сверху.

– А как у вас с едой?

– Пока трудновато, но все надеются, что это ненадолго.

– Значит, наш обоз пригодится, – обрадовался Шемма.

– Пригодится. – Пантур повернул голову к табунщику, его серо-желтые глаза, как и одежда, светились в темноте. – Жаль, что вы не приехали на два дня пораньше – в это новолуние у нас

был двойной праздник.

Великая наконец выбрала отца для своей дочери.

– Да ну! – воскликнул Шемма. – И кто же он?

– Вряд ли ты его помнишь. Это Лангур, глава Восьмой общины.

– Угу, – отозвался Шемма, смутно припоминая монтарва, поддержавшего владычицу на совете. Он окончательно проснулся и позвал Пантура на стоянку.

Остаток ночи прошел в переноске грузов, прибывших с обозом. Воины подтаскивали к камню мешки с мукой и бочонки с медом и салом, оставляя их монтарвам, которые уносили подарки Вальборна под землю. Наутро обоз отправился в обратный путь, а лоанцы, распрощавшись с Тревинером, поехавшим на север вдогонку Ромбару, задержались на несколько дней у монтарвов, чтобы выучить подземных жителей печь хлеб.

Вернувшись в Келангу, они пришли к Вальборну с докладом о выполнении поручения. Правитель не пожалел времени, чтобы выслушать все подробности поездки.

– Значит, мы можем рассчитывать на дружбу монтарвов, – подытожил он сообщение лоанцев.

– Да, они согласны поддерживать добрые отношения, – подтвердил Витри. – Условия встречи те же-у камня на той поляне.

– Но как мои люди будут разговаривать с ними? – забеспокоился Вальборн. – Никто, кроме вас, не знает их языка.

– Ваш обозный выучил у нас кое-какие слова, – сказал ему Витри. – Для начала этого достаточно, чтобы объясняться с ними.

– Может, вы все-таки останетесь у меня на службе? – предложил лоанцам правитель. – Ты, Витри, стал бы моим гонцом – мне нужны надежные люди.

А ты, Шемма, мог бы стать моим посредником в отношениях с монтарвами.

– Спасибо, ваше величество, но мы поедем домой, – поторопился сказать Шемма. – Дома-то оно лучше.

– Ладно, поезжайте, – согласился Вальборн, – Если передумаете, возвращайтесь, я с радостью приму вас на службу. А вот вам плата за прежние заслуги. – Он дал каждому мешочек с деньгами. – Если еще что нужно, говорите.

– Нам ничего не… – начал Витри, но запнулся, получив от Шеммы тычок в бок.

– Как это – ничего?! – громким шепотом ругнул его табунщик. – Ваше величество, кони наши – не чета теперешним, около Бетлинка остались… Вот если бы их вернуть… И кобыла Мельникова потерялась, а нам отдавать ее надо…

– Понятно, – улыбнулся Вальборн. – Знаю я этих коней – и впрямь красавцы. Один у меня в конюшнях, вы можете его забрать, а второго я отдал.

Возьмите вместо него другого и кобылу подберите, какая понравится.

Вальборн вызвал старшего конюха и, передав ему просьбу лоанцев, приказал выдать желаемое. Тот пошел с ними в конюшни правителя и вывел оттуда коня, в котором Шемма признал своего Урагана, а затем предложил им выбрать второго коня и кобылу. Витри шел за конюхом мимо стойл, где красовались кони один лучше другого, пока не остановился, не в силах оторвать глаз от небольшого, но великолепно сложенного темно-серого жеребца.

– Этот, что ли? – спросил конюх. – Хороших кровей, и резвость отменная. Для правителя он мелковат, а тебе в самый раз будет.

– Этот, – поспешно согласился Витри, побаиваясь отказа. – Как его зовут?

– Чара. – Конюх надел на жеребца седло и уздечку, висевшие в стойле, и отдал поводок Витри. Когда они вышли из конюшни, Шемма, сияющий, уже стоял на дворе, держа своего коня и ширококостную рыжую кобылу.

– Слышишь, Витри, жеребая она, – шепнул он товарищу, уходя из конюшни. – Вот повезло-то! Эх, явлюсь я к мельнику…

День спустя Шемма и Витри выехали из Келанги домой. Падал первый снег, падал и превращался в грязную кашицу, знаменуя начало короткой и сырой келадской зимы. Шемма восседал на великолепном Урагане, ведя за собой кобылу и коней, на которых лоанцы возвратились с Белого алтаря, и покровительственно оглядывался на едущего сзади Витри. То ли полугодовые скитания не прошли для табунщика бесследно, то ли приятные надежды, связанные с возвращением в Лоан, заставляли его поторапливать коня, то ли погода не располагала ко сну – так или иначе, Шемма расстался с привычкой спать в седле и на дневных привалах. Лоанцы ехали с рассвета до заката, обедая в придорожных трактирах и ночуя на постоялых дворах, и недели через полторы увидели стены Цитиона, жемчужины Келады.

Они отыскали гостиницу Тоссена, узнавшего и благосклонно приветствовавшего прежних постояльцев, и остались там до базарного дня, чтобы накупить подарков родным, провизии и овса в дорогу. Шемма наконец попробовал паштет из дичи, а Витри, зашедший в лавку Тифена, был приглашен в гости и до позднего вечера просидел у купца за рассказами об его младшем сыне,

первом магистре ордена Солнца. Когда все покупки были сделаны, Шемма и Витри навьючили коней и проследовали цитионскими улицами по направлению к Лоанскому мосту, от которого брала начало тропа, ведущая в долину.

Тропа тянулась по северному берегу Лоана, едва различимая под тонким слоем свежего снега, прикрывшего луга и песчаный берег. По-осеннему прозрачная вода струилась в нескольких шагах от тропы, облизывая ледяную корочку у берега, и, казалось, спешила пополнить полноструйный Тион, а лоанцы спешили ей навстречу, чувствуя близость дома. Шемма был празднично-весел и погонял коней, Витри тоже заразился его радостью и с нетерпением представлял, как еще немного – и за очередным поворотом реки откроется вид на родное село.

Миновав ущелье, Шемма и Витри спустились в Лоанскую долину – родные края, так внезапно оставленные ими в начале лета. Витри казалось, что он уехал оттуда давным-давно, несколько лет или даже десятилетий назад. Много событий улеглось в эти месяцы, их, наверное, хватило бы не на одну лоанскую жизнь, но все же при мысли о том, что странствия закончились, Витри испытывал тревожное ощущение, похожее на необходимость вспомнить нечто важное. Оно сидело глубоко внутри, беспокоя лоанца, и отравляло радость возвращения домой.

Наконец наступил день, когда тропа вывела Шемму и Витри на пригорок, откуда открывался с детства знакомый вид на скопление глиняных домиков с коническими, крытыми соломой крышами, объединенное несколькими кривыми улочками. Село, в котором во времена Кельварна проживало не более двух десятков семей, разрослось до полутора сотен разбросанных по холмам домиков, но оставалось единственным на всю долину, так как среди привыкших держаться вместе лоанцев не находилось любителей обживать новые места.

Первыми их заметили вездесущие сельские мальчишки. Увидев нескольких завьюченных коней и двоих всадников в городской одежде, они с криками «Едут! Едут!» помчались в село. Раз в год сюда, случалось, заезжали торговцы, поэтому взрослые побросали дела и выбежали поглядеть на кусочек другого мира, явившегося в Лоан. Когда путешественники подъехали к околице, их встречала добрая половина села.

– Да это же наши! – выкрикнул кто-то из толпы. – Шемма! Витри!

Лоанцы соскочили с коней прямо в объятия встречающих. Каждый норовил протиснуться к ним поближе, поприветствовать, хлопнуть по плечу, потрогать, спросить что-нибудь вроде «Неужто

вернулись?! Ну как?!» – то есть собственными глазами удостовериться, что перед ним – его пропавшие односельчане. Полсела Шемма и Витри прошли вместе, посреди огромной толпы, а затем их пути разошлись. Они взяли своих коней, а Шемма – еще и кобылу, так как договорился с Витри, что сам вернет ее мельнику, и в сопровождении многочисленных родных и знакомых отправились по домам.

Витри пошел не в новый дом, еще не ставший родным, а к родителям, с которыми уже успел обняться и расцеловаться. Он смотрел на прыгающих рядом братишек и сестренок, на сияющие лица друзей и соседей, и радовался, что не пожалел в Цитионе времени и денег на покупку подарков. Когда вся процессия остановилась во дворе родительского дома, в дорожных мешках лоанца нашлись игрушки и сладости для детей, платки, бусы и заколки для женщин, ножи с клеймом ордена Грифона, заговоренные от ржавчины, и прекрасные рыболовные крючки для мужчин, и многое другое, что понравилось каждому, – пояса с чеканными пряжками, дорожные фляжки, зеленые и оранжевые огоньки светлячков Феникса и Саламандры.

Витри, словно добрый волшебник, раздавал их, пока мешки не опустели, а затем долго отвечал на расспросы односельчан.

Родители Витри устроили праздничный ужин, затянувшийся за полночь… Весь вечер их маленький домик был переполнен людьми и разговорами.

Ложась в постель, Витри, взволнованный встречей, подумал, что не сомкнет глаз до утра, но, не успев закончить эту мысль, забылся сном.

Не прошло и двух дней, как Витри устал от внимания односельчан. Он безвылазно сидел в отцовском доме, но его находили и там, приходя под каким-нибудь пустяковым предлогом, и в десятый раз расспрашивали о дорожных событиях и о келадской жизни. Чтобы избавиться от назойливых гостей, Витри ушел жить в свой новый домик, стоящий на окраине села. Все внимание лоанцев обратилось на Шемму, который чувствовал себя на месте, красочно описывая свои приключения, с каждым повторением обрастающие новыми, леденящими кровь подробностями. Табунщик, вернувшийся в село богачом и героем, с большим удовольствием принимал всеобщий восторг и не жалел языка, чтобы поддерживать свое особое положение. Он отвел кобылу к мельнику, где был принят как желанный гость, и вышел оттуда сияющим, а на другой день по селу разошлась весть о скорой свадьбе героя Шеммы и Мельниковой дочки.

Дом Витри стоял заброшенным и неухоженным, нетоптаная тропинка выдавала отсутствие жильцов. Дверь в сарай покосилась

и заросла бурьяном, на крыльце лежал подтаявший снег. Витри поставил Чару в сарай и взялся за дела – поправил дверь, вытер полугодовой слой пыли, скопившийся в комнате, вымыл пол и посуду, расчистил тропинку, расставил и разложил по полкам дорожный багаж.

Когда чистота и порядок были восстановлены, он пошел на озеро проведать оставленную на берегу лодку. Долбленка, затопленная, лежала в воде у берега – видимо, сельские мальчишки стащили ее в воду, чтобы поиграть в Кельварна. Витри пробрался к ней сквозь побуревшие от холода, прихваченные прибрежным ледком заросли исселя, толкнул отсыревшее дерево ногой. Лодку следовало вытащить и просушить, но лоанец медлил взяться за осклизлые борта. Он остановился над ней в раздумье, поправил на плече лук Феникса, с которым не расставался по заимствованной у Тревинера привычке.

Заметив стайку плавающих у берега диких уток, он вскинул лук и выстрелил, а затем длинной палкой выгреб добычу из воды.

«Повезло», – подумал Витри, никогда не принимавший всерьез слова охотника о верном глазе, и захлюпал промокшими башмаками прочь от озера. У околицы бегали мальчишки, игравшие, судя по диким воплям, в Шемму и уттаков.

Витри задержался посмотреть, но, так и не поняв, кто же из них Шемма, отвернулся и пошел домой.

Дома он переоделся и развел огонь, чтобы просушить башмаки и сварить утку, а затем улегся на кровать и долго вспоминал недавнее путешествие по Келаде. В его памяти проплывали города и дороги, голоса и лица – сверкающая улыбка Тревинера, аскетический, отчужденный взгляд невообразимо богатого и знатного Равенора, выражение глаз Альмарена, сидящего у вечернего костра ив задумчивости накручивающего на палец длинные темные волосы. Незаметно наступила ночь, а Витри все лежал с открытыми глазами и спрашивал себя – много ли в нем осталось от того паренька, полгода назад уехавшего из села на толстопузой Мельниковой кобыле? Под утро он заснул, но вскоре был разбужен стуком в дверь и, заранее досадуя, пошел открывать.

К его облегчению, там оказался не кто-то из любознательных сельчан, а младший брат Шеммы с приглашением на свадьбу. Витри поискал по полкам что-нибудь подходящее для свадебного подарка, но вспомнил, что все уже раздал. Да и чем можно было удивить табунщика, распорядившегося полученными в пути благами гораздо лучше своего товарища! Тогда Витри взял лук и пошел на озеро, чтобы добыть дичь к свадебному столу.

Настреляв уток, он понес их к Шемме.

У Шеммы вовсю готовились к свадьбе. Вкусные запахи наполняли улицу, люди суетились, бегали с посудой, тряпками и котлами, тащили во двор столы и стулья, взятые взаймы у соседей. Виновник торжества вышел из кухни, где снимал пробы с угощений и давал советы стряпухам, и радостно встретил Витри, а еще радостнее – дичь – редкое лакомство для лоанцев, среди которых не было охотников. Витри поздравил его и пошел домой, довольный, что сумел угодить товарищу.

Кипучая суета, царящая у Шеммы, распространялась только до ближайшего поворота, а там сменялась неспешной жизнью лоанского поселка. Витри шел по тихим, словно погрузившимся в вечный сон улицам, раскланиваясь с сельчанами и ловко избегая попыток продолжить беседу. Внезапно он увидел девушку, вывернувшуюся из боковой улицы, и споткнулся, мгновенно узнав эту быструю походку, эти светлые кудряшки, окружающие хорошенькое круглое личико с аккуратным, чуть вздернутым носиком. Лайя тоже заметила его и пошла навстречу, пышная Е юбочка так и порхала вокруг ее ног.

– Привет, Витри! – прощебетала она, подойдя. На ее улыбающемся личике не было ни малейшего намека на прежнюю размолвку.

– Здравствуй, Лайя. – Витри остановился, понимая, что разговора не избежать.

– Что-то ты не заходишь в гости, – кокетливо пропела Лайя, подходя к нему гораздо ближе, чем требовал разговор. – Или загордился?

– Чем тут гордиться? – пробормотал Витри, отводя глаза. – Дела, понимаешь…

– Неужели ты все еще сердишься? – спросила его Лайя, не принимая отговорки.

– Разве? – переспросил Витри скорее себя, чем ее. – Я и тогда не сердился. Это ты сердилась. Тебе не нравилось, что я не герой.

– Ну нельзя же все принимать всерьез! – Лайя пренебрежительно повела плечиком. – Ты на целых полгода оставил меня одну! Если я и прощу тебя, то только потому, что ты сделал это из-за меня.

– Из-за тебя, – согласился Витри.

Смысл ответа польстил бы девушке, если бы в его интонации не проскользнуло нечто, заставившее ее насторожиться.

– Теперь ты – герой. – Она обеспокоенно заглянула в лицо прежнему другу. – Я же сказала тебе тогда, что выйду замуж за героя.

– Какой из меня герой, Лайя? – Витри вспомнил, что и до

отъезда замечал все ее претензии на исключительность, все эти мелочные ужимки признанной сельской красавицы, и удивился тому, что они казались ему забавными и трогательными. – Я делал то, что нужно, только и всего. Это вон Шемма – герой.

– Вечно ты скромничаешь! – В голосе Лайи послышались раздраженные, требовательные нотки. – Между прочим, Поти, сын сапожника Ваппы, уже два раза звал меня замуж. Так что стоит мне захотеть… понял?

– Понял, – сказал Витри. – Я от души желаю счастья вам обоим – тебе и Поти.

– Но… – изумилась Лайя.

– До свидания.

Витри зашагал прочь, оставив ее стоять посреди улицы. С каждым шагом в нем росло чувство свободы и облегчения, сменяющее неловкость разговора.

Он вбежал на крыльцо своего домика, первого от околицы, рывком распахнул дверь и полез шарить по полкам и ящикам. Его руки сами знали, что делать, – встряхивали дорожные мешки, разыскивали миску, ложку, котелок, походное одеяло, смену одежды и прочие, нужные в дороге мелочи.

Свадьба Шеммы удалась на славу, говорили, что не припомнить такого же пышного праздника. Все село гуляло до поздней ночи и проснулось за полдень.

Утро осветило нетронутый ночной снег, припорошивший лоанские улицы, и только на тропе, ведущей из села, отпечатались одинокие следы конских копыт.